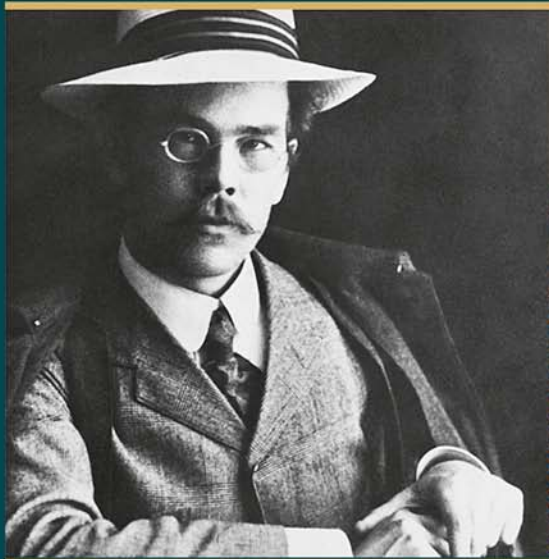

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВ

Владимир Росов

АЛТАЙ • СУДЬБА • ЭПОХА

Уважаемые читатели!

Вышла в свет очередная книга из серии «Алтай. Судьба. Эпоха». Она посвящена признанному классику сибирской литературы, родившемуся на Алтае, – Георгию Дмитриевичу Гребенщикову. Это – первая биография писателя.

Значительный период его жизни связан с Алтаем. Он был редактором газеты «Жизнь Алтая», организовал ряд этнографических экспедиций для изучения быта алтайских старообрядцев, способствовал объединению литературных сил региона, много и плодотворно работал как писатель. Именно на Алтае возникли замыслы его наиболее известных произведений. Повести «В полях», «Ханство Батырбека», многотомная эпопея «Чураевы», роман «Былина о Микуле Буяновиче» – лишь некоторые из сокровищницы русской литературы.

В 1920 году Г. Д. Гребенщиков, эмигрировав из России сначала во Францию, а затем в США, занимался журналистикой, литературой и преподавательской деятельностью, активно пропагандировал русскую культуру. Эмиграция подарила ему дружбу с великими современниками, тоже оказавшимися за пределами России, среди них – И. А. Бунин, Ф. И. Шаляпин, К. Д. Бальмонт, Н. К. Рерих, И. И. Сикорский и многие другие.

В Алтайском крае масштабная фигура Г. Д. Гребенщикова оценена по достоинству. Жизнь и творчество представлены в экспозиции Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. Там же создан научно-исследовательский центр «Русский мир Георгия Гребенщикова», которому предстоит изучать богатейшее наследие писателя, в 2013 году за счет средств краевого бюджета издано собрание его сочинений в 6 томах.

Книга «Георгий Гребенщиков: Сын Белухи» внесет значительный вклад в дело созидания культуры не только на Алтае и в Сибири, но и во всей России.

Желаю всем доброго чтения!

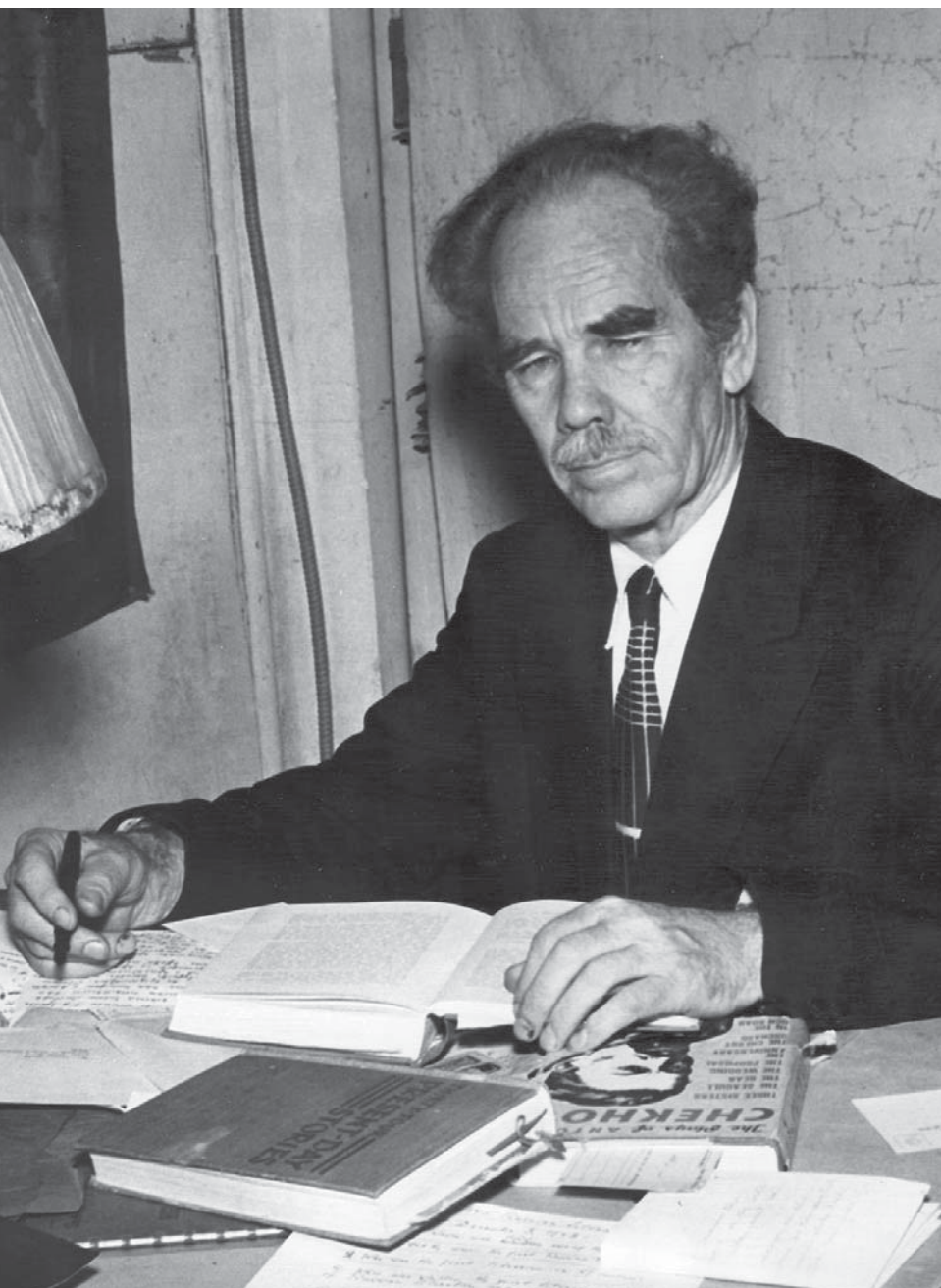

Губернатор Алтайского края
В. П. Томенко

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ

БАРНАУЛ
2021

**ГЕОРГИЙ
ГРЕБЕНЩИКОВ:
СЫН БЕЛУХИ**

Владимир Росов

*Книга из серии «Алтай. Судьба. Эпоха»
подготовлена в рамках
губернаторского издательского проекта*

Росов В. А.

Р 757

Георгий Гребенщиков: Сын Белухи / Росов В. А. ; Министерство культуры Алтайского края, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова.– Барнаул ; Новосибирск : Экселент, 2021. – 544 с. : ил. – (Алтай. Судьба. Эпоха).

Книга посвящена уроженцу Алтая, писателю Русского зарубежья Георгию Дмитриевичу Гребенщикову. Это первая биография сибирского классика. Прошедший XX век наполнен трагическими событиями войн и революций, рассеявшими наших соотечественников по всему миру. Невзирая на изгнанничество, многие из них не только выжили, но и создали высокие образцы национальной культуры.

ББК 83.3(2Рос-Рус)5

ISBN 978-5-93856-342-4

© В. А. Росов, 2021
© Ю. В. Раменская, 2021
© КГБУ «Алтайская краевая
универсальная научная библиотека
им. В. Я. Шишкова», 2021

Перед лицом Царицы Белухи Алтайской
обнажаем наши головы и шлем привет!

Георгий Гребенщиков

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ НА АЛТАЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ НА АЛТАЕ

Книга о жизни Георгия Дмитриевича Гребенщикова «Сын Белухи» имеет долгую самостоятельную историю. Это – первая биография сибирского классика. После революции большевиков 1917-го года и Гражданской войны в России писатель попал в эмиграцию, обосновался в Америке и обрел там вечное упокоение. Теперь имя нашего соотечественника в полной мере возвращается его землякам, на горячо любимую им Родину.

В советское время не принято было говорить о белоэмигрантах вслух, хотя что-то постепенно менялось и позиции русской литературы укреплялись. В Сибири эти изменения стали возможными благодаря произведениям молодых классиков – Василия Шукшина, Валентина Распутина, Фёдора Абрамова – лучших представителей так называемой «деревенской прозы». Их предтечей явился Георгий Гребенщиков, потому он и начал отвоевывать свое законное место на литературном олимпе. В Иркутске в 1982 году вышел в свет том, включивший в себя роман «Братья», начало эпопеи «Чураевы», и лучшие дореволюционные повести: «В полях», «Ханство Батырбека», «Любава».

Незадолго до перестройки конца 1980-х первопроходцем в изучении литературного творчества писателя стал литературовед Н. Н. Яновский,

заместитель редактора журнала «Сибирские огни». Летом 1989-го прошли Дни культуры в Алтайском крае. Прозвучали завораживающие слова о русской деревне Чураевке в далекой Америке и часовне святого Сергия Радонежского, построенной в диких лесах штата Коннектикут руками Георгия Гребенщикова. Тогда же в Барнауле появился Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА). Спустя три года его двери распахнулись уже для широкой публики. Это – вехи приближения прошлого.

Начало музею было положено, но для того чтобы придать статус новому культурному учреждению, требовались экспонаты. Первоначально их оказалось совсем немного, в основном полученные от частных лиц: картины Николая и Святослава Рерихов, их семейные реликвии, одежда; рукописи В. М. Шукшина, фотографии, письма, сюртук и даже кирзовые сапоги. Пока алтайские власти подыскивали музейное помещение, из Нью-Йорка весной 1991 года прибыл архив Г. Д. Гребенщикова, ставший бесценным источником сведений о писателе. Постепенно началась публикация литературных произведений, романов и очерков, эпистолярного наследия, многочисленных статей о его творчестве. Потребовались десятилетия кропотливой работы, чтобы подступиться к биографии сибиряка.

Как автору книги мне повезло, возможно, больше других. Удалось побывать в Соединенных Штатах, посетить русскую деревню, увидеть часовню преподобного Сергия, наконец разыскать могилу Георгия Гребенщикова и его супруги Татьяны Денисовны во Флориде. Неожиданное событие –

обнаружение архива писателя. Ценный груз – двадцать пять коробок – отправился из Америки на Алтай. Среди пожелтевших от времени бумаг были письма Сикорских, Рерихов, Шаляпина, генерала Краснова, Великих князей семьи Романовых. Всего не перечесать. А сколько собрано книг!.. – изданных Георгием Гребенщиковым в собственной типографии, которую он назвал «Алатас» (в переводе с казахского языка – *Белый, сияющий камень*). Теперь это лучшая книжная коллекция в мире, она находится в Барнауле. На «Белом камне» Гребенщиков строил будущую Новую Россию.

Самая большая удача – встреча с людьми, которые лично знали Георгия Гребенщикова, дружили с ним и разделили его судьбу. Невозможно забыть радостное знакомство с семьей Сикорских, близкими друзьями писателя. Самого Игоря Ивановича уже не было в живых, но зато здравствовали вдова изобретателя, Елизавета Алексеевна, и сыновья: музыкант Николай и адвокат Игорь Сикорские. Удалось подружиться с приемным сыном Гребенщиковых, удивительным Степаном Бескидом, библиотекарем духовной семинарии.

Неизгладимое впечатление оставил епископ Даниил Ирийский, который долгие годы нес свой молитвенный подвиг в Чураевке. Самобытный русский старообрядец по вере предков, он когда-то издал повесть Гребенщикова «Егоркина жизнь».

Можно назвать еще десяток людей. Все они являются свидетелями истории, через них получен живой импульс из прошлого. Только так можно было почувствовать душу давно ушедшего писателя. Опыт общения с соотечественниками для написания книги оказался незаменимым.

Любая, даже объемистая биография всегда останется неполной. Разве можно описать все стороны человеческой жизни?.. Когда принимался за работу, мне представлялось, что нужно обозначить пунктиром историческую канву и показать основные грани таланта Гребенщикова. Именно в зарубежной России он раскрылся как большой писатель (романист и драматург), издавал книги, преподавал в американском колледже, читал лекции эмигрантам, проявил себя незаурядным деятелем культуры и строителем жизни в широком смысле этого слова. Разнообразным проявлениям таланта Георгия Дмитриевича посвящены отдельные главы, они создают целостное представление о личности. Многие из жизни писателя оказались «за кадром», например дружба с певцом Фёдором Шаляпиным, композитором и музыкантом Василием Завадским, русскими писателями зарубежья. Но все эти сюжеты не могут никуда исчезнуть, они оставлены будущим исследователям.

Литературная судьба Гребенщикова неразрывно связана с Алтаем. Его лучшие романы, пьесы, рассказы написаны на алтайском материале. Они являются своеобразным камертоном, звучащим и в наши дни. Быт староверческой деревни, героические сказания алтайцев, описания дикой природы дают настрой современникам, притягивают их души к родной земле. Писатель хранит тайны Беловодья, скрытые в горных далях. Преклоняет голову перед царицей Белухой. Древние народы поклонялись ей как Уч-Сумер, трехглавой вершине, на которой обитают «боги Ориона». Белуха всегда остается нетленным символом духовного возрождения.

В книгу заключены усилия множества людей. Без них автору было бы трудно осуществить свой замысел. Основной монолит скрыт от глаз, но именно невидимая человеческая энергия в разных уголках планеты создала условия, давшие конечный результат. Хочется высказать слова благодарности всем близким и далеким помощникам. Они поддерживали меня начиная с первых заграничных поездок. Идейную глубину темы открыла кинорежиссер Ренита Андреевна Григорьева, связавшая с Алтаем свою творческую судьбу. Под ее благословением будущее обретало смысл.

Ныне упокоенный в Небесных палестинах директор нью-йоркского Музея Рериха Даниэль Энтин оказывал огромную помощь в работе, часто из своих личных средств оплачивал исследовательские поездки по Америке, составлял письма, искал гранты. Музей на время стал моим домом. На протяжении двух десятков лет бывшие и нынешние сотрудники музея старались делать то же самое, отзывчиво помогали в общем деле. Прежде всего это – Дмитрий Попов и особенно мой большой друг Аида Тульская.

Отдельная благодарность – музыкантам Николаю и Тамаре Качановым. Николай был первым из соотечественников, с кем довелось познакомиться в Нью-Йорке, с ним мы неоднократно посещали Чураевку, и, кстати сказать, он – настоящий сибиряк, родом из Барнаула.

Петербургская исследовательница Алла Санникова разыскала девяностолетнего Бориса Швецова на Лазурном берегу, во французском Провансе, где писатель Гребенщиков начинал свои подвижнические труды в эмиграции. Он оказался

последним из рода Швецовых, причастным к знаменитой русской колонии в деревеньке Ла Фавьер. Об этом периоде жизни писателя есть отдельный раздел в книге.

Еще один близкий по духу человек – Ольга Кудзоева. Вместе мы колесили по архивам и библиотекам Америки, посетили университетские собрания в Коламбии, Йеле, Миннесоте, Русский центр в Амхерсте. Трудно было бы обойтись без ее языковых и административных талантов. Именно ей принадлежит разработка некоторых тем, которые позже удалось развить в книге.

На разных континентах люди часто оказывали помощь не по долгу службы, а по велению сердца. Среди них – куратор Бахметьевского архива при Колумбийском университете в Нью-Йорке Татьяна Чеботарева, куратор Центра по изучению истории иммиграции в Миннеаполисе Даниэль Нечас, коллеги-музейщики из ГМИЛИКА: директор Игорь Коротков, заместитель директора по научной работе Елена Огнева, а также университетский доктор из штата Вермонт (США), мой новый друг Елена Воинова-Владич.

При подготовке биографии Георгия Гребенщикова к печати возникала масса технической работы. Этим занимались мои бессменные сотрудники и друзья – редактор Елена Алексеева и верстальщик Валерий Дмитриев. Архивные документы набирала на компьютере Стелла Цирульникова.

Перечислить имена остальных людей невозможно из-за ограниченного объема предисловия. Их безымянная лепта останется на справедливых весах истории. Благодарение всем и каждому отдельно!

ПОД СВЯТЫМ ГЕОРГИЕМ

Глава первая

САМОЕ ПЕРВОЕ

Писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков всецело принадлежит Алтаю. Синий, лиловый, серебряный – лучится Алтай своей первозданной чистотой. Великая горная гряда, как одна единая гора, изначально разделяет Монголию, Китай и Сибирь. В стародавние времена Сибирь называли страной. Не Азиатская Россия, а Сибирь! На тюркском наречии сибирский массив получил имя «Алтай», то есть «Золотая гора». Центром этой естественной, природной стены является ледниковая вершина – Белуха.

Вокруг Белухи издавна расселились разные народы. С юга жили староверы, покинувшие Русь в эпоху церковных реформ патриарха Никона. Что влекло их на Алтай? Гребенщиков со знанием дела пишет в автобиографической повести об этой особой породе людей. Их притягивало не золото или серебро, сокрытое в хребтах, а «молочные, всегда пенящиеся от быстроты реки и пустынные их долины, где могли найти убежище и беглые от наказания грешники, и взыскующие скитского уединения праведники старой веры, насельники таинственного Беловодья» [1, с. 19].

С западной стороны от Белухи, помимо русских, обосновались казахи, которых по географическому недоразумению называли киргизами. С востока – там исконные племена алтайцев. Они

Георгий Гребенщиков
Семипалатинск, 1906 г. ГМИЛИКА

расселились и в северной части, попеременно с русским населением. Горный Алтай русские именовали «Камень». Согласно легендам, на каменном троне восседает царица Белуха, распутившая свои косы изумрудными реками. У нее белая корона из трех вершин. Она и есть хранительница страны Белых вод.

Алтайские горы прославлены сказаниями и песнопениями у всех народов. Природа одухотворена стихийными силами. Но в литературном отношении одним из первых певцов Алтая стал именно Георгий Гребенщиков. Он путешествовал по долине реки Бухтармы, изучал быт староверов и эпос алтайцев, писал о реках, несущих свои воды в Ледовитый океан. Он воспевал красавицу Белуху, преклонил перед ней колени, за что и назван друзьями и почитателями его творчества «сыном Белухи».

Писатель родился на западном Алтае в селе Николаевский рудник, на горной реке Уба, и еще рядом была Таловка. По тем временам село относилось к Александровской волости Бийского уезда, входившего в состав Алтайского горного округа (Томской губернии). Теперь – это Республика Казахстан. Да и село давно исчезло с лица земли, остался огромный котлован, сверкающий на солнце рудой и каменными породами. Но тогда, после рождения, было Николаевское, где сначала обосновалась артель рудокопов и затем выросла крестьянская деревня на 140 дворов.

Было яркое солнечное утро, 23-е апреля (6 мая по новому стилю), Егорьев день, то есть праздник святого Георгия Победоносца. Год рождения Гребенщикова пока условный. До сих пор рождение

не подтверждено документами, а сам писатель называл и 1883-й, и 1882-й, и даже 1884-й. На Алтае Егорьев день связан с народной традицией освящения домашнего скота. Святой Георгий – хозяин земли и весенней влаги, покровитель животных; он открывает весенние полевые работы, начинается выгон скота на пастбища. Загон заполняется животными, священник служит молебен Егорию, кропит водой лошадей, коров и овец.

В тот день, как сообщал Гребенщиков своему первому биографу литературоведу Л. Н. Клейнборту, чуть занялась утренняя заря, и произошло в семье знаменательное событие. «Погнала мать свою корову в пригон. Погнала, да у забора, как раз возле повитухи, и стала “маяться”. Подросла повитуха и приняла меня» [2, с. 559]. Корову звали Белянка, а повитуху – бабушка Колотушкина. Она уложила новорожденного младенца у стены дома на полынь-траву. Писатель утверждал, будто навсегда запомнил тот особый запах. Горький полынный дух он вдыхал всю свою жизнь. Вот так, под покровительством Егория Храброго, родился будущий сибирский писатель. Мальчик получил имя в честь святого.

Родовое древо Гребенщиковых уходит корнями в русскую почву, все по матери – донские казаки. К древу привиты ветви и других племен. Семейное предание гласит, что прапрадед отца – Дмитрия – был богатым калмыцким ханом, владевшим «сотнями лошадей и тысячами баранов», когда казаки захватили в горах его стада. (Казаки охраняли русские владения в Сибири, образуя систему застав, или форпостов.) Добычу разделили между собой, а ханского сына, бывшего с пастуха-

ми, взяли в плен. Потом его окрестили, выучили грамоте и женили на дочери шахтера. Парня звали то ли Тарлыкан, то ли Тарухан. По слову писателя, «дело это темное, точно не проверенное» [1, с. 20].

Тарухан стал рудокопом, жена родила ему кучу детей. Один из них – Спиридон, отец деда Георгия Дмитриевича. У Спиридона родился сын по имени Лука. Все они образовали династию шахтеров, хотя Лука Спиридонович более пятидесяти лет прослужил чиновником на рудниках Алтая. Но его сын, Дмитрий Лукич, в девятилетнем возрасте поступил на шахту разборщиком руды. На короткое время судьба благоволила. Подросток попал в казенную школу с пансионом, но наук не одолел и снова вернулся в шахту. Повзрослев, стал помогать родителям на пашне. От воинской повинности был освобожден как старший сын в семье, а там подоспело и время женитьбы.

Родители посватали ему невесту в Убинском форпосте, на Иртыше, у вдовы-казачки было шесть дочерей. Первая уже вышла замуж, а вторую – Елену – выдали за Дмитрия. Хороша оказалась девица 19-ти лет. «Краля! Белая, румянец во всю щеку, грамотная, поведенья тихого, люди не нахвалятся» [там же]. У нее и родился Егорий, третий в семье после брата Николая и сестры Анисьи. (Всего было девять детей.)

Раздумывая о жизненном пути Георгия Гребенщикова, невольно задаешься вопросом: откуда приходит талант? Похоже, он собирается в поколениях столетиями, а затем выплескивается в одном человеке. Сам писатель делает как бы заметки на полях, отмечая особенный тип дедушки Луки Спиридоновича, который был похож даже

не на калмыка, а скорее на старого индуса. Все-таки калмыцкая кровь сильная, буддийская. А может, в роду были монголы? И об этом тоже упоминал писатель, недаром «дело темное». Когда Георгий Дмитриевич в 1909 году посетил Льва Толстого в Ясной Поляне, тот кратко отметил в своем дневнике, мол, встречался с «интеллигентом-калмыком».

В жизни важную роль играет провидение. Талант – это особая энергия, окутывающая человека и охраняющая его. На склоне лет писатель поведал о своем чудесном исцелении в повести «Егоркина жизнь». Книга составлена из 23-х очерков, там изложена детская и юношеская автобиография. Один очерк, самый любимый, под названием «Егоркин ангел».

В возрасте семи лет ребенок сильно простудился. Случилось это в первые дни Великого поста. Одновременно в доме Гребенщиковых появился нищий старик. Односельчане всегда посылали всяких бродяг к Дмитрию и Елене – там примут. Дмитрий Лукич часто сердился из-за того, что «Лазарей насылают...», но на кого сердился, и сам не знал. Зато мать, Елена Петровна, говорила в ответ мужу нечто подобное, о чем вспоминает автор: «Скажешь тоже – Лазарь... Лазари-то всякие бывают. Под видом таких-то, может, ангела Господь для испытания людям посылает...» [1, с. 175].

В туманном забытьи лежал Егорка до Пасхи. Не ел, не пил, ничего не помнит. Только – красное яичко, которое мать положила ему в руку. Да еще помнил дедушку, теперь не грязного нищего, а чистого и ухоженного, хотя всего в заплатках на одежде. Благообразный старичок сидел у кровати

Е. П. Гребенщикова, мать писателя.
Семипалатинск, 1904 г. ИНРСА

больного, не отходя ни на шаг. И когда Егорка пришел в себя, услышал, как пойдут они рыбачить на Убу или Таловку, про зеленые прутики, из них делают ловушки для рыб. Ребенку грезились зеленеющие луга, цветы и пение птиц. Ворковал дедушка, тащил Егорку из сна, но ненадолго, тот

Родители Д. Л. и Е. П. Гребенщиковы
с сыном Иваном в поле. Усл. 1908 г. ИНРСА

снова нырнул в небытие. Полгода чах, и говорили о нем как о покойнике. Лежал на крыльце, на воздухе. Иногда открывал глаза, а закроет, то и не знает – жив или мертв?

Господь сберег дитя по молитвам матери. Егорка видел, как губы ее что-то шептали в сумраке избы. Быть может, и старик помог, тот самый «Лазарь». Елена Петровна называла его ангелом. Когда ребенок вот-вот встал на ноги, ангел исчез из дома, будто его и не было. Наступило время жатвы. Родители взяли Егорку в поле и там усадили на сноп. Смотрел он на золотую жниву: переливалась под солнцем волна пшеницы и кланялась всем вокруг. И случилось то, что случилось.

«В это незабываемое утро маленькой душе Егорки, едва теплившейся в иссохшем в долгом, невинном страдании тельце, открылся Бог во всем Своем сиянии, во всей своей беспредельности и светозарной красоте.

Не умея осмыслить своего чувства, Егорка как бы в молитве поднял радостный взгляд наверх, поверх полоски хлеба, через соседний косогор за ручьем, и увидел на голубом небе белое облако. Оно медленно проносилось как длинная белая птица, раскинув широко прямые, с перьями в завитках крылья, свободное и счастливое в своей недостижимости» [там же, с. 181].

Утонченная натура писателя сформировалась благодаря матери. Да, матери и еще Александру Пушкину. Часто Пушкин и его поэзия – это мода. Но для Гребенщикова русский поэт был почти что современник. От смерти одного до рождения другого их отделяло каких-то 45 лет. По нынешним временам, если иметь в виду прогресс медицины, половина жизни. Елена Петровна открыла сыну неиссякаемый источник вдохновения.

Однажды на Рождество, в Святочную неделю, она сидела у окна в промерзлой избе и читала книгу. Только по большим праздникам такое и было возможно. Егорке минуло пять годков. Уже смеркалось, и мать, положив книгу на полку, подошла к сыну. Глаза ее были полны слез. Она повторила нараспев только что прочитанные строки стиха: «Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя...» Не специально, не назидательно, это прозвучал голос души. Именно так пушкинская поэзия становится целебным напитком.

Отныне Пушкин сопровождал Гребенщикова повсюду. На войне, в Карпатах, томик пушкинских

сочинений спасал его от мелких неприятностей и дурного настроения. И так продолжалось год за годом, всегда. Недаром он состоял активным участником Пушкинского общества в Америке. Во время торжеств по случаю столетия со дня смерти Пушкина – главного юбилея для всей русской эмиграции – Георгий Дмитриевич выступил с лекцией о поэте. Она состоялась в Чикаго 20 января 1937 года.

На лекции им была затронута сибирская тема в связи с Пушкиным. Гребенщиков напомнил о послании поэта к декабристам, назвав его «бессмертным и пробуждающим». Слова, сказанные американцам в Северо-Западном университете, являются откровением. Они как бы снимают покровы с трепетной души писателя:

«Моя мать, жена простого рудокопа, уловила это послание много лет спустя после смерти Пушкина, поскольку его поэзия бесконечно проникновенна. И если я сегодня стою перед вами, то это благодаря Пушкину и моей матери. Пушкин и моя мать всегда были для меня самыми любимыми путеводными товарищами. Пушкин и моя родина Россия, Пушкин и свет мировой культуры – всё это единый, непоколебимый идеал моей жизни. Когда я покинул Россию, то не взял ничего, кроме Библии, портрета матери и книг Пушкина» [3, с. 165].

Путь в большую литературу начинается незаметно. Иногда вот с таких пушкинских уроков. Впечатления жизни накапливаются в Чаше и выплескиваются из переполненного сосуда. От россыпи слов рождается новый писатель. Первые очерки и рассказы Георгия Гребенщикова стали появляться с 25 февраля 1905 года в газете «Се-

мипалатинский листок». А уже в следующем году вышел сборник «Отголоски сибирских окраин» (1906), 64 страницы небольшого формата. Книга была издана на средства купца П. Ф. Плещеева.

Позднее, будучи в эмиграции, писатель отсчитывал начало творческой деятельности именно от этой даты, к ней привязаны все литературные юбилеи, хотя он никогда не упоминал публично об этой ученической книжке, помимо сухих списков, подготовленных для биографий. Чтобы стать писателем, пришлось пройти свои «университеты» и немало претерпеть «в людях», как выражался Гребенщиков, ссылаясь на Горького.

Богатство художественного материала обусловлено «многообразием простонародья». Наблюдать самобытные типы простых людей, жить деревней – это означает владеть непревзойденным искусством. В Николаевском руднике был свой дурачок Анемподист, как в любой глухой деревне, и слепая бабушка Аксинья, настоящая «стрекотуха», всех поучала, потому и получила прозвище «Евангелистка». А другая баба – говорила скупно, но под конец присвистнет, будто Соловей-Разбойник.

Сам Егорка тоже был ребенком необычным, сельской школы не окончил, хотя всегда цеплялся за книжки. Учился исправно, но не сдал экзамены, так как уехал с отцом в горы. Однажды зимой от скуки пошел к сапожнику и стал тачать сапоги. Потом Дмитрий Лукич взял его в Семипалатинск (за 120 верст) и там пристроил к мастеру каучуковых штампелей. Служил у него старательно месяц и, не выдержав злого нрава хозяина, сбежал. Вернулся домой, а затем снова захотел в город.

На этот раз Егорка освоил массу ремесел: мыл бутылки из-под фруктовой воды, помогал аптекарю развешивать порошки и разливать репейное масло по пузырькам. Через год перешел учеником фельдшера в городскую больницу и проработал еще год. Прожил лето дома, а осенью нанялся писарем к лесничему чиновнику в селе Шемонаиха. У того были хорошие книги, и здесь парень пристрастился к чтению. Прочитал «Записки охотника» Тургенева, и с глаз его точно повязка спала. Ему было 15 лет.

В 1898 году Гребенщиков поступил в полицию писцом и сразу повзрослел; вместо всегдашних трех рублей стал получать семнадцать и смог помогать родителям, посылал им семь рублей. Из полиции его забрал к себе письмоводителем мировой судья П. Е. Цвилинский. Георгий работал прилежно и вскоре командовал в канцелярии почтенными бородачами. Через четыре года перешел помощником к нотариусу Щербакову, уехал из Шемонаихи в Семипалатинск.

Молодому человеку исполнилось 20 лет. Новая должность и относительный материальный достаток повлияли на его семейное положение. В жены он взял молоденькую учительницу Людмилу Николаевну Степанову, и через несколько лет, в 1905 году, родился сын Анатолий, второй ребенок в семье, единственный из детей оставшийся в живых.

После выхода в свет первого сборника рассказов Гребенщиков принялся сочинять пьесу «Сын народа» в шести картинах. В это время молодой бытописатель пережил много страшных душевных потрясений, 1907-й год стал в чем-то поворотным

Л. Н. Гребенщикова с сыном Анатолием.
Омск, 1909 г. IHRCA

в судьбе. (Умерла трехлетняя дочка Нина и сын, не достигший от роду одного года.) Георгий попал в качестве служащего на золотые прииски в Усть-Каменогорске. На приисках пришлось нелегко: «Там пережил много внутренней борьбы. Я вынужден был волей-неволей стоять над рабочими и угнетать их» [2, с. 564].

Этот тяжелый нравственный опыт дал положительный результат в будущем при написании пьесы «Рассыпанное ожерелье». Характер одного из главных героев – надсмотрщика за шахтерами – выписан им рельефно и эмоционально. Уйдя с приисков, писатель уехал сначала в Москву, а оттуда в Монте-Карло, где приятель проиграл в казино все его деньги. Знакомый сюжет из биографий знаменитых русских классиков!

Поздней осенью 1907 года Гребенщиков, как он выразился, «голым пролетарием» вернулся в Россию, чтобы попытаться счастья в литературе. В Петербурге он встретился с известным драматургом Е. П. Карповым. Тот одобрил пьесу «Сын народа», но дал автору дельный совет: сделать из нее две постановки. Одну – с тем же самым названием, сократив до 5-ти картин, другую – драму «Тьма», на выделенном материале из общего сюжета. Пьеса «Тьма» была поставлена в Омске 26 февраля 1909 года. Из объявления в газете «Омское слово» следует, что это бытовая драма в 3-х актах, она поставлена в «Общественном собрании артисткой М. А. Саблиной-Дольской при участии гг. любителей и артистов».

Что касается пьесы «Сын народа», то произошло что-то необъяснимое. Она имела оглушительный успех в Сибири. Премьерные показы со-

стоялись в Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Омске (все – 1908 год), Томске и Барнауле (1910). Самую первую постановку удалось осуществить благодаря семейной паре Бабош-Королёвых, выступивших и актерами, и режиссерами, и организаторами спектакля. Он прошел в Народном доме Усть-Каменогорска 14 апреля 1908 года. Поставлен был начальный вариант (до переделки) в 6-ти картинах.

Драматическим произведениям Гребенщикова, впрочем, как и прозе, присущи черты автобиографии. Пьеса «Сын народа» – это набор реминисценций, в которых проступает авторское отношение к жизни. Главный герой Фёдор Правдин проходит трудный путь «искания радостного света». Заполнившая жизнь простого народа тьма должна отступить. Потому и основа конфликта, заложенного в пьесе, построена на двух противоположных началах. Народная масса, которая погружена в тяжелую, мрачную работу, противопоставлена персонажу-проповеднику, создающему непрерывные образы света, просвещения.

«Мы должны сами себя будить от векового сна. Сами себя спасти от холодного мрака. А для этого лучшие из нас должны зажечь факелы своей мысли и должны быть на своих местах» [4, с. 36].

Фёдор Правдин уходит из дома от грубой, жестокой деревенской жизни, уходит в город как «чужак». Раздражение родных захлестывает, его обвиняют в лени, неумении выполнять нехитрую крестьянскую работу. Но дело здесь вовсе не в нем, а в них. У героя мотив поступков возвышенный – подняться над темной толпой, стать выше тьмы.

ПРОГРАММА

Гор. Устькаменогорскъ съ дозволенія начальства.

Въ понедѣльникъ 14-го апрѣля.

Въ Народномъ домѣ.

Г.г. любителями драматическаго искусства подъ режиссерствомъ
С. Г. Вобопъ-Королева.

„СЫНЪ НАРОДА.“

пѣса въ 6-ти картинахъ съ музыкой, пѣньемъ и мелодикломаціей
Соч. Сибирака Георгія Гребенщикова.

К а р т и н ы .

1. Сынъ народа въ ужасѣ тьмы. 4. Сынъ народа вращаетъ духъ.
2. Сынъ народа стремится къ свѣту. 5. Сынъ народа замиряетъ жизнь.
3. Сынъ народа между свѣтомъ и тьмой. 6. Сынъ народа вотьтъ съ свѣтлыми людьми.

Дѣйствующія лица.

Милентій Самсоновичъ Правдинъ, сынъ
бывшаго каторжника — г. Вобопъ-Королевъ.
Маланя Семеновна, его жена — г. Шабля.
Савелій Правдинъ, старшій сынъ его — г. Сороко.
Федоръ Правдинъ, младшій его сынъ — г. Аврорскій.
Акулина, жена Савелія Правдина — г. Щеглова.
Дмитрій Эполетовъ, полковникъ въ отставкѣ — г. Вобопъ-Королевъ.
Любовь Эполетова, его дочь — г. Петрова.
Нина Семеновна Скъльчакова, сельская учительница — г. Толина.
Ольга Скъльчакова, сестра ея — г. Горина.
Михаилъ Подорожный, бывшій студентъ — г. Сороко.
Неутрѣевъ, сельскій учитель — г. Алтайскій.
Михаилъ Вушцевъ, студентъ — г. Хотимскій.
Степанъ Аркадьевичъ Перекатовъ, город. обыватель — г. Громовъ.
Климентій Антроповъ, крестьянинъ, вдовецъ — г. Чернышевъ.
Арина Сушкина, старушка въ городѣ — г. Тарасова.
Няня Эполетовой — г. Вобопъ-Королева.
1. пассажиръ, 2. пассажиръ, 3. пассажирка
Народъ

Дѣйствіе происходитъ въ наше время.

Начало спектакля въ 7 $\frac{1}{2}$ час. вечера.

Афиша спектакля
по пьесе Г. Д. Гребенщикова «Сын народа».
Усть-Каменогорск, 14 апреля 1908 г.

Он тянется к знаниям, бережно хранит в своем сундуке книжки – брошюры для «народного чтения». Но брат Савелий в приступе гнева рвет эти книги и извергает оскорбления.

Стремление Фёдора к иной, возвышенной жизни выражено его дружбой с сельской учительницей. Попытка получить образование в университете не дает удовлетворения. Высшее образование нацелено на узкопрофессиональную деятельность, но студент ищет нравственных путей. Светское общество пропитано ложными надеждами, хотя в пятом акте автор и представляет зрителю начинающего писателя. Фёдор Правдин – творец красивой сказки. Он решает насовсем вернуться в деревню, отказывается от личного счастья, принесся в жертву свою трогательную любовь к Любви Эполетовой.

Мотив возвращения героя в мрачную жестокую среду жизни, по мнению рецензентов постановки, не очень убедительный. Что получил он на черной пашне взамен счастья? Но это зависит от угла зрения на драматическое произведение. Налицо стремление Георгия Гребенщикова осмыслить собственную жизнь. Он конструирует идеальную модель бытия, где самоусовершенствование занимает главное место. В итоге делается выбор мученического пути. Просветление людей возможно, если только принести себя в жертву: «Для них зажег я факел свой» [там же].

Становится понятным окончательный замысел драмы, выраженный в названии. Сын народа плоть от плоти связан с этим самым народом, но он совсем другой – в нем теплятся надежды, и уже сияет светлое будущее.

ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ

Огромную роль в судьбе писателя сыграл выдающийся деятель сибирского просвещения, основатель Томского университета Григорий Николаевич Потанин. Они познакомились в Томске зимой 1909 года, на третий день праздника Рождества. Гребенщиков приехал из Омска, чтобы получить благословение на поездку ко Льву Толстому в Ясную Поляну.

С декабря 1908-го он состоял на должности редактора газеты «Омское слово», в начале месяца как раз вышел первый номер. Сначала отношения с Потаниным не очень-то ладились из-за угловатости Георгия Дмитриевича, но затем переросли в крепкую дружбу. Г. Н. Потанин, как многоопытный наставник, взял молодого омского журналиста под свою опеку. Часами рассказывал легенды и сказки, предания восточных народов, чтобы вовлечь его в таинственный, неизведанный мир.

Будучи этнографом, Григорий Николаевич посетил Индокитай и Монголию и знал толк в путешествиях. Он посоветовал Гребенщикову отправиться в этнографическую экспедицию на Алтай, в верховья реки Убы к староверам. Поездка была организована весной 1910 года Сибирским отделом Географического общества.

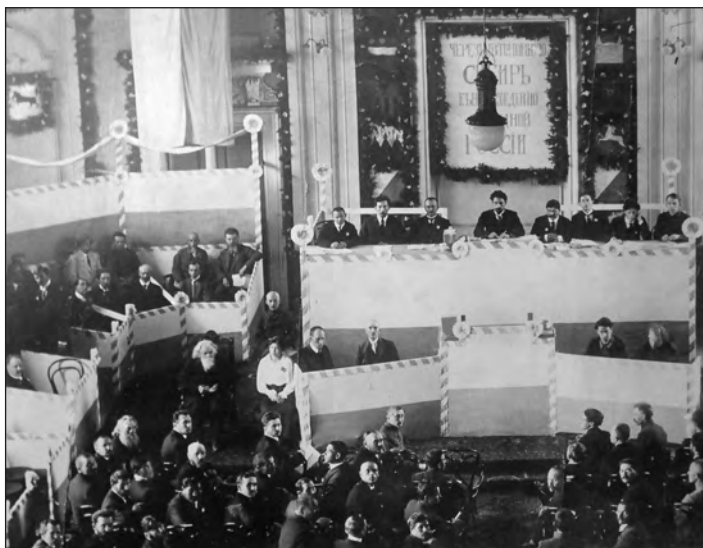
Осенью по итогам поездки состоялся доклад «Река Уба и убинские люди» в томском Технологическом институте. Выступление имело огромный успех. Потанин опубликовал в газете «Сибирская жизнь» (26 ноября 1910 г.) хвалебную рецензию под названием «По поводу доклада г. Гребенщикова о долине Убы и ее населении».

Это событие стало поворотным в судьбе начинающего писателя. Всё его художественное творчество выросло из глубинной сибирской древности. Собранный материал дал «слабый намек» на будущих «Чураевых» [5, с. 458]. Многотомная эпопея «Чураевы», повествующая о семье староверов в горах Алтая, сделала Гребенщикова одним из ведущих писателей Русского зарубежья.

Григорий Потанин не только смог рассмотреть литературный талант в своем ученике, но и повлиял на его мировоззрение. Именно он, «большой сибирский дедушка», как назвал его Георгий Дмитриевич, наставлял сибиряков и ставил их на твердую почву.

Рассказ о личности Потанина – отдельный разговор. Стоит лишь отметить широту и человечность его характера, не говоря уже об учености. Это – фигура сибирского ренессанса. Он жаждал возрождения Сибири, выступал за ее автономию в пределах России, хотя буйные головы и обвиняли его в сепаратизме. Григорий Николаевич действительно выступал за местное автономное самоуправление. По его мнению, самостоятельная власть на какое-то время становилась рычагом развития производительных сил Сибири. Областнические тенденции не являются самоцелью, они – выражение национального патриотизма, требующего преобразования малой родины.

Гребенщиков разделял философию областничества и хорошо был знаком с видными областниками, объединившимися вокруг Потанина, который развернул сибирское знамя вместе с Н. М. Ядринцевым, известным исследователем Сибири и Центральной Азии. В 1865 году они были арестованы

Открытие заседания Сибирской областной думы.
Г. Н. Потанин сидит в кресле слева.
Томск, 15 августа 1918 г. НИWRP

оба по делу о «сибирских сепаратистах», приговорены к смертной казни, но приговор был заменен на каторжные работы, затем через девять лет получили амнистию.

На склоне дней Григорий Николаевич выступил с инициативой создания Сибирского областного правительства, которое и возглавил. Была учреждена Сибирская областная дума. Это произошло после Октябрьской революции 1917-го, когда власть в Сибири была фактически утрачена. На Чрезвычайном съезде областников в Томске, созванном 6 декабря, Потанин провозгласил «величие и единство России рядом с автономиями

окраин» [там же, с. 451]. После роспуска Сибирской областной думы через два месяца она возобновила свою работу 15 августа 1918 г., но вскоре ее деятельность была снова приостановлена. Девиз Думы: «Через автономную Сибирь – к возрождению Свободной России».

Гребенщиков, узнав о сибирском съезде и образовании Думы, сожалел, что не смог оказаться тогда в Томске, поскольку находился на фронте. До своей кончины Потанин продолжал направлять талантливого ученика, которому он завещал поднять «знамя Ядринцева». Через десять лет в Америке было основано Сибирское общество. Осознавая свою миссию, Георгий Дмитриевич писал:

«Дух <Григория> Потанина вздувает паруса моей ладьи, но только я еще не знаю – для плавания ли по необъятной Сибири или для безбрежного пути по всем неогороженным краям земли?» [там же, с. 459].

Поездки к староверам в горы сформировали у молодого писателя собственный «этнографический» стиль. Художественный язык становится цветистым и ярким, важное место в его творчестве занимает описание природы и крестьянского быта. Потаенные места Горного Алтая – целый мир, который назван им «Алтайская Русь». Это словосочетание становится неким камертоном всей жизни. До самого отъезда в эмиграцию тема звучит в лекциях. С тем же названием опубликован очерк.

Летом 1911 года Гребенщиков предпринимает вторую экспедицию (до февраля 1912-го), теперь уже в долину реки Бухтармы, расположенную с юго-западной стороны горы Белухи. В глухих

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ.

ПРОГРАММА
СИБИРСКАГО ВЕЧЕРА

въ Четвергъ, 26 Марта 1915 года.

Отдѣленіе 1-е.

ПРИСУХА ОДОЛЪЛА

шутка въ 1-мъ дѣйств., Георгія Гребенникова.

ДѢЙСТВУЮЩИЯ ЛИЦА:

Дѣдушка Лупенчъ В. Л. Коноловъ.
Тетушка Секлетя Е. В. Рябинина.
Агафонъ Авторъ.
Ненилушка Р. В. Данилевская.

Режиссируетъ В. Д. КОНОЛОВЪ.

Отдѣленіе 2-е.

ЧАСТЬ СИБИРСКОЙ ПОЭЗИИ.

„Сибирскій дѣдь“, рассказъ Вяч. Шшкова, прочт.
авторъ.

О Сибирской поэзіи прочтеть * *

Сибирскіе мотивы въ стихахъ Омудевского, Цейпера,
Михеева, Драверта, Вяткина, Тачалова.

„Изъ гроба“, стих. Омудевского, пр. П. В. Мамонтовъ.

„Искеръ“, стих. Цейпера, прочт. П. В. Мамонтовъ.

„Пѣсни бурята“, стих. Михеева, прочт. А. Д. Гагаринъ.

„У ледовитаго оксана“, стих. Драверта, прочтеть
С. Г. Мельникова.

„На сѣверѣ“ стих. Вяткина прочт. С. Г. Мельникова.

„На чужбинѣ“ стих. Тачалова прочт. г-нъ Тачаловъ-
Инсаровъ.

„Между Томскомъ и Иркутскомъ“ стих. Омудевского
прочтеть Л. А. Невская.

Программа Сибирского вечера.
Барнаул, 26 марта 1915 г. ГМИЛИКА

уголках Алтая оформляется идея романа о жизни старообрядцев. Сам роман еще впереди, сначала предпринимаются попытки написать ряд пьес. Драматургические произведения являются как бы подготовкой к большой литературе, тем более что успех первой постановки «Сын народа» подталкивает пойти именно по этому пути. Диалоги героев – важнейший элемент в структуре романа.

Георгий Гребенщиков в декабре 1912-го сообщает Е. П. Карпову о намерении послать ему новую пьесу «Микула Селянинович». В октябре 1913 года в Томске он устраивает публичное чтение своей пьесы «Голгофа Дунюшки». А из письма П. А. Казанскому (июль 1915 г.) известно о том, что писатель «затеял» большую пьесу «Семья Чураевых». Эти пьесы стали основой двух прозаических произведений: романа «Братья» (1922), первого тома грандиозной эпопеи «Чураевы», написанного в окопах Первой мировой войны, и романа «Былина о Микуле Буяновиче» (1924). Были постановки и маленьких вещей, например шутка в одном действии «Присуха одолела» на Сибирском вечере в Общественном собрании Барнаула, который состоялся 26 марта 1915 года (по ст. стилю).

Ни одной из ранних драматургических работ, к сожалению, не сохранилось. Фронт, революция, а затем и эмиграция довершили дело. Рукописи остались на Алтае, в Колывани, и по меткому выражению писателя, вероятно, «искурены на сигарки».

Задолго до появления крупных романов Гребенщиков пытался заявить о себе в столице. Честолюбие помогло ему выбиться из самых низов и приобрести литературную известность сначала

в Сибири, а потом и в Петербурге. Одновременно с работой на поприще драматургии растет интерес к журналистике. С 1909 года Георгий Дмитриевич кратковременно редактирует сибирские газеты и журналы: «Омское слово», «Молодая Сибирь», «Сибирская новь», а в феврале 1912-го принимает предложение стать главным редактором газеты «Жизнь Алтая» в Барнауле.

За несколько лет до ухода на фронт получен богатый опыт в журналистике, в газете публикуются его зарисовки городской жизни, репортажи из театра и зала судебных заседаний. Интересный поворот судьбы: в том здании бывшего городского суда, где неоднократно бывал Георгий Гребенщиков, теперь находится его музейная экспозиция.

На литературных путях Гребенщикову встречаются разные люди – писатели, художники, учителя, журналисты – А. Н. Белослюдов, Г. А. Вяткин, Г. И. Гуркин, В. Я. Шишков, П. А. Казанский, И. И. Тачалов, др. Первыми в ряду друзей являются прежде всего сибиряки.

Немалую роль в становлении сыграл авторитет А. М. Горького. Георгий Дмитриевич, никем не представленный (было принято в светском обществе получать рекомендацию), сам написал письмо патриарху русской литературы в апреле 1911 года. И приложил несколько своих рассказов. Возглавлявший беллетристический отдел журнала «Современник» Горький положительно оценил творчество сибиряка и рекомендовал к публикации небольшую повесть «В полях». Правда, сам автор изначально называл ее рассказом. Повесть вышла в ноябрьском номере «Современника» (1911, № 11).

Вид города Барнаула. 1910-е гг. ИР

Появление имени Гребенщикова на страницах столичного журнала, очевидно, стало основанием для приглашения его редактором «Жизни Алтая». Он поселился с семьей в Барнауле. Но произошло нечто большее – публикация открыла путь в настоящую литературу.

Повесть «В полях» состоит из шести коротких частей. В центре повествования находится крестьянская семья. Глава семейства Архип – как ствол большого дерева. У него трое детей: младший двенадцатилетний Игнат, смышленная Ани-сья и взрослый Максим. У старшего сына – жена Федосья и первенец Тимка, ему четыре годка. Он подобен верхушке на молодой кроне. И еще есть прочный корень – отец Архипа, дедушка Трофим.

Тот обожает своего правнука, возится с ним весь день, они даже спят зимой вместе на печи. У старика почтительное имя Трофим, у малыша – ласковое Тимошка, или Тимка. Одно древо жизни.

Повесть написана пером художника, созерцающего природу и быт как части единого мира. Всё происходит в полях. В полном разгаре золотая осенняя страда. Скошенную пшеницу вяжут в снопы, скирдуют. Спорится работа, пересыпаемая шутками. Молодое веселье складывает мозаику крестьянской жизни. Но только Архип устремлен в глубину себя, к вечной душе. Это завязка повести.

«Высоко над полями на юг летели лебеди. Длинной, искривленной ниткой бисера летели они в голубой бездне неба и стройными кликами роняли на землю прощальную песню: Кув... Кувы!..

Архип был один на полосе. Стоя у сулонов пшеницы, он ждал, пока две телеги, поскрипывая и пошатываясь, свезут на гумно наложенные снопы и подъедут снова. Услышав лебедей, он поднял широкую и длинную полуседую бороду так, что чуть не свалилась кошменная шляпа, и долго искал белый бисер... Нашел и долго смотрел, как лебеди плыли по синему простору, словно по опрокинутому бездонному морю» [6, с. 375].

Образ белого лебедя появляется не случайно, именно от всеобъемлющего чувства связи человека с небом. Лебедь – это душа. Потому в сердце Архипа продолжает звучать, не умолкая, «скорбной ноткой» осенняя лебединая песня. В трудах и домашних заботах проходит короткая осень. Луна уже льет свой холодный свет. Но Архип ведет в памяти внутренний разговор, вспоминая улетающих лебедей: «Кув, кувы!..» Эти крики проходят лейтмотивом через всё повествование.

Встают перед глазами картины Архиповой жизни, прошедшей в «изнурительной торопливости». Автор повести вместо героя заставляет говорить природу: «Луна поднималась всё выше и смотрела своим бледным широким лицом прямо Архипу в душу... Смотрела и молчала, как мертвая» [там же, с. 384]. Разве речь идет не о предчувствии смерти? Луна смотрела, как мертвая! Так оно и вышло.

Наступила неожиданно сибирская зима. Поля потускнели, и ветры дули «со злым озорством». И снова – замирание жизни. Выпал первый снег... детворе радость! И все поздравляют друг друга с белым снегом. Белый, белый!.. будто заговор какой-то нашептывает природа. Возвращаясь из города, Архип обморозил ноги. Захворал, лежал как в огне полторы недели.

Здесь Гребенщиков переводит повествование в кульминацию и далее ведет к развязке, обнажая в героях житейскую мудрость. Дедушка Трофим сетует, что не Архипу следует хворать, а ему. Мол, зажился на белом свете.

Решил Трофим подумать о своих грехах, ибо на земле он мучится за грехи, и Бог не принимает. Но никак не думается, в голову лезет лесина, большое бревно, которое срубил на пасеке. Много лет оно лежит под окном, приготовлено на гроб. Опять и опять туманные думы тянутся к дереву, будто связано с ним что-то самое дорогое. Шевелятся давнишние воспоминания, и становится очевидным, что дерево – это не что иное, как род людской, символ жизни. Главное – сохранить родовое древо, ведь оно кроной упирается в небо. Смерти нет, и все живы.

Архип преставился, и дедушка Трофим решил отдать припасенную лесину для похорон сына: «Себе берег было, ну да ладно, меня и так как-нибудь закопаете, а ему надо получше... Со Христом!» [там же, с. 396]. Сам стал первым очищать лесину от снега, потом и соседи подоспели. Подбежал маленький Тимка с салазками. Спросил, громоздясь на толстое бревно:

«Дедушка, это што будет, а? – Но увидев с треском отлетевшую щепку, соскочил с бревна, схватил ее, <и> не дождавшись ответа, сел на салазки и крикнул на воображаемую лошадь:

– Но-о... Э-э-х, ты-ы!..

И, подскребая ножками, тут же ерзал на салазках по приотптанному снегу, полный беспечной шалости и беспричинного восторга...» [там же].

Да, символы не от ума. Глубокая интуиция автора создает ткань жизни. Отлетевшая щепка – осколок родового древа. Самый юный, самый радостный человек держит щепу в руках, олицетворяя будущее.

Повесть вошла в первую книгу Гребенщикова «В просторах Сибири», изданную в Санкт-Петербурге зимой 1913 года. Через два года, в 1915-м, выпущен следующий том повестей и рассказов с тем же названием. «А дальше всё пошло глаже», – как сообщал Георгий Дмитриевич [7, л. 4]. Последовали книги: «Змей Горыныч» (1916), «Степь да небо» (1917), «Волчья жизнь» (1918), «Любава» (1919). Последние две брошюры вышли в Одессе.

Событием в литературной жизни Петрограда стало издание под редакцией Гребенщикова «Алтайского альманаха» (1914), в сборник вошел его историко-этнографический очерк «Алтайская Русь».

Сибирские литераторы Г. Д. Гребенщиков,
И. И. Тачалов, Г. И. Гуркин. 1910-е гг. ГМИЛИКА

На страницах альманаха опубликована повесть Александра Семёнова «Белый Бурхан» (под псевдонимом «Сергей Семёнов»), также рассказы Шишкова, Исакова, Бахметьева, стихи Тачалова, Пиотровского, Казанского. Художественное оформление – известного художника-алтайца Григория Гуркина.

Цена 5 коп.

с. Усть-Чарышская Пристань

САДЪ Добров.-Пожарнаго О-ВА

ЛѢТНИЙ ТЕАТРЪ

ПРОГРАММА

Въ Воскресенья 3-го мая 1915 года

лекція Георгія Гребенщикова

„АЛТАЙСКАЯ РУСЬ“

1-е

Историческая справка о русском расколе. Протопопъ Аввакумъ. Ермакъ и охочіе люди. Заводы Демидова и Кольванское намѣстничество. Старая пограничная линія отъ Бійскаго острога. „Камень“. Бѣглые и пустыножители. „Бѣловоде“. Указъ Императрицы Екатерины II о прощеніи бѣглыхъ. Бухтарминскій архивъ. Допросы бѣглыхъ. Преданья и разсказы стариковъ. Ясашные.

2-е

Бытовья черты Бухтарминцевъ и Уймонцевъ. Старовѣрїе. Бракъ-семья и школа. Жизнь и промыслы ясашныхъ. Мараловодство. Алтайская ярмарка. Языкъ. Пословицы. Повѣрья. Сказки. Пѣсни. Духовные стихи. Алтайская Русь

Лекція будетъ сопровождаться иллюстрированіемъ историческихъ картинъ и фотографическихъ алтайскихъ снимковъ на экранѣ.

Чистый сборъ съ лекціи поступаетъ въ пользу Сибирскаго общества помощи раненымъ.

Начало въ 8 час. вечера.

Программа лекции Г. Д. Гребенщикова
«Алтайская Русь». 3 мая 1915 г. ГМИЛИКА

Российский читатель получил представление о далеком и чудесном Алтае.

Очерк «Алтайская Русь» написан по результатам экспедиции к бухтарминским и уймонским славянам. Староверы – это особая порода «заблудших людей», расселившихся по Горному Алтаю. Гребенщиков повествует об истории поселения и укладе жителей Бухтарминского края, раскрывая читателям интересные детали их быта и поведения. Например, веру в Антихриста и приход светлого воинства из Иоаннова царства, Беловодья. Очерк состоит из 12-ти небольших частей и дает живое представление о чудом сохранившейся средневековой Руси.

Используя богатый этнографический материал, Георгий Дмитриевич неоднократно выступал с рассказами о староверах, даже не обходил вниманием знаменитую Алтайскую ярмарку, ежегодно проходившую незадолго до Рождества в Катон-Карагае, точнее, станице Алтайской. (Туда шли караваны вьючных верблюдов из Китайской империи.) Лекции проходили в Томске, Барнауле и даже в таких отдаленных уголках Алтая, как село Усть-Чарышская Пристань, расположенное на Оби.

Писатель Гребенщиков ничего не придумывает из головы, а пишет о том, что видел и слышал сам, отталкивается от пережитого опыта. В 1911 году приступает к повести «Ханство Батырбека». Перед читателем разворачивается тяжелая жизнь киргизов (казахов). Тема инородцев ему близка. Недаром он берется за перевод с польского языка поэмы Густава Зелинского «Киргиз». Книга вышла в Томске осенью 1910-го. Полгода спустя в томской газете «Сибирское слово» публикуются его ранние

наброски к повести о Батырбеке под названием «В недрах» (гл. VIII и IX). Это самостоятельный сюжет о тяжелых испытаниях степных киргизов, попавших на золотые прииски.

Позже, в эмиграции, Георгий Дмитриевич хотел вернуться к образу труженика, униженного судьбой человека. В его бумагах сохранился набросок пьесы «Озарение недр». На совершенно ином материале он ищет выход из лабиринта темного подземелья жизни. Из недр наружу, на свет можно вырваться через озарение души. От начала литературного пути ясно обозначена одна характерная тенденция в творчестве: все крупные романы и повести, так или иначе, обретают форму драматических произведений.

«Ханство Батырбека» начинается с повествования, уходящего в седую древность. Мотив семейных преданий вплетен в узор повести. Былинный дух льется над степью, в которой всегда жили герои, ханы из ханов. В роду Гребенщикова – ханская знать. Он хорошо чувствует и монголов, и калмыков, и киргизов. В уста главного героя Батырбека автор вкладывает историю его семьи, отца и матери, у них имена – Бекмурза и Алтынса. Отец добился своей возлюбленной на поединке, скакал на белом верблюде сотню верст, опередив коня своего соперника, старого «хрыча» Нурыхана. Мастерски описан небывалый спор женихов, о котором знала вся степь, пела песни и слагала предания.

«Бегут белые всадники под белым светом луны, по белым волнам сверкающих росой ковылей... – Зачем, старик, становишься на пути молодого?.. <...> Долго несутся одна за другой две белые точки: одна маленькая впереди, другая большая позади. Вот бли-

же, ближе одна к другой, и у самого кургана, при красном свете костра, при неистовом вопле сторожевых киргизов они сливаются в одну и уносятся общим белым пятном в туманную даль» [8, с. 150–151].

В повести дано достоверное описание привольной жизни киргизов. Здесь и быт, и набеги русских казаков, и воровство табуна лошадей, за которых пришлось героически постоять Батырбеку. Это всё рядовые житейские мелочи, какие случаются часто. Но вот пришла большая беда в степь. Зимой померзли стада домашних животных, покрылись ледяной коркой люди и лошади, и так остались стоять мертвые в степи. Великий голод погнал киргизов в шахты.

Последние две главы повести, о которых уже упоминалось, рисуют тяжелую жизнь рудокопов в подземелье. Гребенщиков знает, как передать атмосферу шахтерского забоя и настроение рабочих. Он сам работал в шахте, больше того, его отец, дед и прадед тоже шахтеры. Подробно описан процесс добычи руды. В забое шестеро киргизов и один русский, назначенный старшим.

«Странными звуками наполнился каменный грот. Лезвия стальных буравов ударялись о камень, а по головкам их лязгающе били молотками, и целый дождь drobных стальных стуков смешивался с тяжким дыханием семи грудей. <...> Слабо мерцали за поясами огоньки, бросая в пустую тьму пляшущие тени и освещая черные блестящие зрачки упрямо упершихся в каменную стену черных озлобленных глаз» [там же, с. 190].

Унижение и безысходность являются нормой жизни, они следуют за человеком изо дня в день. Все сородичи Батырбека, живущие в ауле, – в одном бедственном положении, и он сам такой же,

постаревший и согнувшийся, но «еще не терял своего ханского вида». Привез шахтерам хворост на растопку. И всё, что он мог вымолвить, чему научился по-русски: «А? Пожалуйста, спасибо! Пожалуйста, спасибо?!»

Повесть Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» – это призыв к свободе малых племен, прозвучавший с далеких окраин России, из глубин Алтайских гор и степей. Но сильный голос не всегда сразу бывает услышан. Он прокатывается, как гром, и снова наступает привычный покой. Да и мог ли быть этот голос раскатистым среди залпов Первой мировой войны?.. И все-таки, невзирая на перипетии военного времени, сибирский беллетрист вошел в литературу именно благодаря «Ханству Батырбека».

ФРОНТОВЫЕ ГОДЫ

Литературная критика не всегда щадила Гребенщикова. И в этом отношении судьба писателя была нелегкой, как и сама его жизнь. Тем не менее первый том «В просторах Сибири» (и последующий) был принят в целом положительно. Столичный журнал «Нива» опубликовал рецензию, где отмечено, что автор «знает и любит Сибирь». Талант беллетриста ярко проявился именно в описании крестьянского быта. Знание народного языка – другое важное достоинство. Но были и недостатки. Автор не сумел «спрятать самого себя в своем творчестве» и как бы дает почувствовать собственное «превосходство над изображаемыми им простыми людьми» [9]. Позже в советской энциклопедии

Георгий Дмитриевич назван «крайне неровным» писателем, который к тому же впадает в «риторику и ложный пафос» [10]. Однако такая критика мало замечается человеком, знающим, чего он хочет добиться в творчестве.

Начало Первой мировой войны подробно не отражено в сохранившемся эпистолярном наследии Гребенщикова. Сибирь оказалась вдалеке от кровавых событий, но военный фронт постепенно придвигался. Писатель приехал в Петроград 7-го ноября 1915 года и поселился в поселке Лесном, намереваясь работать над романом «Чураевы». Психологическое давление в столице постоянно усиливалось. Война давила «на мозг и сердце», трудно было оставаться в тылу. Георгий Дмитриевич получил приглашение стать военным корреспондентом газеты «Русские ведомости». И это подтолкнуло его пойти добровольцем в армию.

В феврале 1916-го он получил должность старшего санитаря в Сибирском корпусе, который формировался в Томске. Опыт ранней юности – фельдшерские курсы в городской больнице Семипалатинска – пригодился. Через месяц его перевели заведующим 28-м санитарно-транспортным отрядом. В августе 1917 года был назначен Уполномоченным Союза городов при XI армии Юго-Западного фронта. Послужной список Гребенщикова завершается должностью Сибирского комиссара при VII-й и XI-й армиях и Уполномоченным Сибирского комитета. (Комиссариат учрежден при Украинской Державе.) Войну он закончил в офицерском звании.

За время службы им написано около пятидесяти очерков для «Русских ведомостей» и «Киевской

Г. Д. Гребенщиков на фронте в Галиции.
Карпаты, 1916 г. ИНРСА

мысли». Репортажи с фронта составили интересную серию «Странички военного быта». Большинство очерков дают представление об отношении автора к войне, обнажают его гражданскую позицию и щемящую любовь к отечеству.

Окончание военных действий Гребенщиков встретил на Западной Украине, в Галиции. Первую половину 1918 года он провел в Киеве, где занимался делами по ликвидации учреждений Союза городов при XI-й армии, составляя многочисленные отчеты. Там он познакомился с Иваном Буниным, который поддержал молодого писателя дружеским напутствием.

Столица украинского самодержавия переживала нелегкие времена. Украинская рада в январе

1918-го провозгласила независимость. В апреле Украинская Народная Республика была ликвидирована вследствие государственного переворота гетмана П. П. Скоропадского, поддержанного австро-германскими оккупационными войсками. В мае вспыхнуло крестьянское восстание, охватившее вскоре всю Украину. Будучи в Киеве, Георгий Дмитриевич мог наблюдать хаос послереволюционных событий собственными глазами.

Как реакция на происходящее в Малороссии вышла статья Гребенщикова «О русских на Украине» (1918), одно из немногих политических выступлений в печати. Статья появилась в первом майском номере газеты «Свобода России» (бывшие

Г. Д. Гребенщиков среди сослуживцев.
Карпаты, 1916 г. ИНРСА

«Русские ведомости»). В ней остро поставлен вопрос о судьбе мятущейся Украины, разрываемой на части внешними и внутренними силами, об отношении к русским людям прогермански настроенных новых украинских властей, о рабском положении русскоязычного населения. Корни национального украинского характера уходят в прошлое и влияют на будущее собственного народа. В этом отношении статья остается особенно актуальной и в наше время.

«На Украине недавние правители-социалисты в своем парламенте, если таковым можно назвать бывшую Малую Раду, вели себя по отношению к русским прямо-таки неприлично, изобличая в себе совершенно полицейские вождедения, благодаря которым зафиксировано несколько случаев ареста <людей> в кафе и на улицах за “русскую речь”.

А о том, как оскандалилось правительство со своей украинизацией правительственных учреждений, ходит много анекдотов, оканчивающихся всегда трагически для русских людей. Анекдоты эти подхватили даже и друзья Украины – немцы, которые говорят: “Впервые встретили мы государство без границ, народ – без языка, армию – без солдат, правительство – без головы”» [11, с. 456].

Насильственная украинизация народа подкреплялась отрицанием культуры, начавшимся с принятия закона об уничтожении памятников в Киеве. Перед Украиной стоял выбор: сохранить культурную основу славянства или «германизироваться». Как видно, спустя сто лет тень шовинизма опять заслоняет здравый смысл, и новые националисты жаждут идти по «европейскому пути». Гребенщиков уверен, что такой путь ведет к полному одичанию. В его устах вывод звучит парадоксально:

Г. Д. Гребенщиков на побывке у родителей.
Колывань, 1916 г. ИНРСА

«Без русских людей и без русского слова и дела Украина обойтись не сумеет, и поэтому русское слово и дело на Украине умереть не могут, а если умрут, то только тогда, когда умрет сама Украина» [там же, с. 458].

После демобилизации Г. Д. Гребенщиков отправился в Одессу. На родной Алтай он уже не возвратился. Последний раз писатель приезжал с фронта в отпуск в 1916 году, чтобы повидаться с родными. Попрощался с матерью и отцом, с братьями и сестрами (Елена Петровна и Дмитрий Лукич умерли от тифа летом 1920-го). Виделся с женой Людмилой Николаевной и сыном Анатолием, а через полгода они приезжали на Рождество в Москву.

Эта встреча описана в автобиографическом рассказе «Синяя птица».

Семейные отношения уже давно дали трещину. Ранняя женитьба «по пути» в Семипалатинск держалась много лет на чувстве долга по отношению к Людмиле Николаевне и сыну Анатолию. Рассуждать о том, почему распадаются браки, бессмысленно. Каждый случай особенный. Бывает, что рост духа одного человека опережает другого, даже самого близкого. Гребенщиков вышел на большую литературную дорогу, он нуждался в поддержке, понимании и надежном тыле, чтобы осуществить свое призвание.

Летом 1917 года на фронте писатель встретил Татьяну Денисовну Давыдову, которая стала его спутницей жизни. Быть может, к нему пришла настоящая любовь. Кто знает?.. Как иначе расценить то, что Георгий Дмитриевич писал своей «Танике» о вечной радости, которую он испытывал, находясь рядом с ней:

«Я все-таки несу тебе всё самое лучшее, что имею в своей душе, сердце и разуме. Сумей это ценить, сумей щадить мое ревнивое, много раз оскорбленное сердце, и мы никогда, никогда не покинем друг друга, а так и пойдем рядышком: далеко, далеко! На край света, как решили еще 6 сентября 1917 года! Ты слышишь? Мы пойдем вместе, рядом, в безграничные просторы жизни, и с тобою мне всюду будет весна, и солнце, и радость!» (12.11.1918) [12].

Они повенчались 17 сентября 1917 года в Белой Церкви, под Киевом. В 1918-м Татьяна Денисовна уже носит фамилию Давыдова-Гребенщикова. Начался новый этап жизни. Супруги отправились сначала в Одессу, а затем – в Крым.

Полуостров Крым, наряду с феерической Одессой, стал одним из крупных культурных центров южной окраины Российской империи. Это было серебряное царство, отколовшееся от Серебряного века русской культуры. После революции и начавшейся Гражданской войны, в Севастополе, Симферополе и на южном побережье, в Ялте, собрался цвет русской интеллигенции в надежде найти укрытие от надвигающейся общенациональной катастрофы.

Спасаясь от неизвестности и неустроенности, в Крым направилась и чета Гребенщиковых. Они выехали из Одессы утром 18 июля 1918 года на пароходе «Константин» и через двое неполных суток были уже в Ялте. Собратья по перу из числа писателей, обосновавшихся на одесской окраине на даче А. М. Фёдорова, во главе с маститым Иваном Буниным, убеждали Гребенщикова остаться, не бросаться, очертя голову, в «бездну». Но Георгий Дмитриевич поступил по-своему и отправился в рискованное плавание.

На следующий день после отъезда, 19 июля, к полудню Гребенщиконы сделали остановку в Севастополе. Обедали в городском саду, дальше отправились в Ялту. Прибыли туда 20-го в 4 часа утра. Переезд дался нелегко, поскольку везли с собой около ста килограммов багажа. Расположились в гостинице вместе со всем скарбом. Кстати, носильщик за доставку взял 15 рублей, немалые деньги. Столько же для них стоил и номер в роскошном ялтинском «Гранд отеле» (две комнаты с балконом и видом на море).

По приезде Георгий Гребенщиков нанес визит известному писателю и врачу С. Я. Елпатьевскому,

Супруги Г. Д. и Т. Д. Гребенщиковы.
Киев, 1917 г. IHRCA

председателю Литературного общества имени Чехова, занимавшему роскошный особняк в центре города. В последующие дни супруги подыскивали неподалеку и себе съемное жилье.

Первые впечатления оказались довольно радужными. «Все страхи, навеянные... одесситами о Ялте, слишком вздуты, – по прибытии писал Гребенщиков в Одессу Бунину. – Ялта мне понравилась, главным образом за свои горы, за чистоту и опрятность, за декоративность... и за то, что мы здесь еще не слышали грубостей» [13, с. 229].

Полные оптимизма и надежд письма, возможно, оказали влияние на временно осевших в Одессе литераторов. Во всяком случае, некоторые из них, как например Семён Юшкевич, вскоре тоже оказались в Ялте. Вслед за ним в Крым приехали писатели Александр Амфитеатров и его сын Владимир Амфитеатров-Кадашев, Любовь Столица, Владимир Ладыженский. В Алуште обосновался Иван Шмелёв, в Симферополе – Константин Тренёв, в Севастополе – Сергей Сергеев-Ценский. Всех их объединили беженские будни.

Гребенщиковы поселились в Ялте, на улице Суворовской, дом № 36. Георгий Дмитриевич сосредоточился на литературной работе. Читал публичные лекции, публиковал очерки и заметки о писательской и культурной жизни в крымской, киевской и одесской периодике: «Наша газета», «Таврический голос», «Южная мысль», «Объединение», «Родная земля», «Огоньки», др.

Вскоре после приезда Гребенщиков отправился в Киев, проездом через Харьков, чтобы забрать оставленные там весной вещи и собрать гонорары за свои печатные труды, поскольку переводы в Крым не доходили. Он выехал в конце октября и 28-го был на станции Александровск (ныне Запорожье), на реке Днепр. Там закупил провизию, большую «булку хлеба», как выразился, «в две моих головы». И через пять часов прибыл в Харьков. Остановился у родной сестры своей первой жены – Валентины Николаевны Старосельской, которая жила с мужем-инженером и сыном-гимназистом.

В Харькове писатель тяжело заболел, сильно простудившись в дороге. Температура держалась

выше 40,5 градусов. Он пролежал пластом неделю, временами без сознания, и уже не надеялся выжить. Спасла лишь жажда любви к спутнице жизни, в горячке Георгий Дмитриевич думал только о ней, одной-единственной:

«Танику всю милую... так вот и держу перед собою, как иконку» (04.11.1918). «Три дня был без сознания, без сил, без желаний, но ты, как воздух, была со мной <...>. Как красива до сих пор наша жизнь, как сказка» (07.11.1918). «Если бы ты знала, как я истосковался по тебе? Я справиться не могу с волнением и не могу ни писать, ни читать, ни делать ничего вне мысли о тебе. <...>

Говорят, с Крымом прекращено сообщение! Если это – правда, это убьет меня. Что у тебя за чары надо мною? Но ты буквально забрала надо мною всю волю, все мысли, я не представляю жизни без Тебя и не хочу с тобою никогда расставаться, ни для кого, даже для Толи!» (10.11.1918) [12].

Когда кризис миновал, из Киева прибыли друзья и привезли вещи и деньги. Гребенщиков засобирился в Ялту, но накануне отъезда решил всё рассказать Валентине Николаевне про Танику. Он изливал душу с 10-ти вечера до 3-х ночи, и она смогла понять и поддержала его, хотя голос крови в подобных случаях говорит обратное. Писатель покинул Харьков 19-го ноября. Дорога на Крым была открыта. На рейде в Севастополе стояли английские и французские военные корабли.

Первая разлука с Татьяной Денисовной после года супружества стала испытанием на прочность. Это – переломный момент, повлиявший в дальнейшем на выбор жизненного пути. Гребенщиконы оказались в водовороте Великого исхода русской эмиграции.

ЦАРЬГРАД, НАЧАЛО ЭМИГРАЦИИ

Глава вторая

ПОЧЕМУ КОНСТАНТИНОПОЛЬ?..

Сибирский прозаик Георгий Гребенщиков, как и большинство русских писателей, после Октябрьской революции оказался в эмиграции. Произошло это в то время, когда начался исход из белого Крыма, за месяц до окончательного разгрома Добровольческой армии. Поток беженцев, предчувствуя всеобщую катастрофу, устремился в Константинополь.

Отъезд в эмиграцию – это всегда выбор. Он разделяет всё надвое, на родину и чужбину, на прошлое и будущее, проходит по нервам до самого основания, разрывая сердце. По крайней мере, именно так было с Гребенщиковым. Возникает закономерный вопрос: почему писатель уехал в эмиграцию? Что им двигало, когда принималось такое кардинальное решение?

Ответить на этот сложный вопрос помогают вехи биографии молодого сибирского классика. После демобилизации с Юго-Западного фронта в 1918 году Гребенщиков уехал в Киев. Там он сдавал отчет по армейским делам и устраивал свою литературную судьбу. Затем направился в Одессу, где жил у моря на даче А. М. Фёдорова, в «писательском общежитии». Тем же летом перебрался в Ялту и через некоторое время оказался в крымском капкане. Красная армия отрезала писателя не только от Центральной России, но и от малой родины,

горячо любимого им Алтая. Там оставались первая жена, Л. Н. Гребенщикова (фактически расстались в 1912-м), и сын Анатолий. Со второй женой, Татьяной Денисовной, урожденной Стадник, писатель познакомился на фронте. Она стала его верной спутницей до конца жизни.

На Крым надвигалась неизбежная катастрофа – разорение, голод, грабежи и убийства. Частая смена власти привела к полному изнеможению народа, потере физических и духовных сил. Гребенщиконы, чтобы выжить, осели на землю. Невзирая на сложности, вторую половину 1918 года и весь 1919-й Георгий Дмитриевич много работал, публиковал рассказы и очерки в местной печати. В литературном отношении это время можно считать плодотворным.

Но следующий, 1920 год стал критическим. В течение полугода, вплоть до августа, не было написано ни одного произведения. Весной Гребенщиконы двинулись из Ялты в окрестности Алушты в поисках пропитания. Писатель занимался заготовкой дров в горах и частным извозом – у татар ему удалось дешево купить хромого коня «Ваську». К лету вернулись обратно в Ялту и завели домашнее хозяйство...

В Крыму Гребенщиков испытывает сильные душевные терзания, ждет «какой-нибудь возможности прорваться домой». Еще в начале 1919 года планирует пешком отправиться через Кавказ, в направлении Баку и Туркестана, а затем на Семипалатинск. Он пишет родным: «О Сибири и об Алтае я грежу как о несбыточном сне» [1, л. 1–2]. Весной 1920-го положение и местного населения, и беженцев еще больше осложняется. Нависают угроза

голода и мобилизация в Добровольческую армию. Власти вызывают Гребенщикова на призывной пункт и регистрируют. Писатель стремится уехать к сыну, во что бы то ни стало, как он выражается, «принять какие-либо героические меры».

Из Сибири доходят редкие письма. Из-за военных действий почта в Крым идет четыре, иногда пять месяцев. Запись в дневнике:

«И вот теперь опять дума о том, чтобы прорваться за фронт и ехать или идти. А силы стали так слабы! А вдруг по дороге свалюсь. Здесь хоть животных развели на зиму. Поросята растут, кроликов прибыло... И все-таки, всё готов бросить, чтобы ехать в Сибирь!..» (17/30 июня 1920) [2].

Проблема выбора стоит очень остро. Трудно принять окончательное решение. Вот еще одна запись, сделанная ровно месяц спустя:

«А я попутно всё направляю лыжи в Сибирь и никак не направлю. Что за проклятые цепи держат меня здесь – понять не могу. Но не могу сняться с якоря и никак не найду выхода из заколдованного круга» (18/31 июля 1920) [2].

К началу 1920-х годов Георгий Гребенщиков только утверждался в литературе. До революции в Петрограде вышло несколько его книг, повесть «Ханство Батырбека» и два тома сочинений «В просторах Сибири», но главные произведения пока еще не были написаны. Можно предположить, подсознательно он причислял себя к писательскому цеху и надеялся сохранить связь с большой литературой. В Крыму и Одессе ему удалось подружиться со многими писателями, оказавшимися волею судеб в «спокойной» гавани в ожидании эмиграции. Гребенщиков близко сошелся с И. А. Буниним,

И. С. Шмелёвым, К. А. Тренёвым, Е. Н. Чириковым, И. С. Соколовым-Микитовым, И. Д. Сургучёвым, И. С. Лукашем, С. Я. Елпатьевским, С. Н. Сергеевым-Ценским и др. Большинство из них, прежде всего писатели первого плана, уехали за границу. Вряд ли Георгию Дмитриевичу хотелось отрываться от передовой группы, стремящейся, подобно стае птиц, в южные края.

Да и сами литературные собраты подталкивали Гребенщикова к отъезду. Так, в феврале 1920-го председатель Ялтинского Литературного общества им. Чехова, доктор и мемуарист Елпатьевский включил его в «список писателей, профессоров и ученых», которых собирались вывозить в Сербию. Из дневника: «Я заколебался, даже попытался хлопотать насчет заграничного паспорта... Больно бросать Россию в эти черные дни» (21 янв. / 5 февр. 1920) [2].

В конце августа 1920 года настроение Гребенщикова неожиданно резко меняется и чаша весов склоняется в сторону эмиграции. Правда, им избран некий компромиссный вариант. Писатель обращается к министру правительства Юга России П. Б. Струве и просит помочь ему «пробраться в Париж» с тем, чтобы, изыскав там средства от меценатов, найти пути на родину, в Сибирь, невзирая даже на то, что придется возвращаться кружным путем через Владивосток. Он пишет от своего имени и от имени своего друга, художника Николая Васильевича Пинегина:

«Разумеется, мы были бы безгранично благодарны Вам и за простой совет, как нам поступить в данном случае. Но мы хотели бы на этот раз опереться на Вас как на действительную крепкую опору, полагая,

Константинополь. Мост через Босфор. Открытка

что мы имеем на нее право не только как люди и отцы наших покинутых где-то в далекой Сибири детей, но и как люди, нужные будущей России, в воскресенье которой твердо верим и докажем это уже печатным словом и живым делом. Я страшно устал быть дрогалем. У меня истощаются силы. Помогите нам, пока не поздно» [3, с. 259].

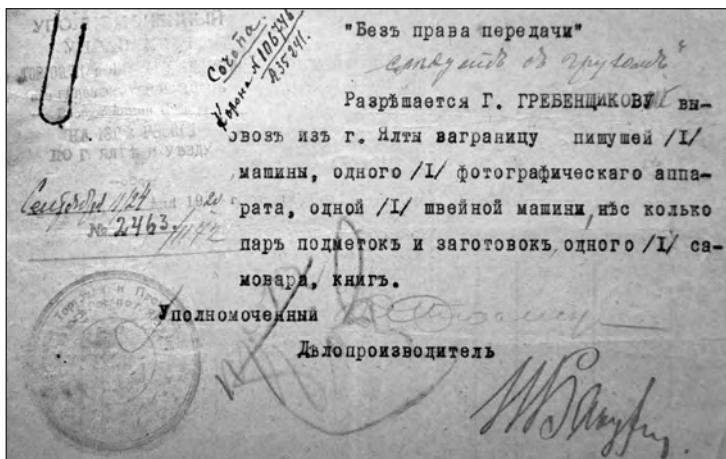
Это прошение было услышано, и министр Струве оказал помощь в отъезде семей Гребенщикова и Пинегина в Константинополь. У Георгия Дмитриевича меняется строй мыслей, появляются моральные основания для эмиграции. Накануне посадки на пароход писатель делает важную запись в дневнике. Он еще как бы колеблется в своем выборе, но совершенно очевидно: вопросы, которые им заданы самому себе, имеют риторический

характер. Главное – это мечта об организации собственного издательства. Из дневника:

«Рассказывают о константинопольской жизни ужасы. И я все-таки еду. Уезжая из Ялты и видя с моря эту редкую жемчужину России – я с глубоким волнением думал о том, не вернуться ли?.. Не бросить ли раз и навсегда мечту о лучших местах... Здесь жизнь кипит, как в большой столице, и всё военные, военные, будто лагерь. А уверенности, твердости почвы нет. Колеблется она. Многое-многое теснится в голове, сердце и душа раздвоены: половина здесь, половина где-то там, за морем. Господи, благослови во имя лучших намерений, которыми преисполнены мои желания! Начать издательство русской книги. Завтра вечером пароход “Константин” уходит в Константинополь» (4/17 сент. 1920) [2].

Итак, 17 сентября 1920 года Георгий Гребенщиков прибыл из Ялты в Севастополь и уже на следующий день вечером отплыл на пароходе «Великий князь Константин» в направлении Босфора. Накануне отъезда весь день писатель провел в «унизительной беготне» по учреждениям, оформляя документы. Получал паспорт и разрешение во Французской миссии, где пришлось сидеть пять утомительных часов в очереди. Конечно, у него имелись покровители в среде русских эмигрантов, те, кто уже находился за границей.

Как уже упоминалось, отъезд устраивал известный в России экономист и историк П. Б. Струве, возглавлявший Управление внешних сношений при Крымском правительстве генерала П. Н. Врангеля. Он дал телеграмму через Константинополь В. А. Маклакову, послу Временного правительства во Франции (до 1924), который руководил также центральным офисом по делам беженцев

Разрешение, выданное Г. Д. Гребенщикову,
на вывоз вещей за границу. ЧАР

из России и был вхож во французские правительственные круги. В этой телеграмме выражалась просьба о предоставлении «парижских виз» писателю Г. Д. Гребенщикову, художнику Н. В. Пинегину и их женам.

Георгий Гребенщиков отправился в Константинополь первым из четверых, остальные задержались в Крыму. Им необходимо было оформить багаж в Управлении торговли Правительства Юга России и ликвидировать домашнее хозяйство. Что касается Татьяны Денисовны Гребенщиковой, то в отсутствие мужа эти заботы легли на ее плечи. Нехитрый скарб состоял из пишущей машинки «Корона», фотоаппарата «Кодак», швейной машины «Зингер», нескольких пар подметок и обувных заготовок, самовара, книг и других домашних вещей.

Пароход «Великий князь Константин». 1910-е гг.
Фотография. ИР

У самого же писателя были с собой рукописи произведений и скромные сбережения – 35 рублей золотом, одна турецкая золотая лира и три лиры бумажные. Тогда пятирублевый золотой имел эквивалент в виде, казалось бы, огромной суммы – более 87 тысяч рублей, однако позже, в Константинополе, Гребенщиков писал, что для жизни там требуется «в день сотни тысяч рублей». Накопленных денег могло хватить лишь на первое время, на неделю или две. Выбор был невелик: в Крыму – голод и красный террор, в Турции – полная неизвестность.

Пароход «Константин» стал на рейд в порту Константинополя 20 сентября. Этот день можно считать началом зарубежного периода в биографии Георгия Гребенщикова. Первые впечатления,

как у любого талантливому художника, достаточно эмоциональные:

«Вот я и в Босфоре, в воротах к Царьграду. Холмистые пустынные берега – слева Азия, справа Европа – озарены ранним солнцем... Босфор захватывает постепенно. Всё извилистее, всё гуще постройки, по ту и по другую сторону закипает жизнь... Город кажется миражом где-то далеко в голубой дымке, четко отпечатанный на небосклоне стройными минаретами Святой Софии» (7/20 сент. 1920) [2].

После прохождения санитарного кордона Гребенщиков высадился на берег. Феерическая вечерняя панорама сменилась ночным кошмаром, криками турок, доносившимися с яликов, и нападением пиратов, атакующих суда. Пароходные гудки и кокетливые улыбки принаряженных

Прибытие беженцев в Константинополь. 1920 г.
На рейде пароход «Константин». ИР

женщин довершали картину незнакомого города: «О блудный современный Вавилон! Страшен ты и гадок, и все-таки надо кланяться тебе» [там же]. Турецкий Константинополь стал первым перевалочным пунктом на пути во Францию. Именно отсюда потянулись дороги в эмиграцию по всем странам Европы и даже в Африку.

На следующее утро, 21 сентября, Гребенщиков прибыл в город. Он зарегистрировался в русском посольстве и направился в контору типографии русско-французской газеты «Press du Soir» («Вечерняя пресса», на франц. яз.). Там произошла неожиданная встреча с Исааком Наумовичем Альтшуллером, врачом, знакомым ему по Ялте (кстати, лечившим еще Чехова и Толстого). Помимо врачебной практики, доктор Альтшуллер вел большую благотворительную деятельность.

Эта встреча оказалась крайне полезной. Сведения о благотворительных организациях были необходимым условием выживания в незнакомом месте. На волне эмиграции в Константинополе возникали общества взаимопомощи, среди которых наиболее известными считались: Всероссийский союз городов, Всероссийский земский союз, «Русский маяк», «Русский очаг». Их услугами пользовались практически все эмигранты. К тому же доктор Альтшуллер предоставил Гребенщикову для ночлега свой роскошный кабинет (со старинной мебелью, электрической люстрой и большими зеркалами). На первых порах, до приезда жены из Крыма, этот приют стал спасительным якорем.

В дальнейшем писатель неоднократно посещал контору «Press du Soir». Главный редактор предложил ему написать что-либо для газеты.

Так в октябре и ноябре на французском языке появились три статьи о бедственном положении русских в Крыму: «Островитяне», «Снимите распятых!» и «Русские на Мраморном море». Они получили хороший отклик у читателей и даже упоминались в парижской национальной прессе. Очерк «Снимите распятых!» – это крик души, призыв к состраданию русским беженцам.

РУССКИЙ МАЯК

Через несколько дней после приезда в Константинополь, 23 сентября, писатель посетил благотворительное учреждение «Русский маяк» на улице Брусса, дом № 40, ставшее прибежищем для большинства эмигрантов. Его основали американцы под эгидой Христианского Союза молодых людей (ХСМЛ). Это был настоящий очаг культуры, где проходили лекции и концерты, работали библиотека и русская школа для детей. Часто устраивались танцевальные вечера. Кроме того, руководство «Маяка» организовало доступную столовую, душевую комнату, зал для отдыха и даже бесплатный ночлег. Основной контингент посещавших благотворительное учреждение составляла аристократия. Гребенщиков дал яркое описание этого эмигрантского общества в «Письмах из Царьграда»:

«Русская речь, русские лица, улыбки и весь непринужденный, простой обиход, говорящий о том, что почти все здесь свои люди. Вы слышите знакомые имена, известные фамилии, частое упоминание слов “баронесса”, “князь”, “графиня”.

Присматриваясь далее, вы видите породистые руки, гордые, не гнущиеся при кивках знакомых шеи важных почтенных дам, обрюзгшие, изношенные, гладко выбритые щеки сановных стариков и жидкие, полу-женственные фигуры юношей, одетых с претензиями на последний крик моды» (Русский маяк) [4].

В «Русском Маяке» Гребенщиков сразу же вызвался принять участие в литературных чтениях, которые проходили обычно на втором этаже в помещении школы. Встреча с писателем состоялась 8 октября 1920 года, в памятный для каждого православного россиянина день преподобного Сергия Радонежского. Гребенщиков читал цикл своих рассказов «В просторах Сибири». Вот как спустя много лет описывал это событие Александр Дехтерёв, будущий архимандрит Алексей, который тогда жил на турецких Принцевых островах и изредка посещал Константинополь:

«Я вошел в небольшую комнату, где частью сидели, частью стояли слушатели. Я насчитал человек сорок – юношей и девушек студенческого возраста. Должен отметить, что в это время внизу шли танцы, но молодежь предпочла им литературное чтение. Увидел я и писателя. Еще очень молодой человек, с поразительно бледным лицом, стоял у стола и читал свои алтайские рассказы...

Изящный темно-серый костюм, черный мягкий галстук, небрежно повязанный широким бантом (пожалуй, теперь и не умеют так повязать), небольшие усы и волна светло-каштановых волос, мягкий и тихий голос, шелестящие страницы рукописи (или книги, не помню) и едва слышная снизу мелодия рояля...

Будто какими-то чарами брошен я в прошлый век, в Николаевский Петербург. И будто передо мной юный Достоевский читает своих “Бедных людей”... Да,

Собор святой Софии в Константинополе.
Фрагмент открытки

в чем-то на мгновение мелькнуло большое, разительное сходство, но только на мгновение (а не истина ли в таких мгновениях, не прозрение ли?). Вспыхнуло... и тут же погасло» [5].

В тот вечер Георгий Гребенщиков и Александр Дехтерёв познакомились и подружились на долгие годы (после Второй мировой войны архимандрит Алексей вернулся в Советский Союз и стал архиепископом Виленским и Литовским). Исполнителем импровизаций на рояле был 17-летний юноша Владимир Дукельский, впоследствии знаменитый композитор, известный в Америке как Вернон Дюк, близкий товарищ художника Святослава Рериха.

Там же, в «Русском Маяке», у Гребенщикова часто случались и другие встречи. В этом смысле «Маяк» оправдывал свое название. Под его крышу собирались давно знакомые друг другу люди, соприкасавшиеся на родине. Но, в отличие от России, светское общество на чужбине приобретало другое качество взаимоотношений. Культурный очаг в Константинополе объединил всю эмигрантскую массу, разбросанную по берегам Босфора, и создал условия для общения в русской среде.

В начале октября Гребенщиков встретился в «Маяке» со своим земляком из Сибири, актером Московского художественного театра П. Ф. Шаровым. В то время труппа МХТ тоже оказалась в эмиграции в Турции. Годом раньше, в октябре 1919-го, писатель и артисты виделись в Ялте, куда театр прибыл из Гурзуфа по пути в Одессу. Там произошло сближение со знаменитыми Качаловым, Книппер, Страховой, Шаровым и Массалитиновым. Все артисты, как выразился Георгий Дмитриевич, «нарасхват читали “Чураевых”». Заинтересовались они и некоторыми его рассказами для постановки, особенно «Лесными королями».

По предложению руководства МХТ Гребенщиков начал работу над пьесой «Из песни Слово». После новой встречи с Шаровым в дневнике писателя появилась запись об артистах, напрямую имеющая отношение к его собственной жизненной позиции:

«Они все так же мучаются, как и мы, грешные, но все-таки держат свое знамя крепко. Думаю и я жить для литературы и литературой. Все-таки будет какое-то нравственное оправдание тех мук и унижений, которые добровольно испытываю за границей» (7 окт. 1920) [2].

В тяготах и лишениях у Гребенщикова оформляется кредо жизни в эмиграции – служение литературе. Толчком к пересмотру жизненных планов, несомненно, стал для писателя приезд МХТ. (Последние полгода до отъезда из Крыма он жил исключительно физическим трудом.) 11 октября 1920-го в небольшом константинопольском театре «Пти-Шань» состоялся первый спектакль труппы. Публика увидела инсценировки рассказов Чехова «Забыл», «Хирургия» и Мопассана «Гавань». Спектакль прошел с большим подъемом, была обещана еще одна постановка – «Братьев Карамазовых» Достоевского.

Вскоре, разделяя всеобщий энтузиазм по поводу гения русского искусства, Гребенщикова выступает с публицистикой в парижской газете «Общее дело». Он пишет не просто рецензию, скорее – репортаж о гастрольях МХТ и об открытии сезона русской оперы, под названием «Несмотря ни на что!..» В статье ярко обозначилась гражданская позиция художника:

«В Константинополе – на этой грязной международной толкучке, где никогда не было ни одного приличного (в европейском смысле слова) театрального представления, где считалось неприличным останавливаться для гастролей, нынче, когда отовсюду на Россию смотрят как на бывшую и несуществующую державу, эта самая Россия показывает Константинополю свой Московский Художественный театр с Книппер, Качаловым, Массалитиновым и др., показывает свой сказочный балет в лице Фроман и др. и, наконец, ставит своего бессмертного “Евгения Онегина”.

Надо знать те гнусные условия, созданные атмосферой беженства – этого отвратительного явления современности, чтобы оценить подвиг, совершенный

русскими артистами... Пусть бывшие в театре: изысканный француз, высокомерный англичанин, грубый и невежественный грек, эпически наивный турок и наши маленькие братушки-славяне, словом, все, перед которыми мы вынуждены ломать шапки, слушая и видя русское искусство, знают, что Россия, нищая сейчас материально, – никогда не будет нищей душой!..» [6].

В этих строках открыто звучат слова о подвиге, о самопожертвовании русских людей во имя искусства. Тем самым как бы обозначается и нравственная позиция самого автора, обнажается его собственная душа.

В октябре 1920-го в Константинополь прибыли Т. Д. Гребенщикова и супруги Пинегины. Гребенщиконы поселились в палатке, которую Татьяна Денисовна сшила своими руками еще в Ялте. Их соседями по жилищу стали генерал Белой армии А. А. Бейер и его жена, они тоже разместились в палатке на открытом воздухе. В сложившейся ситуации необходимо было зарабатывать на жизнь.

К середине октября писатель смог устроиться грузчиком на пароход «Пион», исправлял ломаные ящики и чинил тюки. Он работал без выходных – и в будни, и в праздники. За усердную работу ему назначили достаточно высокое жалование – две лиры в день. Для сравнения следует заметить, что вегетарианский обед в столовой «Маяка» стоил половину лиры. Татьяна Денисовна тоже начала зарабатывать – шила детские конвертики и платья. К счастью, заработки изнурительным трудом продолжались недолго.

В конце октября положение изменилось. Генерал Бейер рекомендовал Татьяну Гребенщикову

Русские беженцы в Константинополе. 1920-е гг.
Фотографии. ИР

в качестве домашней хозяйки главе русского посольства в Константинополе генерал-лейтенанту Александру Сергеевичу Лукомскому. Служба в посольском доме решила и судьбу писателя, в прямом и переносном смысле. Он записал в дневнике:

«Я чувствую себя превосходно, пью чай с сахаром, ем халву, печенку, винегрет и веду за столом важные беседы с генералом и послом и с очень милыми членами его семьи» (13/26 окт. 1920) [2].

И главное, теперь появилась счастливая возможность заниматься литературной работой, были написаны циклы статей для самой популярной в то время парижской газеты «Общее дело».

Через полтора месяца генерал Лукомский принял решение покинуть Константинополь в связи с окончанием боевых действий на Южном фронте и эвакуацией Добровольческой армии в Галлиполи. (Лукомский, будучи главой русского посольства, представлял также правительство генерала Врангеля.) Он направлялся в Европу. Гребенщико-вы присоединились к Лукомским как члены их семьи, причем Георгий Дмитриевич – в качестве личного секретаря генерала. Запись из дневника писателя:

«Послезавтра, 10 декабря садимся на пароход, едем до Бизерты, а оттуда якобы до Тулона, и через Францию на Бельгию. Конечно, в этом моя мечта...» (8 дек. 1920) [2].

Действительно, с небольшой задержкой, 11 декабря 1920 года все погрузились на корабль «Константин», уже хорошо знакомый Гребенщикову по предыдущему плаванию из Севастополя, и отправились в сторону Африки...

ПОД НОГАМИ ТОЛПЫ

В тяжелых условиях зарубежья Георгий Гребенщиков продолжал литературную работу. Еще по пути в Константинополь на палубе парохода писатель встретил Аделаиду Владимировну Жекулину, директора киевского издательства «Летопись». В 1919 году это издательство выражало готовность приобрести для публикации рукопись романа «Чураевы». В связи с начавшейся эмиграцией из Киева большинство сотрудников «Летописи» перекочевало в Софию, и там было основано новое Русско-Болгарское издательство. Очередной разговор о выпуске знаменитого романа завершился обнадеживающими словами Жекулиной. Она сказала, обращаясь к Гребенщикову: «Если я не умру в течение полугода, “Чураевы” выйдут в свет. И вы поедете прямо в Болгарию, а потом уже в Париж» (7/20 сент. 1920) [2].

В то напряженное, хаотичное время и планы, и людские судьбы менялись от разных случайностей. И писатель принял встречу с Жекулиной как провидение. А что касается самого романа, то он, еще не появившись в печати, стал действительно знаменитым.

Роман «Чураевы», точнее, первая часть многотомной эпопеи под названием «Братья», написанная в окопах Первой мировой войны, получила одобрение А. М. Горького. Затем в Киеве «Братьями» восхищались И. А. Бунин и А. И. Куприн. В 1918 году несколько вечеров подряд Гребенщиков читал рукопись в компании живых классиков. Позже при посредничестве Бунина была сделана попытка издать роман в Одессе, но реалии времени,

революция и начало военных действий на Юго-Западном фронте не позволили осуществить этот замысел. Через год, в 1919-м, писатель Елпатьевский, проживавший в Крыму, куда перебрался из Одессы и Гребенщиков, предложил опубликовать «Чураевых» в Киеве. Вот тогда и появилась издатель А. В. Жекулина.

На третий день по приезде в Константинополь, 24 сентября, Жекулина пообещала «добыть визу на Болгарию» и ехать туда вместе для заключения договора на издание «Чураевых». Но накануне писатель уже подал прошение о выдаче визы французскому консулу. В Париж ушла телеграмма, и ответ ожидался через неделю. После указанного срока никакого решения не последовало, оно было отложено на неопределенное время. Консул дал Гребенщикову ответ: «Ожидайте».

В конце октября 1920-го, не имея французской визы и испытывая материальные затруднения, писатель принял вынужденное решение о продаже рукописи своего романа «Чураевы» на первое издание Русско-Болгарскому книгоиздательству в Софии. Отъезд в Болгарию планировался на середину ноября.

Вскоре в Константинополь прибыл один из директоров софийского издательства В. Н. Каменский. Он предложил окончательный расчет, хотел купить роман за 240 лир (15 тысяч болгарских левов). Однако к этому времени материальное положение Гребенщиковых улучшилось. Появилась возможность эмигрировать во Францию вместе с семьей генерала Лукомского, поэтому предварительное соглашение о продаже рукописи было расторгнуто. Решающую роль в данном вопросе

сыграла позиция жены писателя, Татьяны Денисовны. Выдержка из дневника:

«Что бы ни было со мною впереди – каяться не буду. Больше всего настаивала на неуступке Таня. Она сказала: я буду кухарить, шить, стану опять свиней кормить и сама выплачу тебе эти несчастные 240 лир, или три тысячи франков, но “Чураевых” не дам в обиду» (8 дек. 1920) [2].

Действительно, предложенный гонорар составил сумму заработка Татьяны Гребенщиковой ровно за два месяца в качестве домашней хозяйки у Лукомских. Спустя полгода, весной 1921-го, «Чураевы» были проданы парижскому журналу «Современные записки», а затем – и издательству «Франко-Русская печать», где роман вышел отдельной книгой.

Уже первая неделя в эмиграции дала Гребенщикову богатый литературный материал. Он сразу же начал делать зарисовки о константинопольской жизни. Цикл состоял из трех небольших очерков и предназначался для парижской газеты «Общее дело». Все очерки были написаны в едином стиле и составляли одно целое: «Под негритами», «На улицах Константинополя», «Русский маяк».

Рекомендовал Гребенщикова в качестве автора издатель и редактор «Press du Soir» Орест Григорьевич Зелюк, который являлся одновременно представителем «Общего дела» в Константинополе. Газета считалась в то время одной из ведущих не только во Франции, но и во всей Европе; там печатались видные русские писатели, оказавшиеся в эмиграции: Бунин, Куприн, Мережковский, Гиппиус, Тэффи и др.

Очерк «Под негритосами» описывает высадку с корабля на берег прибывших из России эмигрантов и те унижения, которые выпали на долю людей, и без того раздавленных войной. С писательским мастерством показано, как «вооруженные чернокожие солдаты строго охраняют пеструю толпу пассажиров, сортируют на мужчин и женщин, толпами загоняют сначала в одну казарму, потом в другую...» [7].

Затем идет описание санитарной обработки. Наверное, оно может вызвать шок у читающей публики, не прошедшей ужасов турецкого чистилища: «В бане – галерея конских стойл, или звериных клеток, кусочки мыла и простой душ». Глазами автора читатель видит какой-то «маскарад дикарей», гонимых страхом смерти, вращение масок, где нет различия между священником и согбенным евреем. В уста бородатого северянина писатель вкладывает ключевую фразу: «Теперь вся Россия под маской. Вся Россия как Град Китеж, и есть, и нет ее...» [там же].

В очерке «На улицах Константинополя» крупными мазками передана окружающая жизнь города. Не случайно повествование начинается словами: «Босфор лег узким синим коридором между Европой и Азией» [8]. Тема Азии захватывает и звучит упоминанием «песчаных холмов знойных восточных пустынь». Сразу же задается некий смысловой императив, неудержимое колесо существования. Калейдоскоп вращения вбирает в себя все противоположности, в которых выделяется прежде всего русский элемент. Он не принадлежит ни Востоку, ни Западу, это – что-то особенное, устойчивая жизненная сила бытия:

Д. А. Белюкин. Белая Россия. Исход. 1994. Фрагмент.
На картине изображен писатель И. А. Бунин
(вверху у паровой трубы)

Быт эмигрантов в Константинополе. 1920-е гг.
Фотографии. ИР

«Но тут и там в кипучий, густо смешанный людской поток вмешались русские, вольные и невольные скитальцы по чужбине: лихие и печальные, отважные и трусы, подвижники и мелкие воришки, князья и плебеи, оборванцы и расточительные франты» [там же].

Перед внимательным взглядом писателя проходят чередой не только разные типы русского люда, но и вывески учреждений, многочисленные товары, выложенные на продажу. И всё это пропитано «русским духом» и «русскою мечтою». Вывод художника, созерцающего пестроту на улицах Константинополя, достаточно парадоксальный. Очерк завершается длинной фразой:

«Несомненно одно, что русский человек, несмотря на всю свою кажущуюся рыхлость и инертность, нигде не пропадет и всюду вносит свой неуклюжий, не совсем опрятный, часто скорбный, но прочный, оседлый быт...» [там же].

Третий очерк посвящен благотворительному учреждению «Русский Маяк». Этот форпост для беженцев, как упоминалось, существовал на американские деньги. Выше уже шла речь об обитателях «Маяка» и было дано описание аристократического общества. Несколько слов следует сказать о главной мысли автора. Фотографический стиль очерка помогает рассмотреть вблизи жизнь русской колонии. Гребенщиков подталкивает читателя задуматься о нравственной чистоте собственной души, о сохранении русских корней, которым «едва ли может чем-либо повредить американское масонство».

Эти три очерка, один за другим, появились в газете «Общее дело» за 14, 15 и 16 декабря 1920 года под общим заголовком «Письма из Царьграда».

Их публикация открыла Георгию Гребенщикову пути в писательскую среду Русского зарубежья. Позже его статьи стали выходить, помимо «Общего дела», в парижской газете «Последние новости» и в берлинском «Руле».

Следующей публиковалась серия небольших рассказов: «Америка», «Анюта», «Под ногами толпы» (25 дек. 1920 г., 7 и 13 янв. 1921 г.). Еще раньше, в октябре 1920-го, в константинопольском дневнике писателя упомянуто о завершении работы над тремя маленькими рассказами из «детской беженской жизни». Предполагалось, они будут переведены на английский язык и «пойдут в Америку». Неизвестно, увидели ли свет произведения в США, но, вероятно, именно их публикация состоялась в газете «Общее дело».

Все рассказы Гребенщикова посвящены подросткам 12–13 лет; они являются главными героями сюжетов. Перед читателем разворачиваются трагические судьбы детей. Место действия – детские приюты на островах Мраморного моря. Автор рассказывает о мальчике Серёже по прозвищу «Америка», который вместе с товарищем пытался бежать на пароходе из Крыма в США, но был пойман и водворен в русский сиротский дом.

Героиня другого рассказа – девочка Анюта, попавшая в Турцию из Болгарии. В Софии она погибала от голода, но выжила благодаря недетской смекалке, нарисовала объявление и стала шить одежду для кукол.

Третий герой – сын директора московского банка, арестованного большевиками, сирота. Мальчик работает чистильщиком обуви на улице, как говорится, «под ногами толпы». Отсюда

и название рассказа. Образованный подросток из интеллигентной семьи принимает окружающую действительность такой, какая она есть. Он несколько раз повторяет свою спасительную формулу: «Надо работать». И эти слова очень по-взрослому звучат в детских устах.

Рассказы Георгия Гребенщикова часто несут на себе печать биографии писателя. В воспитателе приюта, например, заботливо опекающем «Америку», легко узнаваем Александр Дехтерёв (архимандрит Алексей). Он три года прожил на Принцевых островах и воспитывал там детей, руководил приютом на о. Халки. А девочка Анюта напоминает Татьяну Гребенщикову, которая шила для эмигрантов детские конвертики. Жене писателя было тогда 27 лет. Сиротская тема в литературе имеет прямое отношение к самому Гребенщикову. На Алтае у него оставался 15-летний сын. О нем, брошенном в жерло революции, скорбела душа писателя.

К периоду эмиграции в Константинополе можно формально отнести и серию путевых очерков под общим названием «В Африку». Это шесть «репортажей» с борта парохода «Константин», написанных в декабре 1920-го после выхода в открытое море на пути во Францию. Они также публиковались в газете «Общее дело» начиная с января 1921 года. Перечислим их в порядке опубликования: «Из Константинополя» (11 января), «Через проливы» (24 января), «В Эгейском море» (1 февраля), «В бухте Наварино», «Мертвая зыбь» и «Африка» (все три – 2 марта).

Некоторые работы, начатые Гребенщиковым в Константинополе, появились в печати позже.

Это – естественное запаздывание, оно обусловлено фактором времени и издательскими планами. За три месяца пребывания в Турции можно насчитать 20 очерков, рассказов и публицистических статей. Помимо «Общего дела» и «Press du Soir», выходили статьи и в других газетах, например в «Юге России» (Севастополь). Там напечатано письмо Георгия Гребенщикова «Из-за моря».

Однако не все произведения писателя увидели свет. По цензурным соображениям «Царьградский альманах» в ноябре 1920-го отклонил очерк «Мостик через пропасть». Этот очерк выбивается из обычного ряда публикаций. В своих суждениях автор слишком близко подошел к запретной теме, а именно – прикоснулся к политике. Наблюдая Крымскую эпопею, беженский шквал, готовый взорвать Константинополь как пороховой погреб, Георгий Гребенщиков взывает к примирению между Красной и Белой армиями. За последние три военных года он впервые решается высказать «свободно свои гражданские соображения». Вот плод его терзаний и размышлений, отлитый в скупые строки:

«Неистовые сектанты с той и другой стороны сейчас же выдвинут острое лезвие о преступном соглашательстве. А я упрямо повторяю, что это соглашательство должно прийти к нам, рано или поздно, как самое естественное право на терпимость, общежитие и даже братство!..

Как родные братья могут спорить, не хватая друг друга за шиворот, так равно в будущей России отлично могут уживаться большевик и белый генерал, вовсе не съедая друг друга живьем, как это делается в процессе нашей революции... Пока же пропасть остается страшной и бездонной и решительно ничем не заполненной» [9, л. 3–4].

Основную мысль Гребенщиков выносит в заглавие. Примирение и есть тот самый нужный всем «мостик через пропасть». Автор заключает в статье, что, благодаря «турецкому гостеприимству», ему самой жизнью дано сказать о «психологическом оздоровлении враждующих сторон». Он пишет: «Ни белые, ни красные мне не позволили бы это дома» [9, л. 1]. Однако и в свободном Константинополе его гражданские права попораны, они остались за железным засовом цензуры.

В то же самое время Гребенщиков начинает писать целый цикл статей «Русско-турецкие письма». Первая из них называлась «О взаимном понимании». Это – продолжение политической темы, посвященной «злободневным и животрепещущим вопросам понимания турецкими людьми людей русских и наоборот» [10, л. 1]. Приступая к работе, писатель пока не знает о запрете на его статью. Мир еще не готов к идее братства народов. Именно поэтому начатый им цикл обрывается на полуслове, он так и не был окончен.

Зыбкое время не позволяет строить «замки на песке». Трудно себе представить, чтобы произошло примирение двух противоборствующих, враждебных сил, когда еще не высохла на солдатских шинелях кровь. В Крыму шла зачистка офицеров Русской армии, а в окрестностях греческого (на тот момент) города Галлиполи было стояние регулярных белогвардейских частей. Армия генерала П. Н. Врангеля находилась на «Голом Поле» в холодных палатках, голодала, не имея никаких надежд на будущее. Возможно ли говорить о братстве, даже просто о братании русских людей, если в воздухе висел чад ненависти?..

Эвакуация армии П. Н. Врангеля в Сербию. 1921 г.
Фотография. ИР

По прибытии в Турцию Георгий Гребенщиков сразу же попытался установить контакты с издателями. Поскольку для большинства русских беженцев Константинополь, его окрестности, такие как Сен-Стефано и Макри-Кей, а также поселения на ближних островах Оттоманской империи являлись лишь перевалочным пунктом на пути в Европу, то количество печатных изданий там исчислялось единицами, а не десятками или даже сотнями, как в других странах рассеяния. Это сокращало возможности развернуть работу по изданию книг именно в турецком зарубежье.

Наиболее популярными там считались газеты «Press du Soir», «Галлиполийский листок», журнал «Наши дни». Со своим книжным проектом Георгий Дмитриевич обратился к издателю «Press

du Soir» О. Г. Зелюку. Несколько дней он вел переговоры: «Может быть, с ним начну некое книгоиздательство» (10/23 сент. 1920) [2]. По всей видимости, камнем преткновения стали финансовые вопросы. Писатель на первых порах не терял уверенности в успехе. Вот как он сформулировал свою позицию:

«Напротив, я набрался храбрости думать, что для той цели, которую я преследую – организация издания русских книг, мог бы требовать правительственной поддержки» (11/24 сент. 1920) [2].

Однако страшная гуманитарная катастрофа, вызванная полным разгромом Добровольческой армии в Крыму и нахлынувшей беженской волной, не оставила никаких шансов на успех задуманного

Вынос плащаницы на Пасху.
Галлиполи, 1921 г. Фотография. ИР

предприятия. Случались дни, когда на рейд в Константинополь прибывало более ста больших и малых судов с эмигрантами.

Через год в Париже Зелюку – несостоявшемуся компаньону Гребенщикова – всё же удалось открыть типографию и издательство «Франко-Русская печать». Именно в этом издательстве в 1922 году отдельной книгой вышел роман «Чураевы». Уже во Франции Георгий Дмитриевич пытался объединить свои усилия по организации издательства с известным врачом и общественным деятелем И. Н. Коварским. И снова компаньонаж не получился. Коварский основал самостоятельное издательство «Родник» (с магазином, складом и библиотекой).

Лишь в 1923 году, благодаря необычному знакомству и встрече с художником Н. К. Рерихом, пришла удача. Гребенщиков и Рерих на паях основали книгоиздательство «Алатас». Весной 1924-го писатель уехал в Соединенные Штаты Америки, и там издательство было присоединено к музею Николая Рериха в Нью-Йорке. Позже Гребенщиков его выкупил и стал полновластным хозяином. За весь период существования «Алатаса» под маркой издательства вышло в свет более полусотни книг, брошюр, учебников. А если считать плакаты, листовки и программы, то счет идет на сотни. Мечта, которая вела Георгия Гребенщикова в зарубежье, осуществилась. Но ради нее писателю пришлось пожертвовать самым дорогим – он никогда так и не вернулся из эмиграции на родной Алтай.

ФРАНЦИЯ: ГОД ТЯЖЕЛЫЙ, НО ДОБРЫЙ

Глава третья

«ПОЛЕЗНАЯ ЖИЗНЬ» В ПАРИЖЕ

Во Францию Георгий Гребенщиков и его жена Татьяна Денисовна прибыли из Африки на военном крейсере «Эдгар Кине». Первого января 1921 года корабль прошел мимо острова Сардиния, вскоре на горизонте показался обетованный берег. Можно считать, Новый год встретили на новой земле. На следующее утро якорь уже брошен в порту Тулона. Однако Гребенщиконы оказались в «заточении». Для схода на берег таможенные служащие потребовали специальное разрешение. Объясниться было нелегко, французская речь Георгия Дмитриевича представляла собой набор искаженных фраз и вызывала снисходительную улыбку окружающих.

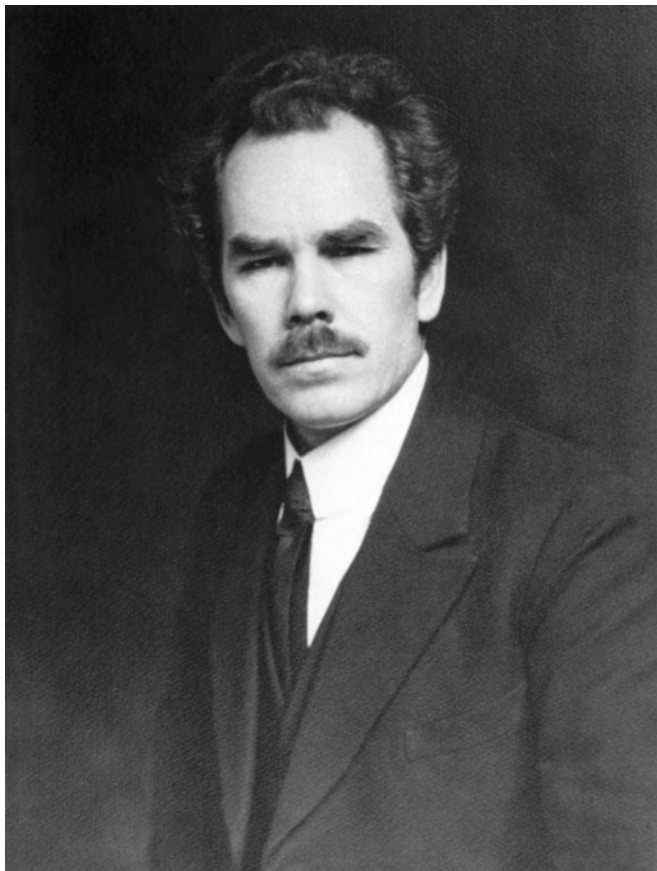
Французы на корабле понимали русского писателя с большим трудом, но он проявлял усердие и энтузиазм в общении. За обедом в корабельной столовой Гребенщиков сказал, обращаясь к матросам: «Мы – ваши пленники!» (2 янв. 1921 г.) [1]. В ответ они лишь сочувственно пожалы плечами. Задержка не была «пленом», и в переводе шутка не удалась. Все-таки 3 января после трех недель морской качки наконец спустились с трапа на твердую почву. Ходатайство генерала Лукомского и телеграммы от высоких чинов возымели действие на комиссара таможни. Путь на Париж был открыт.

В Париже Гребенщиковы оказались 10 января и вскоре влились в писательскую среду русской эмиграции. На первое время их приютила поэтесса Маргарита Волкова на Монмартре. Целыми днями они разыскивали старых друзей и представлялись новым. Список знакомств быстро увеличивался. После приезда сразу же нашли И. А. Бунина. На следующее утро встретились с публицистом и издателем парижской газеты «Общее дело» В. Л. Бурцевым, журналистом и литератором С. Ф. Штерном, который состоял сотрудником той же газеты, а также с журналистом С. В. Потресовым (Яблоновским), знакомым по Москве. Далее пошло по кругу – Георгий Дмитриевич познакомился с Дмитрием Мережковским и его женой, не менее талантливой писательницей Зинаидой Гиппиус, написал письмо Владимиру Набокову в Берлин, повторно был представлен Александру Куприну (после Киева) и подружился с Константином Бальмонтом. Эти контакты удалось наладить ровно за неделю.

Благодаря кипучей натуре Георгия Гребенщикова всё ладилось. Речь шла о публикации романа «Чураевы». Иван Бунин всячески помогал. Но бодрое настроение вскоре сменилось печалью:

«Сегодня весь день прошел под знаком грусти и раздумий о родине. Я не могу помириться с тем, что французам недоступна наша тонкая музыкально-глубокая литература, и теперь я понимаю, что мы им непонятны и никогда не будем понятны – вот в чем трагедия... Что-то мне становится не по себе в Париже» (18 янв. 1921 г.) [1].

Минутные разочарования уходят прочь, когда Георгий Дмитриевич берется за перо.

Георгий Дмитриевич Гребенчиков.
Париж, 1924 г. FSCA

По воскресеньям они с Татьяной Денисовной заходят иногда в русскую церковь. Великолепный храм на улице Дарю, который построен на пожертвования простого люда при Александре II и освящен в 1861 году, притягивал своим величием. Но хор там был собран не из соотечественников, а из французов, увлеченных «варварским» песнопением, и от этого служба казалась трогательной, вызывала умиление и восторг.

Душевное равновесие Гребенщикова колеблется, как на чаше весов. На него оказывают влияние неустроенность и настроение писательской братии. Чувствуется отчуждение соотечественников, и веет каким-то «холодком». Целыми днями писатель сидит за столом, пишет статьи в газеты «Общее дело», «Руль» и французский журнал «Victoir». Там публикуется серия его очерков «В Африку». Но он не удовлетворен собственной жизнью: «Мелкие статьи – не моя работа. Они мучительны и бесплодны» (2 февр. 1921 г.) [1]. И все-таки приходилось выполнять ежедневную работу ради хлеба насущного. Буквально через день после этой дневниковой записи написан новый очерк «Задушевная беседа» и составлена книга рассказов о детях «В некотором царстве». Жизнь берет свое повсюду.

Перемены настроения связаны и с думами о Сибири. На Алтае остаются «заложниками» его первая жена Людмила и сын Анатолий. О них скорбит Георгий Гребенщиков: «Вне России и не будет сыта душа, высохнет мозг и выветрятся чувства! Не смогу я жить вне России настоящей жизнью» (12 февр. 1921 г.) [1]. Мысли о родных постоянно подогреваются политическими разговорами. Что там и как

Русские эмигранты у собора св. Ал. Невского.
Париж, ул. Дарю. 1920-е гг. ИР

на Родине? Крым уже пал, белые офицеры, рассеянные по горам, все обманным путем возвращены и расстреляны. Горе русских изгнанников выплескивалось, как штормовые волны Черного моря на берег. У писателя Ивана Шмелёва большевики убили сына, попавшего в Крымский котел. Георгий Дмитриевич переживал за собрата-писателя, с которым познакомился еще до эмиграции в Алуште, ведь в России у него тоже сын.

Но что же Сибирь? Она была исковеркана Гражданской войной, голодала и готовилась к новым испытаниям. Красные комиссары добрались до Тихого океана. В ноябре 1922-го пала Дальневосточная республика, последний оплот Белых

армий, и русские люди окончательно рассеялись по миру. Путь Гребенщикову на Алтай был отрезан, возвращение домой из Европы через Дальний Восток, как он первоначально предполагал, стало полной утопией. Наоборот, осенью 1922 года «философские пароходы» плыли из Петрограда и Одессы на Запад, спасая от расправы мыслящую интеллигенцию.

Однажды у Ивана Бунина дома пришлось столкнуться с контр-адмиралом В. К. Пилкиным, который говорил о Колчаке, Пепеляеве и Сибирском Ледяном походе. Речь зашла о русском народе, допустившем революцию. Как обычно бывает в подобных беседах, ругали всех и вся. Гребенщиков спросил адмирала: за что мы любим Россию, если наш народ – это «деревня», подлая и глупая? «Может быть, за пейзажи, былины и собственные воспоминания?» – Георгий Дмитриевича захлестывали чувства, и вкипали эмоции. Но адмирал оказался на высоте, он с достоинством ответил: «Нет, мы любим всё то, божеское, что имеется только в России» (5 февр. 1921 г.) [1]. Для писателя это был полезный урок – смотреть не на себя, а на Бога, или... на Бога в себе.

Русская эмиграция, несомненно, оказалась политизированной, и Георгий Гребенщиков не мог обособиться от всевозможных предложений, поступавших со всех сторон при встречах с соотечественниками. Самоустранение означало изоляцию, потерю возможностей, в том числе литературных. Как-то раз его посетил сибирский инженер и журналист Александр Евгеньевич Иконников и предложил начать в Париже объединение сибиряков, видя в такой инициативе здоровое зерно

для зарождения российской государственности, так необходимое после возвращения на родину, чтобы «сеять разумное и вечное». Никто не верил, что большевики пришли надолго. И, тем не менее, такие «заграничные рецепты» показались писателю сомнительными, хотя пройдет всего десять лет и Гребенщиков станет во главе Сибирского общества в Нью-Йорке.

Но тогда, в Париже, он смотрел на мир открытыми глазами и ощущал будущее обнаженными нервами. На предложение стать сибирским головой он ответил сам себе в дневнике:

«Мне кажется, большевики съедят всю Россию, зажгут Европу и, поджаривая ее по кускам, уйдут сами с обуглившегося пожарища России. И вот, потом мужик и подвижник снова из пепла будут поднимать Россию – божью великую страну... А все эмигранты к тому времени вымрут» (16 февр. 1921 г.) [1].

Слова оказались пророческими. Коммунистический строй просуществовал 74 года, страна рухнула, и эмигранты «первой волны», покинувшие Советскую Россию по доброй и недоброй воле, действительно вымерли.

В феврале 1921 года началась редакционная борьба за издание романа «Чураевы». Иван Бунин предложил опубликовать его у П. Б. Струве в журнале «Русская мысль». Гонорар назначили небольшой, и Гребенщикову пришлось начать самостоятельные поиски издателя. Он обратился в «Современные записки». Правда, уверенности не было, поскольку накануне один из редакторов журнала, А. И. Гуковский, отклонил его рассказ «Родник в пустыне». Сам же автор считал рассказ наиболее удачным из всего того, что им написано

за последнее время. Однако вечером 19-го февраля И. И. Фондаминский радостно сообщил, что все редакторы одобрили «Чураевых». Георгий Дмитриевич подписал условия передачи рукописи, получил аванс в две тысячи франков и прямо из редакции отправился на Елисейские поля в ресторан «Janger». Там заседали литературное сообщество, пели цыгане и собравшиеся провозглашали тосты, приправленные «остроумной вермишелью реплик».

Заглушить душевную боль по России можно было одним способом – работать без усталости. Гребенщиков берется за новый рассказ под названием «Будущее». Рассказ быстро перерос в большую повесть. Как у любого крупного художника, замысел повести возник спонтанно. Будучи 13 апреля на концерте известного пианиста А. К. Боровского и виолончелиста Е. Я. Белоусова в парижском зале «Гаво», Георгий Дмитриевич, как обычно, слушал музыку и «думал о своем». Из музыкальных образов сам собой стал складываться литературный сюжет. Это – искания смысла жизни и скорби, переживаемые им в последние годы писательского молчания. На следующий день уже были готовы две первые главы повести. Кажется, писатель вполне доволен собой: «Пишу по-настоящему, как не писал со времени “Чураевых”. Переживания так остры, что на целый день расходится и ноет сердце» (14 апр. 1921 г.) [1].

Георгий Гребенщиков взялся за животрепещущую тему, связанную с Гражданской войной на юге России и в Крыму. Эта тема брала за душу всех, кто оказался в изгнании. Они бежали от зверской расправы большевиков, раны еще не затянулись,

и в воздухе стоял запах крови. Настроение эмигрантского сообщества требовало правдивых, жизненных литературных произведений. Иван Шмелёв уже завершил свой роман «Солнце мертвых», который посвятил «красному террору» в Крыму и гибели сына, а вскоре появился и дневник Ивана Бунина «Окаянные дни» (1925).

Повесть «Будущее» стала быстро разрастаться, и писатель обрел уверенность, что делает большую и нужную работу:

«Похоже на то, что я выхватил горящий труп из общего костра и хочу нести его в толпу своих читателей. Обжигаясь сам, я обожгу и их, когда понесу эту живую головню. Я не надеюсь оживить и воскресить погибших, но чем больше причину я боли живущим, чем глубже загляну с читателем в бездну переживаемого зла – творение современного человечества, тем ближе будет моя цель.

Я не хочу больше искусственной бодрости, хотя и знаю, что в минуты падения одно здоровое и сильное слово может спасти» (15 апр. 1921 г.) [1].

Через неделю, 20 апреля, повесть вчерне была готова. Гребенщиков несколько раз еще возвращался к ней: что-то не ладилось, казалось вычурным и надуманным. Но 9 мая неожиданно успокоился, исправил некоторые места рукописи и поставил точку.

Судьба рукописи неизвестна, возможно, она не сохранилась. Автор остался не удовлетворенным повестью. Будущее – это не туманная перспектива событий, не плод писательского воображения, оно пульсирует в венах писателя. Гребенщиков всё больше замечает, что фантастические образы накатываются, как волны. Перед его

внутренним взором разворачивается какой-то город, который будет построен «выросшим человечеством». Колоннады домов, как висячие гирлянды, под ними – рельсовые пути для поездов, мосты-крыши с воздушными лестницами.

«Это должны быть прекрасные, особенные города на огромных плоских равнинах среди живой цветущей зелени, и за сотни верст должны быть видны, как сказочные видения, причем железо должно быть сплетено, брюссельское кружево» (10 апр. 1921 г.) [1].

Он не просто фантазирует, а живет в какой-то новой для себя реальности. Создает в мыслях Новую страну, а не просто «российскую государственность», о которой так бурно беседовал с инженером Иконниковым.

Члены Учредительного собрания. Париж, 1921 г. ИР

Русские эмигранты на улицах Парижа. 1920 г. ИР

Обращение Георгия Гребенщикова к теме будущей России не случайно. В Париж он прибыл как раз накануне крупного политического события в Русском зарубежье. Там 15 января 1921 года открылось совещание членов Учредительного собрания, во главе которого стояли видные общественные деятели – П. Н. Милюков, Н. Д. Авксентьев, М. В. Вишняк, др. Напомним, первый из них помогал Гребенщиковым въехать во Францию при высадке с корабля, посылая телеграммы в их поддержку. Другие двое осуществляли руководство литературным журналом «Современные записки». Именно на страницах этого журнала впервые был опубликован роман «Чураевы» (1921).

На парижском совещании, впоследствии ставшем органом для защиты интересов и прав России

и ее граждан за границей, остро поднимался вопрос о будущем существовании Российского государства. П. Н. Милюков провозгласил принцип переустройства страны на федеративных началах. Открывалась перспектива для развития окраинных территорий, как, например, Сибири. Эмигранты верили в скорое возвращение на Родину.

Очевидно, атмосфера всеобщей надежды влияла и на литературный процесс в Зарубежье. В то время, помимо повести Гребенщикова «Будущее», были созданы оригинальные фантастические произведения. Можно упомянуть среди них повесть И. Ф. Наживина «Во мгле грядущего» (1921), романы П. Н. Краснова «За чертополохом» (1922), Н. А. Орлова «Диктатор» (1923) и др.

Георгий Гребенщиков всё больше и больше влиялся в эмигрантскую среду Парижа, приобретая нужные знакомства. Он частенько заезжал к Куприну и Алексею Толстому, встречался на вечерах с супругами Мережковскими, познакомился с философом Львом Шестовым, подружился с врачом Ильей Николаевичем Коварским, наладил отношения с французским издателем Боссаром и переводчиком Анри Монго. По выражению писателя, он вел «полезную жизнь» в Париже, занимался не только писательским ремеслом, но и принимал участие в общественных утрениках.

Их устраивали И. Н. Коварский (кстати, участник совещания членов Учредительного собрания) и его жена, педагог и литератор Лидия Антоновна. У Гребенщикова появились новые знакомства – артисты, художники, писатели и самые простые эмигранты. Это и выдающиеся деятели зарубежной культуры, и мало кому известные.

Особые узы дружбы связали Георгия Гребенщикова с Коварскими. Они стали организаторами в Париже знаменитых «детских литературных утренников», их проводила редакция сборников «Дети – детям» (1921–1922). Георгий Дмитриевич принимал участие в этих утренниках, устраиваемых, как правило, в память об одном из русских писателей. Так, «Утро» в память о В. Г. Короленко прошло под патронажем Гребенщикова 22 января 1922 года, другие – посвящены Л. Н. Толстому, И. С. Тургеневу, Н. В. Гоголю. Всего состоялось 16 встреч с детьми, и последняя из них была проведена 4 мая 1924-го, вскоре после отъезда Гребенщико-вых в Америку.

Позже, в 1940 году, с началом мировой войны во Франции Коварские тоже переехали в США, поселились в Нью-Йорке. Там Илья Николаевич подтвердил степень доктора и успешно продолжил врачебную практику. Он занимался литературной работой, вошел в корпорацию «Нового журнала», где изредка публиковался и Гребенщикова. Лидия Антоновна также проявила себя на поприще литературы. В Нью-Йорке вышла ее мемуарная книга «Русские писатели».

Невзирая на стремление эмигрантов быть вместе, все-таки существовало разобщение. Разница в культуре и образовании, в политических убеждениях давала о себе знать. Единственное, что скрепляло всех, – только церковь. В храме люди чувствовали себя по-настоящему русскими, но многих это не спасало от бед и тяжелых воспоминаний о родной земле. Особенно в праздник Пасхи подступала какая-то горечь, и пасхальное ликование на чужбине превращалось в слезы.

Гребенщикова здесь – не исключение, а быть может, яркий пример того, как страдает душа русского человека вдали от Родины.

«Великая пятница. На стоянии вчера не был. Пасха здесь не в пасху. Хотя Татьяна все-таки хлопочет с куличами. Удивительная женщина: она способна вырастить цветущий сад в самой бесплодной пустыне...» (29 апр. 1921 г.).

«Опять, опять, опять Пасхальная ночь на чужбине, вдали от тех, кто, конечно, сейчас вспоминает и молится, быть может, за упокой!...» (30 апр. 1921 г.).

«Христос Воскресе, родимая Россия! Ночью был в русской церкви. Море голов, вся гуде Дагу загромождена автомобилями. Когда запели “Христос Воскресе” – отовсюду слышались рыдания. Рядом со мной стояла молодая бледная русская девушка и боролась со слезами. Одного видного мужчину вывели под руки. Его голова висела, глаза закрыты, а по щекам бежали слезы. Вот какова русская Пасха!» (1 мая 1921 г.) [1].

«РУССКИЙ ХОЛМ» В ЛА ФАВЬЕРЕ, НА ЛАЗУРНОМ БЕРЕГУ

Парижская жизнь входила в свое повседневное русло, быт налаживался, как вдруг в мае 1921-го писатель получил совсем не творческое предложение от супругов Швецовых, Бориса Алексеевича и Аполлинии Алексеевны, – строить им дачу на Лазурном берегу, на юге Франции. За работу был обещан надел земли по соседству.

Сибиряки Швецовы оба происходили из Кяхты и представляли родовитое купечество, владевшее «чайной империей». Гребенщикова познакомился с ними на литературном вечере в Ялте,

где супруги поселились после Октябрьской революции. В близком окружении Швецовых было немало именитых писателей, но Георгий Дмитриевич оказался «своим», то есть родом из Сибири. В беженских условиях земляки – это почти что родственники. В 1919 году Швецовы, не дожидаясь падения белого Крыма, через Кавказ отправились морем в Европу. Они нашли пристанище на Лазурном берегу, в Ницце, издавна облюбованной русскими царями.

Обустроить землю под дачу и возводить хозяйственные постройки пришлось прямо на берегу моря, в деревне Фавьер, расположенной недалеко от Лаванду (теперь это курортный городок с яхтами и ресторанами). Деревня относилась к административному округу Вар, с центром в городе Борм, в Провансе. Лазурный берег уже был знаком Гребенщиковым. После высадки в Тулоне в январе 1921 года они неделю путешествовали вдоль моря, вплоть до Ниццы, вместе с генералом Лукомским. Присматривали себе жилье, чтобы обосноваться надолго. Париж оставался красивой мечтой и казался недостижимым. Но все же решились ехать завоевывать столицу.

В минуты отчаяния Гребенщиков надеялся вернуться назад, на юг Франции. В нем сильно укоренился «кулак с мужицкой тягой к земле», поэтому хотелось сделать что-то «материально стоящее». Еще в феврале он собирался обсудить с Буниным и Куприным «маленький проект», имея цифры в руках. Писатель ожидал только ответа из Ниццы, то есть от А. А. Швецовой, как известно из его письма Ивану Бунину (22.02.1921). Маленький проект – это дом в Фавьере.

Мыс Гурон, окрестности Фавьера.
Открытка. 1940-е гг.

И вот теперь – снова Прованс! Из Парижа выехали 22 июня. На вокзале провожали друзья – историк С. Г. Сватиков, журналист и театральный критик С. В. Потресов, а супруги Коварские и фронтовой товарищ юрист И. А. Кирилов прислали письма с добрыми пожеланиями в дорогу. Приезд в Лаванду вызвал былые воспоминания. Они оформились в новый очерк «Прованс», опубликованный в газете «Общее дело» (27.11.1921). Из него читатель узнаёт, что еще при «высадке» на французскую землю Гребенщиков поехал разыскивать Швецовых, чтобы получить какую-то помощь и осесть на Лазурном берегу. Проходит время, и писатель оказывается там, куда раньше стремился. Эти места напоминали родной Алтай:

«Но вот я посмотрел назад и увидел зеленые, серые и лиловые далекие вершины гор – длинная, неровная, полупустынная гряда вершин, увалов, склонов и седловин, – и вдруг мне подумалось, что вся эта картина мне знакома с детства... Ведь это же мои родные, алтайские предгорья!.. Да неужели?.. Господи!.. Да что это, что со мною? Ну да! Да, ведь я же наконец-то дома!..» [2, с. 194].

К описанию Гребенщикова можно добавить, что место оказалось не только приятным глазу, но и диким. Оно находилось в нескольких километрах от Лаванду, на окраине деревни Фавьер. Песок, сосны, запущенный виноградник и всё вокруг, поросшее тернием. Красоты окружающих гор и синего моря стали постепенно отступать, растворяться в повседневности и уступили место тяжелому труду чернорабочего. За строительство временки для хозяев обещан участок земли или выплата франками.

Георгий Дмитриевич с энтузиазмом принялся за работу и взялся возводить «хижину». Купил мула и тележку, начал расчищать дорогу, рубить лес, возить гравий с берега моря. Одних только дорог и дорожек собственноручно было сделано несколько километров. Вырыл глубокий колодец. Работал, как выразился, «до девятого пота». Почему до девятого?.. Через две недели руки его заскорузли, а сам он приобрел вид «закоренелого лесного разбойника».

Тяжкий батрачный труд скрашивался оптимизмом Татьяны Денисовны. Она своими руками сшила палатку, развела кроликов, кур и цыплят, то есть наладила хозяйство, без чего жить на отшибе было бы невозможно. Чтобы сохранить выводок

цыпляют без потерь, грела их своим теплым дыханием и держала на груди. Поэт Бальмонт как-то сказал, что у нее «золотые руки». Всё, к чему она прикасалась своими руками, действительно превращалось в «золото». Сама выстроила домик для кроликов, и французские рабочие приходили посмотреть и дивились, как возможно сделать такое женщине. «Никто не верит», – написал Гребенщиков в письме С. В. Потресову (05.08.1921) [3, с. 177].

Пополнение хозяйства животными ознаменовалось разными приключениями. Георгий Дмитриевич, как тонкий писатель, не мог пройти мимо всевозможных проделок своего мула. В дневнике он приводит курьезные случаи, которые оказались не столь безобидными, можно сказать, даже опасными для жизни. В первую неделю, пока мул обживался, ничего не предвещало дурных событий. Писатель упоминает о четвероногом друге с большим юмором:

«Мул вчера сделал 50 километров с возом. А сегодня дважды сходил в Лаванду. Силища у него неимоверная. Живет без конюшни под сосной и все время танцует на песке. Я нашел-таки свое призвание – быть слугою мула» (4 июля 1921 г.) [1].

Курьезные случаи происходили один за другим. Имея деревенские навыки обращения с животными, Гребенщиков часто ничего не мог поделать и попадал в комичные ситуации. Дневник писателя полон бытовых подробностей:

«Начал возить кирпичи из Лаванду для колодца. Мул мой при встречах с лошадьми совершенно свирепеет, встает на дыбы, крутится винтом и веселит всё окрестное население. Никто, кроме меня, на нем не отважился ездить» (22 июля 1921 г.) [1].

Расплата за отвагу пришла довольно быстро. К концу лета мул осмелел. Гребенщиков возил гравий с берега к месту постройки дома, и «друг» пытался дважды его укусить, но оба раза удавалось увернуться. Наконец, на пляже, пока Георгий Дмитриевич возился с телегой, мул укусил хозяйина за грудь, сразу же смял его и взялся за левую руку. (Хорошо, что укусил не правую руку, для писателя – это катастрофа!) Вот еще одна выдержка из дневника:

«Между тем я был у него под ногами, и он всем телом навалился на меня, стал меня грызть за руку. Лицом я лежал в песке и, кое-как высвободив голову, сам стал кусать его за ногу, и тогда он меня бросил. Потрясение было так велико, что со мной произошел сердечный припадок» (4 сент. 1921 г.) [1].

Почти неделю пришлось пролежать в бинтах, после чего Гребенщиков поднялся, работал без усталости и за полтора дня провел самую длинную дорожку по северо-западной границе имения.

Строительство приобрело широкий размах. Под конец выяснилось, что можно сделать не просто дачу для отдыха, но устроить «хутор». Для этого было получено разрешение в Ницце. С постройки первой хижины Гребенщиковым началась история русской колонии Фавьера. Именно в ней поселился поэт и прозаик Саша Чёрный, прославившийся веселыми историями для детей. Позже дом вместе с участком земли занимала семья В. А. Оболенского, потомки которой известны на Лазурном берегу по сей день. Во время Второй мировой войны немцы, опасаясь американского десанта, взорвали почти все русские дачи (через них проходила береговая линия обороны).

По существу, основателем русской колонии стала чета Швецовых, а первыми колонистами – супруги Гребенщиковы. Затем появилась Людмила Сергеевна Врангель, жена барона Н. А. Врангеля, инженера путей сообщения. Она слыла человеком неутомимой энергии и изобретательности. Не имея собственных средств, она подала идею Аполлинару Алексеевне: разделить землю на участки и начать их продажу русским эмигрантам. Наши соотечественники стали селиться и на «Русском холме», как его называли местные французы, неподалеку от имения Швецовых. Летние дачи появились у И. Я. Билибина, П. Н. Милюкова, проф. С. И. Метальникова, также – у О. Н. Мечниковой, вдовы знаменитого русского ученого. Иногда летом

Саша Чёрный (справа) у своей хижины в Фавьере, построенной Г. Д. Гребенщиковым. 1926 г. ИР

Анна Гелич. Домик на мысу Гурон. 2008 г.

гостили парижские знаменитости – Александр Куприн, Марина Цветаева, Александр Бенуа, Николай Черепнин, Александр Гречанинов, Дон-Аминадо, Тэффи, Наталия Гончарова и Михаил Ларионов. Со временем Фавьер стал уникальным очагом русской культуры за рубежом.

Георгий Гребенщиков возложил на свои плечи огромную заботу – выстроил своими руками дом (привлекая, конечно, и местных рабочих), конюшню, сарай; расчистил дороги, сделал два моста; еще двор, колодец, много прочего. Более четырех месяцев каторжного труда. Последняя запись в дневнике писателя, сделанная им на Лазурном берегу:

«Сегодня совершил купчую крепость на 3015 кв. метров земли, отведенной мне за мой труд здесь, в деревне Фавьер... Хочу культурной атмосферы, музыки,

света и удобной постели, где бы мог расправить свои кости и члены. Подвиг труда совершен, и я торжествую победу: заработал своим горбом землю во Франции» (25 окт. 1921 г.) [1].

Феномен личности Гребенщикова – его непреодолимая тяга к земле, к строительству. Ведь сначала он строил хижину на Алтае, домики на Карпатах и в Крыму, а потом – целую деревню в Америке. Совмещается ли такая тяга с писательским талантом? Две совершенно противоположные сферы деятельности, труд чернорабочего и изысканный полет мысли. Встречаются ли другие литераторы с подобным жизненным опытом?..

Возможно, именно эмиграция породила писателя и труженика в одном лице. В зарубежной литературе существует блестящий пример Гайто Газданова, который работал ночным таксистом в Париже. А как же Лев Толстой в России? То отдельный случай! Быть может, дело вовсе не в тяжелых условиях эмигрантского быта, а в чем-то другом. В особом, религиозном сознании писателя?! Чаше всего делание и молитва сочетаются в монастырях. Для Гребенщикова литературный труд – это своего рода молитвенное служение.

РОМАН «ЧУРАЕВЫ»

В конце октября Гребенщиконы возвратились в Париж. В это время полным ходом уже печатался в «Современных записках» роман «Чураевы». Главы эпопеи шли из номера в номер и увлекали эмигрантское сообщество. Из издательства «Поволоцкого» Георгий Дмитриевич получил свой

новый сборник рассказов «В некотором царстве». На него уже появились хвалебные рецензии в газете «Общее дело». Книги писателя заметили французские издатели. От Э. Боссара, издававшего Курпина, поступило предложение о переводе «Чураевых» на французский язык.

Вместе с успехом пришли и новые трудности. В писательской среде кипела ревность, и успехи одних становились неудачей для других. От переводчика Монго, который приступил к «Чураевым», Гребенщиков узнал о том, что его кумир Бунин и еще Зинаида Гиппиус и Мережковский «злоствовали» против него. Особенно усердствовал последний: «Мережковский побегал в издательство и там возмущался, что какой-то Гребенщиков будет с ним рядом издаваться» (30 окт. 1921 г.) [1]. Настоящий талант всегда подвержен испытаниям и закаляется в пламени творчества.

Временные неприятности компенсировались восторгами благодарных читателей «Чураевых». Роман имел действительно настоящий успех. Эмиграция являлась неоднородной по своему составу. Помимо дворянского сословия, значительную часть составлял простой люд – на фронтах Первой мировой воевали солдаты из крестьян и рабочих, средняя прослойка, разночинцы, которые эвакуировались с Добровольческой армией из Крыма. Они по достоинству оценили правдивое произведение о народной жизни. «Получаю массу писем с восторженными отзывами о “Чураевых”» (6 сентября 1921 г.) [1].

В центре повествования – древний старообрядческий род во главе с Фирсом Платоновичем Чураевым. У него дочери и трое сыновей: Ананий,

Обложка журнала «Современные записки», где публиковался роман «Чураевы» в 1921–1922 гг.

Викул и младший Василий, которого отец отправил учиться в Москву. И еще один – незаконнорожденный Еремка, разбойник и каторжник. События начала XX века происходят в горах Алтая, в небольшом поселении Чураевка. Его обитатели заняты крестьянским трудом – заготовкой пушнины, меда, масла, маральих шкур. На фоне тихого быта и гармонии природы разворачивается человеческая драма.

Сюжет романа укладывается в пару десятков строк, но он обогащен психологическими момен-

тами и невероятным напряжением чувств героев. Эти чувства переливаются из одного драгоценного сосуда личности в другой. Викул, успешный в торговых делах, плывет на плотах из Чураевки в большой город, чтобы получить доход. Оттуда он уезжает в Москву навестить брата. Встречает в белокаменной столице Наденьку Никитину, подругу Василия, который уже четыре года влюблен в нее, не сознавая, как пушкинский Онегин, всей глубины своей любви. Богатый интеллект уступает первенство здоровому инстинкту человека, только что вышедшего из первозданной природы. Викул неожиданно для себя обретает невесту. Наденька, по разумению автора, удивительная девушка. Гребенщиков выводит образ героини с кипучей жаждой жизни, порывистой страстностью. У нее краткая, но емкая характеристика: «Искательница приключений!» [4, с. 187].

Братья Василий и Викул вместе с Наденькой, дочерью сотрудника известной московской газеты Сергея Дмитриевича Никитина, возвращаются в Сибирь. Фирс Чураев как глава старообрядческой общины венчает молодых. Наденька вливается в большую семью Чураевых, разделяет с родственниками их образ жизни, даже носит сарафан вместо шелковых нарядов. Но очень быстро бравада, с которой она вышла замуж за Викула, улетучивается.

В семье наступает разлад. Муж из ревности жестоко избивает Наденьку, хотя по-своему питает к ней нежные чувства. Она всё так же обожает Василия, и тот отвечает ей взаимностью. Наступает развязка – под покровом ночи Василий и Наденька бегут из Чураевки, плывут на лодке вниз

по реке, исчезают в бурном круговороте жизни. На последней странице романа выясняется, что Василий не пропал, а находится в религиозном поиске. Автор говорит о его судьбе устами знаменитого путешественника по Алтаю, профессора Лаптева: «Уехал он куда-то на Восток!.. Беспокойный он... всё Бога ищет настоящего...» [4, с. 238].

Поиск истинного Бога и есть главная линия романа. За канвой внешних событий стоит титаническая борьба его героев за нравственные идеалы. Василий отвергает веру отцов. Он непримирим по отношению к тем ценностям, которые исповедуют старообрядцы. «Бог уживается со злодейством!» [4, с. 222] – вот потому и необходимы новые нравственные идеалы. Старая вера утвердилась на крови. Каин убил невинного Авеля, и этот кровавый след тянется из далекого прошлого. Фирс Платонович доводит до самоубийства Оксютку, мать своего сына Еремы. Василий обвиняет отца, выносит ему беспощадный приговор:

«Ты не такой убийца, как твой сын Ананий, или незаконный сын Ерема. Ты слышишь, родитель, я знаю всё!.. И не такой, как твой родитель, не считавший за грех убить китайца и киргиза. И не такой убийца, как твой дед, разбоем проложивший свои тропки к Беловодью... Нет, ты, отец, убийца более преступный, более жестокий, ибо убиваешь именем своего Бога» [4, с. 223].

Происходит столкновение старого и нового, родовых связей и современной цивилизации. Путь в неприступные горы, к святому Беловодью, был проложен предками Чураевых через грех. Для Василия такой грех невозможно замолить, он является препятствием к истинному благочестию. Над Фирсом Платоновичем страшным грузом, и днем

и ночью, висит мысль: «Бог потребует возмездия, рано или поздно отомстит Чураевскому роду» [4, с. 30]. И возмездие наступает. Дьяк Чураев хочет удалиться в скиты, молиться о всепрощении, но умирает в лодке посреди реки, не достигая берега спасения. Гребенщиков возводит смерть в символ. И даже больше того, показывает, как рушатся сами символы. Старообрядческая церковь превращается в прах вместе со смертью Фирса Платоновича. На ее месте образуются многочисленные ложные секты.

В чем же состоит истинная вера, какой вывод делает автор, подводя итоги роману? Высший духовный идеал – это не философские концепции или размышления о природе Бога. Идеал всегда прост – любовь. Она приходит через страдания и жертву. Герой Гребенщикова остается на перепутье. Василий Чураев только входит в лоно великой любви. Он обращается к Наденьке утром, на легком привале: «Никогда не думал я, что такую ценою достается людям их любовь!.. Их истинное счастье!..» [4, с. 227]. Последняя сцена происходит на берегу реки, на восходе солнца. Василий сказал эти слова и посмотрел в глаза своей спутницы, открывая в них «новые, никогда не виданные дали».

Роман дался Георгию Гребенщикову нелегко. Прошли годы, прежде чем «Чураевы» увидели свет. К его созданию писатель приступил в 1913 г. в алтайских горах. Летом того года он путешествовал, жил в шатре на Белом озере в селе Колыванское, останавливался в деревне Перекличная на южном Алтае. Идея романа о братьях Чураевых в чем-то перекликается с «Былиной о Микуле Буяновиче» (1924), а она в свою очередь выросла из пьесы

«Микула Селянинович» (1912). Работа над романом шла в окопах Первой мировой, около Двинска. Вторая часть рукописи написана в вагоне эшелона под Черновцами, и третья – в Карпатах, на боевом участке 59-й пехотной дивизии, в командирской землянке на «Высоте 947». В предисловии к отдельному парижскому изданию Георгий Гребенщиков сообщал читателям об этом окопном времени: «Я уносился думами в сибирские скиты и спешил зарисовать самобытную жизнь далеких своих земляков» [4, с. 5]. Ярким белоснежным полднем, 5 февраля 1917 года, писатель окончил роман.

Огромную роль в становлении литературного дарования Георгия Дмитриевича сыграл Максим Горький. Именно из-под его «могучего крыла» молодой писатель хотел выйти с новым романом к читателям. Горький наставлял Гребенщикова в письме: «Вы пишете большую вещь... Эта повесть Ваше лучшее, т.е. лучшее из всего, что Вами уже сделано» [5, с. 349].

Прославленный классик оказывал покровительство собрату по перу, поддерживал его добрым словом, посылая письма на фронт. Советовал оставить окопы, чтобы завершить «Чураевых». Он «очень боялся», что война разрушит сложившиеся впечатления, почерпнутые из сибирской жизни. Даже готов был выделить значительную сумму денег, только бы удалось довести роман до финала. Но из-за массы бумажной отчетности отбыть из действующей армии Гребенщикову не удалось. К тому же все вокруг ожидали скорого окончания войны. Роман пришлось завершать, как он точно выразился в письме Горькому, «под непрерывный гром орудий» (30 нояб. 1916 г.) [5, с. 350].

Обложка романа «Чураевы». 1922 г.

Однако это – только начало сражения за свою литературную судьбу. Крайне тяжелая обстановка на фронте после Февральской революции, распад армий и хаос по всей Украине, связанный с опьяняющей «свободой», создали угрозу роману и самому автору. Он спасал рукопись от истребления. Повсюду распространялась атмосфера нетерпимости ко всем, кто имел хотя бы какие-то «писанные мысли». Гребенщikov мог оказаться даже «немецким шпионом»! Колоритно описана им история спасения рукописи. Она была закопана в землю, как драгоценный клад:

«Рукопись потела в котомках верных мне солдат, пряталась от самостийников, петлюровцев, от немцев и от русских, двенадцать дней бомбардировавших Киев, гнила в земле под покрасневшими над нею помидорами в Крыму и, наконец, отчаявшись увидеть свет на Родине, в начале сентября 1920 года уючовела в Турцию...» [6, с. 436].

На одну характерную деталь в этом странствии «Чураевых» следует обратить внимание. Автор относится к своему творению как к живому существу. И со временем становится понятным, почему. В романе потаенно сокрыта душа писателя, и сам главный герой – Василий Чураев – чем-то напоминает Георгия Гребенщикова.

После возвращения из Прованса в Париж Гребенщиконы временно обустроились на бульваре Монпарнас, дом 43, в семье у Сергея Викторовича Потресова (журналиста, известного под литературным псевдонимом Сергей Яблоновский). Деятельность Потресова в России была связана с журналистикой, он совмещал обязанности корреспондента и редактора газеты «Русское слово» в Москве.

Сергей Викторович специализировался в качестве обозревателя театральной деятельности Московского художественного театра, даже написал книгу «О театре» (1909). Гребенщиков тоже неравнодушно относился к театру, в свое время уделил внимание одной из постановок МХТ, изпод его пера вышла развернутая рецензия на спектакль «Синяя птица». Однако главное, что их объединяло, по всей видимости, это отношение к монархии и русскому царю. После Октябрьской революции Потресов подвергся преследованию ЧК за усилия по освобождению императорской семьи,

Уголок Парижа вблизи Монпарнаса. Открытка

находившейся под арестом в Екатеринбурге, и вынужденно покинул Родину. У Георгия Дмитриевича в планах на следующий, 1922 год, записана тема новой работы – «Монархия грядущая».

Со временем Гребенчиковы переехали в недорогой отель. Георгий Дмитриевич занялся публицистикой. Помимо упомянутого очерка «Прованс», в ноябре вышла статья о встрече со Львом Николаевичем Толстым в Ясной Поляне. Это – итог выступления 6 ноября 1921-го на «детском утреннике» у Коварских, посвященном памяти Толстого. Воспоминания о великом классике получили хорошие отзывы, отовсюду слышалось множество комплиментов. Писатель также начал работу для театра, разработал план пьесы «Былина о лукавом дураке Иване, о святой княжне Татьяне и зеленом царе Буяне». В середине декабря

пришлось поступить на службу заведующим русским книжным магазином в Париже, чтобы иметь средства к существованию.

Весь год прошел, по существу, под знаком «Чураевых». Беготня по издательствам, борьба за гонорар (писатель не хотел продешевить: все-таки первая большая вещь, которую он представлял читателю), переживания, как отзовется его слово среди собратьев по писательскому цеху. Всё имело значение и проходило через нервы, как по проводам высокого напряжения. Когда началась работа над переводом романа на французский язык, пришлось часто бегать к Анри Монго, каждый раз переводчик хватался за голову. «Чураевы» на английский язык оказались вообще непереводимы: «Слишком это русское произведение». Не только прошел год под знаком «Чураевых», но и начался новый. Роман был принят к печати отдельным изданием. Он вышел в свет на будущий год.

Конец декабря 1921-го оказался по-человечески счастливым. Новогодний праздник прошел дома, в семейном кругу. Гребенщиков, как настоящий писатель, сидел за столом и подводил итог того, что пережили и перечувствовали вместе с Татьяной Денисовной. Невзирая на простое счастье, думы не оставляли Россию и уносились далеко на Алтай. Строки из дневника:

«Сейчас ровно 11 час. 57 минут. Год во Франции! Год тяжелый, но добрый, милостивый год... Сегодня “продал” Чураевых для печатания... Кончен 1921 год. Уже 2 минуты нового! Всё же грустно как-то: что-то там, в России? Где они, все мои милые, далекие, боль души моей и печаль дум моих! Боже Владыко Всемогущий! Люблю Тебя – дай им сил в их святом и страстном подвиге. Аминь!» (31 дек. 1921 г.) [1].

БУНИН, БАЛЬМОНТ И ДРУГИЕ

Глава четвертая

ЗНАКОМСТВО С ПРИЗНАННЫМ КЛАССИКОМ

В тяжелые послереволюционные годы, невзирая на всеобщий хаос, голод и нечеловеческую жестокость, которые ворвались в русскую жизнь вместе с Октябрем 1917-го, интеллигенция не оставляла своих поисков «смысла бытия». Напротив, накануне небывалой по масштабам эмиграции в России по-прежнему печатались газеты, возникали новые издательства, устраивались литературные вечера, шли спектакли. В напряженной социальной атмосфере культурная жизнь тоже достигала своего высокого градуса. Так происходило повсюду, не только в столичном Петрограде и белокаменной Москве, но и на окраинных перепутьях – в Тифлисе и Новороссийске, Киеве и Харькове, Одессе и Ялте.

В одном из таких провинциальных центров, застигнутые налетевшей грозой Гражданской войны, встретились два русских писателя. Гребенщиков познакомился с Иваном Алексеевичем Буниным, именитым классиком, академиком в литературе. И хотя у Гребенщикова уже вышло два тома рассказов «В просторах Сибири», его повесть «В полях» была опубликована в «Современнике» и даже сам он был замечен и обласкан Максимом Горьким, молодой писатель оставался еще вдалеке от большой литературы. Пропуск ему в писательский мир дал именно Бунин. Вслед за этим пришло и подлинное признание.

И. А. Бунин на даче А. М. Фёдорова.
Одесса, Большой Фонтан. 1918 г. АОЛМ

С годами становится понятным, что первая встреча Георгия Дмитриевича с Буниным оказалась судьбоносной. Она произошла ранней весной 1918 года в Киеве, в «чем-то гостеприимном доме». Имя хозяина память не сохранила ни у одного из писателей. «Вот там-то и прослушал, всю целиком, мою рукопись первого тома “Чураевых” терпеливый и внимательный Иван Алексеевич, – вспоминал Гребенщиков. – Отсюда начался какой ни на есть мой успех в Париже» [1, л. 1].

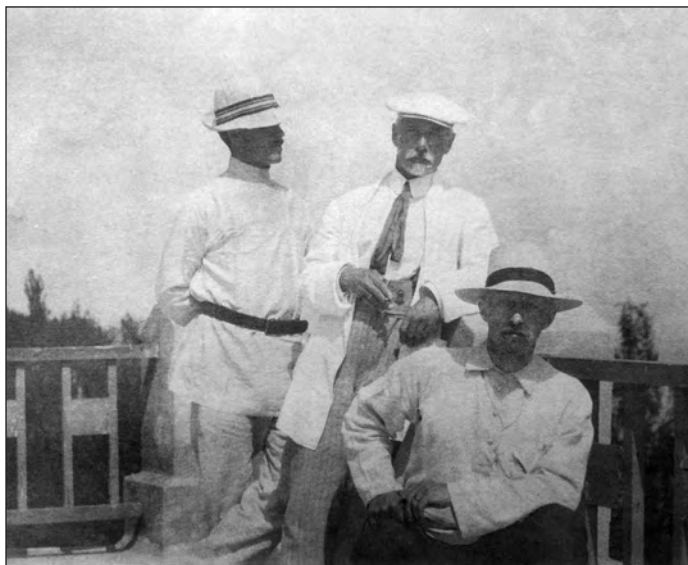
Заочно они были знакомы еще до Первой мировой войны. На Капри Горький читал Бунину сибирские рассказы Гребенщикова, восхищаясь молодым талантом. Об этом рассказывал годы спустя в эмиграции Фёдор Шаляпин. Упомянутый факт не обошла вниманием в парижских «Последних новостях» и В. Н. Бунина. А Георгий Гребенщиков даже включил каприйский сюжет в один из своих очерков «В просторах Америки», где он описывал значение личности Горького для «большаков в литературе» [2].

Февральская революция застала Гребенщикова в действующей Русской армии. После прекращения военных операций на Украине писатель оставил руководство передовым санитарным отрядом и оказался в Киеве. Устроив ряд своих литературных дел, он отправился через Харьков и Одессу в Крым. Летом 1918-го вместе с женой Татьяной Денисовной обосновался в Ялте. Однако знакомство Бунина и Гребенщикова в Киеве – это не случайный эпизод. Писатели часто собирались в июне 1918 года в доме редактора «Киевской мысли» М. И. Эйшишкина. Там Иван Бунин четыре вечера подряд рассказывал свои впечатления

от встреч с императором Николаем II Романовым, Великим князем Константином Константиновичем и московским генерал-губернатором В. Н. Шебеко. Завязалась пусть не крепкая, но добрая дружба, в которой Бунин так нуждался, брошенный в вихре «окаянных дней» сначала на юг России, а затем на Киевщину.

Снова оба встретились в Одессе. Произошло это у писателя А. М. Фёдорова, на его «великолепной даче» на Большом Фонтане, расположенной прямо на берегу моря. Гребенщиковы снимали одну из комнат. Там, в писательском общежитии, затевались многие начинания, привносящие свежую струю в культурную жизнь города. Одесса стала перевалочным пунктом, через который проходили беженские потоки на пути в Константинополь, но большинство временно оседало в Крыму, добираясь морским путем до Ялты и Севастополя. Именно так поступили и Гребенщиковы.

В Одессе Бунин был приглашен на должность главного редактора местной газеты «Южное слово». Он сумел объединить вокруг себя известных писателей и даже ученых. В состав редакции вошли С. Н. Сергеев-Ценский, А. М. Фёдоров, Н. П. Кондаков и др. Их публицистика сразу же подняла провинциальное издание на небывалую высоту. Осенью 1919 года Бунин посылает в Ялту телеграммы и письма – с предложением Гребенщикову опубликовать свои произведения на страницах «Южного слова». Георгий Дмитриевич живо откликается на бунинские призывы. И вскоре, в ноябре и декабре, в одесской печати появляются его рассказы «Ярышка» и «Карьера Александра Ивановича Перекатиполе».

Г. Д.Гребенщиков (слева), А. М. Фёдоров, И. А.Бунин.
Одесса, Большой Фонтан. 1918 г. ИНРСА

Отъезд Гребенщиковых в Крым вызвал у Бунина противоречивые чувства. Уже тогда становилось очевидным, что полуостров может стать «красной ловушкой» при наступлении большевиков на южном направлении. Все-таки Гребенщико­вы приняли решение, хотя и временно, но осесть на землю. Накануне отплытия в Ялту писатель сделал пометки в своем дневнике. Последние, ускользающие образы одесской жизни связаны именно с Буниным.

Литературный мэтр предстает в этих записях эксцентричным вершителем судеб. Он ругает на чем свет стоит Е. К. Брешко-Брешковскую,

знаменитую народницу, которая прослыла «бабушкой русской революции».

«Одесса. На даче Фёдорова. И. А. Бунин, ярко блистающий среди писателей в Одессе, часто низко поприцал других писателей и заходил в своих эпитетах так далеко, что становилось неприятно. Тем не менее, всегда остроумный, интересный, меткий, он мне нравился своим талантом и цивилизованностью.

Характеризуя революционное движение как иллюстрацию несостоятельности российского народа, он, между прочим, сказал о Брешко-Брешковской, некогда скрывавшейся у Фёдоровых под видом няни: «Подлая старуха, стерва!.. Маленькие преступные глазки, и она всё равно без тюрьмы дышать не могла». Я не выдержал и резко возражал. Бунин тогда совсем возмутился и запылал, доказывая, что вся работа этих стариков была безумием или глупой провокацией народа: «Посылать в народ гимназистов и гимназисток – мы это знаем – только для того, чтобы им на первой станции переломали ноги!»

Узнав о том, что я решил уехать в Крым, он снова возмутился и начал мне кричать: «Да это же очертя голову, в пропасть!.. И главное, не посоветовавшись с друзьями!.. Да нет, вы это оставьте. Там голод, страшная дороговизна, и, кроме того, вы будете отрезаны от Киева и от всех нас...» В общем, выходило так, что этого человека невольно приходилось чувствовать, любить и уважать. Правда, я не послушался его, уехал в Крым и, разумеется, не покаялся» (17.07.1918) [3, л. 1].

«Наказанием» за непослушание у Гребенщиковых стала жизнь, полная тягот и лишений. Они обосновались в Ялте, обзавелись куском земли и погрузились в крестьянский быт. В течение двух лет Георгию Дмитриевичу пришлось не только писать очерки в местные газеты, но и сделаться разнорабочим – каменщиком, дровосеком, извозчиком.

Одесса, Большой Фонтан.
Открытки. Первая четверть XX века

Литературная работа не могла прокормить. Только по счастливой случайности он вырвался из тисков белых и красных армий. Из Севастополя удалось выехать в Константинополь осенью 1920-го. Начался период эмиграции.

По приезде во Францию в январе 1921 года (Бунин был уже в Париже) Гребенщиков немедля направился в дом Буниных. На Ивана Алексеевича возлагалась большая надежда – раздобыть средства к существованию и пробиться в литературные круги зарубежья. Бунин имел влияние в благотворительных фондах, которые финансово поддерживали прибывающих из России писателей, не говоря уже о его писательском авторитете. Он сразу же «просватал» роман «Чураевы» редактору «Русской мысли» в Болгарии П. Б. Струве. Но Георгий Дмитриевич проявил самостоятельность и опубликовал его в «Современных записках». Современем «Чураевы» печатаются на иностранных языках – во Франции, Бельгии и Германии. Выходит собрание сочинений в издательстве Я. Е. Поволоцкого. К середине 1923-го Гребенщиков уже в зените парижской славы. Как часто бывает, успех имел и оборотную сторону – неприязнь и наветы от собратьев по литературе.

За год до всеобщего признания, в 1922 году, между Буниным и Гребенщиковым пробежала враждебная тень. Это трудно назвать конфликтом, внешне всё было благопристойно. Просто проявилась какая-то неприязнь, обычно глубоко скрытая в человеческой натуре. Поводом к размежеванию послужило недоразумение на денежной почве. Благодаря содействию Буниных, один парижский комитет, помогавший русским писате-

лям, выделил Г. Д. Гребенщикову значительную сумму. Деньги предназначались сугубо на лечение. Но вскоре разнесся слух о строительстве им дома на юге Франции – писатель получил участок земли от сибирского промышленника Б. А. Швецова. Кроме того, ему выдали аванс за собрание сочинений, анонсированное издателем Поволоцким в мае 1922-го. Гребенщиков вложил полученные средства в покупку части виллы на окраине Висбадена, в Германии.

Молодой писатель оказался в лучшем материальном положении, чем именитые и всеми признанные корифеи в литературе. Это и послужило причиной размолвки. Формально – покупка домов вместо поправки здоровья. Писательская гильдия – Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, А. И. Куприн – обвинила Гребенщикова в нарушении этики. К ним присоединился и Бунин, который отказался выступить на творческом вечере Гребенщикова, состоявшемся 30 октября 1923 года в парижском отеле «Мажестик». Первоначально проведение вечера планировалось летом, а не осенью, и накануне юбиляр сетовал на Бунина в письме собрату-писателю Ивану Шмелёву: «Мне очень больно, что мое безоблачное чувство к этому редчайшему и замечательнейшему мастеру слова омрачено им же. Барин по крови, он остается барином в литературе» (17.06.1923) [4, л. 1].

Гребенщиков – сибиряк, ищущий правду жизни в непосильном крестьянском труде. Похоже, именно он – предтеча «деревенщиков» 1960-х годов, тоже пришедших в литературу из сибирской глубинки. Бунин же, дворянин по происхождению, – рафинированный интеллигент в литературе.

В 1930-е годы в Париже широко ходила острота, пущенная Н. А. Тэффи, о том, что в русском зарубежье не хватает еще одной эмигрантской организации – «Объединения людей, обиженных И. А. Буниным». Пример писателя Гребенщикова чем-то иллюстрирует эту остроту.

Внешняя канва событий по-человечески банальна. История сохранила конкретные факты. К середине 1920-х годов в писательской среде возобладали политика «подтравливания» Гребенщикова. В связи с подготовкой французского издания «Чураевых» Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский заявили издателю Боссару протест. Возможно ли, чтобы вместе со знаменитостями издавать «никому не известного юнца Гребенщикова»? Дошли слухи, что Мережковский «вел подкоп <...> а Бунин помогал ему» [5, л. 1]. Однако Боссар не стал обращать внимания на литературные войны и поддержал сибирского писателя и тех, кто ему покровительствовал, – бывшего директора Французского института в Петербурге Поля Буайе и переводчика Анри Монго. Роман «Чураевы» (1922), а следом повесть «Любава» (1924) появились в переводе на французский язык. Дружеские отношения между Буниным и Гребенщиковым замирают. Прекращается и переписка, когда Георгий Дмитриевич, по совету Н. К. Рериха, переезжает в США.

Из Парижа вослед Гребенщикову летят фельетоны и саркастические статьи. Тон критике в эмигрантской прессе задает Зинаида Гиппиус. В «Современных записках» она публикует свои опысы под псевдонимом «Антон Крайний». Растревоженный писательский улей начинает жалить «Сибиряка». Тогда же, в 1924-м, в газете

«Возрождение» Куприн написал, что дарование Гребенщикова «равно маленькому перочинному ножичку», хотя до эмиграции в Киеве сам читал о нем лекцию как об «изобразителе крестьянской жизни» [6, с. 226]. Болезненным укусом стали и насмешки Бунина, который потешал друзей и приближенных комическими сценками, копируя Гребенщикова. С чувством горечи писатель покинул Францию, сокрушенный тем, что не понят соотечественниками.

ЗА КОЛЕСНИЦЕЙ ПОБЕДИТЕЛЯ

Судьба оказалась благосклонна к писателю. По приезде в Америку, в мае 1924-го он получает место директора книгоиздательства «Алатас» при музее Николая Рериха в Нью-Йорке. Во второй половине 1920-х годов Георгий Дмитриевич поселяется в штате Коннектикут, в местечке Саутбери, где своими руками отстраивает русскую деревню Чураевку. Туда он переносит из большого города издательство и организует типографию. Печатаются одна за другой новые книги – продолжение многотомной эпопеи «Чураевы», философская публицистика «Гонец», написанная в форме писем к близким и знакомым на родину, на далекий Алтай, а позже – «Радонега» и «Златоглав». Бунин в тот период продолжает оттачивать свое мастерство на вилле «Бельведер», недалеко от Ниццы. Только через 12 лет переписка писателей возобновляется. Несомненно, поводом служит мировая слава Ивана Бунина, который провозглашен Нобелевским лауреатом.

С осени 1933 года имя Бунина начинает мелькать в письмах Гребенщикова к друзьям в Париж. В то время за право представлять русскую литературу в Стокгольме соперничали два кандидата – Бунин и Мережковский. За океаном в американской прессе раздаются слабые голоса, что следовало бы выдвинуть на премию и писателя Гребенщикова за его роман о «Микуле Буяновиче». Но в Европе они не слышны.

В этом нобелевском треугольнике и развиваются дальнейшие события. Неприязнь к лауреатам (одному выдвинутому, другому уже состоявшемуся) все-таки до конца не изжита у Гребенщикова. В письме к своему другу и земляку Илье Савченко он пишет, что готова к печати шестая книга его 12-томной эпопеи «Чураевы» и что вся эпопея в целом еще не может быть оценена современниками: «Она будет жить долго и будет переводиться на многие языки» (27.01.1934) [7, л. 1 об.]. Писатель как бы противопоставляет себя недавним кандидатам, хотя буквально в следующих ниже строчках находит достойные слова в их адрес, соблюдая писательский кодекс чести.

«Очень печально, что Мережковский так обрушился на Христа... Христос приходил не для того, чтобы справедливо распределять Нобелевскую премию. Я очень чту Бунина и тоже нахожу, что Мережковский, может быть, должен был быть избран первым, но думаю, что Нобелевский комитет имеет свои серьезные основания поступить так, а не иначе.

Я лично Мережковского считаю глубоким, огромным потому, что его творчество проникнуто религиозностью, но мастерство Бунина для избрания его лауреатом самое изысканное, тонкое и захватывающее огромный диапазон. Так или иначе, я счастлив за рус-

Следующий специальный „ОКТАВРСКИЙ НОМЕРЪ“ выйдет на субботу 29-го октября

№ 43 (128)
 Москва, субботу 22 октября 1927 г.
 Цена в руб. № 2 Фр.
 во Франции

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

№ 43 (128)
 Samedi, 22 Octobre 1927, Paris
 Prix de vente 2 fr.
 en France

**ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
 РОССИЯ**

4 редактора
 Редакторы: М. К. МЕРЖЕКОВСКИЙ
 Редакция в Париже, Франция
 40 rue de Valenciennes, Paris
 Tel. Central 30-28

4 редактора
 Directeur: M. MERJECOFF
 Rédaction et Administration
 40 rue de Valenciennes
 en face de Valenciennes, Paris 10
 Tel. Central 30-28

REVUE HEBDOMADAIRE, PARAISSANT A PARIS, TOUS LES SAMEDIS
 ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

КОНКУРСЪ
Десяти знаменитых эмигрантовъ

1. А. И. Кузнецкий 2. П. В. Струве 3. Д. С. Мережковский 4. И. Ф. Вазель.
 5. П. Н. Яковлев 6. И. А. Бунин 7. М. А. Ахматова 8. Н. Л. Вильмонт.
 9. Проф. И. П. Алексеевич 10. Ф. И. Шлегель.

Съ этого номера для всѣхъ читателей „Иллюстрированной России“ открывается большой
„Конкурсъ десяти знаменитыхъ эмигрантовъ“
 (Подробности см. стр. 10—11).

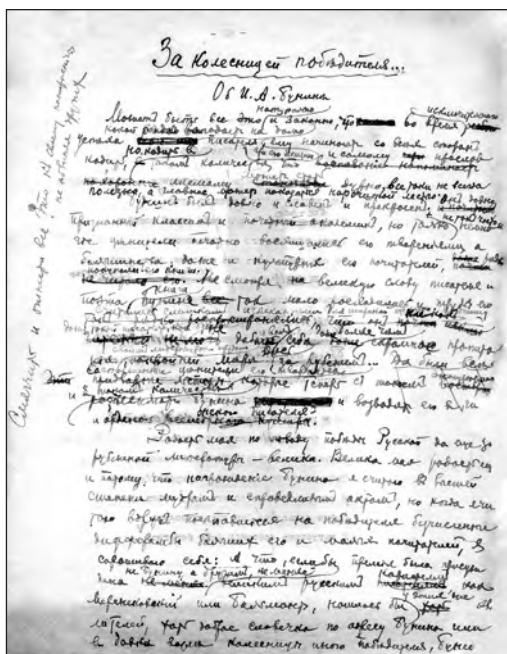
Русские писатели на блошке журнала
 «Иллюстрированная Россия». 22 октября 1927 г.

скую зарубежную литературу, но не очень рад за Бунина. Наверное, не один Мережковский отравил его успех» (27.01.1934) [7, л. 2].

Последние слова, очевидно, относятся и к самому Гребенщикову. Однако Бунин становится победителем, а победителей – не судят. Для Гребенщикова начинается совершенно новый этап в его отношении к мировому классику. Он даже задумал написать о Бунине очерк «За колесницей победителя», набросал первые страницы и, кажется,

споткнулся на воспоминаниях. Это был тот самый год, когда Гребенщиков вдруг «захлебнулся внезапной мыслью» послать Бунину письмо. Иван Алексеевич, пусть не сразу, но сердечно откликнулся коротким посланием. И переписка возобновилась – на четыре года, с 1936-го вплоть до оккупации Франции в 1940-м.

Из Америки приходят подробные теплые письма о чураевской жизни и духовных исканиях писателя. Самое радостное известие – православ-

Страница рукописи Г. Д. Гребенщикова «За колесницей победителя». ГМИЛИКА

ная часовня Сергия Радонежского, выстроенная из дикого камня руками Гребенщикова. Он даже выпускает книгу «Радонега», которая посвящена преподобному. В ней отражена летопись строительства не только самой часовни, но и история появления каждого дара святому Сергию – лампад, икон и драгоценных евангелий. Вокруг имени святого образовался скит русской культурной жизни, где на летних дачах поселились Игорь Сикорский, Сергей Рахманинов, Михаил Чехов, другие знаменитости.

Первое письмо Бунину после многолетнего перерыва в меру пространное, сдержанное, чтобы не показаться навязчивым «Его Высочеству». Гребенщиков так и написал в письме: «Красивый Вы, Ваше Высочество!» По законам жанра Георгий Дмитриевич сначала говорил о своей американской жизни, скупое, едва касаясь пером бумаги, лишь иногда взрывая свои чувства:

«Дорогой, обожаемый Бунин! Бывает, когда из теплой хаты, ночью, хорошо одетый, выйдешь на сильный буран с ветром – в рот ударит чистый воздух со снегом так сильно, что захлебнешься. Вот так я вдруг захлебнулся внезапной мыслью написать Вам слово приветия и преклонения...

Не знаю я Ваших там дум обо мне. Знаю, что с легкой руки Куприна (иначе бы не посмели) здесь меня начали травить и травят уже 10 лет. Не все, конечно. Друзей-то всё же в сто раз больше, но кусок дерьма всегда может испортить воздух даже в большом помещении. Вот почему я живу тут пустынножителем, построил скит с часовней, типографию оборудовал. Даже сам с женой изредка свои книжки печатаю» (12.05.1936) [8, с. 244].

Как бы ни было легко или трудно на чужбине, но Америка – это страна достатка. И теперь уже Гребенщиков помогает русским писателям во Франции. Он посылает продовольственные посылки и устраивает денежный сбор в пользу Бальмонта, Ремизова, Зайцева, Шмелёва и, конечно, Бунина. Маятник справедливости качнулся в противоположную сторону. Когда-то в Париже Бунин поддерживал Гребенщикова, а в конце 1930-х из Нью-Йорка приходит помощь для терпящей лишения литературной элиты.

Однако к середине 1940-х годов происходят резкие перепады в душевных настроениях Гребенщикова. В европейской русской печати появляются «вольные» рассказы Бунина, составившие впоследствии его нашумевшую книгу «Темные аллеи» (1943/1946). Воспаляются старые раны. Георгий Дмитриевич не может простить великому классику новаторство, которое идет вразрез с его нравственной жизненной позицией.

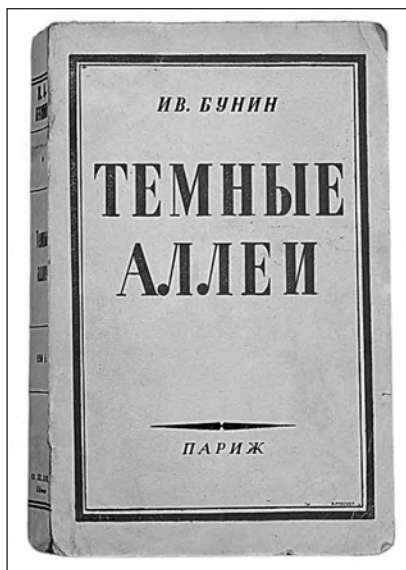
Он с детства воспитывался в том глубинном слое народа, где существовали иные культурные традиции и иные этические нормы. Литературное творчество, по мнению писателя, не смеет отступать от морального чувства, покоящегося на религиозной основе, – на православной вере с ее идеалом целомудренной жизни. Гребенщиков полон негодования в отношении бунинского реализма. «Хотя Вы и возносите И. А. Бунина <...>, – пишет он Марку Алданову, – но последние его рассказы, эта скользкая эротика, забава бывших и, слава Богу, изгнанных из быта барчуков, растлевавших своих горничных, – меня оттолкнули от него» (05.01.1944) [6, с. 214].

Да, с неприкрытого возмущения началась заочная дискуссия между Гребенщиковым и писателем Марком Алдановым, продлившаяся целых два года. Дело, конечно, не в бунинском методе, не в том, что многих своих героинь великий Бунин «литературно изнасиловал и охотно позволял насиловать другим» (14.02.1946) [6, с. 217].

Это снова цитата из письма к Алданову. Вот главный вопрос:

всякий ли реализм в литературе – это добродетель? Для Гребенщикова «Темные аллеи» далеко отстоят от «классической добродетели русской литературы». Таково мнение одного писателя о достоинствах другого, знаменитого и признанного. Гребенщиков раздумывает, не написать ли письмо прямо Бунину или даже «обильно процитировать» классика в печати. Но здравый смысл удерживает его от резких поступков. Не современники, но потомки должны судить или миловать.

Последнее письмо так и осталось ненаписанным. Зато примирение естественным образом последовало вскоре за кончиной Бунина. Смерть сама становится покаянием. Но еще за несколько лет до ухода Бунина из жизни, когда эмиграция

Обложка книги И. А. Бунина «Темные аллеи». 1946 г.

повсеместно праздновала 80 лет со дня его рождения, Гребенщиков тоже заговорил об «аристократе от литературы».

В этот период Георгий Дмитриевич преподавал русскую литературу и историю в Лейкленде, будучи профессором Южного колледжа во Флориде. Местные студенты изучали творчество Бунина, в классах читали отрывки из его произведений, писали рефераты. Часто вокруг прочитанных рассказов возникали недоумения. Признавая литературное мастерство писателя-классика, студенты отвергали «примитивные» суждения об американской культуре.

Речь идет о том самом знаменитом рассказе «Господин из Сан-Франциско», за который формально и была получена Нобелевская премия. Налицо ментальная разница двух народов и двух культур. На одной чаше весов – суд над всеми американцами, вынесенный Буниным, на другой – идеалы свободы, выносливости, инициативы, сформировавшие независимую цивилизацию. Правда, очень быстро Америка утратила пуританские взгляды, и демократические ценности претерпели деформацию.

В этой связи Гребенщиков вспоминает о бунинском юбилее 1950 года, устроенном им в Южном колледже, когда сам преподаватель натерпелся стыда. На торжественном литературном вечере выступал один профессор английской литературы из Флориды. В конце своей речи он достал книгу рассказов «Темные аллеи», развернул ее и задал вопрос Георгию Дмитриевичу, представлявшему в своем лице для него как бы всех русских писателей: «Вот эти образцы эротики и насилий над

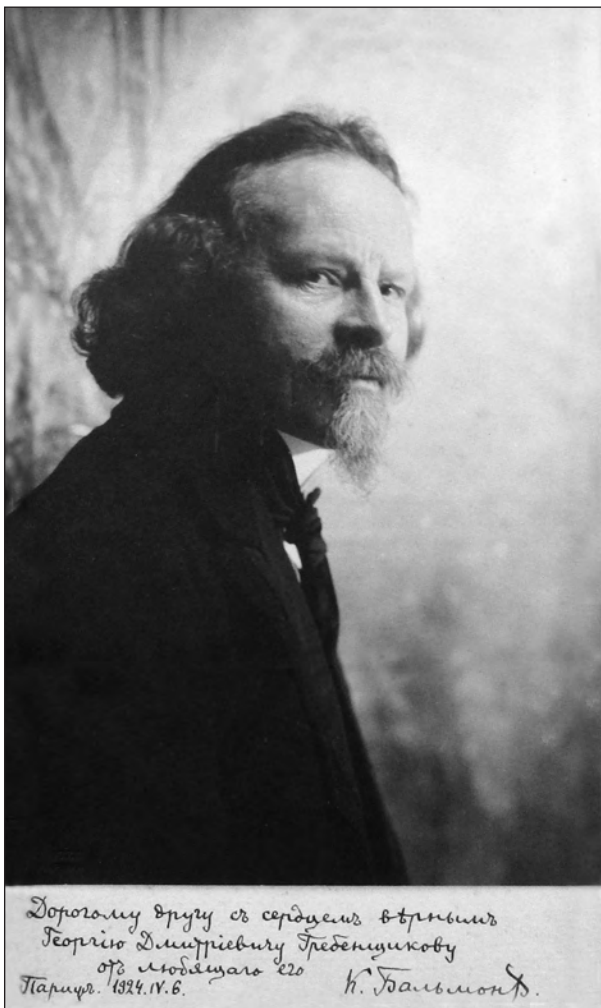
девушками и женщинами вы хотите преподавать нашей молодежи?» [9, л. 17]. Гребенщикову пришлось держать публичный ответ, и, кажется, он выдержал его с честью:

«Бунина чествует сегодня весь культурный мир. Он награжден Нобелевской премией, очевидно, не за томик его рассказов, а за все его произведения в целом. Да, он позволил себе осудить материалистическую Америку, никогда ее не видевши, но он еще строже осудил и Россию, в лице ее крестьянства, которое, он думал, хорошо знает.

Но с его Деревней я первый не согласен. Мне известна жизнь русской деревни, думаю, не хуже Бунина, я сам из деревни. Но в данном случае вы слышали отзывы самих студентов, и окончательный суд над Буниным, как и надо мною, я предоставляю широкой толерантности уважаемой аудитории» [9, л. 18].

Ни единым словом писатель не обмолвился Ивану Бунину о его юбилее в Лейкленде. Не узнал мировой классик также о рефератах студентов и о событиях того нашумевшего вечера, который очень удачно был сглажен великолепным концертом из произведений русских композиторов. Решать судьбу русской литературы предоставлено суду истории. Завершая литературные заметки, Георгий Дмитриевич остался честным с самим собой: «Нельзя поддаваться мелким придиркам из-за того, что где-то мастер царапнул мою душу» [9, л. 20].

Через пять лет, в 1955 году, уже после смерти Бунина, Гребенщиков с великой благодарностью написал о нем в одном из своих очерков. Он вспоминал далекие крымские годы, Рождество в Ялте и незабываемую встречу, которая дала смысл всей его эмигрантской жизни.

Константин Дмитриевич Бальмонт.
Париж, 1924 г. ИРСА

ГОЛУБАЯ ПОДКОВА

Во Франции Георгий Гребенщиков сразу оказался в среде русских писателей, близко сошелся не только с Иваном Буниным, но и с Алексеем Ремизовым, Борисом Зайцевым, Александром Куприным. Тесные братские узы связали его со знаменитым, блистающим поэтом Серебряного века Константином Дмитриевичем Бальмонтом. В эмиграции в течение полутора лет Бальмонт тихо жил на берегу океана во французской провинции Бретань и лишь изредка выезжал в Париж, чтобы устроить свои литературные дела и выступить с лекциями. В такие короткие поездки Бальмонт обязательно навещал Ивана Бунина, неизменного распорядителя литературных фондов, оказывающих материальную помощь бедствующим писателям. Во второй половине 1920-го они жили даже в одном доме на улице Ренуар.

Встреча Георгия Дмитриевича с Бальмонтом произошла на квартире Буниных. Случилось это в январе 1921 года, через неделю после приезда писателя и его супруги Татьяны Денисовны в Париж из Константинополя. А когда в 1922-м Бальмонт ненадолго обосновался во французской столице, их свидания стали желанными, поэт часто встречался дома и в гостях с пленившим его душу сибиряком.

Первая встреча и знакомство всегда дают какое-то особенное впечатление, из глубин сознания поднимается правдивый образ, на мгновение показывается внутренний человек. Для Гребенщикова поэт Константин Бальмонт – египтянин, даже больше того – прекрасный, солнечный ликом

фараон. Несколько строчек из дневника писателя: «У Бунина встретился с Бальмонтом. Он не столь недоступен, как думалось. Еще очень свеж, с египетской бородкой фараона, он, пожалуй, красив» (16 янв. 1921) [10]. Позже стало известно, что любимые папиросы Бальмонта... египетские «Figo».

В тот вечер хозяин квартиры блистал остроумием в своей обычной манере и словом был выше Бальмонта, издавна прослывшего златоустом. Он восседал за столом в красном халате, как бог Ра. (Накануне днем Бунин вышел в зеленом халате, Гребенщиков заносил ему книгу своих рассказов «Родник в пустыне»; халат оказался двусторонним и легко выворачивался наизнанку.) В гостях присутствовал известный журналист и театральный критик Сергей Потресов, впоследствии тоже друг Георгия Дмитриевича. Обращаясь к нему, Бунин сказал, что прочитал «Войну и мир» раз сорок, а Бальмонт сознался, как впервые читал роман Толстого только в Париже, и эти дни были «самые светлые» после отъезда из России.

Еще до личного знакомства с поэтом Гребенщиков высоко оценил творчество Бальмонта, считая его носителем драгоценного «дара Божия». Живо откликнулся в печати на его произведения, написал очерки «Одна из тайн» и «Бальмонт», опубликовал в парижской газете «Слово» рецензию на сборник стихов «Марево» (1922). Постепенно их знакомство переросло в дружбу, и началась она историей со «Змеем».

Несколькими годами ранее в «Современных записках» (1920, кн. 2) появилась поэма, точнее говоря, венок сонетов Константина Бальмонта «Змей». Вещь трудная по восприятию и «жуткая по сво-

ей красоте и силе», как выразился Гребенщиков, но написана она классическим пером символиста. Анализ на одиннадцати машинописных страницах посвящен даже не поэме как таковой, а личности поэта. Это размышления о рождении души из самой глубины народной скорби: «Бальмонта мог создать лишь русский народ» [11, с. 176]. Но как это возможно – вылепить того, кто камлает стихи, подобно шаману, обнаруживая божественное естество?.. В океане человеческой энергии первородный Змей пахтает бытие. Суть поэта – это сила Змея, обвиняющего телом «мироздание с его звездами и межпланетными пустынями».

Благодарный Бальмонт высоко ценит дружеский порыв. С конца 1922 года в его письмах часто упоминается «сибирский друг». Поэт писал: «С Гребенщиковым у меня настоящая дружба. Мне нравится, когда он, полузакрывая глаза, как лесной зверь, погружается в далекие воспоминания детства...» (11.03.1923) [12, с. 280].

Звериный стиль проникает в поэзию. Уже к концу февраля 1923-го записано два стихотворения, посвященных Гребенщикову, причем одно из них сам автор считает «удивительным». Так он давно не говорил, сильно и ярко. Бальмонт перевоплощается в диких зверей. Лось и белка – антитеза героев, объединенных общим домом, таинственным и враждебным лесом. Эти герои живут внутри и управляют судьбой:

Душа – ответ. И мы не спросим,
Мы видим в четких письменах,
Что там, где древле был ты лосем,
Я белкой в тех же был лесах [13, с. 23].

К. Д. Бальмонт несет сушняк на растопку.
Капбретон. 1927 г. ИИРСА

Образы гонимых зверей в стихе ассоциируются со сварливым, жестоким миром Русского зарубежья. Соперничество за место на литературном олимпе, несправедливое распределение франков среди писателей, зависть таланту – такова эмигрантская реальность. Гребенщикова теснят из литературного сообщества собратья по перу. Бальмонт, испытывая дружбу, всё чаще удаляется из шумного Парижа на океанский берег. Мотив соперничества явно проступает в цитируемом стихотворении Бальмонта:

В тысячелетьях потонули
Тот лик, тот бор, тот день, тот час.
Тогда мы не дождались пули,
Теперь облава против нас.
Но в нас живет душа живая.
И зыбим солнечный мы смех,
Ты – словом целину взрывая,
Я – в стих роняя красный мех [13, с. 24–25].

Более трех лет пребывания во Франции позволили Георгию Гребенщикову собрать обильную литературную жатву. Вышел в свет его знаменитый роман «Братья Чураевы» (1922). Стали поступать предложения о переводе произведений на европейские языки. Начался выпуск собрания сочинений писателя в шести томах. И наконец, шумный успех принесла «Былина о Микуле Буяновиче» (1924). Главный герой романа – крестьянский юноша Микула, который прошел через тяжелые испытания жизни, каторгу и гражданскую войну, воплощает самые светлые чаяния русского народа – мечту о строительстве Храма, рукотворного и нерукотворного. Бальмонт считал это произведение

ярким «литературным событием» (25.04.1924) [12, с. 456]. Читающая публика тоже оценила «Былину» по достоинству.

Что касается именно Бальмонта, то он всегда оставался поклонником творчества своего друга-сибиряка, общение давало ему «ощущение леса и Сибирских гор, сказочного Алтая» (14.03.1923) [12, с. 284]. Поэт вел большой литературный вечер Георгия Гребенщикова 30 октября 1923 года в парижском отеле «Мажестик». Рядом на председательском месте сидели Николай Рерих и Александр Куприн. Знакомство в Париже с Рерихом открыло новые горизонты. Вместе с ним Гребенщиков организовал на паях книжное издательство «Алатас» и вскоре принял предложение художника переехать в Америку. Издательство, выпустившее «Былину» и книгу Алексея Ремизова «Звенигород Окликанный», продолжило свою деятельность при музее Рериха в Нью-Йорке.

Перед отъездом из Франции в апреле 1924 года Гребенщиков договорился с Бальмонтом о выпуске сборника его стихов «Линия Лада». За пять дней до отплытия океанского лайнера «Левиафан» поэт спешно переписывает рукопись, чтобы она оказалась в издательском портфеле. Рукопись действительно попала во «чрево морского чудища». Уже в Нью-Йорке сборник был подготовлен к печати, автору выплачена часть гонорара, но его выпуск постоянно откладывался из-за финансовых трудностей. Издательство не смогло набрать обороты. В эмиграции русскоязычные книги постепенно перестали читать. Сборник «Линия Лада» навсегда остался в Русском архиве Колумбийского университета.

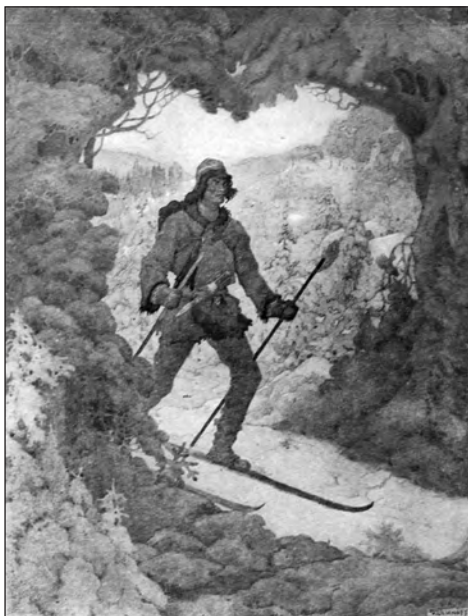

Обложка книги стихов К. Д. Бальмонта
«Голубая подкова»

Некоторые книги «Алатас» все-таки сумел выпустить в свет: «Пути благословения», «Сердце Азии» Николая Рериха и тома эпопеи «Чураевы», а еще философскую прозу «Гонец». Бальмонт сетовал в письме, говорил другу прямо в лицо: «Гребенщиков издает Гребенщикова» (02.01.1934) [14]. И здесь же соглашался, добавляя, мол, «ладно, хороший писатель».

Это письмо пришло в Америку после долгого перерыва, вызванного душевным недомоганием

Бальмонта. Отношения снова укрепились, и поэт получил в подарок от Гребенщикова пятый том эпопеи «Чураевы». Книгу с упоением читал несколько раз, восхищаясь любимившимся местом: «Неоглядная равнина от стальной далекой щетины леса до голубой подковы небосклона пылала белым прохладным пламенем» [15, с. 46]. От восторга он был готов мысленно перелететь через океан, подойти к автору и поцеловать его «умный лоб». Ведь благодаря этому необычному образу родилась целая поэма, посвященная Гребенщикову!

В. Ф. Ульянов. Уйби-Кута уходит на войну. 1934 г.
Илл. к поэме «Голубая подкова»

В. Ф. Ульянов. Чубек мчится на войну. 1934 г.
Илл. к поэме «Голубая подкова»

Поэма называлась «Голубая подкова». И даже появился замысел книги стихов с тем же самым названием.

Ровно два месяца Бальмонт был в сладком плену, захваченный романом, и, наконец, снова превзошел себя. Он писал:

«Третьего дня, ночью, я перечитал мои любимые страницы превосходной Вашей повести “Сто племен с Единым”. Снова сердце сжималось и билось. И снова брызнули у меня слезы из глаз. Но это были уже счастливые капли росы. Радость творчества.

В 11 часов ночи я начал писать “Голубую подкову”, в полночь пил чай с Еленой Константиновной,

в половину второго поэма была кончена. Два часа душевного и духовного полета. Спасибо, алтайский друг!» (12.05.1934) [16, с. 188].

Поэма Бальмонта написана в эпическом жанре, она как бы вторит роману, дышащему сибирскими и монгольскими легендами. Главные герои перекочевали в поэму от Гребенщикова – это енисейский рыбак Чубек и тунгус Уйби-Кута. Они спешат на войну, каждый своими путями, их призвал царь. Какие-то авторские черты проскальзывают в этих героях, горящих божественным пламенем жизни:

От леса, где мы спим в разгуле звона,
Мы, мертвые, среди бездушных плит,
До голубой подковы небосклона
Зажегся вещей пламень – и горит [13, с. 42].

Георгий Гребенщиков, чувствуя долг не только перед поэтом, но и перед всей зарубежной русской литературой, берется издать на собственные средства сборник К. Д. Бальмонта «Голубая подкова. Стихи о Сибири». Сборник вышел в середине января 1935 года. Туда включены как поздние, так и ранние стихотворения, написанные поэтом во время поездки по Сибири и Дальнему Востоку весной 1916-го.

Иллюстрировал книгу русский художник Всеволод Ульянов, живший в Калифорнии. Удалось поместить всего две монохромные синие иллюстрации, где изображены Чубек и Уйби-Кута, хотя эскизов было сделано гораздо больше. Сборник «Голубая подкова» стал практически последней прижизненной книгой Бальмонта. Лишь в Китае усилиями почитателей было издано «Светослужение»

К. Д. Бальмонт с супругой Е. К. Цветковской.
Капбретон. 1927 г. ИИРСА

(Харбин, 1937). Сибирь и служение Свету слились воедино.

Голубая подкова – символ счастья, знак удачи. Можно сказать, небесной судьбы, которая соединила в эмиграции двух друзей, Бальмонта и Гребенщикова. Судьба – это игра случая, но среди эмигрантов категория случайности вещь закономерная. Неважно, Европа или Азия, где Христос звонит в колокола или Будда восседает на золотом троне. Русское зарубежье сжалось до размеров русского Парижа, русского Харбина и русского Нью-Йорка – там все знали друг друга, часто встречались на одном пяточке. Церковь, литературные вечера или просто посиделки в кафе, где лилось вино и стихи.

От «Голубой подковы» веет Серебряным веком. Это сродни «Бродячей собаке» в Петербурге. А быть может, и крылатому коню Пегасу, потерявшему подкову в синем небе. При первой встрече у Бунина, в его парижской квартире Бальмонт спрашивал собравшихся: «А как вам нравится мой меловой жеребенок?» [10]. Гребенщикова поразило тогда словосочетание «прозрачен стук копыт». Будто бы конь не касался земли, и у него были воздушные, а не железные подковы. И все-таки художников слова объединяла земля, а не небо, необъятная и бескрайняя Россия, без которой нет счастья.

ИЗДАТЕЛЬ РУССКОЙ КНИГИ

Глава пятая

АЛАТАС, ИЛИ БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

Огромную роль в жизни Гребенщикова сыграл Николай Константинович Рерих. Соотечественники познакомились в Париже осенью 1923 года, накануне отбытия художника в Индию. Между ними сразу же установилась глубокая симпатия и дружба. В одной из бесед возникла мысль учредить совместное книжное издательство. Рерих увидел в своем собеседнике не только писательский талант, но и его энергичную, деятельную натуру. В Нью-Йорке шла подготовка к открытию музея имени художника, и Николай Константинович решил «выписать» туда Гребенщикова для издательской работы. Само издательство было основано в Париже. Рерих вложил в книжное дело средства – четыре тысячи франков и четыреста долларов – и предложил писателю пост директора. Официальной датой учреждения считается январь 1924 года.

Книгоиздательство по предложению Георгия Гребенщикова получило название «Алатас», в переводе с казахского языка «Белый камень». Всякое имя, как считал писатель, имеет свою душу и свою историю. Здесь тот же случай. Название связано с воспоминаниями детства. Невдалеке от его родного алтайского села Николаевский Рудник на горке лежал, переливаясь на солнце, большой кварцевый камень. Он находится там до сих пор. Этот топоним стал художественным символом и олицетворением

издательства. В очерке, так и озаглавленном – «Белый камень» (1929), Георгий Дмитриевич вспоминал, будучи уже в Америке:

«Однажды, подъезжая к селу со стороны деревни Убинской, увидел белый, далеко сиявший в солнечных лучах, лежавший на южном склоне высокого холма кварцевый камень. Русские звали его киргизским именем Алатас, что значит белый, крепкий, высокий, Аллахов камень. И этот камень врезался в моей памяти на всю жизнь как нечто светлое, как символ близости Родины, как знак близкой встречи с матерью, как светлый, высоко горящий на солнце своею белизной маяк для путника и, наконец, как нечто вечное, неистребимое по своей крепости» [1].

Очерк посвящен Рериху и был приурочен к официальному открытию нового высотного здания музея художника в Нью-Йорке. Небоскреб в 29 этажей венчала стилизованная белая ступа. Образ ступы вызывал у Гребенщикова ассоциацию с белым камнем. Больше того, самого Рериха он символически отождествлял с камнем. На картинах художник любил изображать белые горы, белых коней и, конечно, белые камни. Достаточно вспомнить алтайскую «Белуху» или «Белый камень», где на известковом валуне начертан конь, несущий на спине Сокровище мира (легендарный камень Чинтамани). На особенность личности Рериха указывали и другие писатели, например Максимилиан Волошин говорил о «каменном и глыбистом Рерихе». Так что название книжного издательства закономерно отражает внутренний мир его основателей.

Георгий Дмитриевич казахов называет по привычке киргизами. Он не ошибся, тогда их действи-

Н. К. Рерих. Белый камень. 1933 г. NRM

тельно так и называли. Писатель происходил родом с Западного Алтая, населенного выходцами из Европейской России, староверами и местными казахами-кочевниками и монголами. Язык казахов и некоторые монгольские выражения он знал с детства. Его предком по отцовской линии был обрусевший монгол или казах, «пленный Тарлыкхан». В личных письмах Рерих обращался к Гребенщикову «Дорогой Тарухан», вкладывая в имя глубокий духовный смысл.

Рерих и Гребенщиков встретились не случайно, они близки внутренним миром. И тот и другой испытывали неподдельный интерес к Сибири, к ее прошлому и будущему. Для Гребенщикова

Сибирь – это родная земля. Рерих же верил, что возрождение отечества, порушенного революцией, произойдет благодаря России Азиатской. По его убеждению, Алтай должен возродиться и, благодаря своему географическому и экономическому положению, стать мощным культурно-промышленным центром. Художник даже придумал название новой сибирской столице – Звенигород. И написал несколько картин, на которых запечатлен образ города будущего.

Рерих разработал логотип издательства, представляющий стреловидную букву «А», помещенную в окружность. В одном знаке был заключен смысл всей деятельности «Алатаса». При встрече он заметил Гребенщикову: «В слове трижды по-

Знак книгоиздательства «Алатас»

вторяется буква “А” – а эта буква означает собой нечто изначальное и живоносное» [1]. Что же имел в виду художник, говоря о первой букве алфавита? Возможно, подразумевалось начало больших созидательных дел за рубежом и на Родине, но «А» означала также «Алтай». По слову писателя, «Белый камень» – в основание русской культуры.

Рождение книжного издательства ознаменовалось выходом романа Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче». Быть может, это самая главная книга в жизни писателя. Директор «Алатаса» заключил в январе 1924 года соглашение об издании рукописи с типографией «Франко-Русская печать», которую возглавлял его несостоявшийся компаньон по Константинополю Орест Зелюк. На следующий день Георгий Дмитриевич написал друзьям в Америку: «Побуяним, побуяним мы с Микулушкой... Не посудите!» (12.01.1924) [2, л. 1 об.]. Роман вышел из печати 19 марта 1924 года. (Рерих успел до отбытия в Индию ознакомиться с рукописью.)

«Былина» имела положительный отклик у читателей. И писатель сразу же утвердился в Зарубежье как литературный классик. На волне успеха принято решение переехать в Нью-Йорк и перенести туда «Алатас». Весной 1924-го Гребенщиков вместе с женой отправляется в Америку и разворачивает деятельность при музее имени Рериха. Через неделю по приезду издательство было инкорпорировано и стало музейным учреждением с прежним названием. Дата 7 мая 1924 года считается вторым рождением «Алатаса». Офис разместился в трехэтажном особняке, расположенном на западной стороне Манхэттена, на углу 103-й улицы и Риверсайд, набережной реки Гудзон.

После «Былины», еще во Франции, началась издательская подготовка следующей книги. Рерих договорился о публикации художественных реминисценций писателя А. М. Ремизова (они подружились в Петербурге и встретились в эмиграции снова). Книга имела оригинальное название «Звенигород Окликанный», вполне созвучное настроениям Рериха, касающимся Алтая. Один раздел посвящен серии провидческих полотен художника, написанных в Петрограде накануне мировой войны. Ремизов размышлял над сюжетами рериховских картин. Квинтэссенцию своих мыслей он выразил словами: «Новый город вы выстроите, и будет он краше и праведнее всех городов, новый город, Окликанный» [3, с. 66]. Издательство выпустило книгу к лету 1924 года.

Вскоре от Ремизова поступила следующая заявка. Он предложил издать «Клятвенный Камень», где по-своему оригинально белым стихом изложена древнерусская легенда о волшебном камне Алатыре. Книга принята в печать, шла работа над текстом и подготовлен макет обложки, но она так и не увидела свет из-за перемены финансовой политики в музее. Оформителем обложки как первой книги, так и второй выступил сам Алексей Ремизов. Он был не только самобытным писателем, но и оригинальным художником, каллиграфом.

На обложке «Звенигорода Окликанного» изображены символы людей и животных, напоминающие пещерные петроглифы древних людей (из-за этого рисунок в издательстве даже возник спор, поскольку у Рериха и его сотрудников в музее было свое понимание художественной эстетики). На обложке книги «Клятвенный Камень» краси-

С. А. Залшупин. Портрет А. М. Ремизова.
Журнальный оттиск. 1922 г.

вый рукописный шрифт вязью сочетался, точнее, плохо сочетался с рисунком какого-то фантастического животного, напоминающего кенгуру.

Третьей книгой издательства «Алатас» стал публицистический сборник Николая Рериха «Пути благословения» (1925). В него вошли литературные произведения, эссе, созданные в эмиграции:

Обложка книги
«Звенигород Окликанный».
Изд. «Алатас», 1924 г.

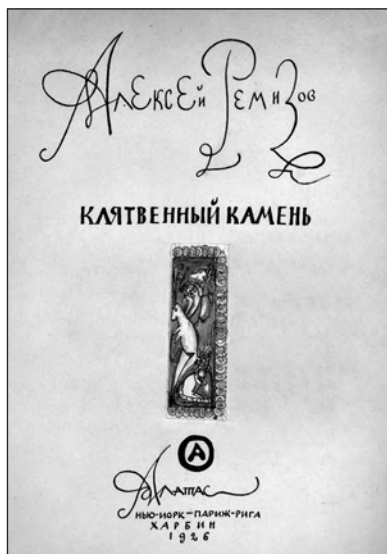
Значительную долю издательской продукции составили книги самого Георгия Гребенщикова. В эмиграции начала печататься его многотомная эпопея «Чураевы» (1922). Еще в 1917-м сам Максим Горький одобрил новое литературное произведение, но издать его удалось только в Париже. Появление романа стало событием в литературной жизни Русского зарубежья. Ознакомившись с рукописью «Василий Чураев» – так первоначально назывался роман, – Рерих сообщал в письме своим американским сотрудникам: «Какая это сильная вещь. Тарухан идет твердо и мыслит широко» (01.11.1923) [4, с. 23]. Гребенщиков действительно вступил в русскую зарубежную литературу подающим надежду, ярким писателем. Он правдиво

автобиографическая повесть «Пламя», статьи и очерки, написанные им в Финляндии, Англии, Соединенных Штатах Америки и Индии, индийский путевой дневник «Струны земли». В целом сборник посвящен роли искусства в духовной жизни человечества. А некоторые очерки были переведены на английский язык и получили положительную оценку в художественных кругах Запада.

изобразил российское общество накануне войны, дал срез целой эпохи. Главный герой романа Василий Чураев – фигура, автобиографичная для писателя. Из алтайской глубинки крестьянский юноша приезжает в столицу, преодолевая все превратности судьбы. Он устремлён в будущее, к новой жизни.

Весной 1925 года в Америке вышли две первые части романа «Чураевы» – «Братья» (вторым изданием) и «Спуск в долину». Затем появились третий и четвертый тома, «Веления земли» (1926) и «Трубный глас» (1927). В 1930-е годы еще два: «Сто племен с единым» (1932) и «Океан багряный» (1936). Всего при жизни Гребенщикова опубликовано семь томов из двенадцати задуманных, 7-й – «Лобзание змия» (1952). Восьмой том остался в гранках. Последние части не были завершены из-за неожиданной болезни писателя. Отдельные фрагменты концовки эпопеи публиковались в русской зарубежной периодике.

За короткий период издательство «Алатас» стало играть заметную роль в культурной жизни Русского зарубежья. Его

Обложка книги
«Клятвоенный Камень».
Изд. «Алатас», 1926 г.

деятельность отмечена Международной Комиссией интеллектуальной кооперации при Лиге Наций (со штаб-квартирой в Лозанне). Ежегодно Комиссия составляла и публиковала списки из шестисот названий книг по разным отраслям науки, искусства и литературы, которые признавались интеллектуальной ценностью народов земного шара. Авторитетное сообщество всесторонне оценивало уровень «умственной работы» каждой страны и нации. В список книг на русском языке регулярно включались издания «Алатаса», представляя таким образом «культуру новой России» в эмиграции.

Во второй половине 1920-х годов Гребенщиков перенес издательство «Алатас» из Нью-Йорка в Саутбери, штат Коннектикут. Вместе с Ильей Толстым, сыном великого классика, Георгий Дмитриевич организовал русское поселение, которое со временем получило название по имени многотомной эпопеи – Чураевка. По взаимному соглашению с музеем Рериха от 17 марта 1927 года корпорация «Алатас» получила полную самостоятельность и целиком перешла в ведение писателя. Это уже третье рождение. В течение года шла работа по организации новой дирекции, сформированной 24 марта 1928 года. В ее состав вошли: президент Г. Д. Гребенщиков, вице-президент инженер Э. С. Бродский, вице-президент Ф. С. Вильямс и директор-исполнитель, американская писательница Катерина Андерсон. Позже для расширения издательской деятельности были приобретены линотип, пресс и печатные станки.

Независимый статус издательства не повлиял на отношения с музеем в Нью-Йорке и его учреж-

дениями. В августе 1929 года Рерих посетил Чураевку. Художник закрепил за музеем несколько участков земли для «художественно-просветительских целей» (в счет погашения издательского долга). В том же году «Алатас» опубликовал путевой дневник Рериха «Сердце Азии» (путешествие 1925–1928 годов по Центральной Азии). Через несколько лет Николай Константинович дал заказ на издание сборника «Держава Света» (1931). В нем собраны речи и послания художника, адресованные обществам его имени, творческим союзам и группам по всему миру. Выходом этой книги фактически завершилась совместная деятельность «Алатаса» и нью-йоркского музея. Рерих решил проводить независимую политику и основал для своих учреждений новое издательство «Roerich Museum Press».

Однако в идейном плане сотрудничество с писателем продолжилось. В 1929 году в Нью-Йорке Гребенщиков возглавил Группу сибиряков, а через два года – Сибирское общество друзей при музее Рериха. Сибирь оставалась главным направлением культурной работы. Поддерживая сибирскую идею, Гребенщиков издал свою книгу «Гонец» (1928). Это философская публицистика в форме писем, адресованных родным и близким друзьям на Алтай. Вышел также поэтический сборник Константина Бальмонта «Голубая подкова. Стихи о Сибири» (1935). В книге знаменитый поэт Серебряного века публикует свои впечатления от сибирской поездки.

На 1930-е годы приходится время наибольшего расцвета «Алатаса». Издательство выполняет заказы, поступающие от русских эмигрантов.

Иван Павлович Умов

Широко был представлен диапазон печатной продукции – от прозы и поэзии до мемуаров и книг по истории церкви. Многие издания стали теперь библиографической редкостью: «Книга жизни» (1931) проф. И. А. Сикорского (отца знаменитого изобретателя), исторические записки о Свято-Покровском храме в городе Гери протоиерея Вениамина Кедоровского «На ниве Божией» (1932), сборник стихотворений Лидии Нелидовой-Фивейской «С чужих берегов» (1939).

Одно из наиболее ценных изданий – стихи И. П. Умова «Незримый гость» (1949). Оно давно считается раритетом, поскольку небольшой тираж, оплаченный автором, находился в его личном распоряжении и частично погиб. Иван Павлович Умов (1883–1961) – выдающийся русский дипломат, вице-консул в Александрии, знаток десятка восточных языков, поэт и музыкант. Он переводил Омара Хайяма, выступал с фортепианными концертами в Лондоне. В поэзии заявил себя как мастер сонета. Его лучший венок сонетов «Новый Храм» включен в сборник «Незримый

Одно из наиболее ценных изданий – стихи И. П. Умова «Незримый гость» (1949). Оно давно считается раритетом, поскольку небольшой тираж, оплаченный автором, находился в его личном распоряжении и частично погиб. Иван Павлович Умов (1883–1961) – выдающийся русский дипломат, вице-консул в Александрии, знаток десятка восточных языков, поэт и музыкант. Он переводил Омара Хайяма, выступал с фортепианными концертами в Лондоне. В поэзии заявил себя как мастер сонета. Его лучший венок сонетов «Новый Храм» включен в сборник «Незримый

гость». Наш соотечественник прожил в Египте более 50-ти лет и похоронен на александрийском православном кладбище Шетби.

Книготорговые отделения «Алатаса» открылись в главных центрах русской эмиграции – в Нью-Йорке, Париже, Риге и Харбине. В Сиднее представительство возглавлял издатель и священник отец Иннокентий Серышев, до эмиграции он служил на Алтае. Признание «Алатаса» на разных континентах обусловлено, прежде всего, личностью Георгия Гребенщикова и его неутомимой натурой, многочисленными контактами с соотечественниками по всему миру. (В архиве центра по изучению истории эмиграции университета Миннесоты, в Америке, хранится более сорока коробок с письмами.) В 1930-х годах творчество писателя вызвало волну неподдельного интереса у читателей. Помимо эпопеи «Чураевы» русская публика знакомится с другими произведениями Гребенщикова – повестью «Купава. Роман художника» (1936), очерками «Радонегга» (1938), рассказом «Первая любовь» (1936) и еще

Обложка книги Ив. Умова
«Незримый гость».
Изд. «Алатас», 1949 г.

поэмой-сказкой «Златоглав» (1939). В прессе одна за другой появляются положительные рецензии. Издания «Радонеги» и «Златоглава» выходят повторными тиражами.

К началу 1950-х годов деятельность «Алатаса» замирает, Гребенщиковы живут вдали от Чураевки, на юге США. В это время выходит из печати лишь одна крупная вещь – роман «Лобзание змия» (1952), 7-й том эпопеи «Чураевы», второе издание «Радонеги» (1954) и несколько брошюр на английском языке. С болезнью писателя выпуск книг и вовсе прекращается. Понятно, издательство держалось на нем и Татьяне Денисовне.

Последнее произведение Георгия Гребенщикова – автобиографическая повесть «Егоркина жизнь» (1966). Она увидела свет через два года после смерти автора. Книгу издал священник Александр Александров (впоследствии епископ Русской Зарубежной церкви Даниил Ирийский), поселившийся рядом с чураевской часовней святого Сергия. Появление повести можно расценивать как провидение, так как отец Александр освоил в духовной академии печатное дело и смог сразу же применить свои знания на практике.

За сорок лет издательство выпустило несколько десятков книг, много брошюр на русском и английском языках, учебники, открытки, листовки, небольшие плакаты. Большинство образцов печатной продукции стало раритетами, теперь они разбросаны по американским частным коллекциям, но в последние годы всё больше ценятся и собираются из России. История «Алатаса» завершилась вместе со смертью писателя. Это важная веха в культуре Русского зарубежья.

ВСТРЕЧА С РЕРИХОМ

В жизни бывают встречи, которые определяют судьбу человека. Обстоятельства и люди часто открывают новые горизонты, хотя в таких случаях и талант играет свою важную роль. Талант – драгоценный камень, требующий огранки и оправы. Георгий Гребенщиков от природы был наделен тонкой натурой, интуицией. Именно интуиция привела к Н. К. Рериху, раскрыла духовную высоту его искусства.

В мае 1923 года художник оказался в Париже на пути в Индию. Некоторое время он с семьей путешествовал по Италии, посетил Швейцарию и собирался покинуть Францию в ноябре. Об этом эмиграцию широко извещали парижские газеты. Летом Георгий Дмитриевич просил княгиню Марию Клавдиевну Тенишеву, чтобы она представила его Рериху. И, не дожидаясь, сам послал письмо из немецкого Висбадена с просьбой о встрече. Но вот что удивительно: к незнакомому человеку писатель обратился: «Дорогой и славный Учитель!»

С этого письма началась чудесная сказка. Гребенщиков просил не только за себя, но и за своего друга, пианиста и композитора Василия Завадского. Молодой исполнитель виртуозной музыки Листа, ученик Александра Глазунова тоже оказался в эмиграции; как и Гребенщиков, он потянулся к искусству Рериха.

Однажды Завадский купил в книжном магазинчике Висбадена сборник стихов Рериха «Цветы Мории» (1921). Это оказалось именно то, что он давно искал. И образы, и темы проносились в его голове, высекали ритмы, образуя музыкальные

созвучия. Композитор находился на курорте после гастролей в Германии и с большим вдохновением принялся сочинять сюиту для голоса и оркестра. Он выбрал из сборника три стихотворения: «Время», «Уводящий» и «Пора». Через несколько дней партитура с одноименным названием «Цветы Мории» лежала на столе, работа была завершена 22 ноября 1922 года. Тогда же Завадскому предложили концерты в Америке, он собрался включить в программу новую вещь. И когда стало известно, что Рерих находится в Париже, то ему захотелось лично представить сюиту на суд знаменитому художнику и самому сыграть ее на рояле.

Письмо Гребенщикова покорило Рериха. Оно было феерическим, несло живую энергию восхищения «божественной силой» искусства и личностью художника. И главное, письмо написано искренно:

«Я слышал, что Вы едете в Тибет. Эти края – почти моя родина, и я очень скорблю, что не могу сопровождать Вас. Моя теперешняя большая работа <...> опирается на эпос тех цельных и вечно юных стран. С восторгом предвижу, какую новую мощь дадут Вам эти бессмертные лучи света, неиссякаемо грядущие с Востока» (22.07.1923) [5, л. 1 об.].

После поездки по Европе Рерихи поселились в парижском отеле «Лорд Байрон» (1 rue de Messine). Николай Константинович сразу же сообщил в Висбаден свой новый адрес. Вскоре встреча была назначена: «Родной мой, буду рад видеть Вас в это воскресенье 30 сентября в 4 часа дня. Душевный привет! – Рерих» [6]. Какая теплота в общении двух незнакомых людей! Дальнейшие события только подтверждают историю необычных отношений.

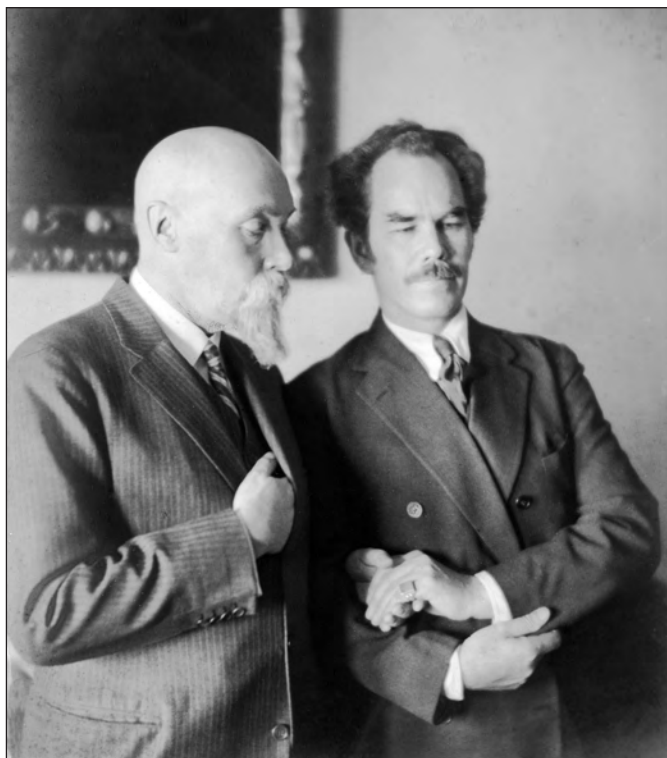
Но как прошла первая встреча? О чем говорили люди, ставшие сразу же близкими друг другу?

На этот вопрос не существует ответа, понять можно лишь опосредованно, по косвенным признакам. В одном из писем Рерих сообщал о Гребенщикове и его спутнице Татьяне Денисовне своим сотрудникам в Америку:

«Родные, опять шлю толстый пакет. Найдете в нем лики ваших новых братьев. Только подумайте: ведь Тарухан с того самого данного Алтая!! Я вижу, как он и Логван поговорят о серебряных горах. О реках, несущих в себе бесконечную водную энергию. Как все вы прислушаетесь к сказке кладов Сибири. Храм Ориона...» (01.11.1923) [4, с. 21].

В Нью-Йорке сложилось ядро единомышленников, и в письме упомянут сотрудник Логван, или Луис Хорш, глава ряда культурных учреждений, меценат и бизнесмен, занимавшийся продажей серебра. Здесь присутствует оттенок деловитости. Однако есть и нечто другое, в словесном кружеве Рериха имя Гребенщикова приобретает какое-то важное, таинственное значение. Сибирь, Алтай, Храм, новый брат...

За Рерихами стояли учителя Востока. Впервые художник и его супруга встретились с мудрыми наставниками, как они сами утверждали, в 1920 году в Лондоне, в Гайд-парке. Группа военных, в основном сикхи из Пенджаба, высокие, в чалмах, прибыли из Индии. В составе военной делегации был Махатма Мория (в переводе с санскрита «махатма» – это «великая душа»), их Учитель из грез и видений. Здесь начинается область чего-то неизведанного. Рерихи писали и произносили имя духовного Руководителя сокращенно,

Н. К. Рерих и Г. Д. Гребенщиков в музее.
Нью-Йорк, 1929 г. Фото. IHRCA

просто «М.». Публично оно появилось на обложке берлинского сборника стихов «Цветы Мории».

Почему на обложке, ведь имя Учителя на Востоке непроезжимо? Но Рерих – художник-символист. Для него символ был нужен, чтобы обозначить связь с высшим источником. Поэзия – это цветы в духовном саду Учителя. Точно так же назвал свою симфоническую сюиту и Василий Завадский, как упоминалось выше. Осенью 1923 года Рерихи приступили к изданию в Париже книги поучений «Листы сада М.». С нее фактически началась публикация текстов Учения под общим заглавием «Живая Этика». Вышло 12 томов в течение пятнадцати лет.

Учение «Живой Этики» вобрало в себя богатые традиции прошлого, те знания, которые выработало человечество с древнейших времен. Оно направлено на усовершенствование человеческой природы, затрагивает основы жизни – расширение сознания и развитие качества мысли. Микрокосм человека эволюционирует под действием психической энергии, волевых токов, лучей и вибраций. Постепенно человек становится вселенским существом, выходит на планетарный уровень, прокладывая пути к великому Братству людей как отражению единства Космоса. Концепция, изложенная в «Живой Этике», близка учению о ноосфере, которое предложил миру русский ученый, естествоиспытатель В. И. Вернадский. Учение, данное гималайскими мудрецами через Рерихов, базируется на многовековом авторитете Вед, премудрости Соломона, уложениях Конфуция, притчах Христа и Будды. Линия преемственности уходит корнями и в философию Платона

и Аристотеля, школу неоплатоников. Налицо тенденция к объединению мировых религий. Доктрина «Живой Этики» основана на трех главных постулатах – сотрудничестве с Дальними мирами, идеалах Общины и служении Общему Благу.

Миссия Рерихов по завету их Учителей состояла в строительстве Нового мира. Это закономерный процесс – эмигранты, выброшенные за пределы страны после русской революции 1917 года, мечтали снова обрести родину. Они хотели вернуться не в большевистский рай, а создать обновленное государство. Лидеры эмиграции, интеллигенция – все в один голос говорили о Новой России. Николай Константинович соединил политическую идею с культурой, но общая цель была неизменной – Новая Страна на просторах Азии. Только Союз государств во главе с новым лидером способен объединить азиатские народы. И этим лидером, несомненно, Рерих видел себя.

В сознании художника и вождя культуры Восток выступает неким мировым сообществом, исповедующим ценности духа в противоположность Западу. Восток и Сибирь, в частности, Алтай как сердце Азиатской России, являются оплотом Северной Шамбалы, самого священного понятия для азиатов. Вот почему так важен Алтай и так нужен Звенигород, где вознесется Храм единой религии и процветет вера в единого Бога.

С таким багажом за плечами Рерих пришел к Гребенщикову, хотя формально как бы сибиряк Гребенщиков отыскал своего духовного Руководителя Рериха. Самое главное, что они встретились, и этот союз двух талантливых людей открыл пути в будущее. Начался период тесного общения.

Весь октябрь 1923-го они вели уединенные беседы, а иногда встречались вместе и с Василием Завадским. Под впечатлением одной из таких встреч Гребенщиков писал:

«Дорогой Николай Константинович! Пишу Вам обоим, Вам и дорогой Елене Ивановне, ибо создавалась потребность быть услышанным Вами обоими. Итак: душа зазвучала по-новому, и путь в Грядущее озарен нечаянною радостью. И всё это пришло через Вас, столь гармонично и прекрасно светящихся Красотою... Первая моя присяга перед Вами в том, что, приступая к действию, – строжайший взгляд в себя и внешняя военная подтянутость. Смирно! Равнение прямо! Шагом – марш! И где-то далеко, но властно уже звучит вдохновляющий походный марш. В душе он отдается верою в Верховного Вождя и в моих ближайших командиров, и полна предчувствием Победы жажда умереть под знаменем грядущей Красоты» (21.10.1923) [7, с. 30].

Через короткое время уже серьезно обсуждался переезд Гребенщиковых в Америку. 27 октября были готовы документы для подачи на визу в американское консульство. В анкете писатель указал, что он намерен читать лекции о Сибири, издавать свои труды на английском языке и вести курс литературы в Институте объединенных искусств в Нью-Йорке. К анкете прилагались аннотация и краткое содержание шести лекций. Цикл назывался «Чудеса Сибири». Общий заголовок дал сам Рерих, подписав его своей рукой на машинописном экземпляре. Несколько тезисов из конспекта лекций Гребенщикова:

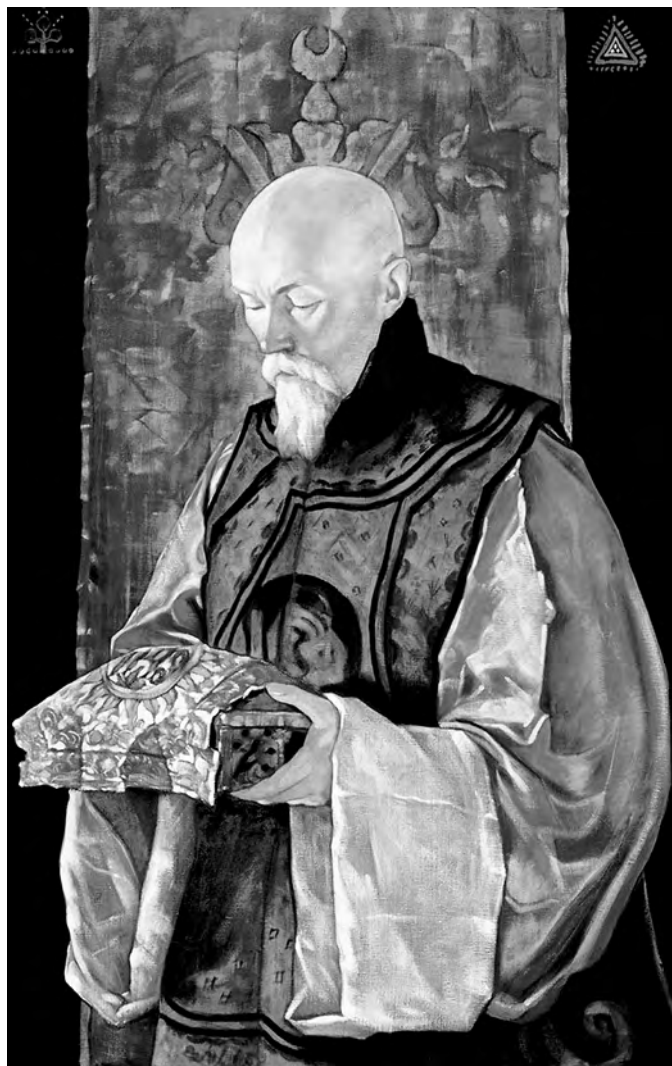
«Лекции объединены между собой общей основной идеей призыва молодых и крепких сил к радостному творческому обновлению жизни. Обрисовывая

природу, эпос, людей, зверей и богатства Сибири, лектор зовет избранных творцов для созидательного действенного творчества в этой новой, девственной стране Великого Грядущего. Пора строить новый мир, новую культуру духа в чистом светозарном и суровом месте...

Дороги и судьбы сибирской земли... Декабристы. Беловодье и Чураевская Русь. Переселение народов... Великий человек Потанин. От областного сепаратизма к идеалу вселенского отечества. Осязаемые пути Грядущего. Мудрость изначальной благодати. Первобытные мистерии, сказания, былины, сказки и песни многочисленных народов дремлющей Сибири. Тяга к древнему эпосу великих людей. Светозарный престол Мира – Алтай. Таинство Камня и Рерих» [8, л. 1, 3, 4].

Обращает на себя внимание последняя, шестая лекция. Она полностью посвящена Рериху. Ее содержание – это бесспорно результат бесед с Николаем Константиновичем. Тезисы этой лекции дают яркую иллюстрацию будущего сибирского строительства. Гребенщиков призывает к созиданию Храма. Здесь сразу же на ум приходит окончание «Былины», где упомянут «Храм Труда и Мира». Писатель переделывал окончание романа уже после отъезда Рерихов в Индию. Поразительный факт: в тезисах лекций обнаруживается лексика, присущая Рериху. Лектор упоминает чудесный Камень, Храм и Новую Страну.

«Николай Рерих. Знамения и воплощения. Роковые и спасительные знаки. Избранные люди Северо-Востока. Миссия русского большевизма. Россия и Сибирь как мировой плацдарм для последней битвы за новую расу. Рерих – величайший из пророков современности. Знамения в его полотнах... Радостное начало созидания близко. Танцующие! Приготовьтесь... к началу построения Храма Труда и Мира всего мира» [8, л. 4].

С. Н. Рерих. Портрет Николая Рериха
со священным ларцом. 1929 г. NRM

Совершенно очевидно, что идет подготовка к осуществлению великого «Плана», в который вовлекаются творческие личности из числа соотечественников. В Париже образовалась группа единомышленников, в которую помимо Гребенщиковых входят Василий Завадский и Алексей Ремизов. Последний – самобытный писатель, Рерих к тому моменту знаком с ним уже около двадцати лет. (Начало дружескому общению в 1909 г. положила совместная работа над постановкой пьесы Ремизова «Трагедия о Иуде, принце Искаротском» в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской, художник выполнил эскизы декораций.)

Все вместе – Гребенщиконы, Завадский и Ремизов – на короткий период образовали кружок по изучению «Живой Этики». И еще «пробовал стучаться Бальмонт». Георгий Дмитриевич получил от Рериха для заседаний кружка портрет Учителя М. и белую скатерть. После отъезда художника в Индию инициатива быстро иссякла. Гребенщиконы остались верными себе, продолжая один раз в неделю, по субботам, изучать «Листы сада Мории», или Книгу, как они ее называли.

Незадолго до отъезда Рерих решил поддержать нового сотрудника. Он принял участие в качестве почетного гостя на творческом вечере Гребенщиконы, который состоялся 30 октября 1923 года в парижском старинном отеле «Majestic» (теперь отель «Peninsula Paris», 19 avenue Kleber, XVI). Николай Константинович произнес приветственное слово вначале, перед выступлениями Куприна и Бальмонта. Труппа Московского художественного театра сыграла первое действие из пьесы «Сказка о кладах», написанной по мотивам

романа «Былина о Микуле Буяновиче». Актер театра И. М. Москвин читал отрывки из литературных произведений Гребенщикова. Для эмигрантского Парижа такой вечер – достаточно крупное культурное событие.

Встречи Георгия Гребенщикова с Рерихами становятся частыми. Рядом с ним – его верная спутница Татьяна Денисовна. Она особенно близка Елене Ивановне, прежде всего за ее мягкий, жертвенный характер и преданность. За несколько дней до отбытия семьи художника из Парижа, 10 ноября в гостинице состоялась последняя важная беседа и произнесены взаимные напутственные слова. Гребенщиков уверил своих духовных руководителей, что не расплещет доверенные ему откровения в «сутолоке европейского базара». Глубину личных отношений трудно измерить. Лишь по искрам можно судить о силе пламени. В память о последней встрече Николай Константинович получил книгу «Чураевы» с дарственной надписью:

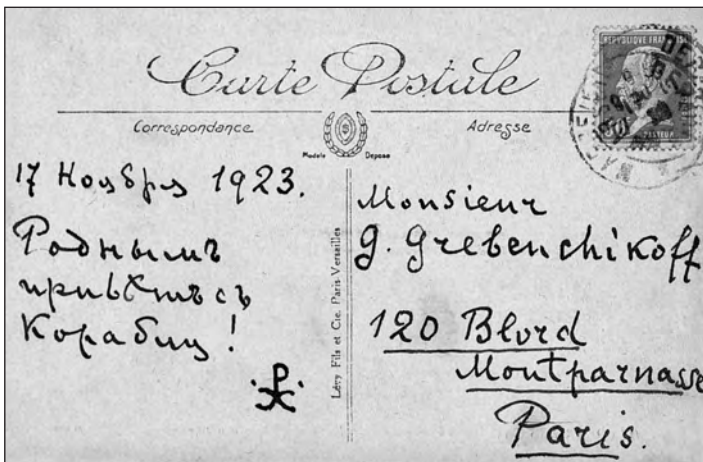
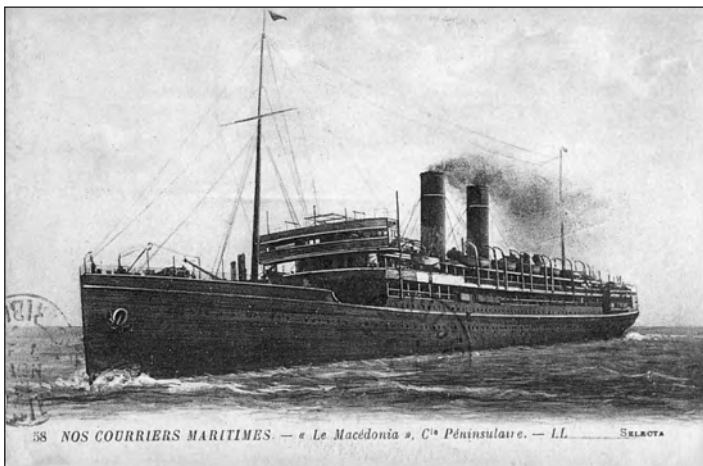
«Минуло сорок светлых дней общения с Посланником блага, и озарился путь мой нарастающей радостью Грядущего. Как лучи небесной радуги, заиграли прикосновения ко мне Учителя. Отселе с трепетною бережностью понесу чашу благоговейного внимания к Храму Высшему.

Там, у белых стен Града Нового, у чистых ступеней Храма Светозарного, в складках светозарных риз Алтая преклоню мои колена в знак свершения указанного Тобой пути, Учитель Света. В твоем же пути великом на Восток да возведет Тебя Звезда с высоты горния! Дела твоя да возрадуется мир на земли, да возвеселится Бог на небеси! – Георгий Гребенщиков. 10 ноября 1923» [9].

Рерихи подвигли Гребенщикова к глубинному поиску путей духа. Внешние обряды потеряли свою привлекательность. Душевный порыв к новым знаниям отразился в дневнике писателя. Свои записи он назвал «Летопись Тарухана», позже отсылает их в Индию. Теперь на страницах дневника уже виден не провинциальный литератор второго плана, но человек с широким мышлением и открытым взглядом на мир. Георгий Дмитриевич пишет о православной вере, приводит диалог с княгиней Тенишевой. Это – не догматическое христианство, а поиски живого Христа.

«Вчера у княгини М. К. Тенишевой... Провели там целый день, обедали и всё поднимались наверх. “А вы в веру-то Рериха не уйдете от православия?” Молчу и смотрю непонимающими глазами. “Он ведь давно отошел куда-то к Будде... Люблю я его, а нашу православную-то церковь не предавайте”. Затем она прочла письмо Николая Константиновича и очень умилилась. Вспыхнула каким-то светом, отраженным из письма. Но часа через два, когда я поднялся к ней один, призналась, что ее одолевает тоска и безнадежность. Я слушал, молчал, но про себя сказал: “Православие-то, видимо, не настоящее, раз не согревает и не утешает. Вера Рериха, стало быть, лучше. Но православию истинному изменять, конечно, не требуется. Право – славно всё благое и Прекрасное!” По возвращении домой получили письмецо Его в три слова: “Привет родным с корабля!” Отметили, что надобно учиться у Него краткости и силе слова» (19.11.1923) [10, л. 1].

Семья Рерихов покинула Париж и 17 ноября отплыла на трансокеанском лайнере «Македония» из Марселя в Индию. Путешествие заняло четырнадцать дней, 30 ноября они высадились в порту Бомбея. И сразу же отправились знакомиться

Письмо Н. К. Рериха. 17 нояб. 1923 г. ИНРСА.
Открытка с изображением парохода «Македония»

Письмо Н. К. Рериха. 27 дек. 1923 г. INRCA.
 На открытке: вид священной горы Канченджанга

с древними памятниками, посетили Эллору, Агру и Бенарес. Отовсюду слали короткие весточки. Наконец, открылась панорама Гималайских гор, священная Канченджанга: «25-го декабря увидели снега Гималаев. Получили Вашу летопись – *идите радостно*, ибо вершины сияют. Духом всегда с Вами. – Рерих» [11]. Начиналась многолетняя художественная экспедиция в «Сердце Азии».

В ответ полетели вести на Гималаи. Прекрасный, чистый жемчуг мыслей, щедро рассыпаемый. Помимо прочего, письма и «летопись жизни» Гребенщикова являются еще и вехами духовного восхождения. Ведь в них запечатлелось не только восхищение Учителями, но и тревога обыденности, и поверх всего – трудовые будни во славу будущего, во славу Алтая. Вот начало одного из писем Георгия Дмитриевича:

«Родные, далекие, Прекрасные! Какое счастье в минуты торжественного уединения быть с Вами духом и сердцем. Какое неисчерпаемое сокровище оставили Вы нам – Книгу Его. Поистине, это Новое Евангелие. И молюсь по слову Его: Господь духа моего, не покинь странника! С Тобою не страшусь моего неведения. Проведи, Благословенный, тропую. Прикоснись к очам, чтобы узреть Врата Твои!» (23.12.1923) [5, л. 1].

Гребенщиконы взялись с энтузиазмом за изучение английского языка, посещали курсы пять, иногда и семь раз на неделе. Они готовились к отбытию в США. Но пока, будучи во Франции, супруги всеми мыслями вместе с Рерихами; следят по большому атласу за маршрутом своих Учителей, отмечают на карте далекие города. «Вы – с нами, Америка с каждым днем всё роднее и знакомее» (30.12.1923) [5, л. 1], – писал Георгий Дмитриевич

в Индию. Вся воля брошена на Америку. Подготовка шла по всем направлениям. Не только изучение языка и организация книжного дела, но и литературная работа.

Гребенщиков, по рекомендации Рериха, обратился за помощью к американскому дипломату в Праге Джону Крейну (его отец Чарльз Крейн, посол, бизнесмен и меценат, финансировал выставки Рериха в Нью-Йорке и Чикаго). Писатель попросил помочь ему в публикации «сибирских очерков» на английском языке. Всего десять очерков, первые два назывались «Жемчужные струны» и «Дремлющая красота». В январе 1924 года по приглашению французского слависта Поля Буайе, почитателя Льва Толстого, Георгий Дмитриевич приступил к чтению цикла лекций о Сибири в Институте восточных языков (Париж).

С появлением Рерихов в жизни супругов Гребенщиковых происходят кардинальные изменения. Обыденность уходит, и расцветает особая духовная атмосфера. Устанавливается внутренняя связь, как бы мост от Парижа до Гималаев. Этот феномен пока не разгадан в полной мере. Но факт очевидный. Появляются схожие мысли, сны и видения. Гребенщиков в письме пересказывает Рерихам сон своей жены Татьяны Денисовны в ночь на 1-е января 1924-го: «Семь воинов, все молодые, в доспехах, выстроились в ряд и ждут приказа отправиться в Сибирь» (12.01.1924) [5, л. 1 об.]. Николай Рерих в свою очередь сообщает Указ, полученный из высокого источника:

«Родной Тарухан, 1 января была дана нам перед снегами Гималаев заповедь чрезвычайного значения: “Христос сказал Будде: Негоже Самим храмы строить,

Самим на колокольне звонить. Брат Будда, собери тех людей, которые могут третий глаз возжечь. Помогите им пустыню пройти. Надели их достатком строительным. Чистую звезду перед ними зажги. Воздай меру доверия – пусть Храм вознесется руками человеческими, чтобы было куда войти Нашему Собору. Удумаем, куда посадить строителей, какую мерою честь воздать тому, кто за Нас на весь мир позвонил. Быть тому на Звенигороде”.

Записана заповедь Христова 1 января перед великою горою. “Запись пошлите призванным каменщикам. Замечайте нити великой пряжи. Твердым сознанием горы перейдете. Указ явите Тарухану. Уже вижу, какой путь ему назначен, какой груз повезет на Алтай”... Сегодня яркий студеный день. Думаем сейчас, как Татьяна Денисовна будет полезна в столовой при Мастер Институте. Много благих знаков около нас. Целуем. Духом с Вами, Рерих» (03.01.1924) [12, л. 1].

От гималайского Учителя, как следует из письма Рериха, Георгий Гребенщиков получает наказ о начале строительства на Алтае. Переезд в Америку – лишь путевая веха. Впереди ждет светлый Звенигород, где вознесется Храм всех человеческих достижений. Отныне тайна владеет писателем и его рукой водит высшее вдохновение. Он берется помочь Рерихам разместить в печати «Легенду о Камне», посылает материал для опубликования в пражский журнал «Студенческая жизнь» (там при редакции состоит его друг, сибиряк Илья Савченко). Священный ларец с Камнем – в руках Рериха. Именно так позже изобразил художника на картине его сын Святослав. Легендарный Камень, который меняет судьбы народов, – «Сокровище мира». Этот драгоценный груз должен отправиться на Алтай!

«БЫЛИНА О МИКУЛЕ БУЯНОВИЧЕ»

Начало 1924 года приносит великие надежды. Георгий Гребенщиков приступил к изданию своего романа «Былина о Микуле Буяновиче», одобренного Рерихом перед отъездом в Индию. Он подписывает 11 января договор на книгу с издательством «Франко-Русская печать», отдает рукопись в набор. Однако с этого момента происходят удивительные метаморфозы. Готовую рукопись писатель начинает основательно дорабатывать. К началу февраля третья часть текста, концовка романа, переписана заново. Из письма Гребенщикова становится ясно, что повлиял на это решение Н. К. Рерих, который выступил как бы идейным соавтором произведения:

«Да, знаете Вы всё: чудо сопутствует нам, и рука Его помогает нам в труде – за три недели мы сделали более, нежели возможно сделать за три месяца. Весь “Микула Буянович” зазвучал совсем по-новому, и книгу эту выпускаю в свет с новым чувством служения Ему и путям Вашим» (02.02.1924) [5, л. 1].

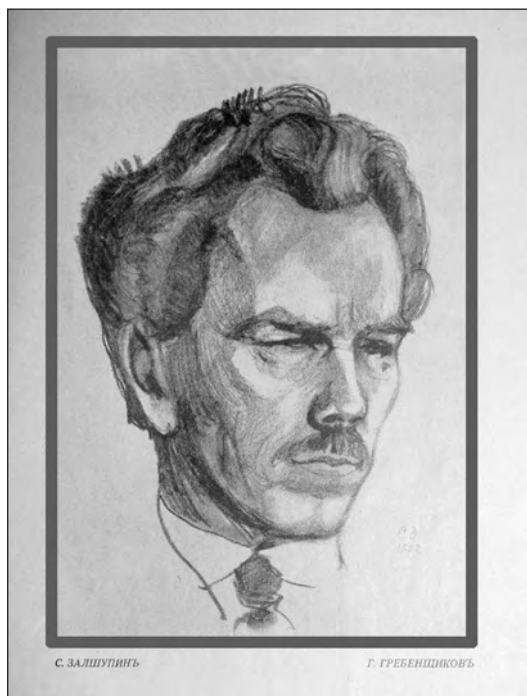
Георгий Гребенщиков постоянно говорит о помощи свыше. Ему, как служителю муз, можно доверять. Он принимает на себя творческие токи и умеет распознать «Руку дающую». Счастливая дата для писателя – 5 февраля. В этот день он закончил работу над переделкой романа. На радостях взял такси и повез поэтессу Маргариту Волкову и жену Татьяну Денисовну в Булонский лес на прогулку. Прокатал 27 франков, что по тем временам непозволительно дорого. Следует напомнить, двумя годами раньше писатель заключил договор на изда-

ние «Чураевых» и сразу же поехал кутить в ресторан на Елисейские поля. Но такова уж широкая натура Гребенщикова. «Вот до чего хороши наши дела!» (24.02.1924) [5, л. 2 об.], – писал он Рериху.

Выпуск романа сопровождался всякими неприятностями и огорчениями. Без этого не бывает, особенно в издательском деле. Первые две тетрадки, то есть 32 страницы, пришлось набирать на линоTYPE заново из-за большого количества ошибок, причем все листы тиража на тот момент уже были отпечатаны. (Лист – это 16 страниц текста.) Хорошую бумагу для книги директор издательства О. Г. Зелюк подменил на худшую, газетную с желтизной. И это невзирая на то, что у Гребенщикова на руках был подписанный образец.

Не обошлось без препирательств. Издатель «так уверял, так обиделся, – делился Георгий Дмитриевич своей бедой, – что я заколебался: может быть, в самом деле, я ошибся. А Таня плакала от горя, что книга получилась вместо трех сантиметров только в два толщиною. Правда, утешаемся тем, что печатаем одновременно 100 экземпляров на японской бумаге» (05.03.1924) [5, л. 1]. Все-таки писатель не ошибся, с бумагой на книгу Ремизова вышло еще хуже. И больше того, Зелюк сделал дополнительный, «пиратский», тираж «Былины» и пустил его в продажу.

На общем фоне тяжелой эмигрантской жизни такие житейские неприятности как-то незаметно рассеивались сами собой. Зимой русские изгнанники, большинство – офицеры, существовали прямо на улице, устраиваясь на ночлег под знаменитым мостом Александра III в Париже. Гребенщиковым жизнь казалась «райской». Рерих оказывал

С. А. Залшупин. Портрет Г. Д. Гребенщикова.
Журнальный оттиск. 1922 г.

всяческое содействие. Вот признательные слова Георгия Гребенщикова: «Поистине, Вы “Алатас” воздвигнули!» [там же]. Из Нью-Йорка шли, пусть небольшие, денежные вливания в книгоиздательство. Даже к оформлению «Былины» Николай Константинович и его сын Святослав приложили руку. Гребенщикова заказал обложку в Индию, предложив нарисовать «небесный свод в виде юрты» и логотип издательства с буквой «А». Рерих откликнулся

и прислал рисунок. К сожалению, из-за почтовых расстояний рисунок запоздал. Пришлось наскоро заказывать макет обложки у парижского художника Е. Н. Ширяева. Вскоре огорчения сменились радостью: 19-го марта «Микула» наконец-то вышел в свет. Гребенщиков отправил два экземпляра книги в Индию на «милостивый суд».

Описываемые в романе «Былина о Микуле Буяновиче» события относятся к концу XIX и двум десятилетиям XX столетия и происходят в Сибири. Писатель обращается к героическому типу личности, в основе произведения лежит сюжет о русском крестьянстве. В дни лихолетья из глубин народной жизни поднимается богатырь Микула, олицетворяя собой страдания и духовные поиски целой нации. Природа русского бунта кроется в живом, непредсказуемом национальном характере. На долю героя выпадают нравственные терзания, тяготы сибирской каторги и братоубийственной гражданской войны. Любовь опрокидывает его душу. Из разбойника Микула превращается в святого странника. В горах Алтая он вместе с народом создает «Храм Труда и Мира». Автор в своем произведении воплощает идею «построения храма», которая становится для него национальной идеей. Из нее пробивается росток могучего дерева будущей России.

История написания романа необычна. Не было продуманной логической схемы. Взрыв чувств создал самопроизвольно яркую картину событий. Предшествовали этому частые беседы с французами у Маргариты Волковой, у которой Гребенщиковы квартировали на Монмартре, в мансарде под самой крышей. Вопрос, задаваемый писателю

иностранцами, сводился к поиску причин русского бунта. Почему произошла неожиданная перемена в душе народа? Из народа-богоискателя, воспетого великой русской литературой, он превратился в убийцу боевых белых офицеров, в вешателя невинных священников. Как вообще стало возможным, чтобы народ не защитил своего Государя Николая II и как будто сочувствовал расправе над помазанником Божиим?

Особенно Гребенщикова поразило убийство в Петрограде в августе 1922 года митрополита Вениамина (Казанского). Перед расстрелом большевики учинили зверскую расправу, он был обрит, измазан дегтем и одет в лохмотья. Писатель сильно переживал случившееся. Возможно, эти события вызывали тревогу за друзей и близких родственников, прежде всего – за сына Анатолия, к этому времени жившего в Петрограде. Однажды что-то сдвинулось внутри, когда писатель думал о кровавом терроре. Он кое-что понял, слушая в театре на Елисейских полях симфоническую поэму Лядова «Кикимора», но еще не мог оформить свои мысли. Нужна была исчерпывающая формула, чтобы ответить французам на поставленные вопросы.

Ответ на сложные вопросы все-таки найден. Неожиданно появился роман о Микуле. Литературный шедевр связан с мистическим происшествием, похожим на откровение пророков. Георгий Гребенщиков услышал название своего будущего произведения во время литургии. Уже на склоне лет, в январе 1957-го, за несколько месяцев до роковой болезни необычный случай был описан им в очерке «Чудесное воспоминание»:

«Будучи в чудесной церкви на крутой горе, в Висбадене, я не скажу, что очень горячо молился, но поражен был пением хора и торжественным богослужением отца Павла Адамантова. Во время Херувимской, когда на Евхаристии к престолу, на котором совершается чудесное превращение вина в кровь Христову, сонмы ангелов и херувимов спустились над Чашей, во мне произошел доселе неведомый трепет.

Слух мой уловил их присутствие в голосах хора и особенно в ангельских, нежных женских голосах, поднявших меня на крыльях умиления и восхищения в пределы надземные. И когда произносились слова Херувимской “Всякое ныне житейское отложим попечение”, – слезы градом хлынули из моих глаз, потому что вся искомая мною формула сложнейшего плана моей задачи открылась мне с невероятной ясностью, во всех подробностях... И явилось даже само название: “Былина”» [13, с. 365–366].

Гребенщиков вышел из церкви и понял, это – начало романа. Рукопись объемом почти 400 машинописных страниц была завершена в шесть недель. Сам автор утверждал, что он побил все писательские рекорды! Георгий Дмитриевич приступил к написанию романа в Германии и закончил его во Франции. Работал над ним в парижской квартирке, за крошечным столом, едва успевая записывать фразы, которые проносились у него в голове. Листы рукописи слетали из-под руки так быстро, что Татьяна Денисовна не поспевала за мужем перепечатывать их на пишущей машинке. Уникальный духовный опыт, похожий на то, как ток высокого напряжения мгновенно бежит по проводам. Роман написан в 1922 году, примерно в то же время, когда и сюита композитора Василия Завадского.

Книга состоит из трех частей, или сказаний: «Из песни слово», «Сказка о кладах» и «Царь Буян». Писатель назвал свою трилогию «Былиной», как следует из его очерка, услышав название под куполом церкви. Построена она своеобразно – это роман, и драматическое произведение, и героическая эпопея одновременно. Каждое сказание является завершенным художественным сюжетом. Все три части объединены жизнью одного человека – русского богатыря, правдоискателя, мстителя за народ Микулы Петрованова (Буяновича). Главный герой в каждом сказании предстает как бы другим человеком, но он один и тот же, самоотверженно проявляет в своей душе и Бога, и дьявола. Размышляя над романом, поэт-эмигрант, сиделец сибирских концлагерей Виктор Булин писал в 1955-м:

«Георгий Гребенщиков взял одну пригоршню русской земли-жизни и нашел там Микулу. Если зачерпнуть еще пригоршню, – и там есть Петрованов сын, и в следующей – найдется Он, не Царь Буян, так Атаман Лихой, или удалой разбойник-богатырь. Назови его Степан Разин, назови Емельян Пугачев, – да как хошь назови – это всё Он!» [14, л. 5].

Первое сказание «Из песни слово» разворачивается в далекой полупустынной Сибири. Оно повествует о детстве крестьянского мальчишки, восьмилетнего Микулки, который в занесенной снегами самой бедной избе целыми днями один-одинешенек сидит на широкой каменной печи. В этой беспросветной жизни у него мало радости, но зато есть близкие, любимые люди – вдовый отец Петрован, бабушка Устинья и светлая, чистая, Богомольная сестра Дуня. Сватает ее сын соседа, моло-

Н. К. Рерих. Микула Селянинович.
Фрагмент. 1910 г. ГРМ

дой и простоватый богатырь Илья, да мать его спесивится, не желает брать в дом нищую невесту. И вот приходит беда неожиданно-негаданно.

По таежному проселку едет кибитка, в ней – Проезжий господин из ссыльных интеллигентов. Кажется чудесным появление сказочного героя в убогой хижине. Мечтательная Дуня увидела былинного героя князя Серебряного. Девушку потянуло к нему как к чуду. Соседка, мать Ильи, раскинула тенета лжи, и пошла недобрая молва, будто бы Дуня спуталась с гостем. Уехал из деревни Проезжий господин, исчезла и Дуня, не в силах перенести позора и наветов. Сильно загрустил Илья и забуянил, восстала его душа против такого народца, и ушел он из родительского дома.

Следом отправились Петрован и Микулка якобы на богомолье, но на деле – искать Дуняшку.

Прошло пять лет. Извилисты русские дороги и непредсказуемы пути человеческие. Все вместе встретились герои в доме, откуда ушли странствовать. Только вот досада, прежней Дуни уже нет, душа ее скрыта в потаенном уголке, а на людях – властная купчиха Авдотья Петровна, вдова Астахова. «Но время старит, время лечит, и время за всех думает, – как уверяет автор. – Времечко летит» [15, с. 105]. Илья женился на Дуне. Жениться-то женился, а простить старых обид так и не смог, и однажды убил ее из ревности.

После того как «Илья убил сестру и как на суде развернулась вся срамота жизни – всё пошло и вовсе по-дурацки. Закутил, забуйствовал Микула, угнал у ямщиков-хозяев лошадей, а лошадей у пьяного украли. Засудили в арестантские роты, отбыл срок – и пошел бродяжить, искать кладов с чужим паспортом» [15, с. 208].

Во втором сказании «Сказка о кладах» Микула предстает в новом образе. Он – богатырь и разбойник, не имеющий паспорта Матвей Бочкарь. Свой досуг молодой бродяга проводит за картами, в буйных плясках у Анисьи Ивановны, незаконной жены уездного пристава. В теплой компании веселятся и невинные молодые девушки, и каторжанин-фальшивомонетчик, и ворожея, благочестивая Просвирня, и здесь же – юродивый старичок Яша. Шайка разбойников во главе с Матвеем решила ограбить богача, старовера Вавилу, живущего уединенно на лесной заимке как в сказочном, заколдованном замке. Главари решают взять золото не разбоем, а обманом. Хочет раздобыть денег,

уйти в непроходимые леса, где можно будет начать новую жизнь. Переодевшись жандармом, Матвей Бочкарь вместе с подельниками отправился к Вавиле, но плохо сыграл свою роль. Обман раскрылся, и вся компания угодила на каторгу.

Майским теплым днем на высоком косогоре, у тракта разыгрывается драма. На этом месте когда-то маленький Микула со своим отцом встретил ямщика Илью, а потом и неузнанную сестру Дуню. И вот теперь здесь же устроен привал партии каторжан. Происходит прощание Матвея с Анисьей и неожиданная встреча с беглым ссыльным Ильей, бежавшим к месту некогда своего маленького счастья. Измученные каторжане просят Провсвирню погадать, открыть на картах судьбу. Но та сама просит Яшу рассказать его сон, который постоянно повторяется, будто посылаемый ангелом-хранителем свыше. Чудесный сон о тихой келье в лесу. Яша увлек всех своим святым рассказом о келье, месте для спасения души. Увлек, потому что сказка превращалась в «сбыточную быль». Где-то поодаль от кельи, за большой горой, будто в облаке высился вечный храм Господний. По каторжным тюрьмам разбойники разнесли сон Яши. Храм – не мечта, а прекрасная явь.

Третье сказание «Царь-Буян» тоже о богатыре Микуле. Теперь он – Иван Лихой, отчаянный атаман народной, повстанческой Зеленой армии. Но разочарованный и не нашедший правды в братоубийственной войне Микула снова идет в батраки на уцелевший хутор в лесу. Голод обступил Россию. Туда же на работу он приводит неизвестную измученную монашку, делится с ней последним кусочком хлеба. Белая армия, вылавливая всех

подряд – и красных, и зеленых, ищет атамана Лихого. У него в душе поднимается великая сила, из чернорабочего он снова превращается в непобедимого атамана, собрав за два дня войско, которое громит белых, а затем красных. Монашка оказалась женой командира Белой армии князя Бобутова. Атаман пытается сохранить жизнь князю и княгине, ибо несет в себе жажду мира для всего народа, осознавая войну как страшное зло.

И все-таки Иван Лихой вместе с пленницей отправляется в княжеский дворец, где расположился его «зеленый» отряд. Княгиня не покорила ни душой, ни телом. Богатырь Микула увидел всю брэнность земных достоинств. Нет никого вокруг – ни Бога, ни человека, к кому с раскаянием мог бы прийти разбойник. Но разве не к Христу обратился разбойник, висевший на голгофском кресте?.. И вот идет Микула к своей пленнице каяться и просить прощения. Кричит в темноту покоев: «Есть он, Бог-то, али нету Бога?!», и слышит в ответ: «Есть!.. Есть Господь!.. Вижу Его в этом взгляде твоих глаз, палач мой!» [15, с. 338–339].

Армия Лихого, почуяв смятение атамана, уже начала бунтовать и подожгла замок. Послышались из окон выстрелы и ударили по потолку. Зазвенели разбитые стекла, посыпалось большое зеркало и ранило осколком княгиню. Склонился Микула над ней, узревшей смерть, и полюбил ее всем сердцем, как «любит пламя смолу». Прижал ее, чтобы упиться трепетом истаявшего дыхания, выбежал с ней на руках на лестницу и там вспыхнул пламенем вместе с княгиней, а затем показался на ступенях дома пылающим, огненным крестом. Голоса зачинщиков смолкли, и выстрелы прекратились...

Обложка книги «Былина о Микеле Буяновиче».
Издательство «Алатас», 1924 г.

«Прижав к груди своей столь дорого оплаченную добычу, атаман Лихой сгорал стоя, заживо, и криком громовым и радостным, обращенным через головы дружины к зарумянившей восток заре предутренней, прокричал он, как песню:

– Вижу, Господи, Твой лик пречистый, огненный! Вижу суд Твой праведный!..» [15, с. 342].

Так завершается роман о Микуле Буяновиче. Однако завершение романа – это еще не конец. Имеется двенадцать страниц послесловия к былине, в котором, по слову автора, проглядывается «узор осмысленного символа». Это оригинальное философское размышление Гребенщикова, выходящее своего рода апофеозом всего романа. Фантастическая сказка о воскресшем из небытия главном герое Микуле вместе со своей возлюбленной княгиней. Они странствуют по святой России, чая ее возрождения. Они идут строить Храм в «лесах сибирских», чтобы прославить Господа. Автор называет Микулу сыном царя Буяна. Кто же этот царь? Не является ли царем сам великий и страшный, святой и окаянный русский народ, породивший неслыханную в мире русскую революцию... Он – прародитель воли и неволи, смуты и радостного восторга.

Дадим слово самому Георгию Гребенщикову. Ничего не может быть точнее, чем суждение автора о своем литературном детище. Им сделан акцент на преображении Микулы. Из письма Виктору Булину:

«Он, отложив земные попечения, сдает все свои богатырские силы Княгине, подтвердившей ему существование Бога в его собственном взгляде. Вот где разгадка всей несокрушимой силе Святой Руси. И уже

потом Микула становится Легендой, тем самым, что питает дух человеческий в течение целых тысячелетий» (07.03.1955) [16, л. 1].

Следует упомянуть об одной из концовок романа, оставшейся надолго забытой в черновиках писателя. Лист озаглавлен «Финал Микулы». Очевидно, что финал относится к послесловию. Крупным шрифтом: «Да, Микулушка, на себя надейся. Надо раскачать М. Надо выпрямиться, знать. Надо строить всю жизнь заново. И в Новой Стране» [17, л. 1]. Можно только догадываться, что М. – это то самое сокращение имени, которое Рерих поведал своему новому сотруднику и другу. Имя того, кто заповедал будущий Храм на горах Алтая.

После выхода в свет «Былина» получила восторженный отклик в среде русской эмиграции, принеся автору широкую известность и признание. Были положительные рецензии в прессе, например Сергея Яблоновского (Потресова). Подробно о «Былине» писала гораздо позже, в 1950-е годы, русская писательница из Калифорнии Александра Мазурова. Серия ее статей вышла в газете «Русская жизнь». Развернутое суждение представил также Виктор Булин, рукопись сохранилась в писательском архиве. Очень точно о «Былине» написал сам Георгий Дмитриевич. В письме к писателю Ивану Новгород-Северскому, считавшему себя сибиряком (с детских лет жил в Сибири, хотя и родился на смоленщине), он дал емкую по смыслу характеристику своему роману:

«Это довольно сложно построенный крестьянский роман, нечто и по форме, и по смеси реализма с символизмом, в литературе действительно стоит особняком» (29.05.1956) [18, л. 1].

В начале 1930-х годов в Европе началась кампания по выдвижению русских писателей Бунина и Мережковского на Нобелевскую премию по литературе. Из Америки стали раздаваться робкие голоса и в пользу романа Георгия Гребенщикова, но они не были услышаны мировой общественностью. Впоследствии «Былина» вышла на английском и французском языках, в США (1940) и в Бельгии (1947). Писатель наделил свое произведение большой созидательной силой. Когда роман только увидел свет, он заверял знакомых ему по переписке американских братьев: «Знаю, что “Микула” поведет за мною полки к путям победным во имя Господне» (10.02.1924) [2, л. 1 об.]. Уверенность, достойная всяческого восхищения! Она относится не лично к автору, но к воинам, сражающимся за истинную культуру.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ НАДЕЖДЫ

Глава шестая

У БЕРЛИНСКИХ ПОДМОСТКОВ

Георгию Гребенщикову сопутствовала удача. Во Франции издатель Я. Е. Поволоцкий объявил о выпуске собрания его сочинений в шести томах. Аванс пошел на покупку части дома в Висбадене. Тихая немецкая провинция как нельзя лучше подходила для творческого уединения писателя.

Курортный городок на Рейне приносил разнообразие, особую атмосферу, похожую на театральное действо. В России тоже встречаются иногда прятничные домики, но немцы преуспели в украшении жилища лучше других. Первое путешествие, предпринятое по знаменитой реке Рейн на пароходе, оставило у Гребенщиковых «впечатление какого-то... феерического представления с движущимися декорациями» [1, л. 1].

Писателю не случайно приходят на ум театральные образы. Германия показалась ему декоративной, но в то же время, помимо политического и торгового значения, представлялась землей гениев искусства и литературы. Бетховен, Вагнер, Бах, Гёте, Шиллер... Субъективные ощущения чаще всего и формируют жанр художественного произведения, будь то очерк, роман или пьеса. В Германии Георгий Дмитриевич сосредоточил свое внимание на пьесе.

Вечером 4 февраля 1922 года Гребенщиковы выехали из Парижа в Висбаден и на следующий

Дом в Висбадене, где Гребенщиковы проживали в 1922–1923 гг. Открытка. ИHRСА

день прибыли на место. 10 февраля Татьяна Денисовна проводила мужа на поезд в Берлин. Целей поездки у Гребенщикова было несколько. Первая состояла в том, чтобы наладить контакты и найти способ вывезти сына Анатолия из Петрограда. Пришлось обратиться к историку В. Н. Тукалевскому, который жил в Териоках (Финляндия) и оказывал содействие русским беженцам в переходе границы. Зимний маршрут прокладывался через Кронштадт.

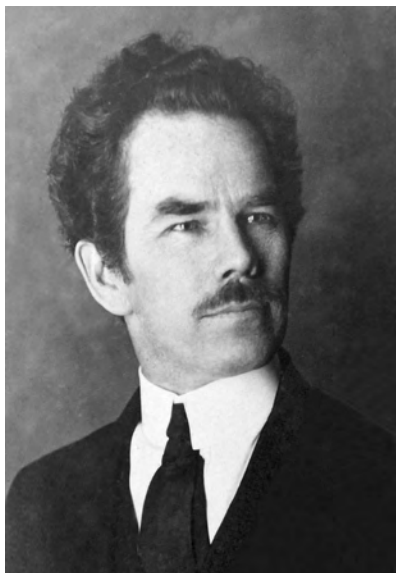
Особых препятствий не было, но тени прошлого заслонили добрые намерения Георгия Дмитриевича. Анатолий под влиянием матери отказывался ехать, а бывшая супруга писателя Людмила Николаевна не скрывала своего негодования. Годы расставания, как убедился Гребенщиков, не смогли

вытравить «мелкое чувство мстительности и ревности» (20 февраля 1922 г.) [2]. Невзирая ни на что, ему хотелось обустроить первую семью по-человечески, перевезти в Париж или Прагу, даже в ущерб собственному благополучию. Однако не всё складывалось так, как он задумал. Пришлось покориться обстоятельствам: «Ну что же, если Толя не поедет ради матери, то, значит, он действительно прекрасный юноша и тогда еще глубже будет моя скорбь о нем и тревога за его судьбу» [там же].

Вызвать сына к себе так и не получилось. Дошли слухи, будто бы Анатолий даже пытался перейти границу с Финляндией, но попытка оказалась неудачной. Это были все-таки слухи. Сын не хотел оставлять мать, поскольку, согласно разработанному плану, он выезжал первым, а за ним через время – Людмила Николаевна.

Летом 1922-го Гребенщиков настойчиво просил о содействии Максима Горького. Требовалось получить разрешение на выезд из Советской России. Близкие друзья хлопотали о визе в Чехословакию, и в этом отношении кое-что удалось сделать. Тукалевский недоумевал, почему Анатолий молчит. Он полагал, что тайный переход границы, возможно, смущал юношу. Но другого пути не было. Из России официально высылали только идеологически опасную для большевиков интеллигенцию. Осенью того же года Петроград покинул последний «философский корабль», и страна закрыла свои границы.

Вторая – главная – цель поездки в Берлин состояла в посещении спектаклей Московского художественного театра. С артистами МХТ Гребенщиков дружил давно, выступал как театральный

Г. Д. Гребенщиков. Париж, 1922 г. ИНРСА

критик на страницах московских «Русских ведомостей», встречался с артистами в Ялте, Константинополе и Париже. До эмиграции состоял в Обществе русских драматических писателей и оперных композиторов.

Берлинские гастроли МХТ длились чуть больше недели, и каждый день Георгий Дмитриевич посещал спектакли, не пропустил ни одного. Он посмотрел «Трех сестер», «Гамлета», «Вишневый сад», «На дне» и «На всякого мудреца довольно простоты». Причем спектакль «Три сестры» видел трижды. Им как раз закрывались гастроли 19 февраля. На сцене блистали великие актеры: Василий Качалов, Николай Массалитинов, Мария Германова,

Ольга Книппер-Чехова, Мария Крыжановская. Цветы сыпались на эстраду, и 25 минут не прекращались овации! «Нельзя было удержать слез», – писал Гребенщиков (19 февр. 1922 г.) [там же].

Труппа Художественного театра под руководством Качалова гастролировала за границей начиная с Белого юга России и затем путешествовала по всей Европе. В 1922 году внутри МХТ наметился раскол в связи с выбором: возвращаться ли в Москву или оставаться в эмиграции? Гребенщиков оказался в центре событий, многие актеры шли к нему за советом. Приходилось вынужденно

А. Г. Гребенщиков. Ленинград, 1926 г. ИНРСА.
Автограф на обороте фотографии:
«От сына, который помнит и любит своего отца»

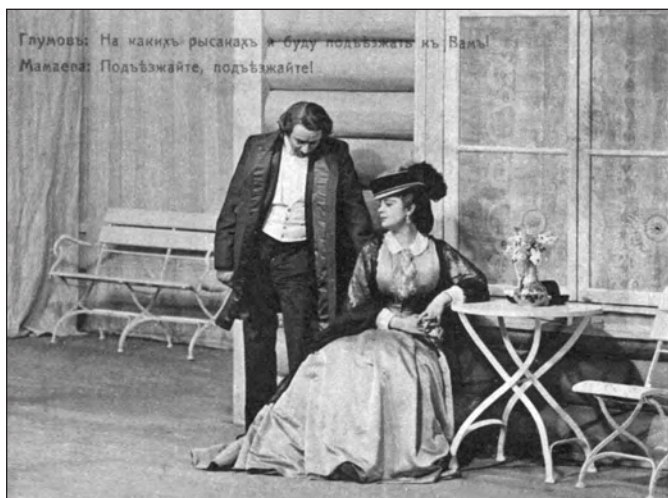
реагировать, пересматривать и свою жизнь, вооружить недавнее прошлое. У большинства эмигрантов Родина стояла на первом месте. Писатель задается важными вопросами, но по большей части они оставались риторическими. Выбор он уже давно сделал.

«Что я могу сказать им, когда сам не еду. Я сын сибирского рудокопа, настоящий народный писатель, неподдельный пролетарий – и я не еду в Москву и в Россию! Что же сделано с нашей Родиной, которая нам кажется тюрьмой? <...> Почему-то не влечет меня рабоче-крестьянская власть!.. Что же это значит? Может быть, я не понимаю истинного смысла событий и грядущего искупления?..

Возможно, но когда нынче летом, работая на юге Франции на муле, я был смят им, и он в течение четырех минут грыз и топтал меня – я все-таки радовался, что погибаю под копытами мула, но не от руки защитников и благодетелей русского народа! Может быть, во мне говорит личное раздражение белогвардейца? Нет – я не был в белых армиях и пером своим до сих пор ни разу и нигде не обмолвился по политическим вопросам. Я оставался и хочу остаться честным объективным наблюдателем и лишь в художественных образах быть убедительным и неопровержимым.

Но когда я вижу, что на моих глазах происходит мелкое жульничество и циничное издевательство над истинной красотой – я возвышаю свой голос и повторяю: копыта бешеного мула мне милее прокаженных поцелуев Иуды!..» (21 февр. 1922 г.) [там же].

Атмосфера вокруг МХТ давала вдохновение. Гребенщиков постоянно окружен актерами, впитывает театральное электричество образов и эмоций. Даже живет некоторое время в одной комнате с артистом П. Ф. Шаровым, впоследствии знаменитым режиссером. Московский художественный

В. И. Качалов и М. Н. Германова в спектаклях
«На всякого мудреца довольно простоты»
и «Будет радость!» Открытки. ИР

театр заключает в себе нечто большее, чем эстетическое наслаждение. Это – своего рода философия жизни. Еще до эмиграции, в 1916 г., Георгий Дмитриевич выступает в печати с рассказом «Синяя птица». Название является своеобразной рефлексией на одноименную постановку МХТ пьесы Мориса Метерлинка. Рассказ автор посвящает Художественному театру.

Сюжет довольно простой: армейский капитан Сергей Иванович, находясь в отпуске по ранению, вызывает на неделю в Москву из далекой Сибири своих родных – жену Катюшу и сына Колю, двенадцатилетнего гимназиста. Он хочет сделать им рождественский подарок – показать древнюю белокаменную столицу и, главное, повести родных на спектакль «Синяя птица».

«Капитану представлялось, что Художественный театр, как он слышал, читал и размышлял о нем, – самая высокая точка в русской жизни... сокровище русского искусства» [3, с. 308].

Сергей Иванович дорого платит за билеты барышнику, который в результате обманывает его, подсовывает не те билеты. Подлог обнаруживается при входе в зал, перед самым спектаклем. Директор театра, в конце концов, разрешает трудную ситуацию. Но нервное потрясение только усиливает сюжетную линию. Ожидая спектакля в фойе, капитан рассказывал сыну о чеховской «Чайке», старался посеять в нем любовь ко всему прекрасному:

«Нет, мой родной, здесь не поют и не танцуют, здесь представляют лучшие творения человеческого разума и чувства. Запомни, что нигде во всем мире нет подобного театра...» [там же, с. 310].

В чем-то наивный рассказ выдает в авторе не-исправимого мечтателя. Он делится с читателями своей чистой и святой радостью. Синяя птица – великая мечта. Персонажи пьесы – огонь, вода, хлеб, домашние животные – всегдашние спутники человека. Некоторые коллеги по перу говорили Гребенщикову, что так теперь не пишут, это прошлый романтический век. Но у писателя была своя драматургия: преодолеть трудности в жизни можно только в том случае, если «неустанно стремиться к синей птице». Философия театра выходит в его творчестве на передний план. Спектакль занимает важное место как способ мироощущения.

В Берлин писатель привез недавно завершённую им пьесу «Из песни слово», задуманную еще в Константинополе. Она была представлена на суд Массалитинову, но тот разнес ее вдребезги. 24 февраля Гребенщиков пригласил «критика» на свою квартиру, чтобы обсудить детали, и всё закончилось мирно. По такому случаю Георгий Дмитриевич угостил гостя стопкой ликера. В чем суть критики, остается только догадываться.

В писательском дневнике нет никаких подробностей на этот счет. Можно предположить, что первые пьесы сибирского беллетриста имели заметный бытовой крен: народная жизнь трудно проби- валась на эмигрантскую сцену, где царили изысканные столичные нравы. Театральную моду обычно задавала интеллигенция.

В пьесе «Из песни слово» деревенский колорит переплетается с высоким романтическим настроением. В какой-то мере это и является изъяном для светского общества. Если обратиться, например, к тексту 4-го акта, в котором разворачивается

сценка у самовара, на крыльце дома, с участием Дуни, Микулы, бабушки Устиньи и затем Ильи, то видно, как неправдоподобно легко у главной героини буря эмоций превращается в блаженное ликование. На лоне природы так бывает: налетит ураган и засияет солнце. Но как быть с человеком?.. Дуня бьет горшки и посуду, обижает брата Микулку и под занавес (в прямом смысле слова) заверяет жениха Илью в их неизбывном счастье: «Ну, Илья Иваныч!.. Как две реченьки сольемся мы с тобой в одну родную и глубокую!.. И навеки!.. На веки вечные...» [4, л. 14].

Неоспоримые достоинства пьесы состоят в литературном языке. Через язык передается дух народа. Автор органично вплетает редкие слова и выражения в диалоги. Вот несколько фраз: «И самовар, угасая, подвывает и куёт»; «Ширканье гармони проклятущее...»; «Иди, соколик, горегорький мой»; «Микулша! Вот, едрёно-зелёно!..» [там же, л. 1–8]. Получается, самовар куёт, как кузнечик или кукушка. Гармонь ширкает, по душе царапает. Человек горе-горький – тот, кто пережил горе горше горького. А выражение «едрёно-зелёно» ближе всего будет к народным обрядам.

Георгий Гребенщиков вернулся из берлинской поездки с полной решимостью серьезно заняться драматургией. Летом 1922-го работа шла уже полным ходом. К сентябрю он переделал пьесу «Из песни слово», а в октябре была готова вторая – «Сказка о кладах». Обе – это части большой драматической трилогии «Микула Буянович». Их названия совпадают с названиями глав «Былины о Микуле Буяновиче». Замысел романа возникает параллельно с написанием пьес. Писатель созда-

Е. Н. Рощина-Инсарова. Париж, 1922 г.
Фото из собрания Г. Д. Гребенщикова. ИНРСА

ет художественное произведение таким образом, чтобы оно оказалось пригодным для «народных театральных постановок» и кино.

В сентябре из Парижа в Висбаден приходит известие от прославленной актрисы Е. Н. Рощиной-Инсаровой. Она намеревается ставить пьесу «Из песни слово» в Русском драматическом театре города Риги. Там 10 октября открывался театральный сезон. Несравненная Катерина из «Грозы» хочет сама перевоплотиться в Дунюшку. Автор польщен и переживает пик творческого напряжения, кое-что требуется переделать специально для

этой постановки. Он сообщает Екатерине Николаевне: «И вот, я спешу Вас известить, что живу всё это время Дуней...» (24.09.1922) [5, л. 1].

Осенью у Георгия Гребенщикова наступает театральная страда – готова «Сказка о кладах». С ней знакомится всё тот же Н. О. Массалитинов (вероятно, критика первой пьесы пошла на пользу). Из Берлина рукопись попадает в Прагу. Известный драматург И. Д. Сургучев оценивает ее высоко. После берлинского раскола укрепляется Пражская группа МХТ, которую возглавила Мария Германова. Актриса заинтересована новым репертуаром. Однако страстное желание поставить пьесу разбивается о непреодолимые препятствия. Ее трудно осуществить из-за обилия костюмов и декораций. В условиях эмиграции требовались немалые денежные затраты на бутафорию. Субсидии чехословацкого правительства оказались слишком скудными.

Через год «Сказка о кладах» всё же была представлена публике в Париже. Артисты Московского художественного театра сыграли одно действие пьесы. Премьера состоялась на вечере, посвященном произведениям Георгия Гребенщикова, 30 октября 1923 года в отеле «Мажестик».

В конце ноября 1922-го Гребенщиконы специально выехали в Берлин, чтобы побывать на спектаклях Первой студии МХТ. Труппа из Москвы под руководством К. С. Станиславского начинала свои двухлетние гастроли на Западе. 24 ноября состоялся Бал русской прессы, где хозяйкой была актриса Германова, а 28 ноября – вечер МХТ. Там Гребенщикова знакомится со Станиславским, который «обласкал» его и приблизил к театру. Зна-

Н. О. Массалитинов. Берлин, 1922 г.
Открытка, подаренная Г. Д. Гребенщикову. ИНРСА

менитый режиссер был наслышан о появлении подающего надежды писателя-драматурга.

Георгий Дмитриевич загорается сильным желанием поработать в театре у Станиславского. Он пишет режиссеру, что готов стать «добросовестным рабочим». Его не смущает перспектива заниматься черной работой: «Я думаю, что сумею взять от близости к Театру многое просто для своей души» [6, л. 1 об.]. Но за мизерную плату на такие должности полным-полно других эмигрантов.

SALLE DE L'HOTEL MAJESTIC
19, avenue Kléber, Paris XVI

ВЕЧЕРЬ
Посвященный произведениям
ГЕОРГИЯ ГРЕБЕНЩИКОВА.

При участии Артистов Московского Художественного Театра

ПРОГРАММА.

I.

<i>Les artistes</i> <i>Г. Д. Гребенщико</i> <i>А. И. Курпирь</i> <i>Н. К. Рерих</i>	Эмиль Наимант Вступительное слово К. Д. Бальмонт Стихи къ Георгиу Гребенщикоу Н. Н. Литовцева) А. К. Тарасова) Изъ трилогіи «Михула Буяновичъ» П. А. Бакшеевъ) В. В. Лужскій) Разсказъ И. М. Москвинъ) Разсказъ О. Л. Книпперъ-Чехова) Изъ романа «Чураевъ»

II.

<i>Rail Boyer</i> Г. Д. Гребенщикоу } А. И. Курпирь } Н. К. Рерих }	Слово къ Артистамъ Московскаго Художественнаго Театра

III.

Ф. В. Шенченко М. А. Успенская В. П. Булакова А. К. Тарасова В. Л. Ершовъ М. М. Гархановъ Л. Н. Булаковъ А. П. Бондаревъ Л. М. Корнева В. И. Качаловъ	))) Первое дѣйствіе изъ пьесы «Сказка о кладяхъ»))) Изъ эпопеи «Василій Чураевъ»

ВТОРНИКЪ 30 ОКТЯБРЯ 1923 г. 8 час. ВЕЧЕРА.

Программа вечера Г. Д. Гребенщикоу.
Париж, отель «Мажестик». 30 октября 1923 г. ЧАР

Что же двигало писателем, быть может, теплилась надежда вернуться после гастролей вместе с театром на Родину?.. И слова о бешеном муле и поцелуе Иуды всего лишь метафора... Никому не известно. Во всяком случае, Гребенщикоу оценивал собственные пьесы скромно и рассматривал их как «упражнения в драматургии». Он мечтал создать что-то более значительное...

ПЬЕСА-ФАНТАЗИЯ «РАССЫПАННОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ»

1922 год оказался урожайным на драматургические произведения. Что может быть лучше «Сказки о кладах»? Вспомним, как она начинается: «Над широкими полями сибирскими, над высокими горами белоглавого Алтая сколько-сколько раз золотой жар-птицей солнце пронеслось!» [7, с. 143]. Очарование окутывает писателя, будто утренний туман. Впереди новый 1923 год, во многом переломный в его судьбе. Гребенщиков извещает своих друзей о том, что работает и над другими пьесами. Доподлинно неизвестно, написаны ли эти «другие» вообще.

Сохранился фрагмент необычной пьесы «Рассыпанное ожерелье». Она задумана в четырех картинах, но в наличии только две. Действие происходит «на земном шаре, вне времени и пространства» – так гласит авторская ремарка на обложке рукописи. Георгий Дмитриевич продолжает здесь линию «Былины», которую он охарактеризовал в письме Горькому как нечто «фантастическое»: три драмы вместе вливаются в четвертую, создавая «апофеоз будущего» [8, с. 482]. Нечто подобное присутствует и в новой пьесе.

«Рассыпанное ожерелье» создает романтическое настроение. Список действующих лиц не так велик. Персонажи условно разделены на людей и на стихийные силы. К первым относятся: Дочь Властелина и двенадцать ее рабынь, представляющих разные царства и племена; советник Властелина по имени Ахтарий; группа рудокопов, среди

них – трехсотлетняя шахтерская династия – Старый рудокоп, его сын и внук, прекрасный Юноша (здесь напрашивается ассоциация с 300-летним правлением Дома Романовых); конечно же, имеется Надсмотрщик при шахтерах. Вторая группа вызывает ассоциацию с персонажами «Синей птицы» Метерлинка. Это – Водный поток, Солнечный луч, Сгусток золота, Неведомый металл, Самородки изумрудов и Жемчужины. События происходят в двух мирах, земном и подземном.

Рудокопы заняты в шахте тяжелым рабским трудом. Они добывают изумруды, рубины и золото. Как не вспомнить, что и дед, и отец Гребенщикова были рудокопами, но со временем осели на землю, стали крестьянами. Среди шахтеров выделяется необычной внешностью и красотой Юноша. Он точно и не «рабского сословия», выглядит иначе, чем его соплеменники. «Он единственный, на кого может упасть милостивый взгляд возлюбленного Властелина» [9, л. 4].

Надсмотрщик грубо бросает парня в подземелье на добычу изумрудов, хотя ему нет восемнадцати лет. (По закону такой не может быть шахтером.) Злобно допытывается у Последнего рудокопа, кто этот «красавец» и почему все шахтеры стоят за него горой. Хитростью и запугиванием удастся выяснить, что рабы желают видеть Юношу своим вождем. Надсмотрщик взрывается: «Что? Что?! Значит, правда, что вы бережете его для этой безумной дерзкой мысли!.. В шахту!.. В шахту, в шахту...» [там же, л. 5].

Творится беззаконие, но в ход событий вмешивается провидение. Из шахты слышится прощальная песня рабов, их заливают вода. На пруду

прорвало шлюзы. Советник Властелина приказывает Надсмотрщику открыть западню в шахту. Тот открывает и сталкивает Советника, полуслеплого старика, вниз. Происходит чудесное спасение благодаря Юноше. Ахтарий задает своему спасителю загадочный вопрос: «Эй ты, Юноша!.. Видел ли ты сам себя во сне вождем рабов или воинов?..» [там же, л. 14]. Как видно из текста, автор делает акцент на «вожде», создавая героику произведения. Эта же идея в дальнейшем будет озвучена в поэтической сказке «Златоглав» (1939). Юный царевич Алексей, чудом спасшийся при расстреле царской семьи большевиками, становится вождем русского народа.

Советник пришел к шахте в поисках жемчужного ожерелья, унесенного водой. Во время омоления Дочь Властелина испугалась прибыли воды и уронила свое любимое монисто. Она требует, чтобы Советник достал ей взамен ожерелье из настоящих звезд. Ночью сама появляется у шахты вместе с рабынями. «Госпожа вся в изумрудно-золотистых легких тканях, и походка ее как быстрый пластический танец» [там же, л. 15]. Место ей хорошо знакомо, здесь часто происходят забавы – переклички с эхом, доносящимся из шахты. Полная луна освещает всё вокруг, но рудокопы невидимы, они скрыты ночными тенями. Девушки танцуют, увлекаемые лунным светом, и рядом неожиданно появляется Юноша. Госпожа влюбляется, и юная пара кружится без устали.

Обозрение первого действия пьесы лишь отдаленно передает богатство художественного замысла. Читая текст, ловишь себя на мысли, что это – не драматическое произведение, а либретто

для балета, настолько пластичны образы героев. Немаловажное значение имеет идейная сторона произведения. Автор устами рудокопа дает характеристику Юноше. Он – не просто равный среди земных вождей, а «един с Властелином и со всем миром». Гребенщиков проповедует философию всеединства, которая выражена божественной волей народа, в данном случае – страдающих рабов. (Несмотря на то, что рабы всегда в железных ошейниках и хозяин вспарывает их животы в поисках изумрудных зерен.) Последний рудокоп говорит Надсмотрщику правду о Юноше, как бы снимая покров тайны:

«Он – воплощение божества в нашей крови. Разве ты не видишь, разве ты не узнаешь в его поступи и в движениях, и в его взгляде, и в его голосе, и во всех его чертах неодолимую божественную красоту?! О господин!.. Если ты убьешь его – ты убьешь себя и нас, и любимого Властелина нашего... Ты погасишь на земле огонь!.. Ты остановишь на земле течение вод!..» [там же, л. 7].

Под течением вод, конечно, подразумеваются воды жизни. Сам Юноша таит внутри себя источник божественного огня, и его образ перекликается в чем-то с легендарным Прометеем. Философские формулы превращаются у Георгия Гребенщикова в высокие символы.

Во втором действии пьесы события происходят в недрах земли. Персонажи являются персонажностями стихий. Духи ведут беседу между собой. Тон задает Изумрудина первой величины, она обращается к Неведомому металлу: «Как ты сказал?.. Человек?.. Мне кажется, уже когда-то снилось, что это – Чародей. Или Водный поток

рассказывал мне. Да, да!.. Есть, есть такой где-то высоко или глубоко, или далеко... меня он позовет к себе...» [там же, л. 20].

Среди камней и металлов оказывается чужестранка Жемчужина. Гостью пригнал в каменную пещеру Водный поток. Она единственная явилась из земного мира и знает о человеке. Жемчужина вступает в разговор:

«Вспомнила, вспомнила... Я вспомнила сестер моих, нас было много, большая круглая семья, и все мы последние дни там, наверху, жили вместе на теплой, на душистой шее одной человеческой женщины... И бог там был светлый – всюду бога светлого было полно, полно, полно. Целое море, безграничный океан теплого, светлого и радостного бога... Темно мне, бог мой светлый!.. Темно и скучно мне, мой беспредельный свет далекий. Увижу ль я тебя когда-нибудь?.. Кто вызовет меня отсюда... Кто возьмет и понесет меня на высоту горы высокой, кто понесет меня по лугам зеленым, по бескрайним полям? Кто опустит меня на глубину вод океанских, в места моих родимых перламутровых селений?..» [там же, л. 21].

Этот монолог – гимн человеческому богу, то есть самому человеку, который находится в содружестве с природой. Люди касаются драгоценных камней, жемчугов и металлов, отдавая свое тепло. Дочь Властелина – живой тому пример. Но она мечтает о жемчуге звезд, и значит, автор подводит читателя к мысли о единстве всего сущего. Магнетизм стихий объединяет миры.

Гремит гром, слышен стук молотков о камни. Что-то неизвестное, грозное пробивается в царство спящих духов. Изумрудные нимфы возлежат на больших каменных ложах. По стенам пещеры идут трещины, и сквозь каменную толщу видны

огоньки. Наконец стена распадается, и «луч света в виде Юноши в светло-золотых прозрачных тканях... ведет группу рудокопов и замирает в неизъяснимом изумлении перед красотой спящих» [там же, л. 26]. Наступает развязка действия. В подземелье появляется юный вождь.

«В немом, крадущемся безмолвии он приближается к Изумрудине 1-й величины, тихим нежным поцелуем будит ее и начинает метаться от одной к другой, всех целуя и лаская, и каждая из них в сладостном пробуждении протягивает к нему руки. И этот танец любования его ими и их светлым Юношей продолжается долго, с упоением первой девственной любви и нежности, пока все они в сладком утомлении, по указанию Юноши, устало падают в объятия рудокопов. И рудокопы бережно, со скорбными улыбками, говорящими о том, что эти радости им не принадлежат, уносят изумрудины из недр» [там же].

Сгусток золота продолжает спать в дальнем углу пещеры. И один лишь Неведомый металл, провожая танцующего Юношу взглядом из темноты, сокрушается ослеплением всемогущего Человека, который еще не познал «неведомую великую силу». Но недра уже раскрыты, и будущее стучится во все миры. Недаром Юноша отождествляется с лучом света, который проникает через подземные скалы. Природа вождя – свет. Именно ему подвластно собрать рассыпанное ожерелье из небесных звезд.

По досадной случайности сохранилась только половина пьесы «Рассыпанное ожерелье». Наследие писателя находится в самых разных местах. Быть может, еще удастся отыскать пропажу. Однако даже то, что удалось сберечь, имеет ценность

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ .

РАССЫПАННОЕ

ОЖЕРЕЛЬЕ .

*Собрати его в гармоничную арку-радугу,
чрез которую через которую могут
пройти к вечности только избранные,
то есть достойные подвижники.
Массы же идут во тьму небытия.
Космический мусор [там же, л. 1].*

Движение происходит на земном шарѣ,
но вне времени и пространства.

Георгий Гребенщиков. Рассыпанное ожерелье.
Титульный лист рукописи пьесы. ЧАР

для отечественной литературы. На лицевой странице машинописной рукописи Гребенщиков оставил напутствие. В нем горечь непонимания, скорбь о тех, кто истратил свою жизнь на пустяки.

«Рассыпанное ожерелье – собрать его в гармонически построенную арку-радугу, через которую могут пройти к вечности только избранные, то есть достойные подвижники. Массы же идут во тьму небытия. Космический мусор» [там же, л. 1].

Обращается ли автор к самому себе или это приговор читателю? Ответ даст развязка пьесы, если, конечно, ее удастся когда-нибудь разыскать. Точной даты написания нет. По косвенным признакам (бумага, синяя кофирка, печатная машинка и проч.) можно датировать 1923-м или началом 1924 года. В то время Георгий Дмитриевич находился в романтическом настроении. Он подружился со знаменитым художником Рерихом, который научил его мечтать.

ВМЕСТЕ С И. В. ЛАЗАРЕВЫМ

В 1924 году по приезде в Нью-Йорк Георгий Гребенщиков продолжил свои увлеченные занятия драматургией. Этому способствовал небывалый взлет русского искусства в Америке, особенно живописи, театра, балета. Блистательная плеяда артистов и художников из России обогатила американскую культуру.

Там стали широко известны имена Анны Павловой, Адольфа Больма, Фёдора Козлова, Михаила Фокина, Николая Рериха, Николая Ремизова, супругов Льва и Варвары Булгаковых, Марии Успенской, Ричарда Болеславского, Григория Хмары и других. Пятеро последних – выходцы из Московского художественного театра.

Популярность приобрел актер МХТ Иван Васильевич Лазарев, известный еще в России как артист и режиссер немого кино. В его фильмографии более десятка наименований. Один из самых известных фильмов: «И огонь сошел с небес» (1918). Помимо режиссуры, там он – автор сценария и ак-

тер, сыграл роль лакея Грицко, ставшего монахом Григорием. Сценическую деятельность в качестве режиссера театра Лазарев начал в январе 1924 года в Нью-Йорке, сумев собрать небольшой молодежный коллектив из актеров-эмигрантов, в том числе мхатовцев. Уже тогда он стал называться «Студия И. В. Лазарева». Сначала студия гастролировала по американской провинции.

Лазарев проработал почти год и только 5 декабря официально представил перед нью-йоркской публикой свой коллектив на большом вечере, где присутствовал знаменитый художник Н. К. Рерих. Он пригласил режиссера присоединиться к музею его имени, точнее говоря, войти в состав международного центра искусств «Согна Мунди» («Венец мира»), одного из учреждений культуры при музее. Предложение было принято с большим воодушевлением.

В середине декабря 1924 года Лазарев находился в Кливленде. Продюсер Морис Гест предложил ему сыграть роль короля в спектакле «Чудо» (вместе с Л. Н. Булгаковым, у него роль Пайпера). После гастролей работа закипела, драматической студии и театру было предоставлено помещение на 250 мест рядом с музеем на набережной Риверсайд, в престижном районе Манхэттена.

Пьесу «Чудо» следует отметить особо. Ее поставил немец Макс Рейнгардт по мотивам драмы Метерлинка «Сестра Беатриса». Режиссер тяготел к неоромантизму и символизму и, кроме того, был известен как новатор театральной техники, практиковавший перенос авансены прямо к зрителям и даже вообще отход от «коробки» зрительного зала. Специально для американской

публики постановка содержала элементы пантомимы. Морис Гест выстроил для спектакля декорации готического собора, в который поместил и актеров, и зрителей, собора вполне реального, приближенного к настоящему.

Гребенщиков дважды смотрел пьесу «Чудо» в октябре 1924 года в Нью-Йорке и откликнулся в печати интересной статьей с одноименным названием. Его восхищает «чудо, прежде всего, современной театральной техники» [10, л. 2]. Технические инновации хороши, но они не являются панацеей. Настоящее чудо связано с подвигом, красотой повседневной жизни. Понятие красоты у Гребенщикова удалено от религиозного чувства, хотя сюжет пьесы разворачивается в рамках традиционной христианской морали.

На сцене стоит Мадонна, стоит в виде статуи около часа, без движения и, кажется, без единого вздоха, пока не сходит со своего пьедестала. Она воплощается в обыкновенную девушку и заменяет собой сбежавшую из храма молодую монахиню, поддавшуюся искушению. И в чем же состоит «чудесный» финал? Казалось бы, в исцелении злого духа, Пайпера, в нем источник болезненного и греховного влечения. Но Георгий Дмитриевич делает парадоксальный вывод, который присущ только русскому сердцу:

«И эта легенда, это чудо – именно в жертве Богоматери, снизошедшей к греху женщины, уведенной голосами жизни в ад. Милость всепрощающая и берущая на себя весь грех и все труды падшей монахини – это ли не истинное чудо, способное сотворить неслыханное Завтра, невиданное, но возможное на земле Царство Божие» [там же, л. 6].

Спектакль «Чудо», возможно, и подтолкнул И. В. Лазарева к созданию Экспериментального театра. Макс Рейнгардт, с одной стороны, возродил мистериальную постановку, следуя канонам греческой трагедии, а с другой – насыщал драматическое искусство элементами балета, пантомимы, вокала и музыки. Такой подход немецкий режиссер называл экспериментальным театром. Музей Рериха, куда влилась театральная студия Лазарева, строил работу тоже на синтезе искусств. Образовательную программу разработал Н. К. Рерих. Он начал осуществлять свой проект еще в Петрограде, будучи директором школы при Обществе поощрения художеств.

Георгий Гребенщиков подружился с Лазаревым и предложил ему для постановки готовые пьесы. На репетиции ушло три месяца. Официальное открытие театра и премьерный спектакль состоялись 24 марта 1925 года. Труппа сыграла три инсценировки, одну – по мотивам «Микулы Буяновича» (художник – Е. Б. Дункель). После премьеры ведущая эмигрантская газета «Новое русское слово» писала:

«Ив<ан> Лазарев дал глубоко выдержанный тип сибиряка, сына народа, антипод городскому издерганному представителю “кооперации”. Пьеса из произведения <Георгия> Гребенщикова вышла жизненной и захватывающей» [11].

Георгий Гребенщиков оценил театральное мастерство Лазарева, посвятив ему статью «Русский жемчуг». Писатель использовал художественные образы из недавней пьесы «Рассыпанное ожерелье». Россыпи русского искусства на земле Америки сами собой собираются в «чудесное ожерелье».

Россия в изгнании осуществляет великую миссию. Объединение творческих сил скрепляет людей мечтой о Родине, и родиной становится как бы весь мир, куда смогли проникнуть русские люди. Каждый изгнанник, считает Георгий Дмитриевич, должен быть достоин этой миссии:

«Нас выгнали в узкие двери из России, а мы войдем в нее через широкие ворота чудесной и всемирной славы красотой русского неумирающего духа» [12, с. 415].

Следующий, 1926 год ознаменовался тесным сотрудничеством между Гребенщиковым и Экспериментальным театром Лазарева. Иван Васильевич взялся за постановку первой части трилогии, пьесы «Из песни слово». Писатель много работал с артистами над каждой ролью. Премьера успешно прошла в том же году.

Гребенщиков оказался в гуще театральных событий. В 1925 и 1926 годах в США гастролировала музыкальная студия Московского художественного театра под руководством В. И. Немировича-Данченко. В Нью-Йорке 24 января 1926-го состоялось торжественное собрание МХТ, на котором Георгий Дмитриевич председательствовал и даже выступил с докладом «Московский художественный театр и будущее».

Вскоре произошло другое важное событие, где принял участие МХТ. Праздновался двадцатилетний юбилей писательской деятельности Гребенщикова. Вечер состоялся 4 апреля в Международном доме (International House, 500 Riverside Drive & 124 Street). Юбиляр читал со сцены свое новое произведение – сказку «Хан-Алтай». Два часа публика сидела не шелохнувшись. На торжестве

Сидят: Г. Д. Гребенщиков, И. В. Лазарев,
А. Л. Фовицкий, Т. Д. Гребенщикова (крайняя слева)
в окружении артистов МХТ. 1926 г. IHRCA

присутствовали Фёдор Шаляпин, Сергей Рахманинов, Надежда Плевицкая, Михаил и Вера Фокины. Приветственную телеграмму прислал Немович-Данченко. Гребенщиков сообщал в письме Илье Савченко: «Вышло всё чудесно, и присутствие Шаляпина внесло особенную торжественность и простоту... Он принес мне свой портрет с надписью: “От восхищенного золоторокотными сказаниями о нашей Родине России”. Заметь, какое слово изобрел...» (04.05.1926) [13].

Воодушевленный успехом, Георгий Дмитриевич принимается за новую пьесу для театра Лазарева. Она озаглавлена «Прерванный Псалом»,

или «Любушка». Названия равноценные, автор именует пьесу то так, то так. А на одной из голливудских афиш помещены сразу оба.

Действие пьесы происходит в 1926–1927 годах в Нью-Йорке. Сюжет отчасти навеян спектаклем «Чудо». Нет, у Гребенщикова всё совсем иначе, однако присутствует тот же романтический ореол. Это не вполне законченное произведение, а всего лишь драматический этюд, как считал сам автор. Но по масштабу постановка задумана грандиозной. В ней отражена судьба не только русских изгнанников, но и всей России.

«Россия переживает период крушения. В ее тысячелетней истории сломаны какие-то основы и почти все ее культурные силы... Верившие в миссию России и служившие ей верой и правдой, ушедшие от Родины люди растерялись, изверились, унижены материально и гибнут морально. Все вчерашние идеи раскололись, перестали волновать или создали рознь <...>

И вот поэт, или автор данного произведения, пробует напомнить своим братьям по Родине, что есть высшие начала жизни, нами забытые или искаженные, но такие, около которых может снова начаться если не собирание Руси и ее разбитых сил, то, по крайней мере, какая-то радующая, объединяющая работа...

Поэтому он избирает темой Псалом, нечто вечное, святое, духовное и созданное именно нашей культурой. Для того чтобы Псалом этот прозвучал сильнее... надо оборвать его, надломить происшедшим всеобщим грехом и напомнить скорби первого псалмопевца царя Давида» [14, л. 2].

Идейный посыл является как бы подкладкой пьесы. Он предназначен для актеров и предваряет текст. Что же касается сюжета, то в центре стоит главный герой – Павел, юноша 30-ти лет, в про-

шлом воин Белой армии. Оказавшись в изгнании, он ищет твердую почву в русской культуре. Без Родины нет смысла жизни. Павел любит Россию, душа плачет по ней. Всё пережитое, потерянное, оставленное им дома, встает комком слез в горле.

На улице Нью-Йорка происходит неожиданная встреча. Павел знакомится с женщиной, совершенно непохожей на других, и в воображении считает ее покинувшей Россию мадонной. Свои чувства он хочет выразить в стихах, но получает Псалом, в котором запечатлена библейская тоска по родному Сиону, по утраченной Родине.

Родная сестра Павла, нежного возраста Любушка, пережившая ужасы революции и расстрел родителей, устраивает брату скандал из-за его желания когда-нибудь вернуться в большевистский ад. В этой сцене происходит первая завязка. На крики в квартиру случайно входит Мария – та самая воображаемая мадонна, она оказывается живущей по соседству актрисой, играющей в театре действительно мадонн и монахинь. В прошлом она – русская сестра милосердия, но говорит по-английски, отказавшись от родного языка после потрясений и ужасов войны. Мария представляется Павлу неким идеалом из его литературного сочинения.

«Это – образ мечты всякого поэта, идеал женщины, которая и в толпе чувствует себя как в монастырских стенах. Порой – возвышенная его фантазией до образа ушедшей Богоматери-Мадонны» [там же, л. 2].

Мария воплощает в себе идеальную Россию, отождествляется с русской культурой. Ее образ – спокойный и величественный на сцене, становится

как бы символом, часто она существует только для Павла. Другие персонажи не замечают ее облика (в пьесе «Чудо» Мадонна тоже невидима для публики). Иногда Мария оживает, обретает земную плоть и кровь, в ней расцветает женская теплота и нежность. Но здесь проявления иного порядка – сестра и мать, а не возлюбленная. Для Павла нет физической, плотской привязанности, Мария становится его сестрой, и матерью – для Любушки.

Поочередно в пьесе разворачиваются драмы других персонажей и, прежде всего, самой Любушки. В ее душе заложена русская жертвенность, переплавленная в любовь к брату и близким людям – до полного самозабвения. Она инстинктивно тянется к американской культуре, чтобы отыскать почву под ногами. Только так можно противостоять нужде. С детства ей приходилось бороться за кусок хлеба. Любушка тайно работает, чтобы по возможности помогать тем, кто нуждается. Она поднимается над собой, нравственно растет, пытаясь понять чуждую ей вначале Марию, и потом прижимает ее руку к своей щеке. Наконец вырастает до понимания Псалма.

Павел в лице Любушки и Марии обретает два крыла – земное и духовное, моральное, справляясь со своими разочарованиями, со своей личной драмой. Он воплощает Псалом в жизнь, для него птица летит теперь на двух крыльях. Псалом – это высшая радость творческого начала, заложенного в нем Родиной. Наградой является возрожденная Россия, отзвучавшая в образе слепого странника, который вернулся к родным храмам.

Среди персонажей пьесы есть и другие герои: молодой американец Джо; бывший полковник

русской императорской армии Дядя Костя; представительница старой эмиграции, комическая миссис Перекопа, хозяйка, у которой квартируют Павел и Любушка; молодой офицер Саша, влюбленный в Любушку; вдова офицера Катя Квасова, попавшая в тенета кабацкого угара. Многие из них уйдут в гущу американской жизни, позабыв о России. В этом и состоит драматизм произведения Георгия Гребенщикова, оправдывающий жанровый характер «драматического этюда».

К великому сожалению, поставить пьесу в театре Лазарева не удалось. Иван Васильевич внезапно умер в конце октября 1929 года. Только что, 17 октября, открылось великолепное 29-этажное здание музея Рериха с большим театральным залом, оборудованным по последнему слову техники. Гребенщиков в памятной статье «Редуют ряды славных» воздал должное таланту режиссера, рассказал об их дружбе и описал один удивительный случай.

«Много прекрасных неизгладимых минут осталось в памяти об Иване Васильевиче, но самая незабываемая – это однажды, когда в Нью-Йорке он читал мою пьесу “Любушка”. Было это в их большой квартире, когда у Лазаревых* было много народа, в том числе целая плеяда их учениц и учеников. Есть там, в пьесе, такое место, когда герой говорит своей сестре: “И придем мы с тобой, Любушка, когда-нибудь в Россию”. – Тут Иван Васильевич не выдержал и, прервав чтение, громко зарыдал. Сердце у него было большое, чистое, крестьянское, умевшее любить и чувствовать, и оно

* Г. Д. Гребенщиков имеет в виду, помимо Ивана Васильевича, его супругу Марию Наумовну Лазареву, актрису МХТ (сценический псевдоним – Астрова).

чувствовало, что в Россию возвратиться не придется, и вот оно исторгло стон тоски невыразимой и многих увлекло за собою, и многие заплакали...

И вот оно умолкло, это сердце, под улыбкой любви скрывавшее огромную тоску по Родине и, вместе с тем, огромную невыплаканную обиду за судьбу многих и многих подвижников русского искусства, вынужденных разбрасывать свои сокровища часто среди тех, кто в этих сокровищах ничего не понимает и потому в них не нуждается» [15].

Трудно было найти в Америке режиссера и русскую сцену для постановки «Любушки». Прошло немало времени, пока удалось осуществить долгожданную мечту. Премьерный показ состоялся в Голливуде, в Калифорнии, куда Георгий Дмитриевич несколько лет подряд приезжал с туром лекций. Голливудская группа актеров дала первое представление пьесы «Прерванный Псалом» 14-го мая 1933 года в Клубе русских ветеранов. Режиссером стал В. П. Варжинский, декорации писал А. Д. Игнатъев. Главные роли исполняли – Тамара Лауб (Любушка), Нина Торчина (Мария), Борис Ярославский (Павел), Сергей Донской (Дядя Костя). Газета «Новая заря» поместила скромный отчет о премьере:

«В постановке голливудских артистов пьеса была значительно сокращена, но артистам удалось многие картины дать с большим подъемом, и публика слушала пьесу с затаенным дыханием. <...> Всем публика долго аплодировала, и автор был не раз вызываем, но вышел только в конце и горячо пожимал руки режиссеру и артистам» [16].

Вскоре, 3 июня 1933 года, состоялся повторный показ, теперь уже в городе Сан-Франциско, самом крупном центре русской эмиграции на побережье

Н. Д. Торчина в роли Марии
из пьесы «Прерванный Псалом». 1933 г. ИНРСА.
Надпись Георгию Гребенщикову: *«Прерванный псалом»
еще когда-нибудь зазвучит
новой струной. – «Мария»*

RUSSIAN VETERANS' CLUB

5873 Franklin Avenue

--

Hollywood, California

Sunday, May 14th, 1933 -- 8:30 P. M.

An Interrupted Psalm

Play in 3 Acts by George Grebenstchikoff

First Performance in Russian

Staged by group of Russian actors of Hollywood

Under personal supervision of the author

CAST OF CHARACTERS

Liuboushka	Tamara Lawb
Maria	Nina Torchina
Pavel	Boris Yaroslavsky
Uncle Kostya	Sergei Donskoy
Mrs. Perekopa	Xenie Lyamina
Sasha	Michael Krep
Joe	Konst. Bonar
Katya Kvassova	A. Kolina

and others

Stage Director: B. Varjinsky

Art Director: A. Ignatieff

Manager: V. Torchin

TICKETS: \$1.00 and 50c

Tickets on sale at the following locations:

1. Russian Book Store, 5611 Hollywood Blvd., Phone GR-7505
2. Russian Beauty Salon, 5066 Hollywood Blvd., Phone OL-0201
3. Russian Veterans' Club, 5873 Franklin Ave., Phone GL-9234

COMING:—"Черевичи" legend in verses by George Grebenstchikoff, with colorful illustrations by V. F. Ulanoff. Reading by the author at the same Hall, May 20th, at 8:30 p. m. Admission 35c.

Программа премьерного показа
пьесы «Прерванный Псалом» в Голливуде. 1933 г.

Тихого океана. В спектакле участвовал тот же состав голливудских актеров, за исключением одной замены: роль Марии исполнила Марина Белоблодская. Группа прибыла из Лос-Анджелеса, привезла декорации, костюмы и прочее. Каким же все-таки был масштаб этого театрального представления?

Согласно афише, оно прошло в Гимнастическом клубе Сан-Франциско (2450 Sutter St.), но вместимость зала неизвестна. Через неделю, 11 июня, Гребенщиков прочитал лекцию на Русской Горе (район города), собравшую 300 человек колонистов. Правда, и название оказалось интригующим: «Искание Бога русским народом». Напрашивается вывод, что поводом такого массового собрания эмигрантов послужила, в том числе, постановка пьесы «Прерванный Псалом».

Театральная деятельность Гребенщикова малоизучена, пьесы в современной России еще не вошли в репертуар театров. Готовились сценарий художественного фильма и постановка трилогии «Микула Буянович» в городе Ельце. Большая работа, несомненно, впереди. Ряд пьес остается в рукописи, например, переложение повести «Любава». Небольшой этюд на 22-х рукописных страницах начинается с описания остроконечной шестиугольной алтайской юрты (под ее сводами у очага сидит, куря длинную трубку, Тырлыкан).

Есть пара заготовок в виде плана или общей идеи. Одна озаглавлена «Озарение недр», другая – просто «Тема для пьесы». Последнюю запись можно датировать 1940-ми годами. Она действительно последняя по времени написания. На небольшом клочке бумаги отпечаталась душа писателя.

«NN решил лететь *домой* – на аэроплане. Там все родные в колхозе – решил остаться... Его друг – летчик – улетел на Афганскую границу. Бегут дни. Он приемлет всё, но *ничего нет*. Нет частей для тракторов, и всё идет к нулю. Случайно опять спускается летчик – у него в пути умер товарищ. Наш NN взамен оставленного трупa улетает по настоянию родных» [17, л. 1].

В скупом сюжете Георгий Гребенщиков моделирует свое будущее. Он живет мечтой оказаться на Родине, побывать у родных, взглянуть, как живут братья в советских колхозах, как работают они на тракторах. Недаром здесь фигурирует Афганская граница, расположенная не так уж и далеко от родного Алтая. Да и летчик невольно похож на друга, авиатора Игоря Сикорского, с которым в 1929 году в Нью-Йорке свела судьба, завязала крепкие узы вплоть до самой смерти писателя. Но герой также понимает, что остаться дома невозможно. Развилка избранного пути давно пройдена, остается только мечта, которую можно перенести на бумагу. Пьеса – это правдивая жизнь, способ перелететь через океан и раствориться душой на синих алтайских просторах.

ПЕВЕЦ АЛТАЯ

Глава седьмая

ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Наступила парижская весна 1924 года. Гребенщиконы готовились к отъезду в Америку. Вместе с ними, но на другом пароходе, уезжали композитор Василий Завадский и его супруга Мария Алексеевна. Они тоже были приглашены работать в нью-йоркский музей Николая Рериха. Невзирая на литературный успех, Георгий Гребенщиков принял решение покинуть Францию. Его влекли неизведанные горизонты, открытые Рерихом, – стать в Новом Свете «глашатаем идей Братства». Отъезд намечался на 22 апреля – оформлены визы, куплены билеты и запакован багаж.

Накануне, 20 апреля, в парадном зале отеля «Мажестик» состоялся прощальный вечер, приуроченный к первому дню Пасхи. Георгий Дмитриевич прощался с Парижем. Он публично говорил об Учителе Рерихе как «духовном вожде». Краткая лекция называлась «Об одном из героев нашего времени». На следующий день в Индию полетело радостное письмо:

«Мы светились Вашим именем, и мое слово о Вас многим, многим дало радость. Приходили за кулисы, жали руку и говорили, что они всё это сами думали. Но были и другие, очень недовольные... Завадский был на высоте успеха» (21.04.1924) [1, л. 1].

На вечере В. В. Завадский впервые представил публике симфоническую сюиту «Цветы Мории»

Половина чистого сбора — на нужды учащейся русской молодежи за границей.

ПРОГРАММА

Въ Воскресенье 20 Апрелья 1924 г. въ 9 ч. веч. въ залахъ отеля «Мажестикъ» 19 Avenue Kléber

Состоится

ЛЕКЦИЯ-КОНЦЕРТЪ

Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА И В. В. ЗАВАДСКАГО

при участии **М. П. Тобуэк-Черкассъ, О. М. Михайловой и А. М. Ремизова.**

I. ОТДѢЛЕНІЕ.

Г. Д. Гребенщиковъ:

«Объ одномъ изъ героевъ нашего времени»

Темъ лекціи: Скорби и вопросы нашихъ дней. Поиски героевъ въ жизни и литературѣ. Смыслъ страданий и образъ одного героя (отрывки изъ эпопеи: Василий Чуралъ). Его заветы и паденія. Его дѣянія и пути. Реальность его радостей. Реальные герои нашихъ дней. Будни и праздники искусства. Н. К. Рерихъ, какъ творецъ и какъ духовный вождь. Пути героевъ грядущаго. Слово къ молодымъ и борствующимъ.

II ОТДѢЛЕНІЕ.

В. В. Завадскій: Sonate en si mineur op 58—Chopin.

2 Legendes.

№ 1 — St François D'assise

La predication aux oiseaux

№ 2 — St François de Paule marchant

sur les fiords.

Liszt

a) **А. М. Ремизовъ:** Подписки къ картинамъ **Н. К. Рериха**

b) «**ЦВѢТЫ МОРИНЪ**» — **В. В. Завадскаго**

Симфоническая сюита на поемы **Н. К. Рериха.**

(для голоса, хора и оркестра)

1. Время 2. Уводящій 3. Пора

Транскрипція для голоса, двухъ роялей и валторны.

Исполнители:

М. П. Тобуэк-Черкассъ — вокальная партія

Авторы — первый рояль

О. М. Михайлова — второй рояль

Pianos Playel

Программа пасхального вечера в Париже.
20 апреля 1924 г. ГМИЛИКА

в переложении для двух роялей, валторны и голоса. У рояля сидел сам автор, у другого — известная пианистка О. М. Михайлова. Партию сопрано исполнила знаменитая русская певица М. П. Тобук-Черкасс. В основу музыкального произведения, напомним, композитор положил три стихотворения Николая Рериха: «Время», «Уводящий», «Пора». Заглавие поэтического сборника дало название и самой сюите. Со временем Завадский пытался переложить на музыку и другие стихи, уже в Америке он начал сочинять «Легенду о Камне».

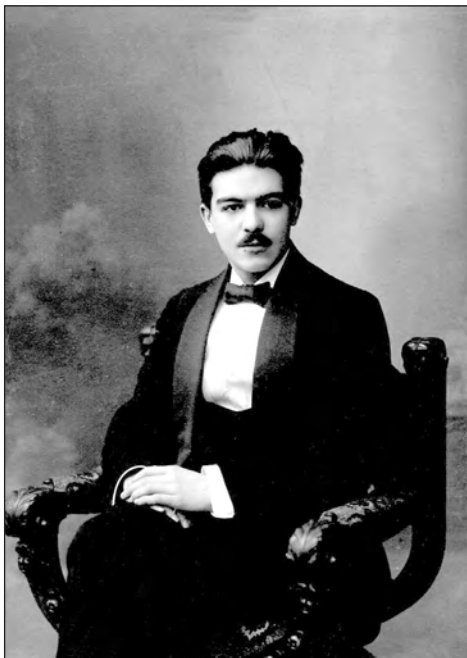
Заявленный в программе писатель Алексей Ремизов на пасхальный вечер не явился, по мнению Гребенщикова, «сказался больным», испу-

гавшись «смелой» лекции о Рерихе. Собрата писателя за это никто не осуждал, поскольку все понимали, насколько сложная, порой удушающая атмосфера складывалась в эмигрантской среде. Ведь Ремизов не уезжал, а оставался в Париже.

Гребенчиков восхищен супругой, Татьяной Денисовной, ее самоотверженной работой по устройению вечера. Она стала настоящей героиней пасхального торжества. За границей от большинства жен русских писателей зависел литературный успех их мужей. Жены были секретарями, переписчиками

М. П. Тобук-Черкасс. 1910-е гг. Открытка

В. В. Завадский. Париж, нач. 1920-х гг. ДРЗ

рукописей, переводчиками и вдохновительницами многих начинаний (достаточно вспомнить Веру Бунину, Серафиму Довгелло-Ремизову, Зинаиду Гиппиус и др.). Георгий Дмитриевич писал о своей спутнице в письме Рерихам:

«Перед самым вечером, часа в 4, от переутомления упала в обморок... Через час уже опять смеялась, носилась галопом, и весь вечер всё было на ее плечах: кассы, расчеты, книжный киоск, буфет, и всех обласкала, даже ухитрилась поднести цветы Тобук-<Черкасс>, Завадскому и мне. Посылает она свою карточку Вам с любовью и надеждой всегда быть с Вами» [там же].

Половину дохода, полученного от продажи билетов, сумму 2630 франков организаторы вечера передали на благотворительные нужды – русской молодежи, студентам и детям.

Следует заметить, как проходили обычно писательские встречи. Благотворительные традиции, укоренившиеся в дореволюционной России, закрепились еще в большем масштабе, чем раньше, в Русском зарубежье. Георгий Гребенщиков самостоятельно устроил немало литературных вечеров в помощь нуждающимся соотечественникам.

Т. Д. Гребенщикова. Париж, 1924 г. ИНРСА

Один из них, названный «В просторах Сибири», писатель объявил в Берлине 8 марта 1922 г. Организационные хлопоты легли на плечи актеров МХТ – Массалитинова и Шарова, а Книппер-Чехова, Крыжановская, Тарасова читали со сцены гребенщиковские рассказы. Сбор от вечера был передан в помощь голодающим писателям в Крым. На вырученные 2700 немецких марок устроители вечера закупили продовольствие для посылок и отправили их в Симферополь на имя И. С. Шмелёва и К. А. Тренёва.

12-го ноября 1923 года в Париже, в знаменитом кафе «Хамелеон» (214, бульвар Распай) состоялись литературные чтения Гребенщикова для монпарнасской богемы. Председательствовал Константин Бальмонт. С лекцией выступила литератор, переводчица Л. И. Савицкая. Артисты театра «Одеон» читали на французском языке рассказы и отрывки из произведений Георгия Дмитриевича. Сам писатель рассказал о сибирской музыке и пении, а в заключение исполнил народные, сибирские и киргизские песни, свадебные и даже песни каторжан. Вся выручка тоже пошла на благотворительные цели.

Итак, трансатлантический пассажирский лайнер «Левиафан» отчалил 22 апреля 1924 г. в 18 час. 45 мин. из Шербурга. Гребенщиковы «светлой волей» Рерихов двинулись через океан к берегам Америки.

«Закатилось солнце в розовых облаках, и веером вниз спускались стреловидные лучи, и звонили многие колокола на шербурских храмах. Но море было без единой морщинки, и открывалась впереди беспредельность в молочной дымке – океан!!» (22.04.1924) [2, с. 33].

Накануне отъезда местные газеты сообщили, что на борту «Левиафана» произошел пожар. Оказалось, горели две комнаты для курильщиков. Гребенщиконы были уверены: ничего страшного не случилось. Океан звал их, и они, не раздумывая, стремились к своей цели. Георгий Дмитриевич обещал Рериху преклонить колени у «белых стен Града Нового». Строительство Звенигорода началось не в Сибири, а в далекой Америке.

Чудесный путь плавающего острова через океан совершился. Корабль «Левиафан», как морское чудовище, «рыба-кит в чреве своем», примчал путешественников в Нью-Йорк за пять дней с часами. К вечеру 28 апреля пассажирский лайнер пришвартовался в морском порту, Гребенщиконы сошли на берег. Таможенник – русский литовец, господин Янковский – без всяких формальностей пропустил через границу, увидев в руках писателя каталог музея Рериха. Имя русского художника Рериха уже было хорошо известно американцам. Георгий Дмитриевич записал диалог с Янковским, как именно это произошло:

«Мы услышали, нам было сказано на русском чистом языке: “Где вы родились?” – Затем: “Долго ли вы думаете здесь быть?” Я сказал, что шесть месяцев, а может быть, и больше. Но он ответил: “Нет, вы, вероятно, здесь останетесь надолго”. – “Нет, я хотел бы вернуться в Россию и – особенно в Сибирь”, – сказал я. “Да, все русские хотели бы вернуться, но это не всем возможно”.

Между тем, заинтересовавшись моими бумагами, он взял из них монографию-каталог Музея Рериха и стал медленно ее перелистывать... А потом, не смотря на паспорта и на визы – взял и подписал пропуски» (3 мая 1924 г.) [3, л. 5–6].

Пароход «Левиафан». 1924 г. INRCA

На берегу ждали духовные братья и сестры во главе с президентом музея Луисом Хоршем, известным в Нью-Йорке бизнесменом и меценатом. Торжественно играли поочередно несколько оркестров по случаю прибытия какого-то уважаемого кардинала, но Георгию Гребенщикову казалось, что случайностей не бывает, музыка звучала для всех новоприбывших.

После кратких часов отдыха и обустройства гостей мистер Хорш назначил общий сбор. 29-го апреля в 2 часа по полудню Гребенщиковы переступили порог Музея-храма – так называли его американские сотрудники Рериха. Он располагался в центральной части Манхэттена, на углу 103-й улицы и набережной Риверсайд. Скользящие, будто восковые, ступени приближали к заветной цели. Георгий Дмитриевич ощутил, что он попал домой. Из глубины залов доносились тихие звуки рояля, лилась прохлада, как бы дуновение с далеких горных вершин. Открылись таинственные миры, сияющие на картинах Николая Рериха. На встречу явились те самые «семеро воинов» из чудесных парижских снов.

Практически у всех были духовные имена, данные им Учителем. Помимо руководителя музея Луиса Хорша (Логвана), в число сотрудников входили его жена Нетти Хорш (Порума), журналистка Фрэнсис Грант (Модра), музыканты, супруги Зинаида и Морис Лихтманы (Радна и Авирах), сестра Мориса – Эстер Лихтман (Ояна) и мать Зинаиды – Софья Михайловна Шафран. Рерих называл Гребенщиковых – Тарухан и Нару, а Василия Завадского – Морей.

Впечатления от посещения музея Георгий Гребенщиков решил перенести на бумагу. На следующее утро, 30 апреля, он написал короткое письмо своим новым братьям и сестрам, хотя должен был увидеть их на службе уже через несколько часов. Здесь, конечно же, говорил не обычный человек, но писатель и еще, быть может, немного летописец, желающий оставить память об уникальном для него духовном событии.

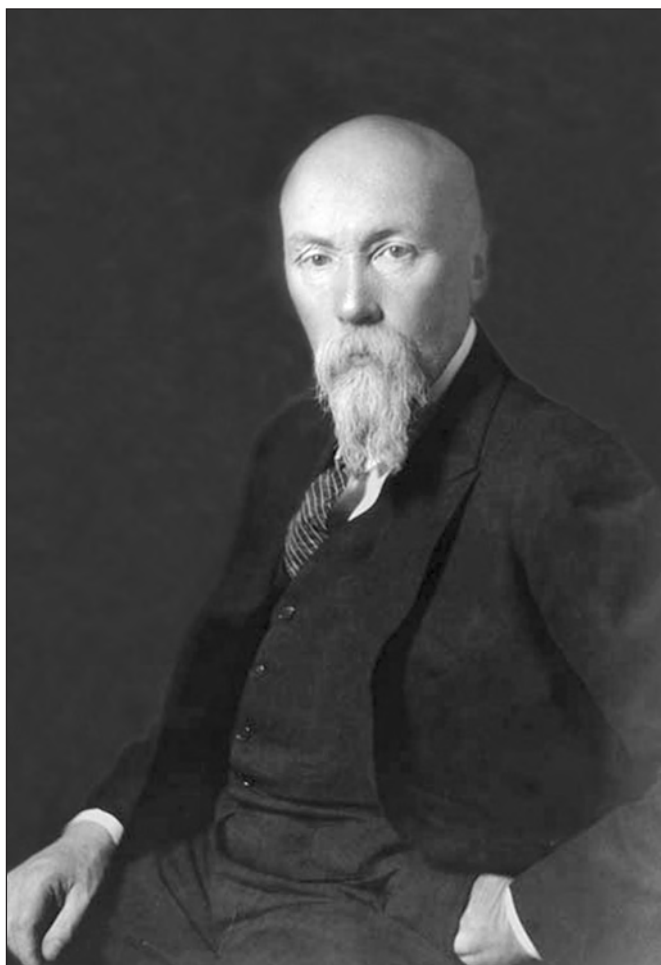
«Милые, невыразимо дорогие Все! Пользуюсь случаем письменно сказать Вам, что вчерашний вечер, проведённый вместе с Вами всеми под кровлею Храма, – был для меня этапом неизреченного причастия к духу Светлого Учителя, и отныне я чувствую себя частицей той общей Души, которую Вы все собою являете.

Я уже полон светлыми мыслями, которые должен выражать на бумаге. И уже считаю минуты, когда смогу быть утвержденным на работу около Вас. Матушка наша спешит, но я просил её подождать, пока напишу это, ибо только после 2 часов увижу Вас, а увидевши, не смогу сказать всего, что чувствую. А чувствую потребность просить Вас послать телеграмму Им на Гималаи приблизительно следующего содержания: “Тарухан радостно преклонил колени у ступеней Храма”. С Вами отныне и навсегда – *Тарухан*» (30.04.1924) [4, с. 108].

Телеграмма Рерихам именно такого содержания, без изменений, ушла в Индию. Отныне Георгий Дмитриевич начинает вести «Летопись Тарухана», своеобразный дневник, туда ежедневно заносит то, что с ним происходит, – мысли, поступки, сны, видения. Письма, газетные очерки – это тоже часть летописи. Он отправляет свое первое послание на Гималаи. В него вложен заряд всей душевной энергии:

«Дивный Учитель наш, Рерих! Благоговейным поклоном моим свидетельствую Вам, что никогда не представлял, чтобы семеро людей... могли дышать столь созвучно эфиром, Вами очищенным. <...>

И почуял я, войдя в Храм наш (наш, наш теперь – какое счастье!), почуял и увидел, сколько окон из него открыто в мир и в беспредельность, ибо каждая картина Ваша – свет неизреченный, лучами поступающий из космических эмалевых глубин. Каждый труд Ваш –

Николай Константинович Рерих.
Нью-Йорк, нач. 1920-х гг. NRM

луч счастья, – они это все семеро почуяли, и все озарены, и как в броню одет, в кольчугу закован, главный вождь их – Логван, – да будет хранима всеми нами любовь к нему и благодарность всех, получающих лучи в Доме Учителя!

И как же Вы почувете мое приобщение к этой семье священной, когда узнаете, что и мне уже отведен светлый угол в доме этом для работы. Не словами, но трудами в нем я буду выражать все мои чувства благодарности и радости и чую в себе трепет устремления, и радостной слезой сегодня утром при пробуждении полил я росток своей готовности радостно умереть с мечом в руках у ступеней храма, если бы приблизились враги и осквернители.

Но чую, что яко от лица огня тает воск – расточатся враги Его, и Свет бессмертия, Вами нам указанный, поможет нам в битвах за мир всего мира! И аз, смиренный летописец, первой вестью этой к Вам свидетельствую о великом чуде, мною видимом. – *Тарухан*» (30.04.1924) [2, с. 34].

Послание в Индию мало похоже на обычное письмо. Это – гимн Рериху, исторгнутый из глубины души. Гимн больше напоминает песнопения Тагора (в мае Гребенщиков прочтет сборник Тагора «Гитанджали» и напишет письмо индийскому поэту). Слова пронизаны чувством благодарности, радости и восхищения. В нищенских условиях эмиграции найти свое место в жизни, сразу дом и желанную работу, конечно же, выглядело со стороны чудесным происшествием.

Георгий Гребенщиков приступил к исполнению обязанностей директора книгоиздательства «Алатас». Через неделю после приезда, 7 мая 1924-го, оно было инкорпорировано в музей Рериха и стало одним из его культурных учреждений. Татьяна Денисовна получила должность заведующей чайной

комнатой при музее. Она сразу же пришлась всем по нраву своей открытой светлой натурой.

Вскоре, прошел едва ли месяц, президент музея Хорш пригласил Георгия Дмитриевича на разговор в «ресторан банкиров», расположенный в деловом центре Нью-Йорка Downtown'e. Разговор там зашел о планах на будущее. И Луис Хорш откровенно, но почему-то улыбаясь, заявил: «А теперь мы начинаем Алтай» (26 мая 1924 г.) [3, л. 24]. Тайна этой улыбки открылась позже...

Помимо издания книг, имеющих алтайскую тематику, – томов «Чураевы», Гребенщиков начал готовить цикл лекций о Сибири. В конце 1924 года писатель выступил перед русской эмиграцией. Пробная лекция прочитана 1-го декабря, следующая – 19 декабря в зале Христианского союза молодых людей, где присутствовало 400 человек. Лекция длилась один час, но публика «хотела слушать о Сибири еще час». Так состоялась проба сил на лекторском поприще, в русской диаспоре появился свой глашатай. Ораторское мастерство постоянно росло.

Сразу же после Нового года, 4 января 1925-го, была назначена следующая лекция «Сибирь – Америка». В анонсе программы Георгий Дмитриевич ставил вопросы и сам же на них отвечал: «Почему Сибирь навеки русская? – Потому что Русь должна быть Азией», «Всё – в будущем, но будущее должны строить мы. Почему и чем Америка должна помочь Сибири? Что необходимо знать всем русским людям о Сибири?.. Все удачи – в нашей воле» [5]. Выступление прошло в большом, вместительном помещении Русского народного дома общества «Наука» (315 East & 10 Street, New York).

У. М. С. А., 5 WEST 125-th STREET, NEW YORK, N. Y.

ПЯТНИЦА 19-го ДЕКАБРЯ 1924 Г. 8 Ч. ВЕЧ.

СОСТОИТСЯ ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Г. Д. Гребенщикова
Сибирь-Америка

СИБИРЬ ВЪ ПРОШЛОМЪ. — СИБИРЬ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ
СИБИРЬ ВЪ БУДУЩЕМЪ.

I. Вступленіе. Западъ на закатѣ. Перестройка географіи. Будущее шестіе народовъ на Востоку. Сибирь, какъ будущая міровая держава. Сибирь въ прошломъ. Сибирскія безпутія, мощенныя костюмы русскихъ. Древки первыхъ русскихъ знаменъ, украшенные соборями. Сказы первыхъ подневольныхъ русскихъ женщинъ въ подвигъ сибирскаго заселія. II. Почему Сибирь навѣки русская? Потому что Русь должна быть Азіей. Невѣста, спящая чудеснымъ сномъ и ожидающая великаго пробужденія. Грезы о грядущемъ и реальныя возможности. III. Все въ будущемъ, но будущее должны строить мы. Почему и чѣмъ Америка должна помочь Сибири? Что необходимо знать всѣмъ русскимъ людямъ о Сибири? Народы полусонные.. Просторы безпредѣльные. Скаака жизни бланится. Всѣ удачи — въ нашей волѣ. Заключение.

Лекція будетъ сопровождаться свѣтвыми картинами природы и быта Сибири.

Билеты въ 75, 50 и 35 с.

Книги Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» и «Былина о Микулѣ Буяновичѣ» продаются также здѣсь и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

Скоро выйдутъ изъ печати слѣдующіе два тома эпопеи «Чураевы»:

«Спускъ въ Долину» и «Веленія Земли».

Цѣна наждаго тома \$1.00.

Предварительная подписка принимается:

ALATAS Inc., 310 Riverside Drive, New York City

Выпывающіе книги «Алатасы» непосредственно изъ склада «Алатасы» за пересылку не платятъ, а получаютъ книги со скидкой въ 10%.

Программа лекции Г. Д. Гребенщикова.
Нью-Йорк, 19 декабря 1924 г. ГМИЛИКА

Через неделю, 11 января, в «Harlem Casino» Гребенщиков устроил лекцию «Россия – Европа или Азия?», в которой говорил о судьбах Родины. Слухи о лекторе, говорившем пламенные речи, быстро распространились среди эмигрантов. На этот раз его слушала уже тысяча человек. Лекция превратилась в диспут, в центре обсуждения оказался роман «Былина о Микуле Буяновиче». 13-го января – выступление в «Tammany Hall», местном представительстве Демократической партии США на 14-й улице восточной стороны Манхэттена. Собралось 1500 человек, публика оказалась в большинстве случайной, обычная «толпа», пришедшая на вечерние танцы. Георгий Гребенщиков стал читать свой рассказ «Горный олень», но его неожиданно захлопали. Этот «горький урок» позволил в будущем ему лучше понимать и русских эмигрантов, и американцев.

Лекторская работа отныне сделалась постоянной. Февраль снова был заполнен общением с публикой. 21 февраля – новая лекция «В мире красоты», совместно с А. Л. Фовицким, тоже в зале ХСМЛ. Она посвящена творческим исканиям Николая Рериха и его художественным произведениям. Профессор Фовицкий говорил об откровениях в искусстве русского гения, а Гребенщиков – о человеке и мыслителе. Татьяна Денисовна выступила организатором лекции Ильи Толстого «Лев Толстой и Россия». Помощь сыну великого классика положила начало дружбе, повлиявшей вскоре на судьбу Гребенщиковых.

В 1930-е годы Георгий Дмитриевич становится профессиональным лектором, зарабатывая словом на жизнь. Выступает на русском и английском

языках, ездит на автомобиле по всей Америке – от Нью-Йорка до Калифорнии. Его охотно принимают и в русских колониях, и в американских университетах.

Темы постоянно обновлялись. Только за 1933 год список включал 15 лекций, среди них: «Святая и отверженная Русь», «Правда, жертва и надежда русского народа», «Русские отцы и дети в Америке и России», «Преподобный Сергей Радонежский как учитель Русской земли», «Рерих и Гималаи», «“Бесы” Достоевского и “Исповедь” Толстого», «Всемирная идея русской нации (по эпопее “Чураевы”»)». Однако в каждом лекционном турне неизменной оставалась «Сибирь – страна великого будущего». Количество лекций под конец исчислялось даже не сотнями, а тысячами. Без учета профессорства во Флориде точная цифра – 1600 выступлений. Если иметь в виду религиозные беседы в храмах, то писателя Гребенщикова можно считать не только лектором, но и православным миссионером.

ЛЕТОПИСЬ ТАРУХАНА

Музей Рериха вел обширные образовательные программы. Эта деятельность приносила некоторый доход, но главная задача состояла в том, чтобы привить детям и взрослым любовь к искусству. При музее были открыты музыкальные классы, в том числе для слепых, классы живописи, скульптуры, пения и хореографии. Там преподавали известные мастера. Живописи обучали Николай Рерих и Рокуэлл Кент, скульптуре – Глеб Дерю-

жинский, танцам – Михаил Мордкин и Михаил Фокин, пению – Нина Кошиц. Упомянуто лишь несколько имен, на самом деле преподавательский состав в разные годы был уникальным в профессиональном отношении. Музей образовал вокруг себя ряд культурных учреждений, в число которых вошел и «Алатас».

Музейная деятельность строилась на принципах учения «Живой Этики». Все сотрудники собирались вместе по субботам, читали Учение, Евангелие и Деяния апостолов, обсуждали прочитанное, получали Указы, в том числе от Рерихов из Индии. Ядро духовного круга составляло семь человек, теперь к ним присоединились еще четверо – Гребенщиковы и Завадские.

Постепенно Георгий и Татьяна Гребенщиковы влились в коллектив, следующий букве Учения. Однако, невзирая на высокие цели, часто случается, декларации не совпадают с привычным ходом жизни. После месяца совместной работы возникли некоторые шероховатости во взаимоотношениях. Георгий Дмитриевич попал в спаянную между собой группу людей, хотя и любящих искусство, музыкантов и журналистов, но поглощенных всецело административной деятельностью. Это шло вразрез с творческой натурой писателя. (То же самое произошло и с Василием Завадским.)

Работа в «Алатасе» до некоторой степени иссушала душу, и Гребенщиковы выразили желание: на три недели летом уехать из душного города куда-нибудь на ферму, на свежий воздух, при этом не оставляя своих обязанностей по корректурам и общей подготовке рукописей к печати. В естественной потребности – побыть на природе – было

Музей Николая Рериха.
Нью-Йорк, 1923–1928 гг. NRM

отказано, хотя сами братья и сестры всё лето провели в загородной резиденции музея, в Морияхе.

К тому же встал вопрос о «недоверии», как сформулировал его Гребенщиков. Руководители музея вскрывали личные письма на имя директора издательства, считая корреспонденцию общей. Такой подход к делу, возможно, оправдан – в каждом учреждении установлены свои собственные порядки. Служение в Храме подчинялось жесткой духовной дисциплине. Георгий Дмитриевич даже как-то назвал круг сотрудников «монастырем», или «орденом», имея в виду, что музей отдалял от себя «целые категории лиц», в том числе эмигрантов из России. По долгу службы Гребен-

щиков не мог избегать соотечественников, поскольку издавал русские книги. Позже именно собственный взгляд на деятельность издательства привел его к самостоятельности.

Литературный дневник писателя, названный «Летопись Тарухана», охватывает первые четыре месяца пребывания в Америке. По замыслу записи должны были помочь анализировать свои мысли, побуждения и поступки. Именно внутренний мир, обернутый в канву ежедневных событий, становится мерилom духовной жизни. Вначале эмоциональная природа бунтовала, в уме возникали многочисленные вопросы. И на них нужно было найти ответ.

«По временам кажется, что всё человечество – враги, а только избранные достойны улыбки Учителя. И не понял я слов Радны (Зинаиды Лихтман – *авт.*), сказавшей мне однажды: “Какое счастье знать, что весь мир погибнет, а на каком-то кусочке мы останемся...”

Неужели в этом счастье служения? Зачем же тогда эти настоятельные слова о благе человечества, о народе, о будущем? Туда ли мы идем? – Вот жуткий вопрос. И понимаем ли мы учение так, как надо? О, сумею ли я поставить такой вопрос семерым?» (1 июня 1924 г.) [3, л. 29].

Эта запись сделана утром 1 июня, а после обеда Георгий Гребенщиков пошел на открытый разговор. Его искренность требовала выхода, хотела вырваться из тисков принятой сдержанности. Он спросил, считают ли его «братья» и «сестры» свои действия безошибочными, совершая их под именем Учителя. Все дружно ответили: совершенно убеждены! У Георгия Дмитриевича такой уверенности не было. Люди могут совершать ошибки

и часто их совершают. Без покаяния нельзя достичь «истинного братства».

Атмосфера в музее постоянно сгущалась. Действовало табу на общение с русскими эмигрантами, хотя половина сотрудников сами были русскими. Василий Завадский нашел себе работу на стороне, стал вливаться в музыкальную жизнь Нью-Йорка и со временем организовал собственные классы по обучению музыке. Но Гребенщико-вы остались, испытывая жажду служения.

«Посещение мною Пушкинского вечера русской студенческой молодёжи и артистов Художественного театра поставлено мне в вину как нарушение указа Учителя. В прошлое воскресенье был об этом тяжкий разговор, в котором я сказал, что отвернуться от русской молодёжи мне очень тяжело, ибо это значит отвернуться от России. Мне было сказано, что это указ с Гималаев и во имя его от меня требуется полный отказ от общения с русскими в Нью-Йорке.

Я не мог на это дать немедленного ответа. Это для меня была самая опасная ступень. Я не понимал, почему должен вести себя, как изменник России, хотя бы и плохой, и грешной? Но через два дня я всё же одолел себя» (11 июня 1924 г.) [там же, л. 33].

Притирка давалась нелегко, несколько месяцев сгущался «сумрак сомнений». Шла внутренняя борьба, но потом принято решение воспитывать в себе лучшие душевные качества, не реагировать на мелкие замечания и выпады. Жизнь пришла в относительный покой. Гребенщиков решил идти другим, высшим путем – не окунаться в разнородную массу эмиграции, а объединить вокруг книгоиздательства выдающихся сибиряков.

Писатель мечтает развернуть издательскую работу повсюду, в первую очередь на Родине. На ка-

ждой железнодорожной станции – знак «Алатаса». Он остается неисправимым романтиком. Желает изгнать дурные книги из киосков по всей России. Приходящие люди для него – не враги, а божие добрые вестники. Так записано в «Летописи». Всё естество устремлено на Гималаи. У Тарухана внутри рождаются мысли, они текут как река, некоторые похожи на Указы.

«Планеты летят не останавливаясь. Сердце остановившееся – означает смерть. Космос есть вечная работа и жизнь. В вечном труде находится Создатель. И потому бессмертна Благодать его. И потому гибельна задержка в устремлении. Устремляю все помыслы, все устремления мои, всю любовь мою в молитвах к Тебе.

Научи идти прямой дорогой, смело, к Единой для всех Милости. Укрепи в пути к Тебе. Всё более просветляется разум в общении с Книгой. Всё более люблю минуты устремления к Тебе.

Ты ли можешь не желать спасения многострадальному народу русскому? Прости, Учитель, но зная скорби тяжкие родного народа – не могу о нем не думать постоянно. Никто не насилует воли твоей. И сам её не насилуй. Вслушивайся в веления твоей совести и проверь: имеется ли разница с велениями Учения?..

Не требуй открытия сердца других, но сам открой его брату твоему. Думай только о своих недостатках. Постоянно думай вечером: сделал ты что-нибудь сегодня для Учителя? Молись по утрам Ему, чтобы Он помог хоть что-либо сделать за день Его Именем.

Много думал сегодня об Алтае. Всё разрастаются мысли об уединенной жизни на высотах. Сегодня дважды удалось всё же победить себя, потому что думал о Нем» (21, 28 июня) [6, л. 2–3].

Георгий Гребенщиков много работает. С самого утра до обеда сидит в офисе, разбирает корреспонденцию, составляет отчеты, пишет письма –

У входа в Музей Рериха. Нью-Йорк, сер. 1920-х гг.
Слева направо: Эстер Лихтман, Георгий Гребенщиков,
Фрэнсис Грант, Софья Шафран. NRM

иногда до двадцати за день. После обеда носится по Нью-Йорку, наматывает пешком километры (экономия на транспорте). Требуется посетить типографии, издательства, склады, разнести книги в русские магазины. Их в Верхнем Манхэттене три – на 126, 129 и 163-й улицах, то есть пешим ходом от музея (103-я улица) нужно пройти шестьдесят улиц и обратно, да еще и с книжной поклажей. Книги – штучный товар, берут на продажу три, пять, до десяти штук. Публика читает мало, покупает редко.

Помимо офисной работы Георгий Дмитриевич пишет очерки, публикует их в эмигрантских газетах: «Новое русское слово», «Руль», «Сегод-

ня», «Последние новости», др. Складывает как бы впрок мимолетные впечатления об Америке. Среди очерков: «Левиафан», «В океане», «Новые берега», «Нью-йоркские впечатления», «Остров Мангаттен», «Страшен сон», «Вопль книги». Свои гонорары за газетные статьи он вносит в банк на счет книгоиздательства, отказывается использовать даже малые суммы на личные нужды. Татьяна Денисовна поддерживает мужа в этих начинаниях. Она шьет платья на заказ, чинит шубы и тоже вносит свой заработок в копилку «Алатаса».

В середине июля Георгий Гребенщиков берет-ся за написание повести «Совет Королю». Через месяц рукопись готова, сделано несколько копий. Одну копию 27 августа писатель повез в Колд Спринг (Cold Spring), расположенный в 60 милях

Георгий Гребенщиков у своего автомобиля.
Саутбери, сер. 1920-х гг. IHRCA

от Нью-Йорка по реке Гудзон, чтобы лично передать литератору Нине Селивановой для перевода на английский язык. Там задержался на неделю, договорились вместе с Селивановой поработать над переводом. Совершенно очевидно, как любой большой писатель, попавший волею судеб за границу, Гребенщиков ищет пути приобщения к американской литературе.

После пыльного мегаполиса – душа на природе радостно ликует. Георгий Дмитриевич с женой бродит по окрестным горам, по лесным озерам и с юношеским задором выбивает на больших гранитах знак «Алатаса». Это – путевые думы об Алтае. На прощание, перед отъездом домой, Татьяна Денисовна забралась на высокую вершину и закричала во весь голос, повернувшись лицом на восток: «Привет Вам и Любовь на Гимала-а-и-и!» (3 сентября) [7, л. 10]. А писатель здесь же выковал на камне очередной знак.

Когда вернулись из Колд Спринга, пришла ошеломительная новость: в Америку приедет Н. К. Рерих. Георгий Дмитриевич записал об Учителе в своей летописи: «В конце октября на короткое время и тайно будет здесь Сам» (4 сент.) [там же, л. 11]. Новость действительно ошеломляла, потому что не прошло и года, как Гребенщиконы прощались с ним в Париже на долгое время, может быть, навсегда. Только чрезвычайные меры вынуждали Николая Константиновича проделать долгий путь из Индии (плавание занимало месяц).

Художник прибыл в Нью-Йорк 24-го октября 1924 г. на корабле «Аквитания». В тот же день он сообщил Кругу о «Великом Плана», предполагавшем будущее строительство в Сибири. В окрест-

ностях горы Белухи будет построен город Звенигород, и на склоне – Храм единой веры, а для этого ему необходимо «достать концессии на землю в Алтае» [8, л. 129]. Концессии давали возможность начать разработку полезных ископаемых и освоение сельскохозяйственных угодий.

Для реализации алтайского проекта Рерих предложил учредить акционерное общество «Белуха», которое смогло бы вести все дела, касающиеся Сибири и Алтая, в первую очередь осуществить выбор мест под концессии. В таком важном

Н. К. Рерих в кругу сотрудников. 1924 г. NRM

Слева направо сидят: Эстер Лихтман, Зинаида Лихтман, Николай Рерих, Нетти Хорш, Фрэнсис Грант; стоят: Луис Хорш, Софья Шафран, Святослав Рерих, Морис Лихтман, Татьяна и Георгий Гребенчиковы

деле незаменимой фигурой оказался Георгий Гребенщиков. Он хорошо знал Горный Алтай, путешествовал по заданию Русского географического общества в низовьях реки Убы, посетил долину Бухтармы, расположенную с южной стороны Белухи.

Началась подготовка учредительных документов Общества, переговоры с юристами о процедуре выпуска акций, согласован список участников в количестве 17 человек. Учредители предполагали, что к 1927 году им удастся собрать один миллион долларов на продаже акций. Такой капитал вполне достаточен, чтобы начать изыскания по разведке полезных ископаемых и их дальнейшую разработку.

Общество «Белуха» было официально учреждено 17 ноября 1924 года в Нью-Йорке (сертификат об учреждении подписан 11 ноября). Задачи и цели Общества заключались не только в разработке полезных ископаемых, но и в научных изысканиях, строительстве, покупке недвижимости и земли, ведении бизнеса и операций с капиталом любого вида. Совет директоров принял решение пустить в оборот 30 тысяч акций, соответствующих размеру акционерного капитала, всё подтверждалось ценными бумагами. Распространение акций решено начать через книгоиздательство «Алатас».

Именно поэтому, когда 9 декабря состоялось первое заседание Общества «Белуха» под председательством Рериха, Гребенщиков оказался в центре внимания, на него возлагались большие надежды. Прозвучала краткая формула: «“Алатас” – для “Белухи”» [8, л. 192]. Для идейной поддержки проекта

директора предложили Георгию Дмитриевичу написать книгу «Алтай – жемчужина Сибири».

На следующий день после заседания акционерного общества, 10 декабря, Н. К. Рерих отплыл в Европу – в Париже и Берлине у него были запланированы встречи с советскими полпредами Л. Б. Красиным и Н. Н. Крестинским. Контакты и переговоры с вождями Советской России открывали путь на Родину. Рерих наметил поездку в Москву летом 1926 года, чтобы развить инициативу с корпорацией «Белуха» и организовать научную экспедицию на Алтай. Однако алтайский проект только-только зарождался, и требовалось время для его тщательной подготовки.

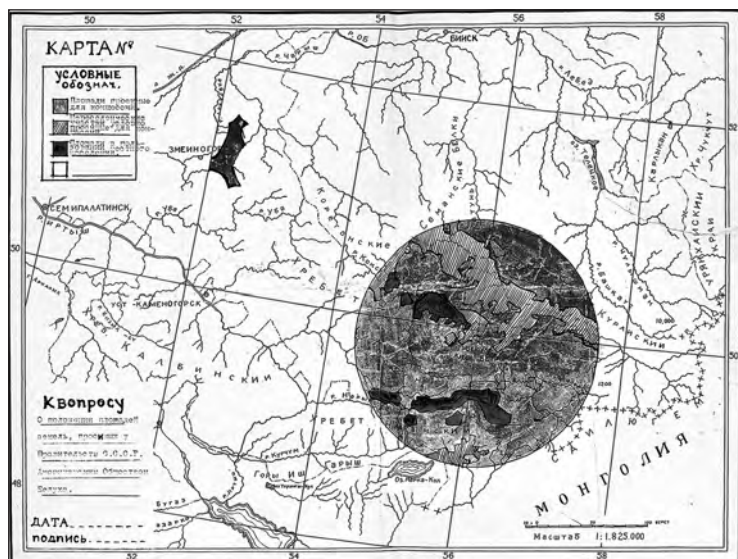
В свете событий, происходивших осенью 1924 года, рельефно вырисовывается и деятельность Гребенщикова. Становится понятным смысл уже упомянутого сибирского цикла лекций. Напомним, самое первое выступление состоялось 1-го декабря (в присутствии Рериха) и было посвящено Белухе. Георгий Дмитриевич серьезно готовился, загодя нарисовал карту Алтайских гор. На лекции рассказывал публике о культе Белого Бурхана. Ровно за десять лет до начала Первой мировой войны у алтайцев зародилось новое религиозное движение, оно началось с видения одной женщины-алтайки, которая предсказывала приход на Алтай Бурхана, то есть Белого Бога. Рерих писал о Гребенщикове в Индию:

«Вчера был вечер Тарухана и прошел блестяще – очень радуемся за него. Нару отлично работает. Было до 500 человек отличной русской публики, и наши были поражены, видя такую аудиторию» (2.12.1924) [9, л. 1].

Под «нашими» в письме подразумевались сотрудники музея. Всё переменялось – их общение с соотечественниками стало важным условием осуществления Великого Плана. В летних спорах о русских эмигрантах Гребенщиков оказался дальновидным.

Встреча Рериха с полпредом Л. Б. Красиным, возглавлявшим Концессионный комитет в Париже, только заложила основу для будущего проекта. Сотрудники музея должны были проделать кропотливую работу с документацией. Гребенщиков принимает деятельное участие в разработке концепции «Белухи». Начиная с января 1925 года он изучает массу литературы по Сибири, которую ему доставляет Д. Н. Бородин, агроном-энтомолог, глава Русского сельскохозяйственного бюро в Америке, открытого Народным комиссариатом земледелия СССР в Нью-Йорке по рекомендации Н. И. Вавилова. Большевик и коммунист Бородин подружился не только с Рерихом, но и с Гребенщиковым. В дальнейшем он стал невозвращенцем. Однако на тот момент его роль в продвижении общества «Белуха» была немалой.

Развитие дел по Алтаю требовало спешной поездки в Париж. Сотрудники музея подготовили основной пакет документов к концу марта 1925-го. Апрель ушел на оформление и правку бумаг, Георгий Дмитриевич написал две записки по «Белухе» и помогал рисовать карты. Бородин распорядился ехать к полпреду Красину. И 2 мая Морис Лихтман и Луис Хорш отправились на пароходе «Мажестик» во Францию. На месте потребовалось кое-что сделать, составить резюме проекта, в котором были бы сформулированы предложения по концессиям.

Карта земель, запрашиваемых обществом «Белуха» под концессии на Алтае. 1925 г. ГАРФ

Акционерное общество заявило о получении земель вокруг горы Белухи радиусом сто миль и небольшого участка в районе Риддерских рудников. На приеме у Красина состоялся разговор о «плане храмового строительства» (Church Building Plan). Советские чиновники отправили проект «Белуха» на экспертизу в Москву, и в дальнейшем он получил одобрение правительства. Почва для экспедиции Рериха на Алтай была подготовлена.

Весна 1925 года, хотя и была омрачена множеством недоразумений, возникавших внутри Круга, но всё-таки благоухала радостью светлых начинаний. Издательство выпустило за полгода 2-й и 3-й

тома эпопеи «Чураевы», а первый, парижский том был переиздан. В некоторые дни Гребенщиковы отправляли в разные страны по сорок посылок с книгами. Театр И. В. Лазарева открылся при музее Рериха и поставил сцены из «Былины». Георгий Дмитриевич подружился с Ильей Толстым и на Пасху в штате Коннектикут, рядом с именем своего собрата-писателя купил землю и начал строить дом.

Алтайский проект Гребенщиков тоже вынес на своих плечах. Луис Хорш как-то зашел в офис «Алатаса» и стал откровенничать насчет способов разведки серебра, оказав писателю особое доверие. Разговор состоялся 2 марта, и этот день хорошо запомнился. В дневнике появилась запись: «Это уже начались пути к Белухе» [10]. Стал вырисовываться замысел: связать два континента, чтобы использовать экономическую мощь Соединенных Штатов для выявления духовного богатства России и Сибири.

В тот же день, когда в офисе издательства шел разговор о серебре, Е. И. Рерих писала из Индии сыну Святославу:

«Подойди ближе к Тар<ухану>, это не только наша просьба, но и указание М. М. Помоги нашим друзьям-американцам понять сложность и силу его природы и красочность видений. Он совершенно необходим в переговорах о новом деле, пусть они больше ему доверяют. Без него им не подойти!» (2.03.1925) [11, с. 38].

Святослав Рерих обучался живописи и архитектуре в Колумбийском и Массачусетском университетах. Невзирая на молодость он состоял директором Международного центра искусств «Венец мира» при музее и имел влияние среди

американских сотрудников. Позиции Гребенщикова постепенно укреплялись.

ОБЩЕСТВО СИБИРЯКОВ В АМЕРИКЕ

Весной 1925 года Гребенщиков берет за свою самую вдохновенную книгу «Алтай – жемчужина Сибири», название которой ему ниспослано свыше. Спустя четыре месяца после встречи с Рерихом снова звучит призыв из глубины сердца. Невзирая на то что книга должна выйти на английском языке, пишется она по-русски.

На Пасху 1925-го у Гребенщиковых появляется кусок земли и изба в Саутбери. Именно там, в лесной обители вдали от Нью-Йорка, начинается священнодействие. Посреди леса на большом пне рождается «цельный роман», в который будет вложено всё лучшее из «чувствований и дум о Новой Стране» (13.06.1925) [12, с. 980]. О планах работы над книгой после 1 июля Георгий Дмитриевич сообщает Рерихам в Кашмир, оттуда начинается их грандиозная экспедиция в Центральную Азию.

Где же писатель черпает вдохновение для своей «Жемчужины Сибири», как автор иногда именуется книгу? Помимо соков родной земли, питающих душу, есть и другой источник. Это – полученное от Е. И. Рерих «Письмо Махатмы». Так оно и озаглавлено в оригинале. Здесь обнаруживается тайна ученичества, известная только Гребенщикову и Рерихам.

«Мое письмо к Тарухану. – Считаю, книга об Алтае должна явиться событием. Только сам писатель лично ответственно может определить содержание. Именно Тарухан громовым голосом может сказать серебряно самоцветную мудрость Сибири. Эта земля оплот Северной Шамбалы, и ничто малое не прилично Алтаю... Шлю Благословение певцу Алтая» [13].

Письмо датируется 26 апреля 1925 года. В это время идет напряженная работа над подготовкой документов по проекту «Белуха». Алтай – приближается, и эмоциональное напряжение перерастает в поток живых образов. Через месяц из Индии приходит еще одно послание, дополнившее первое. В нем сквозит мысль о будущем управителе Сибири, который ассоциируется со славным «сибирским головой» – казачьим атаманом Ермаком Тимофеевичем, отвоевавшим восточные земли у хана Кучума.

«Учитель хотел бы видеть Тарухана сибирским головой, для того пиши книгу об Алтае со всей красотой, знанием и восхищением духа. Книга Мне принадлежит, и хочу ее иметь в Башне» (15.05.1925) [14].

Книга «Жемчужина Сибири» написана действительно по вдохновению. К концу лета 1925-го она была завершена. Это двенадцать небольших очерков. Перед читателем открывается панорама алтайских гор с вечными снегами, и гора Синюха, и озеро Белое, и река Белая, и изумрудная Катунь. Чаша Алтая вмещает все народы – алтайские и славянские. Белокурая раса укоренилась на Бухтарме, оттуда и пошло Беловодье.

Несколько очерков посвящено легендарному Хану-Ойроту, который упоминается со времени Чингисхана, и Белому Бурхану. Хан-Ойрот уехал

на коне в Гималаи, и когда вернется – все люди будут братья. Ойрот – друг Белого Бурхана. Белый Бурхан тоже придет, а вместе с ним – царство добра, мира и света. Бурхан – это не человек – дух Алтая. Красивые легенды собраны в книге. Начало книги – гимн алтайской природе. Автор прославляет красоту Алтая.

«Всегда, когда слышу или произношу слово Алтай, то даже вижу его сине-лиловый цвет с белыми краями. И, конечно, для всех языков и народов должно быть понятно ласкающее, музыкальное созвучие этого слова – Алтай! Ибо оно звучит, как Родина...

Чем дольше живу на свете, чем больше вижу стран земного шара, чем дальше ухожу от синего Алтая, тем величественнее встают передо мной его массивы, тем неизъяснимее упоение думать об этом крае, и потому не могу говорить или писать о нем без восхищения духа. И не потому, что он – родина моя, но именно потому, что он – родина всего человечества, он – колыбель мира, он – колокол земли, и потому и имя его благозвучно, как мощный колокольный звон: Алтай!» [15, с. 111].

Завершается книга очерком «Белуха». Гора Белуха – царица азиатских вершин. Она священна для алтайцев, священна для русских и для всех азиатов. Уч-Сумер, или Уч-Орион – трехглавая гора, пояс Ориона. Вокруг Белухи облачный белый венец, и белая снежная чалма обвивает чело. На вершине происходит величайшее из таинств, по слову писателя, «круговорот живых летучих вод». Там берут начало алтайские реки – Катунь, Аккем, Кучерла и Белая Берель. Совершается мистерия рождения «тех самых белых вод, чистота которых издревле влекла к себе многих пилигримов и искателей красот и горних совершенствований духа» [там же, с. 140].

Вдохновение подсказало писателю новые решения. Поздней осенью 1925-го начинается работа над сказкой в семи главах «Хан-Алтай». Гребенщиков развивает повествование об Алтае в поэтическом ключе. Избран иной, чем в «Жемчужине Сибири», жанр. Здесь отступление от классической прозы, миф соединен с поэзией. Георгий Дмитриевич на свой лад рассказывает читателям легенду о рождении рек Катунь, Чулышмана и Оби. Сказка изобилует аллегориями.

Главный герой – это пастух, простой алтаец, появившийся на свет от удара молнии. (Из обители Владыки звезд была послана стрела любви.) Молния ударила в лиственницу, образовала дупло, там и нашли младенца Урсула, будущего пророка Ойрота. Ребенок вырос, стал пастухом и влюбился в ханскую дочь Катунь-Су. Красавица Катунь-Су – сама любовь. Пастушья песня пленила ее. Урсул, не видя девушки, пел, поверял свои тайные думы озеру Джайлю:

Когда Ойрот захочет взять Катунь-Су,
Тогда пастух Урсул станет богатырем.
Если Катунь-Су увидит сердце Урсула,
Она бросит ханскую ставку
И сама босиком придет [16, с. 27].

Отец Катунь-Су – Хан-Алтай. У него много других имен: и Хан-Аган, и дух гор Ульгень. Хозяин темного царства – злой Эрлик – похищает ханскую дочь. Но лучи любви, вспыхнувшие в сердцах Ойрота и Катунь-Су, сплелись крепкой серебряной цепью, кованой. Зажегся дух победы! Пастух Урсул сам пошел в темный край. По дороге Урсул-Ойрот побратался с вольным Ветром, и тот просвистал

Н. К. Рерих. Ойрот – вестник Белого Бурхана. 1925 г.

ему: «Эй, Ойрот, помни: Катын-Су любит тебя. Катын-Су за тебя беду приняла. Катын-Су Эрлик украл» [там же, с. 36].

Ойрот сделался отважным алтайским богатырем. Взмахнул могучими руками и превратился в гранитную скалу, камень-великан. Повалился камень в озеро Джайлю всей богатырской тяжестью. Опрокинулась изумрудная чаша озера, и родился горный поток – река Чулышман. Богатырь Урсул стал Чулышманом. Вода озера хлынула в подземные пещеры мощным водопадом, а налетевший ветер вырвал из темноты Катын-Су.

Финал сказки поистине драматичен. Но драматизм – всего лишь человеческое чувство печали. Природа всегда ликует от слияния стихий, которое превращается во вселенскую радость бытия. Автор завершает повествование прекрасным гимном Алтаю. У него солнце поет и пророчит скорый

приход Белого Бурхана, друга Ойрота. В природе Алтай заключена великая аллегория людских судеб. И над всеми ими царствует страж несметных сокровищ, спрятанных в горах и под водами, белый богатырь Хан-Алтай.

«Вынес ветер Катын-Су на волю, вынес на самую большую высоту Алтайских гор, вынес и поставил на самую белую вершину самой неприступной, самой святой горы Белухи. <...> Стояла Катын-Су одна на высоте, и было сновидение ее волшебное до глубокой грусти. Потому что увидела, как там, внизу, далеко над берегами озера Джайлю, лежала серая гора – окаменелый богатырь Урсул-Ойрот-Пастух, отдавший дух свой на борьбу с Эрликом, на спасение своей невесты.

Видела она и озеро Джайлю, стоявшее как чаша с голубой кровью, накопившейся из раны павшего богатыря Ойрота. А изумрудной долиной в глубь ущелий убегал на запад белопенный Чалышман, как вестник грусти замолчавшего Ойрота, как безудержный поток печальных и счастливых слез богатыря Урсул-Ойрота. Куда он убегал, ради чего он покидал родное озеро и горы – Катын-Су не знала. <...>

И закрыв глаза, упала Катын-Су с великой высоты Белухи и превратилась в белопенную, кипящую в своих надеждах и желаниях, вечно поющую о любви, вечно плачущую и смеющуюся, устремленную вперед и вечно остающуюся среди синих гор, великую и первую алтайскую красавицу реку Катунь... Бирюзовой лентой обвила Катунь широкое подножие Белухи.

Чулышман добежал до великого Алтын-Куля – Телецкого озера и упал на дно его, заснул до срока. А потом из Алтын-Куля выбежал под новым именем и на первой же великой равнине раскрыл свои объятия навстречу прибежавшей от великой высоты Катунь. Тут и великая Катунь имя свое спрятала.

И родилась из любовного объятия их – новая, еще более великая Обь-река, которая и понесла свою лю-

бовь и песни дальше, на безбрежные просторы всей Сибири и на волны Великого Океана» [16, с. 44–46].

Работа над поэтической сказкой завершилась зимой 1926-го. Впервые публичное чтение «Хана-Алтая» прошло 4 апреля того же года в Международном доме (500 Riverside Drive & 124 Street, New York). Сказка была опубликована через два года в рижском журнале «Перезвоны» (1928, № 40). Она сопровождалась рисунками И. Я. Билибина. По случаю юбилея художника иллюстрации прошли через весь журнал и не имели прямого отношения к тексту. Только одна из них – «Микула Селянинович» – соответствовала литературным образам Гребенщикова. В 1930-е годы сказку «Хан-Алтай» проиллюстрировал русский художник из Лос-Анджелеса В. Ф. Ульянов. Издательский проект планировался на 1934 год. Однако книга с цветными иллюстрациями так и не вышла.

Впоследствии Георгий Гребенщиков задумал написать фундаментальный труд «Моя Сибирь» и включить в него как самостоятельные части ранние произведения «Алтай – жемчужина Сибири» и «Хан-Алтай». Писатель завершил работу над рукописью в 1950-х годах. «Моя Сибирь» – это плод многолетних раздумий о малой родине, о ее прошлом и будущем.

Первые главы посвящены сибирской истории, природе, хозяйству и богатствам Сибири. Потому на страницах книги присутствует налет излишней этнографии, поначалу даже сухие цифры экономики, которые помогают читателю совершить экскурс в историческое прошлое огромного континента, раскинувшегося от Уральских гор до Тихого океана. Зато научные отвлеченности окупаются

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ

ХАНЪ АЛТАЙ

Сказка въ семи главахъ

I. Пшець-пастухъ налаживаетъ дому.

По привольнымъ, великимъ горамъ Алтая начинала Человѣкъ-Пастухъ кочевать, свои тучныя стада стережъ, древние Божьи заветы беречь.

Вотъ ходилъ Пастухъ по высокимъ горамъ, по весеннимъ догамъ, по рѣчнымъ и озернымъ берегамъ — глядѣлъ черезъ стада свои въ пѣсь и въ даль и молча задумывалъ первую пѣсню.

У вѣтра подслушавъ, у стужа вышней, у шеста аксътевъ, у шума водъ, у щобета птицъ и у свиста невидимыхъ маляничихъ тварей — впадалъ первую пѣсню.

Стоялъ на высокомъ холмѣ надъ рѣкою старый, сухой и расщепленный тополь; вѣтеръ принахалъ въ стужую расщелину дерева и завывалъ, ударялъ по отвисшей щелѣ и качалъ ее въ тактъ и наигрывалъ первую пѣсню — училъ Пастуха.

Съ пѣсней вѣтра задумалъ Пастухъ сдѣлать первую дому. Съ молитвою срывалъ онъ тополь у самого корня. Съ таинственной душой и востанывающими выветъ огнемъ пустоту. Съ великимъ терпѣньемъ трудился — обдѣлывалъ каменными ножками. Семь разъ поранилъ руки, пока сдѣлалъ первую доску — покрыть пустоту. Семь разныхъ уборовъ — кони, холмы и маршалы — собственной кровью навелъ вокругъ домы. Трубочные звуки маршалоу — самая громкая пѣсня Алтая.

Съ легкой погадилъ коня, когда выбиралъ въ что хвостъ самые длинные, самые кривые волосы. На головахъ холмѣ съ улыбкой осушилъ два струны. Натянулъ, тронулъ пальцемъ, усмирялъ гудяще — побѣждалъ подъ-

лился звуками съ самой любимой подругой своей. Усладилъ ее слушать, а самъ поспотѣлъ на самую высокую вершину, посылалъ улыбку счастья самой синей и далекой домы.

Домуа заплал.

Домуа заплал, заплалъ и пшець. Рѣка и горы заплал. Птицы и вѣтры заплал. Небо заплал. Съ улыбкою счастья пастуха по-другу смотрѣла и слушала дому.

Съ тѣхъ поръ родилась пѣсню, и всѣ стали пѣть объ Алтай. Съ тѣхъ поръ на всемъ свѣтѣ дѣшъ трое бессмертне: Домуа, Пшець и Алтай.

— Кто скажетъ: что правда, что сказка, что сонъ наяву?

Тучи летятъ по горамъ, громоздятся, скондаются въ кругъ, думаютъ, что-то рѣшють — кто скажетъ: чьи это души сошались?

Всѣмъ ли летятъ по горной тропинкѣ, лухъ натянулъ, струну посылалъ и срывалъ гордо стоящаго на свѣтѣ маршала — кто скажетъ: не былъ ли когда-то маршалъ охотникомъ, а охотникъ маршаломъ?

Между горъ бѣгутъ и плыютъ, и поютъ рѣки, безконечно спорятъ съ кривыми утесами — кто скажетъ: итъ ли въ спорѣ зтоумъ мудрости изначальною?

Алтай-нижи родился бѣднымъ пастухомъ и полюбилъ самую красивую и заплотую ханскую дочь — кто скажетъ: не разлучилъ ли кто эти двѣ души въ прежнихъ жизняхъ? Не былъ ли Пастухъ когда-то ханскимъ сыномъ?

1261

Страница журнала «Перезвоны». 1928 г. № 40.
Сказка Г. Д. Гребенщикова «Хан-Алтай»

финальными главами, где раскрывается глубокий пласт алтайской культуры. В сказаниях и легендах Алтая торжествует душа народа.

Книга «Моя Сибирь» складывалась постепенно. Это в основном обобщение материала лекций, которые Гребенщикова читал в начале 1930-х годов, разъезжая по всей Русской Америке. Главная лекция названа «Сибирь — страна великого

будущего» (1932). Автор характеризует Сибирь с разных сторон – не только как географическое, но и духовное пространство. Центром будущего духовного строительства станет Русская Сибирь, где процветет «новое братство Парсифаля, рыцарски очищенное от западного эгоизма и материализма» [17, с. 348].

Катень-Су обожгла его взглядом, от-
вратна:

— Лучше Атайя нить страны.

— Полюби меня! — вымогала Эдземь.

— Измывания Ульгенью и Атайю никогда
не полюблю.

Осложилась Эдземь, покинул Атайя и по-
шел войной на Китай. Там скоро сдвинулся
боддхизм — у измывников удача временна,
но велика — и полюбил о братя, о сестрѣ,
о первой красавицѣ Катень-Су и о прекрасномъ
садѣ земля.

Тамь временемъ у воротъ сада Эдземь стояла.
Сестра Уруус, чтобы и второй братя не
покинул садъ, неотлучно служила Эдземю и
часто отвешала взглядъ его на цвѣты, когда
мимо пробыла Катень-Су. А однажды на-
шла въ саду самый красивый чудесный цвѣ-
токъ и, посадивъ его въ горшокъ, поставила
передъ Эдземемъ.

Эдземь была такъ счастлива, что стала
беречь и мѣлать цвѣтокъ, какъ лучшее сокрови-
ще. И стала цвѣтокъ еще красивѣе, такъ
что пробывшая мимо Катень-Су, замобо-
вавшись, остановилась надъ цвѣткомъ и ижно
улыбнулась его хранителю Эдземю.

Но вотъ Эдземь — боддхизмъ отъ замкъ
духовъ узнала, о чудесномъ цвѣтѣ
и, позавидовавъ
брату Эдземю, по-
досала горца и
украля цвѣтокъ.

Пробывавшая
утромъ Катень-Су
увидѣла, что нить
цвѣтка, и обожгла
Эдземя строгимъ
взглядомъ:

— И ты не су-
мѣла собрать дан-
ное тебѣ сокрови-
ще!

О, какою зло-
бою выродилась
Эдземь, поражен-
ный въ сердце бра-
тцемъ. Какъ ярост-
но она стала про-
клинать его и все
прекрасное на свѣ-
тѣ, порождающее
жизнь, даже на
сестру разгизвала
и, несмотря на ея
слезы и мольбы о
примиреніи, закри-
чала ей грозно:

— Если братя
мой оказался во-
ромъ, то всѣ прочие
чужие люди будутъ
включенъ ворона и
людьми. Уходи.

и ты не сестра мѣя теперь. И проклятию и
все человечество.

Ушла печальная сестра Уруус на север и
стала создавать тамъ, на равнинахъ долины
Рус, чтобы когда-нибудь прийти обратно въ
горы и принести любовь и миръ глубоко-
обиженному брату Эдземю.

Покончивъ садъ прекрасный, она безпрестанно
блуждала по самымъ мрачнымъ ущельямъ и
съ утра до вечера, и даже по ночамъ гитиво
оставляла громоздкимъ голосомъ Атайя и то-
ва богатырскими ногами въ землю, такъ толкала,
что всѣ растения и цвѣты въ прекрасномъ
саду уводили. Такъ просто топтали Эдземь
ногами землю, что вымбл себѣ яму — тем-
ную, глубокую могилу.

И не могъ онъ больше вынести дикого
свѣта. Закрылся ему спрятаться отъ міра
въ подземелье, чтобы забрать все зло земное
въ свои руки. И стал Эдземь самымъ гро-
знымъ влостанномъ тамъ и приподней. И до
сихъ поръ подъ его грозною пятою все живу-
щее въ низлахъ трепещетъ. Только рѣдкимъ
жителямъ высотъ Эдземь не страшна.

Такъ выросло
древо великаго зем-
ного зла. Ибо братя
Эдземь уводилъ
у брата Эдземя луч-
шій даръ сестры —
любимый цвѣтокъ,
украшение жизни,
улыбку небесъ.

Глубоко опеча-
лилась Ульгень на
небѣ и рассказыва
Валдзекъ уводилъ,
что садъ прекра-
сный на землѣ
уводил и погибаетъ.

— Ты ставила
стражу, ты и садъ
спасай — отвѣчалъ
Валдзекъ звѣздъ
Ульгенью.

Тогда не гити-
вомъ, не печалью, а
любостью нака-
лила Ульгень. До
блываю огня луть
своей и послала
стражу любви —
символъ мольбы на
Атайскія горы.

Ушла струила въ
чашу омеръ Джай-
ло, въ рустой авст-
венничій Асѣ, рас-
щелала самое боль-
шее дерево и по-
шла въ мѣсь огром-

И. Я. Билибинъ

Микула Селяниновичъ

Выводы из этой лекции сегодня воспринимаются как провидческие – рост России и обновление мировой культуры начнется в ее азиатской части, то есть в Сибири. Гребенщиков не предсказывает, но утверждает, что «солнце общерусского, следовательно, и общемирового обновления и возрождения» [там же, с. 349] взойдет над сибирскими просторами.

Лекционная деятельность шла в рамках Сибирского отдела (ассоциации) при Музее Рериха. Первоначально была образована небольшая группа, объединившая сибиряков и друзей Сибири. Организационное собрание состоялось 27 сентября 1929 года в присутствии Николая Рериха, который в это время находился в Нью-Йорке вскоре после завершения экспедиции по Азии. Оно прошло в Доме Учителя (Master Building), новом 29-этажном здании музея. Ядро группы, помимо Гребенщикова, составили присутствовавшие там дирижер М. М. Фивейский, поэтесса Л. Я. Нелидова (Фивейская), оперный артист Я. С. Лукин, литераторы и журналисты Е. А. Москов, Е. И. Иванова-Фовицкая, М. Н. Колокольникова и др.

Членами Сибирской ассоциации стали видные деятели Русского зарубежья: педагог Л. В. Тульпа (Бостон), директор Сибирского архива И. А. Якушев (Прага), журналисты и писатели И. Г. Савченко (Париж), Б. Н. Волков (Сан-Франциско), священник Иннокентий Серышев (Сидней), певица М. М. Куренко (Нью-Йорк), поэт А. А. Ачаир (Харбин) вместе со всеми членами его литературного кружка «Молодая Чураевка». Это далеко не полный список сибиряков, разбросанных по миру и связанных нитями культурной работы

Музей Николая Рериха.
Нью-Йорк, 1929–1936 гг. NRM

во благо будущей Сибири. Через пару лет после своего образования ассоциация переросла в Общество сибиряков.

На учредительном собрании вступительное слово сказал Георгий Гребенчиков, и следом выступил Рерих. Журнал «Москва» опубликовал небольшой фрагмент как всегда увлекательной речи художника:

«Хорошо, что вы начинаете ваше дело небольшой группой. Главное, что у вас имеется идея красивого устремления к созиданию и единению вокруг такого прекрасного символа, как страна великого будущего – Сибирь, и как живое воплощение красоты – Алтай. Когда мы не так давно проходили через алтайские высоты, то нам показывали пути и потаенные, ведомые лишь избранным, далекие тропинки к священным местам, именуемым Беловодье» [18, с. 14].

На вопрос, заданный профессором Московым, о ближайших путях русского народа, Рерих коротко ответил: «Пути всё те же – в Беловодье» [там же]. Разумеется, художник говорил о Беловодье не случайно. Путешествуя по Азии, он собирал древние тексты и легенды о Шамбале, духовной прародине человечества. Именно Рерих широко раскрыл западному миру это священное понятие в своей книге «Сердце Азии» и в сюжетах своих картин. Беловодье из алтайских преданий и есть Северная Шамбала.

Роль Георгия Гребенщикова как бесспорного лидера Сибирского зарубежья возрастала, чему способствовала деятельность по изданию книг и устройению лекций, вечеров, молебнов. Лозунг о культурном и практическом объединении Сибири и Америки оставался на повестке дня, невзирая на то что музей свернул деятельность по концессиям в 1929 году из-за меняющейся политики советских властей. Нахождение Н. К. Рериха в Нью-Йорке почти целый год (1929–1930) усилило позиции Сибирской ассоциации. В заседаниях участвовал сам Николай Константинович, да и программа была крайне насыщенной. В новом зале музея-небоскреба 7 марта 1930 г. художник произнес слово

перед лекцией Гребенщикова «Святой Сергий Радонежский».

В апреле 1930-го запланировано еще несколько мероприятий под эгидой ассоциации. Так, 13-го апреля, как указано в программе, состоялась лекция «чрезвычайной важности для всей русской колонии» под названием «Организация русской кооперации в Америке» (лектор – Ф. С. Мансвентов); 27 апреля в театральном зале музея устроен большой «Сибирский вечер» с литературно-художественной и музыкальной программой; 29-го апреля – лекция Н. А. Алексеева на тему: «Римский-Корсаков и его опера “Садко”».

Частым гостем на вечерах сибиряков бывал Игорь Сикорский. В том же 1930-м году 14 сентября он выступил с речью «Завоевание воздуха» на Русском фестивале в Чураевке (Southbury), организованном Сибирской ассоциацией друзей Музея Рериха. А 26 марта следующего года знаменитый авиаконструктор дал иллюстрированную лекцию «Мой недавний полет над Центральной Америкой и островами Вест-Индии». Встреча прошла в музее Рериха под председательством Гребенщикова.

К концу 1931 года удалось добиться грандиозных успехов на культурной ниве. Георгий Дмитриевич находится в зените писательской славы. За семь лет жизни в Америке вышли в свет четыре тома эпопеи «Чураевы» (пятый – в рукописи, готов к изданию), роман «Былина», философская публицистика «Гонец», другие книги, в том числе за авторством Рериха. Работают обновленное издательство «Алатас» и типография. Построены часовня преподобного Сергия и сама русская

деревня Чураевка. Поселенцы реализовали ряд проектов – детские летние лагеря, выставки художников, литературные чтения, праздники, православные службы и молебны. Вся работа была пропитана духом Сибири.

Гребенщиков готовился к возвращению на Родину. Первоначально осуществление Великого Плана, предложенного Рерихом своим сотрудникам и ученикам, то есть строительство на Алтае, намечалось именно на 1931 год. Но обстоятельства менялись (концессии, экспедиция, события мировой политики), соответственно и сроки сдвигались на будущее.

Русская диаспора за границей и американская общественность устроили большой юбилейный вечер по случаю 25-летия литературной деятельности Георгия Гребенщикова. Он состоялся в Нью-Йорке 21 ноября 1931 года. Организационный комитет по устройству юбилея включал более 40 человек, деятелей культуры со всех континентов. И это не метафора – были представлены даже Африка и Австралия.

Пожалуй, пришел звездный час писателя, феерический успех, который обусловлен отчасти ярким талантом на скудной почве Америки. Русская зарубежная литература в основном произрастала на более благоприятной почве – во Франции, Китае и Чехословакии. На вечере под гром аплодисментов ведущий огласил телеграмму, пришедшую из Индии:

«Шлем самые сердечные чувства к Вашему светлому литературному юбилею с пожеланиями восходящего успеха. – Елена, Николай, Юрий, Святослав Рерих» [19].

Гора Белуха и Катунский ледник.
Алтай. Открытка

От имени музея выступила Зинаида Лихтман. Она сердечно приветствовала «сына Белухи». Ее речь была содержательной и яркой:

«Великое сердце – это магнит, к которому тянутся светлые сердца путников, ищущих красоту и радость служения. Такое великое сердце творца нашего Музея Н. К. Рериха ответило на зов Георгия Дмитриевича Гребенщикова, и в 1923 году в Париже произошла их первая встреча. Эта встреча создала ряд чудесных вех, и о них именно мне хочется сказать несколько слов.

В 1924 году Георгий Дмитриевич приехал сюда по совету Николая Константиновича и присоединил свои помыслы и творчество к работе сотрудников нашего Музея. Вскоре последовало основание им «Ала-таса». В ряду книг, вышедших из-под пера нашего любимого писателя, эпопея «Чураевы» – странствование духа человеческого в поисках наивысшего закона

красоты и блага – нам всем известна и близка. Певец Алтая – Гребенщиков может мыслить и звучать лишь струнами наиболее прекрасными и победными.

В 1929 году, в чудесную пору, когда Николай Константинович был с нами, приехал освятить теперешнее здание музея, Георгий Дмитриевич при участии Рериха и друзей сибиряков и представителей русской культуры в Нью-Йорке основал Сибирское общество при музее. Он огласил сильным словом дары и чудесное будущее Сибири, взрастившей его, сына Белухи и великих рек и просторов. Построение им часовни преподобного Сергия, великого подвижника культуры ранней России, показало нам еще раз силу его духа и подвига на пути Света.

Сегодня, празднуя 25-летие его творческой деятельности, мы отдаем дань большому любимому писателю и нашему сотруднику по духу и мысли. Только сердце может говорить в такие моменты, ибо это – голос всепроникающий. И не могу найти слов, более ярко выражающих дань юбиляру, нежели слова Н. К. Рериха, создателя этих учреждений, в стенах которых мы находимся, обращенные к Георгию Дмитриевичу в привет с Гималаев» [20].

После своего выступления З. Г. Лихтман зачитала адрес Н. К. Рериха «Привет Гребенщикову!» Юбилей писателя стал отправной точкой к новым горизонтам. В переходные годы начала 1930-х он полон всегда свежих творческих замыслов, много пишет, читает сотни и сотни лекций. У него зреет новый роман «Всегда, ныне и присно».

Прототипом главного героя является человек, возвращающийся с Востока. За плечами странника – не груз драгоценностей, а духовное богатство восточной мудрости. Автор сообщает, что его герой прибыл из Индии и намеревается «построить новую религию красоты духа и силы знаний».

Чувствуя себя неотъемлемой частью Единого Бога, пророк решает задачу «примирения Запада с Востоком» [21]. В этом смелом божьем пророке как не узнать Рериха?.. Именно Гребенщикову судьба предназначала запечатлеть для будущего светлый лик художника.

Дальнейший жизненный путь писателя таит массу трудностей и перипетий. Дело не в пошатнувшемся здоровье и физических увечьях, полученных из-за автомобильного инцидента в Калифорнии, а в сложном внутреннем психологическом состоянии, неуверенности в будущем, которую испытывали не только Гребенщиков, но и многие эмигранты. В нем стало проявляться некое раздвоение веры. Он всё так же следовал по пути, проложенном Учителем Рерихом, но постепенно сближался с православными иерархами.

Николай Константинович весной 1934 года снова прибыл в Нью-Йорк (ездил на переговоры в Вашингтон), откуда отправился в экспедицию по Маньчжурии и Монголии. Цель путешествия – грандиозная, осуществление того самого Плана по созиданию Новой Страны, Азиатской России.

Идеи носились в воздухе, планету захватывало мировое переустройство. В связи с признанием Соединенными Штатами международного статуса Советской России произошли кардинальные сдвиги во взаимоотношениях двух стран. В американскую прессу просочились сведения о начале переговоров в декабре 1933 года между президентом Рузвельтом и министром иностранных дел СССР Литвиновым о предоставлении широкой автономии Сибири. Предполагалось образование Сибирской республики под протекторатом России.

Америка со своей стороны вкладывала собственные ресурсы в развитие всех областей экономики, то есть производительные силы Сибири должны были развиваться за счет иностранного, преимущественно американского капитала.

Парижская газета «Возрождение» писала о завершившихся переговорах в статье «Что ожидает Сибирь?». Источники из Вашингтона сообщали о том, что в переговоры были вовлечены демократические группировки сибиряков.

«Называлось имя известного сибирского писателя Гребенщикова, которого прочат на один из высоких постов в будущем вольном Сибирском государстве» (06.12.1933) [22].

Основным центром сибирского вольнодумства стал Русский Китай. Туда и направлялся Рерих со своей экспедицией. Общепринятая версия Маньчжурской экспедиции (1934–1935) состояла в сборе засухоустойчивых растений и трав, препятствующих эрозии почв (финансировал поездку Департамент агрокультуры США). В Харбине – центре русской восточной эмиграции – обосновались видные представители сибирского областничества, выступавшие за образование Сибирского государства в союзе с Советской Россией. Это – полковник Сибирского казачьего войска Е. П. Березовский, председатель харбинского Общества сибиряков подполковник А. Г. Грызов, сибирский областник поэт А. А. Ачаир (Грызов), др. С ними Рерих установил дружеские контакты в первую очередь. Упомянутые сибиряки были и друзьями Гребенщикова.

Скрытые геополитические цели научной экспедиции на Дальний Восток стали причиной раз-

рыва Н. К. Рериха с некоторыми американскими сотрудниками, хотя были и другие причины – финансовые и чисто человеческие, нравственные. Зимой 1936 года после ряда судов Музей Рериха в Нью-Йорке прекратил свою деятельность. Ученики – братья и сестры – раскололись на две непримиримые группы. Мистический опыт раскрыл у каждого его истинную природу. Сам музей был преобразован в Риверсайд музей и просуществовал более тридцати лет, представляя современное американское искусство.

Факт ликвидации Музея Рериха тяжело отразился на Гребенщикове, потерявшем надежду на возвращение в Россию. Отныне Георгий Дмитриевич принял свою судьбу и пошел собственным трудным путем. Он увидел опору в православии, хотя еще долго оставался верен своим Учителям Рерихам. В 1938 году им написан блестящий очерк «О новом Ковчеге», где отдана дань уважения Николаю Константиновичу, Елене Ивановне и учению «Живой Этики», поднявшему писателя на духовную высоту и в обычной жизни, и в русской литературе.

За пятнадцать лет Георгий Гребенщиков написал о Николае Константиновиче более двадцати очерков и статей. Перо писателя воссоздало живой облик Учителя. Лучшие из его работ: «Таинство Рериха» (1924), «Гонец достигающий» (1925), «Зов Азии» (1926), «Творец светлой легенды» (1928), «Приход Востока» (1929), «Рерих и его пути» (1933), «Протестую!» (1935), др. Елена Ивановна упомянута только однажды в очерке «О новом Ковчеге». Зато как! Автор с великим почтением преклоняет голову перед ее прекрасным образом!

Свой очерк Гребенщиков начинает с упоминания Книги Бытия. Библейское сказание о Всемирном потопе и Ное, как спасителе всего живого, выходит на первый план. Эпиграф и затем само повествование построены на ассоциациях. Нечестие во все времена приводило к падению человечества, оно же, это нечестие, предвещает и новую гибель. Так писатель говорил накануне Второй мировой войны. Перебрасывая мостик в наши дни, Георгий Дмитриевич называет имя современного Ноя.

Это – Николай Константинович Рерих, который явился от «самого чистого и лучшего источника русской культуры» [23, с. 37]. Он олицетворяет собой духовный символ Святой Руси – Град Китеж, изображенный на его картинах. Ему знакомо сибирское Беловодье, куда уходят хранители древнего благочестия, известны тайные тропы в Шамбалу. Ему открыты все пути в будущее, как открыты они библейскому Ною или пророку Амосу, возвестившему приближение суда Господня. Ной вооружен действием, Амос – мыслью и словом, Рерих – тем и другим и еще искусством, зовущим людей к совершенной красоте.

Гребенщиков ставит прямой вопрос: смог бы Рерих стать современным Ноем, чтобы спасти чистых и нечистых божьих тварей? И сам же на него отвечает: «Он, конечно, может! И, может быть, его ковчег на Гималаях уже стоит готовый...» [там же, с. 39]. Продолжая размышлять о судьбах мира, писатель подводит к важной мысли о жене Ноя, которая оставалась как бы в тени, о ней мало что известно из Библии. Жена Рериха – Елена Ивановна – тоже пока сокрыта до времени. Она – Праматерь, давшая Учение. Вот слова Гребенщикова:

Елена Ивановна Рерих.
Наггар, Индия. 1930-е гг. NRM

«Если бы в нашу эпоху был поднят вопрос о Матриархате, то я бы горячо проповедовал избрать на престол Матриархата именно Е. И. Рерих. И, может быть, именно потому, что она никогда ни на какие роли свою кандидатуру не выставляла...

Поднявшись в 1923 г. на высоты Гималаев, Е. И. Рерих ни разу в долины мира не спустилась и вообще ничего мирского не искала и целиком отдалась духовному отшельничеству и напряженной работе мысли и духа. Трудно указать в мире и в истории человечества женщину, столь гармонично в себе соединявшую глубокую мудрость, самую высокую любовь к людям и самые широкие философские знания. <...>

Иногда мне кажется, в этой женщине накопились мудрость, любовь и глубокое проникновение в сущность вещей как бы в течение целых тысячелетий. Как будто она впитала в себя красоту тоски всех женщин мира за все тысячелетия от сотворения мира. Это такой великий и прекрасный облик женщины, что у меня не хватило бы умения изобразить его словами» [там же].

Георгий Гребенщиков восхищен Рерихами подобно тому, как бывают восхищены апостолы, вознесенные на седьмое небо, чтобы потом рассказать человечеству о важных и простых истинах. Новый Ковчег – это Учение, дарованное будущим поколениям.

«Итак, все Рерихи ушли от мира на высоты Гималайских гор, и это одно вызывает чувство восхищения перед этой действенной попыткой наших современников вознести свой дух и сознание на физические и духовные высоты. <...> Будет время, когда об этом уходе на высоты Гималаев русских людей будут создаваться красивые легенды. Между тем – это действительность наших дней» [там же].

АМЕРИКАНСКАЯ РУСЬ

Глава восьмая

ГРАФ ИЛЬЯ ТОЛСТОЙ В ЧУРАЕВКЕ

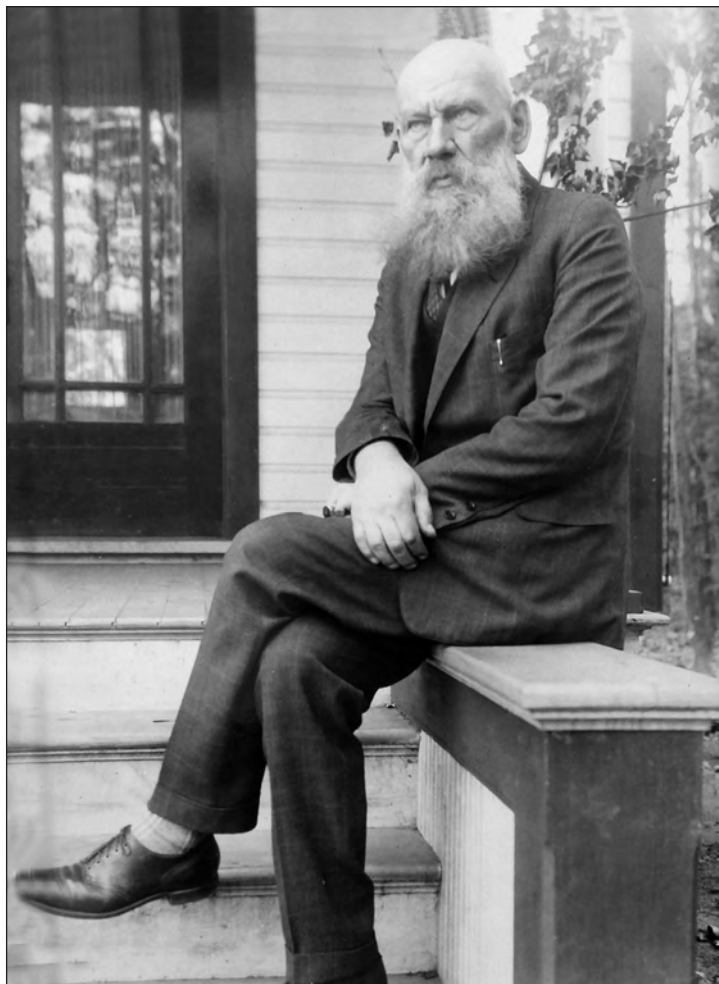
Жизнь Георгия Гребенщикова в Америке тесно связана с Чураевкой, поселением русских эмигрантов, находящимся в 75 милях от Нью-Йорка. Это небольшая деревня, которую основали два человека, писатель Гребенщиков и Илья Толстой, сын великого классика. Она расположена на древней земле американских индейцев, у слияния рек Хусатоник и Помпераг. Согласно легенде, индейский вождь Гайавата раскуривал здесь трубку мира. На холмах Чураевки и по сей день лежит, подобно утреннему туману, мирная тишина. Сквозь деревья виднеется золотая маковка часовни преподобного Сергия Радонежского. Природа не ведаёт городской суеты, в окрестных лесах царит светлый покой. Вот почему Георгий Гребенщиков, вольный сын Сибири, однажды оказавшись в этих царственных лесах, безвыездно прожил там полтора десятка лет. И позже снова и снова возвращался в родную деревню, хотя в начале 1940-х обрел свой новый дом во Флориде, стал профессором русской истории и литературы в Южном колледже.

Чураевка – имя вымышленное и в то же время реальное. Это название сибирского скита, расположенного где-то в горах Алтая. Там начинаются события романа Георгия Гребенщикова «Чураевы». Литературная Чураевка обрела плоть и кровь, у неё появилась «младшая дочь», как выразился о русском поселении на Помпераге сам писатель. Название поселению нечаянно дала

певица Надежда Плевицкая, восхищенная романом «Чураевы». Она написала письмо из Парижа о том, что хотела бы побывать в «Чураевке». Приехать ей туда так и не довелось, но писатель принял слова Плевицкой промыслительно.

Крестьянская жилка подтолкнула Гребенщикова к деловой активности. Он приобрел землю, расположенную на окраине Саутбери (Southbury). Но им руководило не чувство наживы, а духовный порыв сделать мир лучше. Земля сдавалась в аренду или продавалась таким же, как он, эмигрантам, чтобы те строили жилые дома. Цена за землю была символической. На летних дачах отдыхали наши соотечественники, можно сказать, цвет русской эмиграции. Туда приезжали композитор Сергей Рахманинов, выдающийся бас Фёдор Шаляпин, театральный режиссер Михаил Чехов, историк Георгий Вернадский, дирижер Михаил Фивейский. В гостевой книге Чураевки имеются автографы других знаменитостей – изобретателей Игоря Сикорского и Льва Термена, композитора Василия Завадского, скульптора Сергея Конёнкова, поэтов Леонида Тульпы и Лидии Нелидовой (Фивейской), художников Николая Рериха и Владимира Иванова. Душой русской колонии был сам Георгий Гребенщиков, подобно главному герою Василию Чураеву в его романе.

Строительство Чураевки происходило постепенно. Прошли годы после того, как в диких лесах появились сначала Илья Толстой, а потом и Георгий Гребенщиков с супругой. У истоков стоял Толстой. Илья Львович оказался в Америке в разгар Первой мировой войны, накануне Русской революции 1917 года. Это произошло в 1916-м, за год

Илья Толстой на крыльце своего дома.
Чураевка, конец 1920-х гг. IHRCA

до роковых событий, которые опрокинули императорскую Россию. Будучи, как и отец, писателем (у него две книги о Льве Толстом), а также журналистом и издателем газеты «Новая Россия», он решил испробовать себя в Новом Свете. Им двигало стремление продолжить литературную династию, хотелось прочитать в Америке цикл лекций о своем знаменитом родителе и осуществить в Голливуде постановку фильмов по романам «Анна Каренина» и «Воскресение».

Граф Толстой обосновался в Нью-Йорке, но неожиданно оказался в штате Коннектикут. В начале 1920-х годов он поехал на встречу с переводчиком книг отца, и счастливый случай привел в Саутбери. Место произвело на него неизгладимое впечатление. В августе 1923 года Толстой купил акр земли у Эдварда Сквилла. Вскоре там оказался и сибиряк Гребенщиков. Незадолго до Пасхи, в апреле 1925-го, Толстой привез писателя и его супругу Татьяну Денисовну к себе в усадьбу.

В те дни природа дышала пасхальной радостью. Березы на холмах напомнили гостям покинутую Родину. Гребенщиков назвал этот чудесный уголок «Американской Русью». Он тоже обзавелся землей, и началось строительство деревни Чураевки. Через несколько лет в местной газете «Sunday Republican» (1928, 17 июня) появилась передовица с неожиданным заголовком: «Это Москва? – Нет, Саутбери, Коннектикут». На первой полосе красовались портреты обоих писателей. Они и считаются основателями колонии эмигрантов. До сих пор на лесных аллеях встречаются таблички с надписью «Russian Village», то есть «Русская деревня».

Газета «Sunday Republican». 17 июня 1928 г.
 Слева: Ил. Толстой, Эд. Кэруи; в центре: Г. Гребенщиков

Илья Толстой стал незаменим в строительстве американской Чураевки. На первых порах он выступил в роли переводчика и посредника в продаже земли Гребенщикову. Прошел лишь год, как Георгий Дмитриевич приехал в Нью-Йорк из Парижа и еще плохо знал английский язык для того, чтобы успешно решать юридические вопросы. Он нуждался в помощи для осуществления сделки, а Толстой прекрасно владел языком и уже имел земельный надел в Саутбери.

Долгое время среди местных жителей бытовала легенда. По воспоминаниям, Илья Толстой часто нуждался в средствах. Иногда у него заканчивались деньги, и нечем было платить в продуктовой

лавке. Он брал продукты в кредит. Однажды хозяин отказал ему, заподозрив, что тот не сможет погасить долг за продукты. Возмущенный до глубины души Илья Львович сказал: «Я – граф Толстой!» – Последовал спокойный ответ: «Если вы граф, то продайте свою землю». Вот здесь якобы и появился Гребенщиков, который купил небольшой участок. Возможно, это всего лишь местное предание и на деле всё обстояло как-то иначе.

С покупки земли началась история дружбы двух соотечественников. Их связали крепкие человеческие узы и прежде всего память о великом русском писателе Толстом. Нити тянулись в Ясную Поляну. Гребенщиков, будучи начинающим писателем, однажды посетил Льва Николаевича. Об этом имеется запись в яснополянской летописи, которую вели секретари. Да и сам Георгий Дмитриевич описал памятный визит к патриарху отечественной литературы в нескольких очерках.

Он приехал в Ясную Поляну 19 марта 1909 г. в канун гоголевских торжеств, устроенных в Москве, и застал графа Толстого за написанием статьи о Гоголе. Делаящий первые шаги на литературном поприще, скромный и в то же время горделивый молодой человек (по его собственным оценкам) удостоился встречи с непревзойденным классиком. Секретарь Н. Н. Гусев ревностно охранял покой Льва Николаевича и сначала отказал Гребенщикову в аудиенции, но Толстой сам позвал гостя, увидев его через окно. Их беседа, конечно же, касалась вопросов литературы. Гребенщиков рассказал о своей пьесе «Сын народа», которая к тому времени еще не была напечатана, хотя ее постановка уже шла в Омске.

Основной посыл пьесы состоял в том, чтобы все «сыны народа» вернулись в лоно деревни и занялись сельским трудом, не поддаваясь соблазнам городского быта и ложной культуры. Сам Гребенщиков, переживая душевный кризис, хотел в тот момент бросить литературу, порвать со столичной жизнью, которая всё больше и больше втягивала его в свой круговорот. Он неоднократно приезжал в Петербург, чтобы устраивать свои литературные дела, печатать новые рассказы. Его терзали сомнения, стоит ли оставаться литератором, может быть, лучше жить на природе, пахать землю или шить сапоги. Толстой ответил тогда начинающему писателю:

«Хорошо то, что у вас здоровая идея, а без идеи разве есть смысл жизни?.. Не сомневайтесь и продолжайте, а главное, не поддавайтесь волне поклонения европеизму. Ведь у нас считается хорошим только то, что является подражанием, подплясыванием европеизму» [1, с. 433].

Как видно из слов Толстого, подражание Европе уводит русского человека от истинных ценностей. Идеалы будущей жизни связаны именно с отечеством, а не с западной суеверной обрядностью. Ясная Поляна как раз и олицетворяла собой созидательное житие и служение культуре, туда стекались писатели, художники, в целом мыслящая интеллигенция со всей России, а Чураевка на Помпераге строилась на тех же принципах русской культуры в изгнании.

В Америке Гребенщиков сам уже признан как сибирский классик, и там появилась своя «Ясная Поляна». О дружеских, доверительных взаимоотношениях Георгия Гребенщикова и Ильи Толстого

свидетельствует их переписка. В одном из писем Толстого дано яркое описание американской жизни, сделан акцент на том, сколь далеко отстоит русская душа от всего иноземного. Автор предстает живой личностью с самобытным характером. Это письмо написано из Флориды около ста лет тому назад, но не потеряло своей актуальности и в наши дни. Тем более что послано оно в Рождество, пусть и западное, 25 декабря 1925 г. Из текста письма явствует, почему для русского человека так важно на чужбине чувство Родины. Рождение Чураевки – это закономерное проявление такого чувства.

«А-у-у-у! Дорогой Георгий Дмитриевич! Аукаю из тропиков, из местечка Майямы, куда забрался посмотреть на земельную горячку. Вот где люди сходят с ума. За клочок земли 50 на 100 футов платят по 10, 50, 200 тысяч и до миллиона. Не дай Бог здесь умереть. Не хватит всего моего состояния за три аршина! Да и привлекательного здесь только климат да море. Земля вся низкая, плоская, как ладонь. Чуть копнешь лопатой, а там уже коралловая подпочва, а немножко поглубже – вода. Растут чахлые сосны да пальмы. Подлесок тоже пальмы – как лопухи.

Ну что делать, не нам с Вами их учить. Пусть себе тратят свои миллионы. Всяк по-своему с ума сходит. Заехал сюда, в Майямы, случайно, на 3 дня. Завтра утром поеду в Дейтону, где я пытаюсь продать свои участки. Ищу дурака, не знаю, найду ли. Дейтона на 270 миль севернее, и там цена несколько ниже. Хотя тоже сумасшедший дом. <...>

Поздравляю Вас с праздником, разговьяшись. Сегодня 25-е, и я сижу, как перст, один у себя в номере. Привет Татьяне Денисовне. Крепко жму Вашу руку. – Ваш Илья Толстой» (25.12.1925) [2].

Илья Толстой и Георгий Гребенщиков,
слева: А. Л. Фовицкий, Е. И. Иванова-Фовицкая.
Чураевка. 1928 г. IHRCA

На первых порах главная достопримечательность Чураевки – это усадьба Ильи Толстого. Она расположилась на территории новой «Ясной Поляны», названной хозяином в память о семейном гнезде Толстых в России. В Америке был отстроен такой же, как у отца, дом с белыми колоннами. Лесные чащи вокруг усадьбы жители сначала в шутку именовали «Холм Толстого», потом это название закрепилось окончательно. Ясная Поляна является частью этого холма, приобретенного Гребенщиковым у местных властей и разделенного им поровну с Ильей Толстым. Впоследствии тот и другой неоднократно покупали земли. Ясная Поляна превратилась в обихоженный парк с высокими кипарисами.

На приусадебной территории расположился двухэтажный особняк – с классическими колоннами и балконом – образец усадебной русской архитектуры. Дом Ильи Толстого стоял на большом крутом склоне у реки Помпераг, с прекрасным видом на дальние взгорья и озеро Зоар. Во второй половине 1920-х толстовская усадьба уже занимала девять акров. После смерти Ильи Львовича, последовавшей в 1933 году, его владения приобрели в совместное пользование сибиряки, супруги Борис и Ариадна Елины, и учительница из Нью-Бритена Мария Сорока. Благодаря гостеприимству новых хозяев Ясная Поляна стала прибежищем для многих известных эмигрантов. У Елиных долгое время жил основатель и дирижер знаменитого казачьего хора Василий Кибальчич.

Несмотря на уход из жизни хозяина Ясной Поляны, атмосфера и вся обстановка усадьбы бережно сохранялись. Новые жители ухаживали за по-

саженными графом Толстым цветами, которые привлекали множество птиц, особенно синих султанок и волшебных колибри. Помимо Елиных, в окрестностях Ясной Поляны поселились изобретатель Леонид Дунаев (родственник советского полпреда во Франции Леонида Красина) и инженер Владимир Остоя, его жена служила в Нью-Йорке в известном издательстве «Брентано», которое выпустило великолепный альбом-монографию Николая Рериха «Гималаи» (1926). В глубине хвойного леса, окружавшего усадьбу, располагался дом Евгения Сомова, племянника русского художника Константина Сомова. У него летом часто гостил Сергей Рахманинов.

Граф Илья Толстой очень любил цветы. Эта страсть унаследована им от яснополянской жизни. Но, быть может, больше цветов, земли и леса он любил небо, с юности засматривался на россыпи Млечного Пути. Созерцательность часто располагает к поэзии. И. Л. Толстой – не только автор книг, но и поэт. Георгий Гребенщиков высоко оценил незаурядное поэтическое дарование, упомянув об этой стороне его личности в некрологе в связи с кончиной соотечественника. Памятная статья была опубликована в нью-йоркском «Новом русском слове» (1933, 19 декабря) [3, с. 3]. В газете приведено стихотворение «Падучая звезда», которое Илья Львович прочел вслух, когда увидел яркий метеор в небе. Гребенщиков стал участником ночного происшествия (Толстой провожал его из гостей домой). Он записал стихи под диктовку автора и дал ему на подпись. Ценный артефакт, как свидетельство восхищенной души поэта, сохранился для потомков:

Мгновение – и скрылась навсегда
В бесцветной глубине эфира
Посланница чужого мира,
Привет небес – падающая звезда.

Так ярко промелькнули и зажглись
В тоске однообразной ночи
Твои загадочные очи,
Одно мгновение – и унеслись...

И хочется сказать: остановись!
На миг продли очарованье,
Дай время загадать желанье,
Блесни еще когда-нибудь. Вернись!..

Жизнь Ильи Толстого в Америке была очень интенсивной, его ожидания оправдались. Он постоянно находился в разъездах с лекциями: от штата Массачусетс до Флориды и от Коннектикута до Калифорнии. Во второй половине 1920-х Толстой на два года обосновался в Голливуде, продвигая проекты, связанные с постановками художественных фильмов по романам отца. Его продюсером выступил знаменитый Эдвин Кэруи (Edwin Carewe), одновременно режиссер и актер. Вместе им удалось выпустить на экран немой фильм «Воскресение» (1927). Режиссер и сценарист – тот же Кэруи, Илья Толстой сыграл роль «старого философа». Через четыре года, в 1931-м, вышла полноценная звуковая версия ленты на английском языке. Этот фильм стал первым и последним. Даже для столь опытного знатока киноиндустрии, как Эдвин Кэруи, разразившийся в США экономический кризис оказался труднопреодолимым, чтобы завершить начатые постановки.

За два года до смерти Илья Толстой, проявляя невероятные физические усилия, своими руками выкопал под усадебным домом настоящую келью. Он пытался жить отшельником, питаясь «одними акридами». Рацион, как и у отца, Льва Николаевича, составляла вегетарианская еда. Полупещерное существование сделалось образом его жизни. Илья Толстой предчувствовал скорый уход. Меняясь не только внутренне, но и внешне, его тело всё больше обретало аскетическую форму, и вскоре он предстал перед вечностью.

Съемочная группа фильма «Воскресение».
Илья Толстой и Эдвин Кэруи (стоят). 1927 г. ИР

Граф Толстой умер утром 12 декабря 1933 года. Накануне он выехал на лечение в Нью-Хейвен, где скончался в госпитале, и там же, на местном кладбище «Эвергрин», похоронен. Панихиду совершил отец Николай Успенский. Присутствовало более ста человек. Земная жизнь И. Л. Толстого воскрешена, хотя и в малой степени, благодаря Гребенщикову. Колоритное повествование дает образ живого человека. Кажется, что написано оно в русской Ясной Поляне самим Львом Толстым.

Все, кто лично знал Илью Львовича, в один голос утверждали, будто внешне он похож на отца как две капли воды. Уход Льва Толстого незадолго до смерти в Оптину пустынь и чурاءевское отречение его сына – явления сходного порядка. Илья Толстой запомнился всем особенной, неповторимой личностью, хотя долгая жизнь в эмиграции могла легко стереть его самобытные черты. Георгий Гребенщиков вспоминал:

«Его характерные выражения, острые шутки, смешные анекдоты преображали, настраивали на смешливость, и, несмотря на седину, он часто уподоблялся юноше. Вдруг побежит с кем-либо молодым наперегонки и – перегонит. А то наденет какую-то смешную широкополую шляпу, возьмет корзинку на руку и таким лесным дедом пойдет по нашим лесам грибы собирать. Какой он был знаток в грибах, в цветах, в сортах варений и вегетарианских блюд!

Всё умел делать, был вынослив во всякой черной работе... и был прекрасным автомобилистом. На память читал почти всего Фета и всего Тютчева, которого особенно обожал как поэта. Однажды они устроили с В. С. Ильяшенко, знатоком Тютчева и Фета, своего рода состязание: один начнет, не называя заглавия, а другой подхватит и без ошибки продолжает. И, на-

сколько известно, Илья Львович вышел победителем. Он был особенно приятен в своей белой, холщовой русской рубашке среди наших берез...» [3, с. 2–3].

Десятилетия спустя Чураевка продолжает жить воспоминаниями об Илье Толстом и его литературном собрате Георгии Гребенщикове. Теплятся лампы каменной часовни. Память помогают сохранить русские названия. По сей день жителям деревни, теперь уже американцам, известен «Холм Толстого». В бывшей типографии «Алатаса», дощатом одноэтажном здании, пылятся лино типы – бесценные музейные экспонаты. И над лесистыми пригорками и родником у часовни всё так же веет дух святого преподобного Сергия.

ЧТО ТАКОЕ ЧУРАЕВКА?

И. Л. Толстой стал пионером Чураевки, но основание русской деревни всё же заложил Георгий Гребенщиков. Колония объединила эмигрантов, прибывших из мятежной России. История поселения берет свое начало на Пасху 1925 года. Гребенщиков и его супруга Татьяна Денисовна приехали погостить у Ильи Толстого в Саутбери, заодно присмотреть какой-нибудь участок для летнего отдыха. Со времен Константинополя и Ла Фавьера они были непритязательными к быту и часто жили в палатке. В течение трех дней, накануне Страстной недели, Гребенщиковы ездили на автомобиле по штату Коннектикут в поисках подходящего места. И вот 11 апреля им наконец удалось заключить соглашение о покупке земли. Георгий Дмитриевич записал в своем дневнике:

«Нашли и успели купить имение: шесть акров <земли> на холме, с поляной, с кипарисами, с березовой рощей, с видом на две реки. По очень дешевой цене. Помог И. Л. Толстой, и всё вышло неожиданно и для всех хорошо» (11.04.1925) [4].

Через неделю, в Страстную субботу, 18 апреля 1925-го писатель снова посетил Саутбери. Из дневника выясняется, что у него уже не шесть, а двенадцать акров земли. Он заплатил за них девятьсот долларов, по тем временам – значительная сумма

Георгий Гребенщиков в Нью-Йорке.
Центральный парк. 1928 г. ГМИЛИКА.

Автограф Г. Д. Гребенщикова: «И строитель Чураевки, перед лицом нью-йоркских небоскребов, задумывает строить в Чураевке ряд студий в виде красивой башни... С помощью Учителя постепенно выполнит и эту мечту. Ибо строит всё для Него и дел Его».

(средняя зарплата американского рабочего на фабрике всего 50 долларов), полученная в качестве гонорара за парижские издания и в счет планируемых новых томов эпопеи «Чураевы». Историческое свидетельство: «Разбил четыре колышка на месте будущей избушки, 4 угла» (18.04.1925) [4]. Значит именно на Пасху была заложена Чураевка!

Дневниковая запись довольно скупая, и это вполне понятно. После тяжелого труда на земле и позднего возвращения в Нью-Йорк, за много миль, разве оставались силы на подробное описание прожитого дня? Но спустя три года в очерке «Основание скита», вошедшем в книгу «Гонец», Гребенщиков более подробно изложил то, что произошло в памятный полдень:

«Помню, была Страстная суббота, 18 апреля 1925 года, когда я стал твердою ногой на кусок дикой, но теплой земли в штате Коннектикут. Да, это было – не чувство собственности, а чувство твердого шага и независимости пережил я в тот час: “Вот здесь, наконец, сколочу из простых досок прочный и большой письменный стол и буду писать упрямо, независимо и долго”. А в полдень на Пасхе, в сетке мягкого весеннего дождя, среди березок, выбрал полянку для хижины. Забивая первый колышек, помню, обратился к Востоку и вместо молитвы крепко подумал: “Да будет здесь, в Америке, Сибирский скит!”» [5, с. 299].

В ночь на 19 апреля Гребенщиконы участвовали в пасхальной службе, провели утренние часы в теплой эмигрантской компании, где литератор и поэт Владимир Ильяшенко читал свои стихи, а днем Георгий Дмитриевич снова вернулся в Саутбери и «успел поработать с киркой и лопатой» на своей земле. Для дальнейшего строительства

дома были привлечены плотник и местные рабочие. Через две недели, 2 мая, в Нью-Йорк приехал Илья Толстой и сообщил, что «избушка ждет... на участке» (02.05.1925) [4].

Спустя год после приезда Гребенщикова в Саутбери дело серьезно сдвинулось, мечты о жизни на природе обрели реальную почву. Согласно документам, 31 июля 1926 года писатель купил дополнительно сто акров земли и построил большую студию, помимо той самой «избушки» для временного проживания. Эта студия, ставшая местом приема гостей, явилась «главным возбудителем», как пишет Гребенщиков, для покупки участков и постройки домиков посетителями. В первую очередь на приобретенной земле был возведен, выражаясь современным языком, офис по продаже недвижимости.

Весной 1927 года в русскоязычной прессе прозвучал призыв о строительстве деревни Чураевки в штате Коннектикут для писателей, художников, артистов, ученых и тружеников на ниве культуры, всех тех, кто с энтузиазмом готов был поддержать созидательную идею. Во главе начинания встал автор эпопеи «Чураевы». Каковы же цели и задачи такого грандиозного замысла?

Писатель изложил свои мысли в специальном обращении, названном «Призыв к людям культуры». Это обращение взывало к «самопомощи», взаимно полезной кооперации между людьми, к закладке «большого и прекрасного здания Культуры». Планка стояла даже гораздо выше – привлечь заинтересованных деятелей других стран, создав литературно-художественный и научный центр для международного сближения культурных сил.

Георгий Гребенщиков на строительстве Чураевки.
Возведение «Теремка». 1928 г. ГМИЛИКА

Вот несколько пространных выдержек из обращения Гребенщикова:

«На долю всех людей, творящих духовные ценности в наше время, выпал особенно тяжелый жребий – стоять на своем посту со всею силой мужества и отдавать народу и прогрессу всё, ничего не получая... Эта готовность жертвовать собой до конца известна всем, но самая тяжелая из жертв – это невозможность проявить со всей полнотой данный им талант, невозможность работать в избранной ими области творчества».

«Что же должны предпринять люди искусства, литературы и науки, чтобы защитить себя от материальной зависимости и дать свободный рост своему творчеству? Беру на себя смелость ответить на этот вопрос. Они должны объединиться для взаимопомощи и как можно чаще и надолго уходить из нездоровой обстановки города в природу».

«Я совсем не проповедаю ни опрощения по Толстому, ни крестьянского образа жизни, ни, тем более, изнурительного зарывания с головой в землю и куриные заботы. Я слишком трезво смотрю на действительность, чтобы проповедовать утопию или изнурительную отсталость в методах труда. Я говорю о природе как об обширном доме, покрытом голубою крышей неба, куда всякий бездомный горожанин может прийти как бы к себе домой, где всё способствует широкому полету его мысли и где сами условия жизни являются плодотворными и для здоровья, и для душевного равновесия, и для материального благополучия».

«Приступив к осуществлению своих идей и не желая отступать от них даже и в том случае, если буду одинок и никем не поддержан, я не прошу в поддержке меня лично и не зову к прекрасной, но почти несбыточной идее братского слияния. Я призываю к явной, выгодной для каждого и строго деловой кооперации. Я призываю людей не только перечисленных выше

профессий, но и деловых людей к практически выгодному строительству нашей будущей и будущей наших последователей, к организованной красивой работе для бессмертия культуры, высоко оцениваемой всеми народами и во все времена».

«Само собой разумеется, что мечтая в ближайшем будущем, прямо или по перифериям, перенести нашу работу в Европу и в Россию, в Сибирь и в Азию, мы заявляем твердо и решительно: никакой политики, никакого угождения какой бы то ни было политической партии мы не допускаем. Преследуя единую политику прекрасного во всех явлениях жизни и открывая двери широко для всех людей, без различия религий и национальностей, мы не мыслим, однако, никому навязывать каких-либо учений. Ибо наше учение есть созидательное творчество и проповедь прекрасного во всех поступках человеческих» [6, л. 1–3, 7].

В своем обращении Георгий Гребенщиков упоминает Льва Толстого. Мысль об исходе творческой интеллигенции из городов на лоно природы, к здоровому труду звучала в Ясной Поляне, в беседе Георгия Дмитриевича с классиком русской литературы. Пьеса «Сын народа» лишь отдаленно приблизила автора к осмыслению этой идеи. В Америке уже в зрелые годы происходит возврат к поискам молодых лет. Не отрицается «опрощение» само по себе, но делается упор на культуру, деревня должна быть такой же культурной, как и город.

К осени 1927-го на лесных опушках выросло пять домов. Среди первопроходцев Чураевки числится семья И. И. Ушакова, члена II Государственной думы Российской империи (1907). Дом Ушаковых построил Георгий Дмитриевич, будучи и плотником, и каменщиком, и разнорабочим.

На постройку ушло всего три месяца. Затем появилась семья доктора-психиатра Э. С. Бродского. Поселенцев к 1928 году насчитывалось девять семей, разумеется, за фамилиями стояли семьи. Помимо самих Гребенщиковых и вышеназванных эмигрантов, числятся также инженеры Л. А. Дунаев и Е. И. Сомов, писатель барон Л. А. Нольде, зубной врач А. Г. Бромберг, авиатор и автомобилист В. А. Томсен, священник П. В. Кин. Фактически 1928 год стал рубежным, началось активное строительство русского поселения при участии жителей. На тот момент земельный фонд составлял 180 акров, за которые было уплачено в общей сложности 5 тысяч долларов.

Новость о строительстве русской деревни быстро распространилась в эмигрантских кругах. Волна интереса к Чураевке нарастала. В Нью-Йорке 25 марта 1928 года прошел литературный вечер, устроенный редакцией индийско-американского журнала «Oriental Magazine» и посвященный последним произведениям Гребенщикова. Творчество писателя привлекло внимание большого числа почитателей его таланта, не только русских, но и американских друзей. Вечер был повторен 20 мая того же года в Чураевке, и считается, что именно это событие положило там начало культурной работе.

Вскоре, 27 мая, в городке Бриджпорт, расположенном в 23 милях от Саутбери, состоялось деловое совещание избранных друзей писателя, некоторые приехали специально из Нью-Йорка. Председательствовал на совещании известный американский психиатр Э. С. Бродский, русский эмигрант, который постоянно проживал в деревне.

Т. Д. Гребенщикова, А. Л. Фовицкий (внизу),
Г. Д. Гребенщиков, Т. И. Васильева и В. Милвзоров.
Воскресный день в Чураевке. 1928 г. ГМИЛИКА

Все собравшиеся единодушно пришли к заключению, что идея Гребенщикова о создании культурного центра в Чураевке «общеполезна», особенно для будущего американской культуры.

По итогам встречи избран временный комитет, перед ним поставлена задача разработать финансовый план для развития центра. На дальнейших заседаниях наметили ряд практических шагов, среди них – учреждение корпорации «Churaevka Art Village», строительство летней студии по проекту русского архитектора и скульптора Н. В. Васильева и даже отеля «Churaevka Inn» (с помещением для выставок и лекционно-концертным залом при нем). Студия предназначалась для детского творчества и, в соответствии с выработанной программой, на зимний сезон должна была переезжать в Нью-Йорк. Вся деятельность строилась на принципах самоокупаемости.

Чтобы объединить общественность вокруг центра, Георгий Гребенщиков предложил основать Общество друзей Культуры. Оно наделялось широкими полномочиями в вопросах организации культурной жизни, в том числе художественных выставок, лекций, концертов, театральных представлений, издания книг и журналов и проведения съездов работников интеллектуального труда. Временный комитет для осуществления грандиозного плана принял решение о расширении земельных владений в Чураевке. Покупка была согласована, внесен задаток за новый участок, но в последний момент председатель комитета Бродский решил отказаться от покупки. Постепенно временный комитет отошел от дел и вскоре вовсе прекратил свое существование. На то имелись причины,

основанные, как обычно случается, на человеческих взаимоотношениях. Для русских эмигрантов в тяжелых условиях выживания за рубежом личные проблемы зачастую становились камнем преткновения.

Георгий Гребенщиков полагал, что решающую роль в тихом конфликте, который даже и не успел разгореться, а просто сошел на нет, сыграл чурьевский патриарх Илья Толстой. Летом 1928-го он вернулся из Голливуда к себе домой в «Ясную Поляну», где не был два года, и застал обширное строительство деревни. Срубы высились быстро, один за другим, повсюду стучали топоры и грохотали тракторы. Он тяжело воспринял известие о строительстве детской студии, вокруг которой на летний период объединялась детвора всех возрастов. Дети с их шумным нравом, конечно же, мешали спокойной, обывательской жизни. Это был главный мотив недовольства. Илья Львович, настроенный на отшельнический подвиг, начал вести закулисную борьбу, убеждая жителей в своей правоте. Авторитет Толстого сыграл решающую роль, и доктор Бродский отступил. Однако Гребенщиков отступить не собирался, он приобрел для дальнейших построек сто акров земли на личные сбережения.

Писатель продолжил обустраивать русскую деревню. Усилиями поселенцев в том же 1928 году всё-таки удалось организовать детский летний лагерь, который насчитывал более трех десятков детей разных возрастов, дошкольного и школьного. К летнему сезону Георгий Дмитриевич выстроил так называемый «Теремок», двухэтажное здание, в котором размещались образовательные

классы и выставочные помещения. На постройку основательного деревянного сооружения ушло полтора месяца, работы по возведению «Теремка» стартовали в апреле, а к концу мая уже праздновали новоселье. Кроме того, специально для детских праздников появилась «избушка на курьих ножках».

Детьми в летней школе, в основном мальчиками, занимался студент Василий Миловзоров, выходец с Алтая. Он приехал с Дальнего Востока для учебы в Оберлинском колледже (Оберлин, штат Огайо). Будучи воспитанником «Молодой Чураевки», кружка поэтической молодежи в китайском Харбине под руководством признанного поэта Алексея Ачаира, Миловзоров быстро подружился с земляком Георгием Гребенщиковым. Класс девочек вела Нина Михайловна Бродская, учительница по профессии, жена доктора Бродского. В Чураевке начала работу студия по раскраске шелков под руководством Таисии Ивановны Васильевой, ей помогала Т. Д. Гребенщикова. На природе устраивались лекции, литературные чтения и вечера за чашкой чая.

В Чураевке должна была найти воплощение идея практической «Школы жизни». Понятие школы подразумевало «познание наилучших путей человеческого бытия», интеллектуальное развитие, ежедневное применение Учения о новой жизни, которое воплощает «систему трудового улья», направляющую людей к общине. Формула Гребенщикова проста: «Первая помощь человеку в расширении сознания и в оздоровлении, укреплении и украшении жизни» [7, л. 1]. Улучшение жизни должно осуществляться при посредстве

Г. Д. Гребенчиков и Н. М. Бродская (вверху)
среди детей летней школы у «Теремка».
Чураевка, 1928 г. ГМИЛИКА

печатного слова. В ближайшие планы поселенцев входила организация собственного книжного издательства, а точнее, перенесение деятельности издательства «Алатас» из нью-йоркского Музея Рериха в Чураевку.

ЧУРАЕВКА КАК СКИТ РУССКОЙ МЫСЛИ

Георгий Гребенщиков назвал Чураевку «культурным скитом русской мысли», мечтая о том, что в диких лесах вырастет «город-сад». Для него фантазия тесно переплелась с действительностью. В основе всех начинаний лежала придуманная им сказка. Об этом он написал в своей книге «Гонец. Письма с Помперага». Мальчик, слышавший от матери о «Прекрасном Граде», отправился на его поиски, но, обойдя землю, так и не смог ничего найти. И тогда уже зрелый юноша задумал самостоятельно осуществить детскую мечту. Гребенщиков сочинил очерк о себе самом. Писателю пришло в голову решение строить город наподобие большого монастыря или скита, где могли бы собраться лучшие мыслящие люди и силою мысли и труда помочь заложить когда-нибудь настоящий град Китеж, или «Город со звоном», о котором говорил еще Николай Рерих, дав городу чарующее имя Звенигород.

Чураевский скит – это всего лишь первый шаг на долгом пути. Золотые купола храмов и высокие колокольни Звенигорода заблестят под солнцем не в Америке, а где-то в долинах Алтая, перед ли-

RUSSIAN HOUSE IN CHURAEVKA VILLAGE, Southbury, Conn., where "The Turbulent Giant", epic novel by George Grebenstchikoff and many other books on Russia were written and printed.

Дом Георгия и Татьяны Гребенщиковых,
построенный с элементами новгородского стиля.
Чураевка. Открытка. 1930-е гг.

ком белоснежной горы Белухи. Священная Белуха издавна почиталась и староверами, и алтайцами средоточием тайны, избранным местом силы. Во вступительном очерке к книге «Гонец» автор заявляет о своих потаенных надеждах:

«Всё так же взыскупя Светлого Града, я укрепил здесь действительно свои надежды на то, что рано или поздно сам дойду до заповедных врат с простой, гостеприимной надписью: Община Блага» [5, с. 297].

Автор «Чураевых» попытался на практике воплотить свой замысел. Это не фантазия, а реакция на разрушение русской духовной культуры на Родине. Поругание твердыни веры и последовавшее после революции уничтожение храмов, зверское

убийство священников отозвалось в глубинах народного сердца. По мнению писателя, то, что поругано, должно быть сохранено в потаенных местах, или скитах. Русская деревня Чураевка строилась как духовное убежище для изгнанников. Идеалы физического труда, укрепление «мускулов души и тела», создание для себя моральной и, если возможно, материальной независимости – такова мировоззренческая философия Георгия Гребенщикова.

«Чураевка – это всхожее зерно всяких добрых намерений. Захотел построить хижину – берись за кирку, пилу, топор и осуществляй. Нет денег, зато есть желание, а оно созидательнее денег. Строить с деньгами риск, без денег – никакого риска. Оставьте кислые интеллигентские сомнения и недоумения. Извольте браться за работу, сильно захотеть – и всё вам будет. Воля, заостренность решений, одухотворенность книжных, запыленных от бездействия идей, – вот что нужно каждому русскому человеку в чужих краях!.. Да! Попробуем подчинить свои мысли самим себе, снесем без ропота имеющуюся свободу и потрудимся раскритиковать, и посильнее, прежде всего самих себя. И постараемся все досуги употребить, по крайней мере, на упорядочение наших желаний!..

Чураевка всеми своими камнями, перевернутыми и уложенными в стены домов и фундаментов... через кровавый пот, через недоброжелательность тупых завистников, вопиет о единой древней русской Истине – о подвиге, о терпении до конца, о вере в справедливость. И о неистребимой радости всякого какого-либо делания во имя Божие и во имя человеческое, во имя любви и конечной победы над невыносимой тьмой безверия и безыдейного материализма» [8, л. 1].

Строитель Чураевки замахнулся широко, он обратился за поддержкой к американской элите.

Гребенщиков заводит дружбу с известной художницей Харриет Блэкстоун (Harriet Blackstone), с писателями Катериной Андерсон (Katharina Anderson) и лауреатом Нобелевской премии Перл Бак (Pearl Buck), пытается наладить полезные контакты через Луиса Хорша, бизнесмена, президента Музея Рериха. Писатель внимательно следит за политической жизнью страны, хотя тогда еще не является гражданином Америки.

На следующий же день после выборов президента США 1928 года посылает поздравительные письма Герберту Гуверу и его супруге. Письмо помечено 7 ноября. Георгий Дмитриевич обращается от имени группы «русских сибиряков», проживающих в Арт-деревне Чураевка. Хозяин Белого дома благодарит за поздравление в ответном послании, а Гребенщиков в очередном письме рассказывает госпоже Лу Гувер о русском культурном центре в штате Коннектикут:

«Дорогая госпожа Гувер! В исторические дни избрания Вашего супруга Президентом Соединенных Штатов я позволил себе послать Вашему супругу и Вам свои поздравительные письма, и Вы оба мне на них ответили.

Послал я Вам свои письма не только потому, что искренне радовался успеху великого друга русского народа, но и потому, что знал – Вы оба являетесь друзьями всех народов. Америка действительно может повести народы к миру, творчеству и благоденствию. Получив Ваши письма, я испытал вместе с радостью и возрастающий долг перед теми идеями, которым я посвятил не только мои литературные труды, но всю мою личную жизнь. Я сказал себе, что получение писем от Президента и его супруги меня ко многому обязывает. Вот почему и ныне, посылая Вам мое

PHONE:

ЧУРАЕВКА
CHURAEVKA
SOUTHBURY, CONN.
U. S. A.

Novemb. 7, 1928.

Mrs. Herbert Hoover
Palo Alto, Calif.

Dear Madame,

We, a group of Russians, ^{from Siberia} working for establishment of the cultural center in Connecticut, in the name "Churayevka Art Village", are expressing you our sincer joy for the occasion of election your husband as a President of the United States.

We ~~believe~~ ^{believe} that you, as the nearest ~~and experienced~~ helper of Mr. Hoover and as a next ~~mistress of the~~ White House ~~from very beginning of your activities~~ can create so much ^{for the nation of nations.}

Seeing ^{how} deeply by great historical ^{election} of Nov. 6, 1928 the American people manifested the creative wisdom, we believe ^{that} now more then ever, the questions of science, art, fine literature ^{and spiritual progress} in cooperatin with ^{other} cultural peoples, ^{will} accept mostly broad incarnation ^{in America}.

We ~~believe~~ ^{believe} also that in your coming glorious days you will recall those modest workers on the cultural fields, ^{of our} who have the only dream to do something for the strengthening, enrichment and adornment the people's life.

Черновик письма Г. Д. Гребенщикова
супруге президента США Лу Гувер. ЧАР

новое письмо, я хочу верить, что Вы отнесетесь к его содержанию с самым строгим вниманием как делу серьезного культурного порядка.

Посылаю отдельными пакетами мои книги на четырех различных языках, на которых Вы, несомненно, читаете, альбом с вырезками из журналов и газет на английском языке и с фотографиями. Они показывают эволюцию развития нашего первого культурного центра в штате Коннектикут. Также посылаю краткий отчет о том, что мне удалось сделать в Америке в течение пяти лет моего здесь пребывания. Всё это свидетельствует, что я обращаюсь к Вам не по личному делу, а по делу, которое, наряду с другими добрыми идеями, заключает в себе и идеи, несомненно близкие по духу Вам и господину Президенту.

Прилагая к этому письму самое краткое изложение моего плана о дальнейшем развитии наших культурных начинаний, я позволю себе просить Вас почтить Вашим вниманием наше дело и, если оно Вас заинтересует, помочь в достойном выполнении нашей миссии способом, который Вы найдете для себя наиболее приятным» [9].

Обмен письмами с президентом Гувером и его супругой оказался не чем иным как формой вежливого общения. Вряд ли переписка имела продолжение, поскольку культурный центр в Чураевке так и не получил государственной поддержки. Стоит отметить, как Георгий Дмитриевич выстраивает текст. От благодарности он витиевато приближается к главной мысли о помощи культурному центру. Продуманное в деталях, письмо заканчивается фразами, обрекающими его на неуспех. Психология заискивания была не очень свойственна писателю, но пропасть между главой могущественного государства и чужаком, эмигрантом, не позволила найти нужную ноту в общении.

Имеется одна интересная деталь: первое поздравительное письмо по дате совпадает со смелой статьей Гребенщикова «Почему это лучше?», которая тоже написана 7 ноября 1928 года, то есть тогда же, когда и письмо Гуверам. Автор отталкивается от прошедших накануне президентских выборов и обращается, на первый взгляд, к политическим реалиям своего времени. Борьба кандидатов в президенты – стихийный процесс в обществе. Выборы для писателя – поучительное явление, затрагивающее все стороны не только американской жизни, но и «нашей русской». Особенно они касаются людей, имеющих отношение к культурной работе, литературе и искусству. В избрании президентом республиканца Гувера, в противоположность демократическому кандидату Альфреду Смит, Георгий Дмитриевич видит рост культурного самосознания, творческих возможностей, обещающих лучшее осмысленное завтра:

«Пусть улица еще шумит. Пускай крикливая дешевка процветает на Бродвее и на многих главных улицах небольших городов. Но здесь и там, вдали и в глубине страны, и всюду, где теплится бесшумный свет, идет уже огромная победная работа мысли, духа и накопленных тяжелым опытом культурных сил» [10, л. 7].

Гребенщиков смотрит на выборы как на объединение воли людей, организованное проявление человеческой мысли, которая сама по себе есть культурная сила. Здесь нельзя не вспомнить учение русского естествоиспытателя В. И. Вернадского о ноосфере, планетной мыслящей оболочке земли, созданной тысячелетней историей и многовековой культурой. Кстати сказать, Георгий Дми-

триевич был хорошо знаком с известным историком, евразийцем Георгием Вернадским (сыном выдающегося естествоиспытателя), который преподавал в Йельском университете и не раз посещал праздники в Чураевке.

Будущее русской деревни Гребенщиков связывает с просветительской деятельностью. Он мечтает об издании книг. В издательском портфеле давно лежат рукописи Бунина, Ремизова, Бальмонта. В 1927 году писатель обращается к руководству нью-йоркского Музея Рериха с предложением о выкупе книгоиздательства вместе с торговой маркой «Алатас». В марте удалось подписать соглашение, и Георгий Дмитриевич становится полноправным владельцем нового предприятия. Однако получить в управление издательство вовсе не значит дать ему новую жизнь, поскольку работать, находясь в Чураевке, и размещать типографские заказы в Нью-Йорке стало гораздо сложнее. Коммуникация в то время осуществлялась при личном участии заказчика и лишь изредка обычными почтовыми отправлениями. Практически сразу же встал вопрос о собственной типографии.

Расцвет Чураевки как издательского центра начался благодаря известному авиаконструктору Игорю Ивановичу Сикорскому, оказавшему щедрую финансовую помощь. Его поддержка стала решающей в развитии русской колонии, и базировалась такая помощь на личных отношениях с Георгием Гребенщиковым. Наших соотечественников связывала крепкая многолетняя дружба. Они познакомились в Нью-Йорке на лекции, которую Сикорский читал для эмигрантов.

По воспоминаниям жены Сикорского, Елизаветы Алексеевны, встреча произошла, скорее всего, именно в 1929 году. Укреплению дружбы способствовало близкое соседство. Сикорские жили рядом, в нескольких десятках миль от русской деревни, в городке Бриджпорт. Там находилась авиационная корпорация и аэродром. Летом 1929-го Гребенщиковы уже летали на «воздушных яхтах Сикорского», которыми управлял легендарный пилот Б. В. Сергиевский. Это был первый незабываемый полет над землей. «Впечатление дивное!» – записал в дневник Георгий Дмитриевич (16.08.1929) [11].

Постепенно Гребенщиков начал обустройство типографии, решил купить линотип и типографское оборудование. Книга Николая Рериха «Сердце Азии» (1929) печаталась еще в Нью-Йорке. Следующий большой заказ, поступивший от Сикорского, частично уже в Чураевке. Изобретатель предложил выпустить труд своего отца, киевского профессора Ивана Алексеевича Сикорского, под названием «Книга жизни» (1931), объемом около 700 страниц. Такой заказ оказался своего рода деликатной помощью на развитие книгоиздательства. Вот как Гребенщиков описал данное событие в дневнике:

«Вечером приехали Сикорские, привезли теплый пирог с капустой. И И. И. Сикорский просил принять издание книги его отца в нашем книгоиздательстве “Алатас”. Это для нас огромная радость и торжество!» (07.08.1930) [12].

Аванс за книгу пошел на обустройство издательских помещений и покупку кое-какого обо-

На переднем плане: Игорь Сикорский,
Татьяна и Георгий Гребенщиковы. Чураевка, 1929 г.
«Мы водили их на чистые каскады Помперога».
Из альбома Гребенщиковых. ИНРСА

рудования для типографии. К середине декабря 1930-го офис был готов и оборудование заказано. Через месяц, 13 января, настал день огромного значения для Чураевки: состоялось официальное открытие нового здания издательства. В торжестве приняли участие И. И. Сикорский с женой, из Нью-Йорка приехали супруги Ф. С. и С. А. Мансветовы, супруги В. И. и Е. С. Терещенко, Е. А. Москов, присутствовали местные жители, инженер А. С. Петров, поэт Б. Н. Беккаревич.

Встреча началась с молебна святому преподобному Сергию Радонежскому, а затем прозвучали

краткие речи и лекция писательницы Катерины Стрельской-Андерсон на тему о России. Всё прошло торжественно и значительно, и ужин, устроенный Татьяной Денисовной для всех гостей, был «обилен и красив».

Еще через две недели писатель стоял у чугунных станков, как опытный печатник, и сам сделал на линолите первый набор: «Собственная типография книгоиздательства “Алатась” начинает ра-

Типография издательства «Алатас» в Чураевке.
Современный вид. Фото А. С. Шрамко

ботать во имя преподобного Сергия Радонежского и для блага России – 2 февраля 1931 года в 3 часа дня. Господи благослови!» [13]. Типография заработала на полную мощность в мае, а через три месяца, в середине августа 1931-го, вышла в свет книга профессора И. А. Сикорского. Для издательства «Алатас» пошел новый отсчет времени.

После выхода книги Игорь Сикорский предоставил благотворительную ссуду на расширение издательской деятельности. К тому времени у него уже был приобретен большой участок земли и заложена летняя дача в Чураевке, поэтому он стал активно помогать обустройству самой деревни. Изобретатель внес 750 долларов на поддержку «чураевского дела» и получил в качестве гарантии бумагу, дающую право на дополнительный участок около часовни святого Сергия.

Через два года, летом 1933-го, Сикорский сделался совладельцем типографии. Типографские машины, земля и все здания «Алатаса» (офис, склад и прочее) были переданы ему по особой купчей. В одиночку Гребенщиков вряд ли мог справиться с таким большим предприятием, требовавшим постоянных финансовых вливаний. Он рад разделить тяжелую ношу с собратом и другом, чтобы «издательская работа не прекращалась, а шла бы в этой типографии рука об руку с Воскрешением России» [14].

Георгий Гребенщиков мечтает все-таки, рано или поздно, вернуться на Родину. Из американских лесов начинается культурное строительство в Сибири. Главная задача – это открыть в недалеком будущем новую Чураевку и отделение «Алатаса» в горах Алтая, где, по выражению писателя,

«пора строить что-нибудь огромное из яшмы и гранита – на многие века» [5, с. 299].

В 1930-е годы деревня Гребенщикова уже была известна во всех эмигрантских кругах Америки, от восточного до западного побережья, даже в других странах русского рассеяния. Построена и освящена часовня преподобного Сергия Радонежского, для местных жителей организовывались массовые праздники, дни культуры, собирающие не одну сотню гостей. Поселение к 1935 году насчитывало 23 усадьбы и еще 17 семей владели там участками и собирались строить дома. Чураевка находилась на пике своего расцвета.

ВО ИМЯ СВЯТОГО СЕРГИЯ

Глава девятая

ЗНАМЕНИТЫЙ ГОСТЬ РЕРИХ

На холмах Чураевки высится часовня преподобного Сергия Радонежского, возведенная в честь великого православного святого. Георгий Гребенщиков построил ее собственными руками. Жизнь русских эмигрантов всегда вращалась вокруг храма. Случалось, что постройка церкви была тем общим делом, вокруг которого на чужбине объединялись соотечественники. В церковных стенах возносились молитвы Богу и святым угодникам о помощи в нелегкой судьбе, там проходили встречи, лекции. Люди просто общались, давая друг другу надежду на будущее. Именно изгнанничество и лишения часто толкают человека в объятия Господа.

Постройка часовни началась в 1930 году, хотя захвачен этой идеей писатель был раньше, вскоре после приезда Гребенщиковых в Саутбери. Покровителем начинания выступил Н. К. Рерих. Он поддержал инициативу Георгия Дмитриевича и первым сделал благотворительный взнос. После окончания научно-художественной экспедиции в Центральную Азию прославленный художник летом 1929-го оказался в Америке. Он прибыл триумфатором! В морском порту Нью-Йорка его вместе с сыном Юрием, уже известным востоковедом, автором книги «Тибетская живопись», встречал кортеж автомобилей и делегация представителей

городской мэрии. Сам Рерих вскоре обратился с письмом к президенту США Герберту Гуверу и был принят в Вашингтоне. Конечно же, Георгий Дмитриевич, как близкий сподвижник и ученик Рериха, предложил ему посетить лесную обитель на реке Помпераг. Предложение было принято.

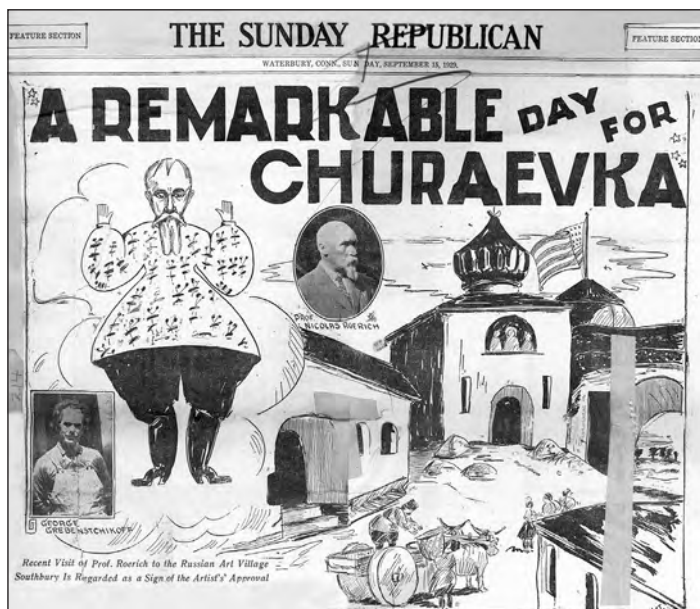
Поездка Рерихов первоначально намечалась на 23 августа 1929 года в связи с закладкой художественной студии по проекту известного русского архитектора и художника Н. В. Васильева, спроектировавшего до революции здание Соборной мечети на Кронверкском проспекте в Санкт-Петербурге. Но из-за неотложных дел Николай Константинович отодвинул визит на неопределенное время. Накануне вечером он позвонил в деревню и попросил закладку студии все-таки не переносить: «У нас тут так много всего, что я ищу в календаре, нет ли между августом и сентябрем еще месяца» (22 августа 1929) [1]. Трогательные слова, не правда ли?.. С большим юмором.

Георгий Гребенщиков решил во что бы то ни стало дожидаться высоких гостей. Через несколько дней всё устроилось наилучшим образом. Он сам прибыл в Нью-Йорк, чтобы сопроводить гостей до места. Рано утром 26 августа в 6 часов 3 минуты писатель подкатил на автомобиле к подъезду одного из небоскребов на Вест Энд Авеню, где Рерихи арендовали жилье. Швейцар еще спал около лифта на диване, но Николай Константинович и Юрий были бодры и веселы, ожидая в вестибюле. Привычка жить в шатрах и в походных условиях имела свое преимущество, в семье обычно вставали вместе с солнцем. Гребенщиков повез Рерихов за город.

Дорога в Чураевку долгая, и разговор прежде всего зашел об успехах «Алатаса». Писатель не видел Рерихов почти пять лет, многое можно обсудить при личной встрече. Поскольку Николай Константинович являлся почетным председателем издательства, то здесь же, на ходу, провели «летучее совещание».

На повестке дня стоял выпуск новой книги «сибирских песен». Рукопись включала боевые песенные кличи завоевателя Сибири Ермака Тимофеевича. Возник вопрос, как назвать сборник? Не задумываясь, Гребенщиков сказал: «Сибирский стяг!» – «Прекрасно!» – поддержал его Рерих и добавил, что в сочетании этих слов звучит державный дух Сибири. Гребенщиков неожиданно спросил: «А вы, Николай Константинович, знаете, под каким знаменем пошел Ермак от солваров Строгоновых на хана Кучума?» – «Как же, под знаменем Георгия Победоносца. И знамя это было в Омске до недавних дней...». Этот диалог писатель опубликовал в газете «Новая заря» под псевдонимом «Тихон Оный» [2, с. 3].

Когда неожиданно из окна автомобиля открылся вид на Беркширские горы, Рерих воскликнул: «Да это же почти Алтай!» Художник посетил Алтай в 1926 году во время экспедиции по Центральной Азии. Все-таки сошлись на том, что похожесть относительная. Перспектива Алтая многоплановая, сначала зеленые предгорья, затем голубые горы, за ними – лиловые и, наконец, еще выше – цепь белых снеговых вершин. Здесь же, в Америке, такой глубины и многоплановости нет. «О, Алтай! – тяжело вздохнул Гребенщиков и прибавил машине ходу» [там же].

Газета «The Sunday Republican». 15 сент. 1929 г.

Передовица «Чудесный день в Чураевке»
и коллаж с портретами Н. К. Рериха и Г. Д. Гребенщикова

Интересные детали беседы стали известны также и благодаря статье, опубликованной в местной газете «The Sunday Republican» (15 сент. 1929), которая выходила в штате Коннектикут на английском языке. Там даже появился дружеский шарж на Рериха в косоворотке и широких шароварах. В дополнение к газетным публикациям имеется еще и дневник Георгия Дмитриевича. Вечером того дня, когда гости посетили Чураевку, сделана следующая запись:

«Чудесный, великий день. Н. К. Рерих и его сын Георгий приехали в Чураевку. По дороге я ему рассказал историю с Толстым, и он посоветовал даже не жалеть этого... темного человека. В 10 час. мы были в Чураевке, в 11 час. – Николай Константинович заложил в угол Студии монгольскую монету с запиской на бланке “Алата-са”: “Во благо и во славу Учителя”. Затем до обеда ходили по Чураевке. Николай Константинович выбрал для Мастер института и для Музея два куска земли – Camp Easy и на Горе Махатмы. На берегу Помперага я предложил 3 акра сам» (26 авг. 1929) [1].

Как видно из записки, Рерих намекнул на дремучесть Ильи Толстого из-за его нежелания развернуть в русской деревне детский лагерь. На волне толстовского недовольства Гребенщиков подвергался критике со стороны некоторых жителей, злые языки распространяли по деревне наветы, будто писатель собирает вокруг себя почитателей, читает им «Гонца» и проповедует свое «новое учение». Справедливости ради следует сказать слово в защиту Толстого. Он всячески поддерживал культурные инициативы и за день до приезда Рериха одобрил, вместе с Гребенщиковым, Дунаевым и Ушаковым, строительство Студии и проведение первого «Дня культуры» в Чураевке. Однако у Георгия Дмитриевича была своя линия. «Холм Толстого» превратился у него на какое-то время в «Гору Махатмы».

Еще пару слов об упомянутом новом учении, названном «Практической Школой жизни». Писатель изложил свои взгляды в книге «Гонец». Это публицистика в форме писем родным и близким в алтайскую глубинку. Учение вобрало в себя национальную православную традицию и идеи, почерпнутые в философии «Живой Этики», данной

миру через Рерихов их индийским духовным Учителем, упоминаемым как «Махатма М.». По замыслу, «Школа жизни» предназначена помочь человеку «проходить свой жизненный путь бережно, полезно и красиво». В одной из рецензий на книгу «Гонец», кстати сказать, озаглавленной символично – «Русский гонец», автор вопрошает: «Но где же писатель-вождь, где учитель жизни теперешнего поколения?» [3, с. 27]. Вопрос, конечно же, риторический, поскольку в статье есть однозначный ответ. Учитель «новой жизни», разумеется, Георгий Гребенщиков.

Запись в дневнике обрывается на обеденном часу. До того была чашка утреннего кофе и осмотр чураевских владений. Однако благодаря статье Гребенщикова в «Новой заре» известно и о дальнейшем распорядке дня. За обедом обсуждались совместные издательские планы – уже осенью 1929-го в «Алатасе» вышла книга Н. К. Рериха «Сердце Азии». После обеда беседа продолжилась. И здесь не обошлось без курьезов. Слух о приезде знаменитого художника быстро облетел деревню и привлек внимание поселенцев. Ему нанесли визит три молодых дамы, они пришли «посмотреть на Рериха». Жена Гребенщикова, Татьяна Денисовна, вышла на порог дома к посетителям, а затем позвала мужа. Тот поспешил к дамам и сказал им, что Николай Константинович прилег на минуточку отдохнуть, хотя Рерих до того сидел в кабинете, мирно беседуя с хозяином. Одним словом, сочинил! Когда Рерих об этом узнал, то искренне огорчился: «Да что же вы со мною сделали? Репутацию мою испортили!.. Я никогда во всю свою жизнь не имел обычая ложиться днем...

Н. К. Рерих, Т. Д. Гребенщикова и Ю. Н. Рерих.
Чураевка, 26 августа 1929 г. NRM

СИБИРСКИЙ ОТДЕЛЪ
ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ МУЗЕЯ РЕРИХА

НА ПОСТРОЕНІЕ ЧАСОВНИ
ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІА РАДОНЕЖСКАГО
ВЪ ЧЪРКВѢ ШТАТА КОННЕКТИКУТЪ СШ.А.

Получено отъ Юрія Н. Рериха
двадцать долларовъ и крошеч-
ного даръ рукописнаго искус-
ства его въ видѣ подписи на
этой грамотѣ, за что кратко-
сильную помощь братская ста-
силь, какъ святому Вифудингу
Сифронимства Кетманского. -

По порученію Священнаго Помощнаго Творца Твореніи.

4 Мар. 1930 г.
Въ Луизианѣ имени Н. Р. Рериха.
Рерихъ.

Благодарственная грамота Ю. Н. Рериху
за пожертвование на часовню святого Сергия. ЧАР.

Картина Н. К. Рериха «Сергий-строитель». 1925 г.

Почему вы не позвали меня к этим дамам?» Все искренно смеялись, но Николай Константинович только покачивал головой и совестил Гребенщикова: «Ну, как же это можно: сказать, что я прилег!» [2].

В день посещения русской деревни самым знаменательным стало другое событие. Рерихи, отец и сын, дали старт чуряевской часовне святого Сергия, сделав первое пожертвование на строительство в размере ста долларов. Причем в дальнейшем подобные взносы делались неоднократно. Факт дарения подтверждается специальной дружеской грамотой, выданной Юрию Рериху за подписью Гребенщикова. На красочном постере с картиной Николая Константиновича «Сергий-строитель» стоит автограф:

«Получено от Юрия Н. Рериха двадцать долларов и, кроме того, дар рукописного искусства его в виде надписи на этой грамоте, за что приносим ему наше братское спасибо как славному Сотруднику Строительства Нетленного. – По поручению Строительного комитета, Георгий Гребенщиков. – 4 апр. 1930 г. в Музее имени Н. К. Рериха, Нью-Йорк» [4].

В разгар строительства часовни, 8 августа 1930 года Н. К. Рерих прислал дополнительно сто долларов. Общая сумма пожертвований составила одну тысячу долларов, и большую часть внесли именно Рерихи. Помощь оказалась не просто формальной обязанностью, она шла от всей души. Юрий Николаевич снова внес небольшую сумму в двадцать долларов, что следует из его парижского письма Г. Д. Гребенщикову от 21 июля 1930 года. Он действительно горел идеей возведения «храма» и помогал делу по мере сил:

«Счастливым был бы поработать на построение Храма Преподобного!.. Будущие пути обозначаются с особой ясностью. <...> Чувствуем Ваше горение, твердо непоколебимо верим, что стяг Преподобного пройдет все испытания!» [5, л. 1].

Из литературных источников известно, что часовня сооружена по проекту Николая Рериха и этот проект обсуждался во время посещения им Чураевки. Эскизное решение входной дубовой двери и идея «Троицы» на фронтоне – тоже исходят от художника. Дверь будто бы сошла с театральных эскизов к постановкам пьес Метерлинка. Однако подтверждения данного факта долго не существовало. Архивные изыскания в Центре по изучению иммиграции в Миннеаполисе дали неожиданный результат: был обнаружен подлинный эскиз часовни, выполненный Рерихом (бумага, карандаш; 14,6 × 11,5 см).

Визит Рерихов в русскую деревню запечатлен в «Гостевой книге Чураевки», где ими оставлены следующие записи. Николай Рерих: «26 августа 1929 хороший день в Чураевке. Пусть растет “Алатас” во благо. Славное озеро, славные березы, славная гора!». И Юрий Рерих по-английски: «Best thoughts for the future growth of Churaevka»* [6]. Записи были сделаны на прощание. В будущем больше никто из Рерихов, кроме младшего сына Святослава, Чураевку не посещал. Вечером в тот же день, 26 августа, Гребенщиков на своем автомобиле отвез гостей в Нью-Йорк. Но в какой-то мере визит на берега Помперага имел продолжение. Он отозвался эхом из Парижа.

* «Лучшие мысли – будущему расцвету Чураевки».

Н. К. Рерих. Эскиз часовни
Сергия Радонежского в Чураевке. 1929 г. ИНРСА

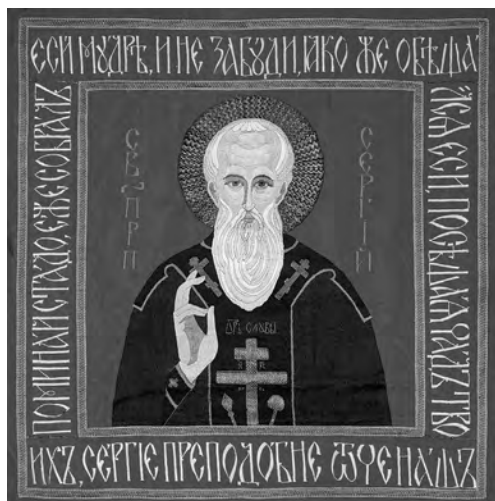
Вдохновленный идеей постройки часовни преподобного Сергия Радонежского, Рерих заказал для нее хоругвь. Весной 1930-го художник оказался во Франции и провел там полгода, оформляя визы для въезда в Индию. Через М. Н. Германову, актрису МХТ, он обратился к художнице Татьяне Николаевне Родзянко, которая с матерью, княгиней Яшвиль, проживала в Праге. Обе занимались иконописью, а Т. Н. Родзянко славилась еще и мастерством золотого шитья. Заказ на стяг святого Сергия вскоре был выполнен. На одной стороне

золотой нитью по синему шелку вышит образ святого Сергия, на обратной – явление Сергию Пресвятой Богородицы.

Вокруг хоругви для Чураевской часовни разыгрывается таинственное действо. Во-первых, Рерих обращается в письмах к Гребенщикову по имени «Дорогой Ермак». Здесь сразу же вспоминается разговор о завоевателе Сибири и стяге Георгия Победоносца, состоявшийся по дороге из Нью-Йорка в Коннектикут. Во-вторых, Николай Константинович придает появлению хоругви какой-то глубокий духовный смысл. Это в некоторой мере напоминает мистический орден рыцарей, оберегавших, по преданию, чашу Грааля. В своем письме Гребенщикову, направленном из Парижа, Рерих сообщал:

«Назначаю сына моего Юрия начальником почетной стражи Стяга святого Сергия, который заказан мною и будет пока храниться в часовне в Чураевке. Состав стражи Юрий сообщит Вам. Будем очень рады получить сведения об обществе Культуры, так всюду нужно» [7, л. 1 об.].

В письме упоминается «общество Культуры». Рерих предложил основать в Чураевке Общество друзей Культуры по образцу существующего в Париже. В состав парижского комитета Общества входили русские эмигранты: упомянутая выше актриса М. Н. Германова, ее муж археолог А. П. Калигинский, генерал Д. Н. Потоцкий и его супруга С. П. Потоцкая (двоюродная сестра Е. И. Рерих), юрист Г. Г. Шклявер, педагог и литератор А. З. Имшенецкий, автор романа «Гвардия Красоты». Гребенщиков старался развернуть культурную деятельность в Чураевке, но его активность не всегда

Т. Н. Родзянко. Святой преп. Сергий.
На обороте: Явление Богоматери преподобному
Сергию Радонежскому. Хоругвь. 1930 г.

находила отклик среди поселенцев. Более жизнеспособным оказалось Сибирское общество друзей при музее Рериха, оно больше соответствовало образу сибирского головы, атамана Ермака Тимофеевича.

СИБИРЯК ЛЕОНИД ТУЛЬПА

С Чураевкой связана судьба еще одного русского эмигранта – литератора и педагога Леонида Васильевича Тульпы. Это неразлучный друг Георгия Гребенщикова, и сблизили их не просто сходные взгляды на жизнь или общие знакомые из литературных кругов, но могучий сибирский дух. Оба они – сибиряки, уроженцы дикой и вольной Сибири.

Тульпа родился в городе Ачинске Енисейской губернии в педагогической семье, окончил Императорскую мужскую гимназию в Красноярске (1903–1912). Современному читателю литературные труды Леонида Тульпы известны мало, точнее, практически неизвестны. Кроме книги «Религиозное образование как воспитание характера» (1935, на англ. яз.) им написаны стихи и литературные эссе. Произведения изредка появлялись в журналах «Зарница», «Москва» и нью-йоркской газете «Новое русское слово», но большая часть их была отпечатана на ротапринтере для рассылки читателям от имени «Общества распространения полезных знаний среди иммигрантов в Америке». Его эссе по стилю напоминают произведения Льва Толстого и относятся к области педагогики и морали.

Творческие таланты Леонида Тульпы проявились не только в литературных достижениях, но и в живописи, иконописи и скульптуре. Из его переписки с Гребенщиковым становится понятно, что он создавал скульптуры героев многотомной эпопеи «Чураевы» и сделал бронзовый бюст самого автора романа, по заказу церкви писал иконы святых, среди которых были образы апостолов Петра и Павла, преподобного Сергия Радонежского. Изобразительному искусству Леонид Васильевич обучался в Бостоне, на отделении скульптуры и рисунка при Музее изящных искусств (1921–1924), где получил классическое художественное образование.

Соотечественники познакомились заочно – по переписке, и лично встретились только через два года в Чураевке. Летом 1924-го поэт Бальмонт написал Тульпе, чтобы тот «снесся» с Гребенщиковым, который по приглашению Рериха приехал в Америку работать директором книжного издательства «Алатас» и к тому времени уже два месяца как находился в Нью-Йорке. С Бальмонтом оба земляка были хорошо знакомы. Леонид Тульпа, будучи студентом Московского университета, давал домашние уроки дочери поэта Мирре в 1915 году. А Гребенщиков встретился и подружился с Бальмонтом в Париже, в доме Буниных, в январе 1921-го. Леонид Тульпа стал близким другом Георгию Гребенщикову, у которого таких неразлучных друзей в Америке было всего несколько, среди них – авиаконструктор И. И. Сикорский, композитор В. В. Завадский, врач И. Н. Коварский. Поскольку жили они достаточно отдаленно друг от друга и встречались редко, то их общение

Леонид Васильевич Тульпа.
Фото. 1928 г. ASLHC

ярко запечатлелось в письмах. Сохранилось более полутора сотен писем.

Чему посвящена эта переписка? Главная тема, конечно же, – родная Сибирь. К моменту знакомства Леонид Тульпа уже прочитал роман Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче», а потом и «Братьев Чураевых». Оценив по достоинству книги, он готов был заняться их распространением среди эмигрантов, отказываясь при этом от «всякого процента или вознаграждения». Одновременно Тульпа предложил свои услуги как переводчика и редактора, чтобы «Былина» побыстрее вышла в США в английском переводе. Из письма Гребенщикову: «Интерес к культурной России в Америке есть. Нужно показать им, какие есть сибиряки. Они думают, что мы все каторжане и живем в снегу» (02.04.1925) [8, л. 5–6]. Осенью 1925 года Леонид Васильевич начинает читать для американцев цикл лекций о русской культуре и каждый раз в выступлениях непременно упоминает о книгах своего земляка.

Гребенщиков по примеру соотечественника берется за лекционную работу. Просвещение – один из главных мотивов писательского труда. Первые лекции прошли в Нью-Йорке с огромным успехом, на них собиралось от четырехсот до семисот, а иногда и до тысячи человек из числа русских эмигрантов. Представить подобную аудиторию в наше время невозможно (хотя поэты 1960-х иногда собирали огромные залы в Политехническом музее в Москве). Темы лекций говорят сами за себя: «Европа или Азия?», «Всемирная идея русской нации», «Сибирь – страна великого будущего», др. Через все выступления нитью проходит

сибирский мотив. Лекционный тур по США имел такое же название, как заявленное при оформлении американской визы, – «Чудеса Сибири».

После девяти месяцев переписки встреча земляков стала практически неизбежной. Друзей притягивал магнит их сердец. Весной 1925-го Леонид Тульпа позвал Гребенщикова приехать к нему на Пасху в городок Ратленд, расположенный в холмистой местности недалеко от Бостона. Однако Георгий Гребенщиков в апреле оказался не в Ратленде, а в Саутбери, куда его пригласил Илья Толстой. Поездка стала судьбоносной – была куплена земля и начато строительство русской деревни Чураевки, где позже неоднократно гостил и Л. В. Тульпа. Встреча произошла только через год, жарким летом 1926-го в Чураевке. Она имела далеко идущие последствия, их творческий союз укрепился. Леонид Васильевич посвятил «старшему брату» очерк «Счастье», предпослав ему строки, полные восхищения: «Могучему сыну взнесенного Алтая» [9, л. 1].

Будучи тоже писателем, Леонид Тульпа начинает влиять на творческие планы собрата по перу. Он предлагает Гребенщикову сюжет романа, который фактически повторяет вехи биографии Георгия Дмитриевича, начиная с жизни в Чураевке. Действие происходит в Америке. Линия судьбы главного героя дана в общих чертах, но предельно ясно протянута в будущее. В замысле произведения много событий, впоследствии осуществившихся, но финал романа выглядит всего лишь красивой мечтой.

Итак, Георгий Гребенщиков является прототипом главного героя романа, который занимает

ся возведением дома и продажей земли, издает журнал и газету, строит типографию и книжный склад. Он привлекает к своему делу лучших писателей и создает организацию для торговли книгами по всему миру, названную «Общество распространения знаний». Это необычная комбинация идеалиста, подвижника, искателя истины и в то же время делового человека, который в итоге становится миллионером. Проходит несколько лет, произведения писателя уже переведены на многие языки. Его имя светится в огнях рекламы, как выражается Тульпа, горит «электрическими огнями по ночам». Даже больше того: «Оно напоминает. Оно будит. Оно зовет вперед и ввысь» (10.10.1926) [10, л. 2]. Однако, невзирая на мировую славу и богатство, душа писателя остается прежней, не тронутой тленом материи, ее не может поглотить золотой телец. Она всё так же чиста, как в те дни, когда ему приходилось голодать, скитаться по ночным трущобам. Теперь даже стук типографских машин не может заглушить писателя: «Он высоко поднял свое знамя. Его голос стал слышнее шума машин» [там же].

Не вполне ясно, брался ли Гребенщиков за такое произведение, у него немало неоконченных романов. Быть может и нет, биография у писателя иная и не похожа на такую литературную романтику. Широкому читателю она уже хорошо известна. Что касается Леонида Тульпы, то его жизненный путь пронизан крепкими идеалистическими убеждениями, верой в христианские идеалы, что подразумевает победу сил добра над злом. Для него «темной силой» выступают именно большевики. Он борется с ними на митингах, публикует

очерки на английском и русском языках, провозглашая свет правды вне России. А правда состоит в том, чтобы срывать маски с палачей, тогда Родина обязательно станет свободной. Такие максималистские лозунги Тульпы его земляк Гребенщиковов все не разделял. Их напряженный диалог выплескивается на страницы писем, отражая, как в зеркале, весь спектр эмигрантских мнений.

В жизни Л. В. Тульпа проявляет себя убежденным педагогом, распространяя наставничество

Г. Д. Гребенщиков. Чураевка, 1927 г. ИHRCA

Л. В. Тульпа у ротапронта. 1926 г. ASLHC

на близких друзей, в том числе на Гребенщикова, советует ему, что и как лучше сделать. Он вовлекает земляка в деятельность основанного им в декабре 1926 года «Общества распространения полезных знаний среди иммигрантов», которое ставило перед собой образовательные задачи.

Методы работы Общества заключались в бесплатной рассылке эмигрантам листовок с лекциями. Некоторые заказы на проспекты и листовки

Гребенщиков выполнял в Чураевской типографии. Тематический охват лекций широкий: от социально-политических и философских проблем до нравственных основ жизни и даже полезных советов по устройству эмигрантского быта. Глава Общества ставит перед собой насущные жизненные цели: «Заинтересовать в духовных вопросах темную, неподвижную массу, поднять ее культурный уровень, отвлечь ее от самогона и карт» (04.09.1926) [10, л. 2]. Общество функционировало на добровольные пожертвования, при этом Леонид Тульпа не жалел и своих собственных средств. За первый месяц существования Общество разослало более трех с половиной тысяч листовок. Оно просуществовало семь лет и прекратило деятельность, когда русская эмиграция стала постепенно растворяться в американской массе.

И все-таки мечты о Сибири и возвращении на Родину никогда не угасали в сознании сибиряков. Напряженная жизнь в эмиграции, борьба за существование, тяжелый труд ради куска хлеба не могли затмить светлый образ России. Эмигранты первой волны в основном были другими, неизменными на уют и чужой кров. Эти мысли находят отклик в письме Тульпы. Он зовет Гребенщикова потрудиться для будущего:

«Я хочу написать статьи о нашей работе среди иммигрантов и посылать свои стихи во все страны света. Послужим грядущей Сибири! Послужим издалика, ибо слово, подобно свету, не ограничено пространством, но проникает через все границы и говорит сердцам. Строй же свою Чураевку! Да услышим голос твоего колокола. Зови народ на молитву» (04.07.1927) [10, л. 1].

Наказ земляка – строить Чураевку и призывать народ на молитву – Гребенщиков по мере сил выполнил. За несколько недель до открытия часовни святого Сергия, в конце августа 1930 года Леонид Тульпа приехал в гости к писателю. Это было уже третье посещение им русской деревни. Он восхитился развернувшимся строительством, долго ходил по лесу и под конец записал в Чураевский альбом, что именно Америка больше всего нуждается в скитах и часовнях, ибо это страна «борьбы, труда и суеты» [11, л. 221]. Он сочинил стихотворение под названием «Откровение», которое передает атмосферу приближающегося торжества. Затем были еще стихи: «Молитва» и «В Чураевской мельне».

Поэтические дарования Тульпы благословил сам Константин Бальмонт. Как поэт он раскрылся уже в эмиграции, оставив большое литературное наследство. Одно время шла речь даже об издании его стихов в типографии «Алатаса». Обсуждался также проект совместной с Гребенщиковым книги, которая, по замыслу, могла бы привлечь внимание к Сибири. Первая часть – это сибирские стихи Тульпы, героические сказания по мотивам «Чураевых», проиллюстрированные фотографиями бронзовых бюстов героев эпопеи. Специально для данного издания Тульпа нарисовал графический портрет автора эпопеи (бумага, уголь). Вторая часть – отдана Гребенщикову. Леонид Васильевич писал земляку:

«Мне особенно ценно это братское соучастие в нашей работе. В одной книге мы проявились бы как братья, дети единой матери – Великой Сибири» (18 окт. 1927) [10, л. 1].

Совместной книги так и не получилось. Позже, через десять лет, Г. Д. Гребенщиков издал собственный сборник «Радонега», посвященный обители святого Сергия, где он обильно процитировал стихи своего друга.

Имя Л. В. Тульпы осталось в анналах Чураевки, он сделал щедрые подношения для часовни. Сначала послал собственного письма икону святого Сергия Радонежского, а затем в мае 1932 года присоединил к своим дарам еще икону святителя Алексия, митрополита Московского, которую написал за шесть лет до того с «любовью и смириением», как выразился сам иконописец.

ЧАСОВНЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

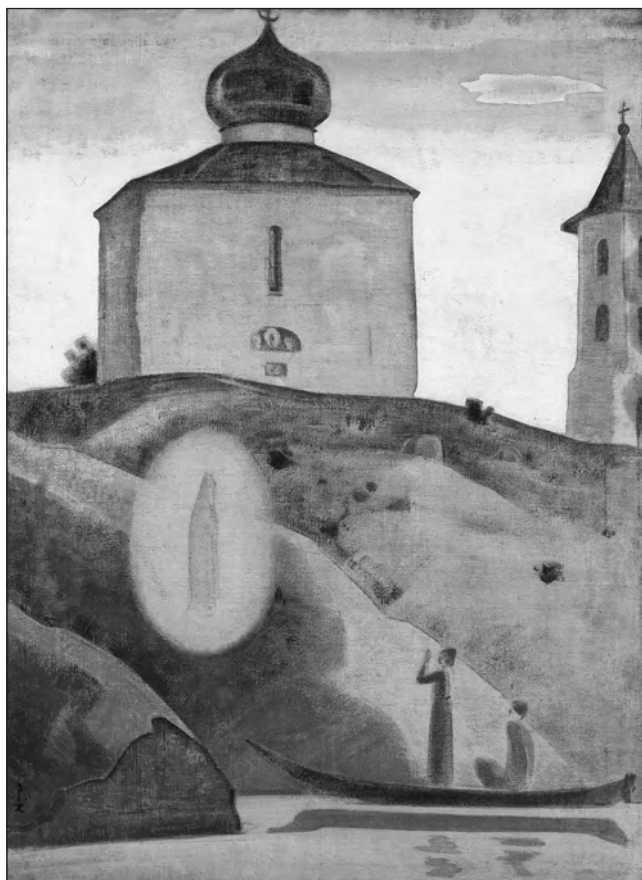
Мысль о лесной часовенке в тихом уединении была задумана еще в Константинополе. Гребенщиков, подготавливая к выпуску роман «Чураевы», обратился к Николаю Пинегину, и художник нарисовал деревянную часовню, похожую на избушку. Рисунок воспроизведен на обложке парижского издания. Вот тогда, по воспоминаниям Гребенщикова, и появилась мечта о духовной обители. Этот факт упомянут писателем в его очерке «Великое в малом».

Однако спящая до времени идея русского скита в Америке обрела реальные черты только в 1930 году. Внешней причиной стало «не поддающееся никакому объяснению изуверство». В Москве был разрушен храм Христа Спасителя и варвар-

ски уничтожены колокола в сердце русского православия, в Троице-Сергиевой лавре (для нужд индустриализации). Писатель решил выразить протест «чем-то деятельным, чем-то более реальным и существенным». Вот как он сформулировал свою жизненную позицию:

«Это был протест возмущенного духа, и надо было его манифестировать достойным образом. С благословения трех митрополитов – Всеамериканского владыки Платона, Западноевропейского владыки Евлогия и Дальневосточного владыки Мефодия – при духовной поддержке и материальной помощи академика Н. К. Рериха и его друзей, также И. И. Сикорского и некоторых моих читателей я заложил в глухом американском лесу, в штате Коннектикут, близ реки Помперага небольшую часовню имени святого Сергия. Больше чем наполовину я строил часовню личным трудом и должен сказать, что у меня не было более легкого и более радостного труда в жизни, как это построение. Когда меня потом спрашивали, какие из своих произведений я больше всех люблю, я прямо отвечал, что часовню в Чураевке» [12, л. 1].

Часовня святого Сергия началась 16 мая 1930 года, в день рождения преподобного. Утром Георгий Дмитриевич пришел на холм и стал очищать заросли вблизи небольшого родника на пологом склоне. Он держал в руках листок бумаги с эскизом Рериха. Первоначально предполагалось, что часовня будет из сосновых бревен, но, приступив к постройке, писатель решил сделать ее каменной. Выкопал канаву под основание, собрал в окрестностях двадцать четыре белых камня и с молитвой на устах выложил из них белый крест под углом фундамента – в память о Христе и святом преподобном Сергии.

Н. К. Рерих. Сам вышел. 1922 г.
Из серии «Санкта».

На картине изображено явление св. Сергия

Незабываемым днем стало 4 июля 1930 года, когда из Нью-Йорка прибыли пятеро друзей и сотрудников Музея Николая Рериха – Морис и Зинаида Лихтманы, знаменитая американская танцовщица Наташа Рамбова и романист Тальбот Мунди. Возглавлял группу Святослав Рерих. Он организовал поездку и привез корзины с хлебом, фруктами и другой снедью. Гости положили свои белые камни в приподнятый фундамент часовни. А 13 июля Чураевку посетил конструктор аэропланов Игорь Сикорский с женой и двумя сыновьями, Сергеем и Николаем. Стены часовни уже были возведены наполовину.

В начале августа Николай Рерих и его сын Юрий прислали из Парижа дополнительно сто долларов на храмовую постройку, и дело пошло довольно быстро. Гребенщиков и нанятые плотники положили венцы на стенах и в трое суток возвели крышу, работая с утра до поздней ночи. 15 августа каменная кладка под крышей была завершена. Из далекой Индии прислала свое напутствие и Елена Ивановна Рерих. Письмо очень теплое и назидательное, устремляющее строителей в будущее. Она писала Гребенщиковым как близким, родным людям, используя в обращении их духовные имена:

«Милые, милые Нару и Тарухан, часто мысленно переносюсь в вашу Чураевку и духом участвую в построении часовни великому Сергию. И думается мне – когда ее основатели уже перенесут свои труды в далекие долины мощного Алтая, место это останется средоточием, центром Духа. Магнит, заложенный во имя великого Сергия, может привлечь многие души. Сокровище Его Учения не знает пределов, всё вмещает, всё покрывает и всё огненно претворяет.

Милые Нару и Тарухан, впитай Учение всем существом вашим, привлекайте молодые души, как прекрасные цветы привлекают пчел, не насилем, но своим чудесным ароматом. Радость великая в возможности расширять сознания и давать ищущим душам новую радость бытия. Тарухан, обладающий чудесным даром, может столько создать! Нару своими ценнейшими качествами может во многом явиться назидательным примером.

Милые и близкие, чую, как в недалеком будущем будем дружно работать во имя великого Сергия! Шлю вам всю теплоту сердца и всю устремленную помощь в духе в трудные времена. Со смелым Бог! – Ваша Е. Р.» (28.08.1930) [13].

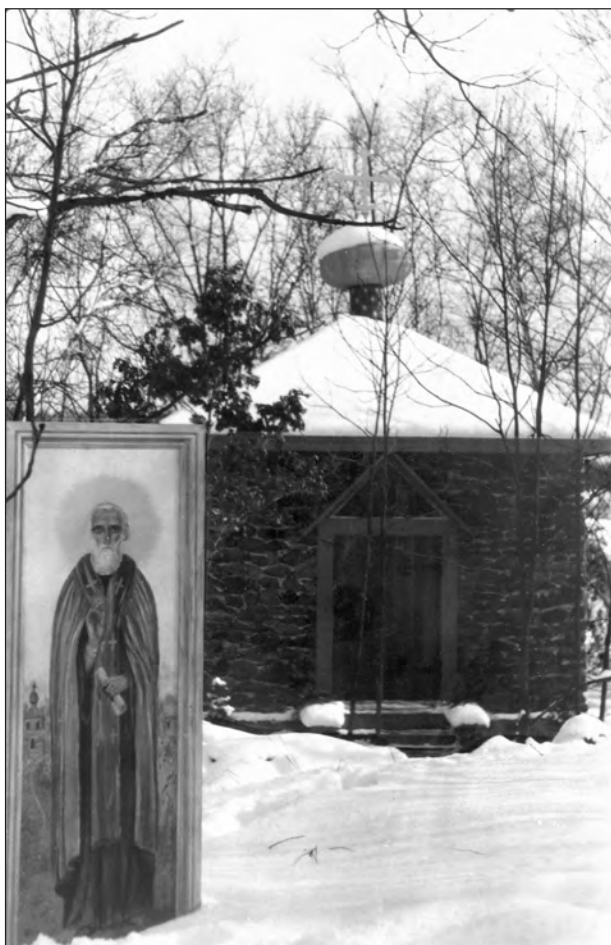
Чувствовалось приближение торжества, была составлена обширная программа праздника, организуемого Сибирской группой при нью-йоркском Музее Рериха и Обществом друзей Культуры. Георгий Дмитриевич приступил к подготовке выступления о хранителе земли русской, преподобном Сергии Радонежском, своей первой «проповеди о дерзании, помощи людям и широте сознания». И наконец, 14 сентября 1930 года состоялось открытие часовни. Гребенщиков описал это знаменательное событие в своем дневнике:

«Опять прошел месяц в тяжелом труде. 14 сентября был великий день для Чураевки. Еще 13-го прибыл образ святого Сергия, сделанный сибиряком Леонидом Тульпой. Мы только что внесли крест, Татьяна украсила его лаврами и зеленью. 14-го с утра был дождь и туман, но все-таки мы готовились и ждали света. И свет явился к 12 часам дня, а в 12-30 начались речи в часовне. Не вместились народ... Человек 50 стояли вокруг паперти. Послание Музея Рериха было самым знаменательным. Речь Москова о моей матери растрогала меня до слез» (16 сент. 1930) [14].

Г. Д. Гребенщиков делает кровлю часовни св. Сергия. Чураевка, 1930 г. ИНРСА

Торжество в Чураевке явилось кульминацией культурных событий, в которые вовлечены выдающиеся люди зарубежья. Уже упоминалось, что икону святого Сергия специально для часовни написал Л. В. Тульпа. За две недели до праздника, 30 августа, он оказался в гостях у своего земляка в русской деревне. По возвращении домой, в Ратленд, взялся за написание иконы, через десять дней работа была завершена. 11 сентября ценный груз отправлен почтой и получен через два дня, 13-го, накануне праздника. Образ преподобного

Икона св. Сергия Радонежского,
написанная Л. В. Тульпой, у часовни в Чураевке.
Фотография. 1931 г. ИHRСА

выполнен на холсте, высота иконы 127 см. Нимб вокруг головы имеет воздушные очертания, в отличие от классического иконописного стиля. Работа вызвала у самого автора возвышенные чувства и радость от соприкосновения с ликом святого. Он писал Гребенщикову:

«Много радости дала мне эта работа. Знаю и чувствую, что и тебе часовня дает много радости. И даст еще более в будущем. Нужен духу человеческому скит. Нужно бы достать и колокол, о котором ты говорил. В этом есть великое символическое значение. Построение Храма!» [15, л. 2].

На праздник в Чураевку приехали соратники Гребенщикова – президент Музея Рериха Луис Хорш и сотрудники Зина Лихтман и Фрэнсис Грант, также С. Н. Рерих, другие видные деятели эмиграции – хореограф и танцор М. М. Фокин с супругой, известная певица М. М. Куренко, генерал Д. Н. Потоцкий. Гости привезли с собой приветствие Н. К. Рериха «Слово на освящение часовни св. преподобного Сергия» [16], присланное из Парижа. Помимо этого была зачитана поздравительная телеграмма от Николая Константиновича:

«Наилучшие пожелания по случаю памятного дня открытия часовни святого Сергия. Да здравствует творческий дух великой русской культуры! Радостно сообщаем, что Знамя преподобного Сергия уже вышито, и нам удалось получить часть Плата, покрывающего святыне мощи. Под этими священными знаками мы можем безбоязненно трудиться, строя прекрасное будущее. Приветствуем всех друзей культуры» [17].

С большой речью «Завоевание воздуха» выступил Игорь Сикорский. Изобретатель читал лекцию в течение двух часов прямо в лесу, среди

берез и кипарисов. Это место получило название «Березовая поляна». Аудитория слушателей составила около 250-ти человек. Лекция прошла с большим успехом. После состоялся концерт артистов вокального «Трио Е. Ф. Аноп», специально прибывшего из Массачусетса для исполнения церковных и русских народных песен. Программа мероприятий была рассчитана на весь день, с 11 часов утра до позднего вечера. В ночи зажигали костры и пели сибирские песни.

Праздник стоил устроителям большого напряжения. Был закуплен целый воз продуктов и напитков. Сшиты для гостей специальные банты, так называемый бело-зеленый «сибирский флажок», копировавший стяг Сибирской республики и затем принятый на вооружение сибиряками-областниками. Накануне торжества Г. Д. Гребенщиков дважды за день на автомобиле мотался в Нью-Йорк за гостями (напомним, 75 миль туда и столько же обратно) и трижды в Бриджпорт (за 30 миль), чтобы устроить все дела с приглашением и транспортной артистов церковного хора.

Атмосфера праздника и душевное настроение Гребенщикова отразились в его письмах. Самое яркое описание – на страницах письма к знаменитой русской актрисе М. Н. Германовой (в 1929 году она находилась на гастролях в Нью-Йорке и подружилась с писателем). Именно с ней связана идея строительства часовни, тот непосредственный толчок, нужный, как часто бывает, для последнего шага. Невзирая на то что письмо достаточно обширное, его стоит привести целиком. Оно передает высокий эмоциональный накал произошедшего в русской деревне события. Минуло десять

дней после праздника, но эмоции не утихали. Кроме того, стало известно, что Георгий Дмитриевич не только строит обитель Сергия, но и берется за описание жизни радонежского чудотворца. Весной, за полгода до торжества, он опубликовал первый очерк «Юный инок» [18]. Впоследствии отдельные части биографии святого сложились в цикл лекций.

«Дивный Вы наш светлый Друг, Мария Николаевна! Как радостно нам было читать Ваши чудные, сугревные, ободряющие письма, и какое счастье вообще, что такие люди, как Вы, есть не сочинение, а радостный факт. Милая, конечно, прежде всего, благодарю за незаслуженную честь: предложение издать мои фрагменты об Учителе нашей Родины святом Сергии. Как же можно говорить в этом случае об авторском вознаграждении, когда и у автора одна мечта, чтобы больше людей прикоснулось к истокам этой светлой радости – житию Возлюбленного Подвижника. Немедленно посылаю Вам – именно Вам – на редакцию вместе с Н. К. <Рерихом>. А уж вы отправите А. П. <Калитинскому>*. Посылаю Вам только первую часть рукописи, а вторую и последнюю пошлю через неделю.

Очень я ослабел почему-то и не могу эти дни работать, как следует. Попросите у Николая Константиновича мое последнее письмо, а Ему покажите это. Там же приложил я кое-какие сведения о нашем празднике. Понемногу, но паломничество к Сергию на Помпегае началось, и как мне радостно вспомнить все подробности, как мы с Вами задумывали то, что сейчас уже сложено в твердый, вечный суровый камень. Еще нет

* Александр Петрович Калитинский (1879–1946), муж М. Н. Германовой. Работал в Археологическом институте им. Н. П. Кондакова в Праге, где и предполагалось издание книги Г. Д. Гребенщикова.

врат, и часовня стоит открытая, вокруг входа каждое воскресенье меняем лавровые ветки, у нас на берегу реки лавровых кустов целые дубравы. Внутри на сосновом полу разостлан синий с цветами линолеум, по стенам на полу стоят сделанные из ящичков и досок, покрытых белыми холстами, широкие лавки – сидения для нашей аудитории. Впереди в среднее восточное окно вставлена большая, только что написанная Леонидом Тульпой икона св. Сергия, 4 фута высотой, на фоне древней деревянной Лавры. Вместо рамы – гирлянды нашего чураевского особого мха, так называемого оленьего, а выше, над главою Сергия, большой деревянный крест, мною сделанный и некрашенный. Он тоже повит лаврами и мохом. У подножия св. Сергия – два кубических ящика с книгами, задрапированные в виде аналая холстом. На этом импровизированном аналое – итальянский кувшин глиняный, напоминающий наш жбан, в кувшине всегда свежие цветы, а ниже, на полу, другой кувшин, тоже с цветами. По бокам же аналая два живых, мною тут же, на поляне, выкопанных и посаженных в самодельные ящики кипарисика. Крыльцо в три ступени каменное, покрытое цементом. На боковых стенах часовни еще по одному узкому высокому окошечку. Из окон этих видны белые березы, огромный соседний орех, а сквозь ветви его и берез синее горная даль и серебрится широкая река Хусатоник, в которую вливается наш Помпераг, и потому это слияние зовут озером.

Тишина и зеленая дремь, и сами просятся всё время на уста молитвы, и только щебет птичек да робкое журчание тут же внизу, у подножия часовни, протекающего ручья. В ручей вливается и наш источник святого Сергия, как мы назвали наш родник, который мною заключен в каменный резервуар в виде подковы. Стены часовни сложены из камня, подернутого вековым зеленоватым мхом, и производят впечатление уже древних, обомшелых. Каждое утро и каждый вечер я хожу в часовню побыть один, то же делает и Татьяна,

Убранство часовни св. Сергия Радонежского.
Фотография. Чураевка, 1931 г. ИНРСА

когда бывает здесь. И в этом уединенном пребывании в часовне есть тот глубокий и трепетный смысл, что наполняет нас надеждой, что не одну еще часовню мы построим на земле, чтобы не нам одним, а многим была радость приходить вот так и наполняться силой духа.

Иногда я молюсь вслух, читая молитвы, иногда пою простые наши песнопения, вывезенные из родного маленького сибирского села, где церквица была немногим больше этой. Но всё время чувствуется Присутствие здесь Учителя, и однажды вечером, идя к роднику за водою, я был остановлен как бы внезапным толчком в левое плечо. Без слов мне было сказано: «Явлюсь тебе у родника». По всему моему телу прошел трепет, похожий на страх, и вера утвердилась, что когда-то явится именно у родника. И потому родник теперь становится всё больше священным и трепетным местом для меня. Так наполняется содержанием вся наша Чураевка и насыщается вибрациями святости весь холм вокруг часовни.

Подумайте, какая радость – жить тут и ожидать то священное Знамя, в котором будет вложено действительное творение Н. К. и частица Плата от Самого Возлюбленного. Подумайте, родная, как радостно нам работать даже при тех условиях нашей исключительной теперь нужды, когда мы начинаем истощаться, слабеть физически. Но духовно мы неодолимы, и это так радостно Вам сообщить в связи именно с Вашим решением издать моё рукописание о Преподобном.

Да наполнится радостью ангельское сердце Ваше во имя Света, нам дарованного, и да будем мы на все времена воистину Братья и Сестры, радующие своими действиями нашего Великого Отца и Руководителя в земных путях!» (24.09.1930) [19].

Постепенно часовня украшалась всем миром. Именем подвижника и воеводы русской земли, игумена святой Руси преподобного Сергия Радонежского решено было «закрепить» кусочек древней

отечественной истории в Америке. Божий храм – это якорь, который удерживал эмигрантов, не давал оторваться им и последующим поколениям от российского берега. Предложенную Н. К. Рерихом роспись «Троицы» на фронте часовни осуществил – по иконе Андрея Рублёва – художник В. С. Иванов, который проживал в Чураевке. Протоиерей Стахий (Боричевский) преподнес в дар иконы архангелов Михаила и Гавриила и старинный псалтирь на аналой. Серебряную лампаду с полудрагоценными камнями преподнесли Великая княгиня Мария Павловна (младшая) и Е. Н. Шуматова, лампада изготовлена по ее рисунку. Икону Ангела-хранителя передала в часовню матушка Варвара Успенская, дочь митрополита Платона. Крест из металлокерамики, установленный над центральным окном, привез из Калифорнии журналист А. А. Волошин. С. Т. Конёнков поднес скульптурное изображение Христа из красного дерева. Иконы на хоругви сделал художник И. Ф. Замотин. Эти хоругви сменили Знамя с ликом преподобного Сергия (золотое шитье Т. Н. Родзянко), переданное в Чураевку на время, а затем, в 1934-м, перенесенное в часовню Сергия Радонежского при Музее Рериха в Нью-Йорке.

Официальное освящение часовни прошло два года спустя после ее открытия, чин освящения провел почтенный и всеми уважаемый митрополит Платон (Рождественский). И после этого в русской деревне закипела религиозная жизнь. Здесь проводились службы с чтением акафиста святому Сергию, молебны, чтение жития преподобного, проповеди, лекции и даже венчания. Часто устраивались концерты духовных песнопений.

В 1934 году Гребенщиков предложил ежегодное празднование дня Сергия Радонежского. Уже на следующий год Чураевка стала местом притяжения большого числа гостей. Сначала в день рождения Варфоломея, будущего святого Сергия, 16 мая 1935-го состоялась вечерняя служба и молебен. Затем – большой русский праздник 4 июля, в День американской независимости, отныне названный «Русским днем». Прибыло несколько сот гостей, паломники тянулись вереницей в гору, что походило на большие празднества в древних монастырских обителях на Руси. Литургию в часов-

Праздник в Чураевке. 1930-е гг. ИИРСА

Праздник в День независимости США.
Чураевка, 4 июля 1935 г. IHRCA

не, точнее, перед входом прямо на улице, вели семь батюшек. Служба была архиерейская, ее возглавлял владыка, епископ Чикагский Леонтий (Туркевич). Помогал в служении большой церковный хор из Ансонии под управлением сибиряка капитана Е. А. Серебrenникова.

В этот же день торжественно освятили икону святого преподобного Сергия, которую прислала в дар Дании Великая княгиня Ольга Александровна, родная сестра погибшего российского

Императора Николая II. Такие события, связанные с царственными особами, являлись символическим знаком, ибо большинство эмигрантов стояло на монархических позициях. К ценному дару прилагалось письмо Великой княгини. Оно было оглашено всенародно:

«Наконец удалось исполнить Вашу просьбу – написать икону святого Сергия Радонежского, переданную мне через батюшку, отца Леонида. Я не всегда могу писать иконы святых. Нужно мне особое настроение, а оно долго не приходило... Затем не было у нас икон этого святого – и вот вдруг неожиданно кто-то прислал мне – как будто нарочно, – и это окрылило меня, и стала писать, как смогла. Рада, что эта икона будет в церковочке где-то далеко в Америке, где русские люди молятся, вспоминая далекую милую нашу Родину, всех нас связывающую. – Ольга» (19.03.1935) [20].

Через две недели произошло еще одно важное событие. В день перенесения мощей преподобного Сергия 18 июля состоялось вечернее богослужение в часовне, ставшее, по выражению Гребенщикова, «духовным подкреплением» для поселенцев. Служил протоиерей Иоанн Крашкевич, настоятель Свято-Воскресенской церкви в Вилкес-Барре и редактор старейшей русской газеты «Свет». Писатель сообщил в журнал «Русские поля», что теперь мечтает рядом с часовней «заложить небольшую древнего вида звонницу» [21, с. 2].

В середине 1930-х годов православное строительство в Чураевке достигает своего пика, в следующие годы там бурлит церковная жизнь. Георгий Гребенщиков всё больше склоняется к христианству – и в мировоззрении, и в литературе, и просто в обычной жизни, укрепляя личные связи со священством.

В ПРОСТОРАХ АМЕРИКИ

Глава десятая

ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Малозаметная тропинка от Чураевской часовни – это начало большого пути. Гребенщиков из обители святого Сергия шагнул в просторы Америки. Весной 1940 года издательство «Алатас» выпустило в свет его роман «The Turbulent Giant», что в дословном переводе означает «Буйный Богатырь». В Европе уже гремела мировая война, когда русский писатель твердой поступью вошел в американскую литературу. Много лет ожидал он появления перевода на английский язык своей «Былины о Микуле Буяновиче». Наконец книга была издана и восторженно встречена критикой. Самые влиятельные газеты – «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» – дали на своих страницах положительные рецензии. Имя Гребенщикова стало известно в университетской среде, на кафедрах славистики. Дальше, как часто бывает в подобных случаях, писателем играет судьба.

Накануне 1941 года, вечером 31 декабря, Татьяна Денисовна сильно пострадала в автомобильной аварии. Приятель-американец пригласил Гребенщиковых к себе в Вотербюри встретить Новый год. На скользкой дороге он разбил машину, нанес увечья себе и пассажирам. Георгий Дмитриевич решил увезти жену на лечение в теплую Флориду. Они выехали 17 января и направились в город Сент-Петербург, известную курортную здравницу

на берегу Мексиканского залива, где обосновалась большая колония соотечественников. Но там не оказалось подходящего жилья «по карману», и они двинулись на поиски в центральную часть полуострова.

В небольшом городке Лейкленд им понравилась красивая местность, очаровательная природа, озеро Миррор. На берегу этого озера удалось снять на месяц недорогую квартиру. Наутро в бюро регистрации чиновник заинтересовался необычной, длинной фамилией Гребенщикова и узнал, что перед ним – известный писатель и лектор. Не раздумывая, американец взял трубку телефона и позвонил президенту Южного колледжа: «Здесь у меня сидит человек, с которым, я думаю, Вам будет интересно повидаться. Он говорит тем же языком, что и мы с Вами» (07.03.1941) [1, л. 1]. Как видно, у незнакомых людей при первом случайном контакте выяснилось – взгляды на жизнь вполне совпадают.

Гребенщиконы получили аудиенцию у президента колледжа, их принял известный доктор Лудд Спайви. Они увидели человека необыкновенной кипучей энергии, который в то время вел строительство новых зданий на территории колледжа, ставшего впоследствии по числу корпусов одним из самых крупных образовательных центров не только Америки, но и всего мира. Благодаря его творческой натуре удалось разбить Сад медитаций, в котором установлен настоящий пятисотлетний индуистский храм, и рядом с ним – фигуры слона и священной коровы. Древности из Индии вывез известный ученый Фредерик Фишер в 1938 году. Для транспортировки в Аме-

рику храм был разделен на 239 частей, а затем снова сложен на месте. Это первый оригинальный храм индусов на американском континенте.

Гости, прибывшие на встречу в колледж, осмотрели большую стройку и затем снова возвратились в кабинет президента. Георгий Дмитриевич восторженно описал эту встречу:

«Он нас принял, и я с двух слов понял, что это один из больших людей, вроде Рериха. Мы сразу стали друзьями, так что он повел нас в свой дом, заставил сына играть нам русских композиторов и в тот же день назначил мою первую лекцию о А. С. Пушкине на 6 февраля, то есть ровно через неделю. Лекция о Пушкине решила мою судьбу настолько неожиданно, что трудно поверить. Короче говоря, 17 февраля я уже давал лекцию классу в 14 человек, студентам заболевшего профессора, на тему о Всемирной литературе. Робость и дерзость мою описать невысказано» (07.03.1941) [там же].

Лекция называлась «Александр Пушкин – великий русский поэт». Георгий Гребенщиков, подменив временно лектора, профессора Генри Бассета, провел пробный курс по мировой литературе. Занятия длились три недели, после чего ему поступило предложение занять профессорскую кафедру в Южном колледже. Это был счастливый случай, но счастье оказалось нелегким, труд до седьмого пота. Пришлось взвалить на себя преподавание сразу четырех предметов – русской истории, русского языка, литературы и изящной словесности. Правда, статус Гребенщикова возростал, и положение в американском обществе укреплялось. Татьяна Денисовна получила должность директора типографии «Дикси Пресс», одновременно ей предложили вести курс типографского дела.

Здания Южного колледжа Флориды.
Архитектор Фрэнк Райт. Современный вид

Конечно же, должность директора оказалась условной, были помощники среди студентов, но часто она сама сидела у наборного линотипа и печатала на станках книжную продукцию.

В начале июля 1941-го, через две недели после нападения германских войск на Советский Союз, русские и американские газеты запестрили сообщениями о приезде Л. М. Спайви в Чураевку. Визит в русскую деревню невольно приобретал политический оттенок. 26 июня на железнодорожном вокзале в Бриджпорте гостя встретили Гребенщиковы и Игорь Сикорский, и затем они повезли его осмотреть чураевский дом, типографию и часовню святого Сергия. Все вместе обсудили планы на будущее, не только учебные, тактические, но и стратегические. Гребенщиков предложил рассмотреть вопрос об учебниках по русской истории, о специальных премиях по классу изящной словесности и стипендиях трем славянским студентам.

Сразу же Южный колледж опубликовал объявления, и первым стипендиатом стал Степан Бескид (его родители – выходцы из Прикарпатской Руси). В дальнейшем этот юноша сблизился с Гребенщиковыми, сделался для них родным человеком. После открытия союзниками второго фронта Степан воевал в России, состоял переводчиком в представительстве американской армии в Полтаве. С окончанием войны вернулся во Флориду и завершил образование.

Прием в честь доктора Спайви в Чураевке собрал культурную общественность из близлежащих штатов, в том числе из Нью-Йорка. Присутствовало свыше 80 человек, среди них знаменитости – скульптор Пауло Аббат, писатели Карл Лесс

и Харри Лунд, представители американской творческой интеллигенции, в основном члены «Общества художников, писателей и музыкантов штата Коннектикут», основанного Георгием Гребенщиковым в 1939 году. Русскую диаспору представляли художники И. Ф. Замотин и Г. А. Чайка, директор музыкальной студии в Нью-Йорке И. П. Филипенко. Прием завершился концертом церковного хора из Ансоии.

Условия работы в Южном колледже оказались вполне комфортными для супругов Гребенщиковых, привыкших к бытовым трудностям. Президент Л. М. Спайви создал специально для Георгия Дмитриевича новую кафедру «Русской истории и литературы», выделил квартиру и – помимо зарплаты – предоставил ему и супруге полный пансион. Служба официально началась в середине сентября 1941 года. Это был новый этап жизни, неожиданный поворот в судьбе. Решающую роль, несомненно, сыграла литературная известность русского писателя в Америке после издания его «Былины». Да и начало Великой Отечественной войны вызвало у американцев искренний интерес к советской стране. Русский язык в дальнейшем стал не только популярным, но и модным среди молодежи. С окончанием войны учебные заведения наполнились беженцами из Европы, так называемыми ди-пи* из фашистских концлагерей. Многие из них стремились получить образование, интегрироваться в американское общество.

Переезд во Флориду завершил предшествующий сложный период в жизни Гребенщиковых.

* d.p. – перемещенные лица, от англ. *displaced persons*

К тому времени они оказались в тяжелом материальном положении, долги по типографии и невыплаченные кредиты, в том числе за автомобиль, отражались на душевном настроении. Давала о себе знать и общая эмигрантская атмосфера в Чураевке. Время шло, но среди поселенцев не нашлось ни одного человека, кто по-настоящему смог бы понять замысел культурного строительства. У жителей деревни существовали только меркантильные интересы, что для эмигрантов вполне естественно в условиях выживания. Праздники в деревне устраивались по инициативе одного Георгия Дмитриевича, все остальные – только участники, обычные статисты. Он постоянно задавался вопросом: «На кого оставить вот эту часовню?». Чаения его понятны: часовня не просто культовое сооружение, а нечто большее, в ней «закреплена духовная связь с самым значительным периодом Русской Земли» [2, с. 301].

Свои горькие размышления писатель выплескивает на бумагу, пишет очерк «Пестрота подорожная». Ворошит чувства накануне отъезда во Флориду, даже в самый день отъезда. Он как бы прощается с часовней св. Сергия. Подробно, уже в который раз описывает ее убранство, хочет зафиксировать важный момент отъезда. Перед ним с неизбежностью встают картины неувядаемого лета, всегда цветущего юга. Однако писатель снова и снова задается вопросом, обращенным к самому себе: «На какие блага меняешь ты тобою же собранный сонм этих святынь?» [2, с. 302]. Из потаенной глубины нет отклика! Вечно колеблемая сильным чувством, как пламя свечи под ветром, душа не дерзает ответить...

Преподавание русской литературы, помимо классических текстов, Гребенщиков строил и на своих собственных произведениях. Поскольку «Былина о Микуле Буяновиче» была переведена на английский язык, то студенты изучали роман и писали в виде домашнего задания эссе на заданную тему. Отдельные сюжеты и характеры героев тщательно анализировались, что давало писателю обширную панораму мнений молодых критиков. «Книга стала учебным пособием в ряде университетов» (17.07.1948) [3, л. 1].

Не только студенты, но и профессора писали отзывы и доклады по «Былине». Со временем эти сочинения составили целый том. Роман получил такую большую популярность, что после войны, в 1947-м, его пришлось выпустить вторым изданием. И даже этот повторный тираж в течение года наполовину уже разошелся. Писатель всегда был уверен и не уставал повторять, что «Былина» непременно «будет иметь будущее наравне с самыми незабываемыми классическими романами» (12.05.1946) [3, л. 1]. Это только вопрос времени, она обязательно «войдет в народный эпос» (03.01.1948) [3, л. 1].

Вскоре после начала первого осеннего семестра Георгий Дмитриевич взялся за организацию «Русского вечера» в колледже. Он состоялся 5 декабря 1941 года. Студенты под руководством наставника подготовили для чтения выдержки из «Слова о полку Игореве», русские сказки, пролог к поэме Гребенщикова «Златоглав». Во втором отделении исполнялась русская церковная музыка и народные песни, народные танцы «Тройка» и «Хоровод», избранные произведения великих

Георгий и Татьяна Гребенщиковы.
Выпуск курса в колледже. Лейкленд, 1940-е гг. FSCA.
На заднем плане: индуистский храм

русских композиторов. На таких вечерах, которые устраивались регулярно, Гребенщиков и сам часто пел сибирские песни.

Следует сказать о персональном методе преподавания. Свой метод, или иначе, свой стиль преподавания, писатель сформулировал в очерке «Философия – это обиход жизни». И дело здесь напрямую не в размышлениях на тему «Русской истории», которую он преподавал. Лектор вынужден был отрываться от американской действительности и совершать мысленные полеты в Россию и на малую родину в Сибирь, и даже – в области надземные, человеку недоступные.

Память о старине лишь подчеркивает новизну, дает точку отсчета для будущего. Такая точка, или территория, обозначенная им фразой «в просторах Америки», открывает просторы мысли, чувства и слова. Учиться в действии – вот основной тезис для молодежи. Вспоминая на занятиях случаи из жизни, увлекательные литературные эпизоды, сказки, былины и народные пословицы, Георгий Гребенщиков создавал необычную насыщенную атмосферу в аудитории. Студенты как бы заряжались атмосферным электричеством и могли затем применять его в личном обиходе. В начале учебного семестра преподаватель придумывал для каждого характерную роль. Что это за роли и для чего он это делал?..

«Из этих ролей, – пишет Георгий Дмитриевич, – у меня к концу года составляется большая программа особого вечера, на котором выступают студенты всех классов. Это, конечно, метод не новый, применяемый всегда и всюду, но роль студента не должна закончиться его выступлением в программе. Он или она должны

впитать в себя какую-то новую струю иного воздуха и света, вжиться в незнакомую ему атмосферу, и только тогда они унесут это с собой в жизнь как нечто обогащающее и творческое. А это возможно лишь тогда, когда учитель непрестанно вместе со своими студентами увлечен, и учится, и преодолевает» [4, л. 4].

В лице Гребенщикова виден не просто педагог, а незаурядный мыслитель. Как и все преподаватели, он ходит в библиотеку, читает и слушает специалистов, подготавливаясь к занятиям. Писатель берет на вооружение древний постулат: чем больше изучаешь, тем больше обнаруживаешь свое неведение. Жажда знаний «освежает», постоянно «молодит» – так устроена человеческая природа. Для него не кажется парадоксом тот факт, что «иногда ученики могут быть лучшими учителями» [4, л. 2].

Один раз в неделю Гребенщикову приходилось вести дополнительный вечерний класс продолжительностью два с половиной часа, а не 45 минут, как обычно. За небольшим исключением его студенты – это взрослые и, часто, пожилые учителя, священники, директора высших школ. Они приезжали ради пополнения своих знаний, иногда – за сто миль. Встреча с такими учениками являлась настоящим кладезем, откуда можно было черпать литературный материал.

Философия, проповедуемая с профессорской кафедры, не всегда является «обиходом жизни». Наиболее трудно дался Георгию Дмитриевичу класс изящной словесности. Там преподавание велось исключительно на английском языке, и слушатели – сложные личности, начинающие и зрелые литераторы, писатели и поэты. Необычный

Татьяна Гребенщикова со студентами
в типографии колледжа. Лейкленд, 1940-е гг. FSCA

контингент, состоящий из атеистов, проповедников, красавиц, строптивых авторитетов. Лектору недостаточно найти для них какой-то жизненный пример, чтобы неожиданно ошеломить, рассказать анекдот или случай из повседневности, как то бывало в классе истории.

Здесь уже нужна новая «философия». Например написать краткую автобиографию с оттенком юмора, при этом непременно использовать собственный опыт. Вспомнить случай, когда впервые приходилось безудержно смеяться или плакать, даже рыдать. Гребенщиков на занятиях соприкасается с реальностью, очень похожей на театр. Правда, в театре все роли заранее расписаны и выучены, а на подмостках класса изящной словесно-

сти пьеса разыгрывается спонтанно, драматургия создается вместе с учениками, и в таком сотворчестве проявляется высшее искусство педагогики. Недаром за плечами писателя много театральных постановок. Его пьесы успешно шли и в крупных центрах эмигрантского рассеяния – в Берлине, Париже, Риге и Нью-Йорке, и в студенческих театрах, отдаленных углах русской Америки.

На преподавательскую работу были направлены немалые усилия. Три трудных академических года в колледже полностью истощили запас физических сил. Количество классов и студентов постоянно росло (число учеников от нескольких десятков вначале через десять лет увеличилось до 97 человек). Гребенщиков стал даже подумывать об отставке. Но уходить на покой в разгар войны

Георгий Гребенщиков со студентами.
Лейкленд, 1940-е гг. FSCA

он все-таки не решается. Наоборот, взваливает на себя еще большую ношу. Татьяна Денисовна летом 1943 года берет дополнительную работу, заступает на должность заведующей столовой в колледже. Ее рабочий день увеличился до 14 часов вместо 10-ти, включая воскресенье. Георгий Дмитриевич сам себе удивлялся: «Люди по воскресеньям, оказывается, тоже три раза кушают. Раньше мы этого не замечали, хотя и кушали в той же столовой» (17.07.1943) [5, л. 1].

В этот год писатель много думает о Родине. Поводом послужило неожиданное событие. В феврале 1943-го в морском порту города Тампа, в 30 милях от Лейкленда, сошли на берег две с лишним

Георгий и Татьяна Гребенщиковы
среди студентов класса изящной словесности.
Лейкленд, вторая половина 1940-х гг. IHRSA

сотни советских моряков и офицеров. Вероятно, высадка была запланирована в связи с ремонтом военных судов. Георгий Дмитриевич прочитал об этом в местных газетах и поспешил пригласить «главного командира моряков» Павла Панцерного на встречу от имени администрации колледжа. Длительные согласования у армейских чинов заняли месяцы. Только 18 апреля встречу всё же удалось назначить, и она состоялась.

Компания получилась подходящая – два офицера с женами и Гребенщиковы. Договорились и поехали на автомобиле домой в Лейкленд. Там устроили застолье и разговор по душам. Много улыбок, русская речь, даже смех. Беседа пошла по-писательски с интересом – о колхозах, индустриализации, демократии и храмах в Москве. Со стороны советских людей – полная искренность, но всё подернуто идеологической вуалью, которую Гребенщикову трудно, почти невозможно было разглядеть за русской душевностью. У обоих советских командиров шестилетние дочери, и обе Светланы. В Советском Союзе имя популярное. Гребенщиковы восторгаются: какое прекрасное имя, неведомый грядущий символ. Но мода исходит не от красоты, а потому что у Сталина – дочь Светлана.

Встреча с морскими офицерами подробно описана в очерке «Лицом к лицу с Новой Россией», опубликованном в «Новом журнале» той же осенью. Гребенщиков называет себя «маленьким Магомедом», который идет к горе. Повествование легкое, восторженное, потому что перед писателем предстали не просто соотечественники «оттуда», а герои войны, проливавшие свою кровь. Он и сам

хотел бы проливать кровь, но понимает, что находится по другую сторону. Остается только щемящее чувство и мечта о возвращении на родной Алтай. Никакие великолепные «просторы Америки» не успокоят, как выразился Георгий Дмитриевич, «пока не сложу своей головы где-либо под кустом родной черемухи» [6, с. 317].

Итак, будто ураган, налетел душевный порыв, очередной кризис. Сильное желание вернуться на Родину, с одной стороны, но с другой – невозможность переступить роковую черту, за которой прочные большевистские оковы. Невзирая ни на что, остается вера, смешанная с печалью. Вся палитра чувств отражена в письме к Владыке Леонтию. Слова похожи на исповедь, собственно, это и есть исповедь:

«Мой личный путь... уперся в великое искушение – поехать в Россию. Не тогда, когда там всё будет мирно и гладко, а вот сейчас бы, да не пустят меня. Репутация моя, в смысле приятия революции, сильно подмочена. Да и не к лицу мне красный сарафан, а всё же, как бы ни страшна и ни грешна была тамошняя жизнь, мне кажется, что Антихристу там остается всё меньше и меньше работы, нежели во всем остальном мире» (17.07.1943) [5, л. 1].

Георгий Гребенщиков верит в Новую Россию. Несмотря на то что письмо оттеняет легкий пессимизм, чувствуется твердость характера. Когда-то Ермак Тимофеевич завоевывал Сибирь, теперь его духовный двойник жаждет новых походов. Нужно обратить внимание: письмо написано в разгар Курской битвы. Надежда на будущее не угасает. Прошел еще год, и летом 1944-го Гребенщиков встретился с другим советским командиром, при-

ехавшим в Чураевку. Адмирал (а это был настоящий адмирал!) первым делом почтительно вошел в часовню. Остановился у аналоя, раскрыл псалтирь и стал вслух читать по-старославянски. Начал с псалма царя Давида «Благослови, душе моя, Господа...»

Потом на автомобиле они вместе с женами поехали к И. И. Сикорскому. Состоялся «значительный разговор на все щекотливые темы, и наш командир отвечал и просто, и внушительно, и откровенно, и убедительно» (01.05.1945) [3, л. 1]. Георгий Дмитриевич искренне восхищался гостем из Советской России. (Даже Сикорский, известный своими правыми взглядами, был потрясен и поколеблен.) Родная земля притягивала со страшной силой. Писатель делится своими мыслями со старым другом Ильёй Савченко:

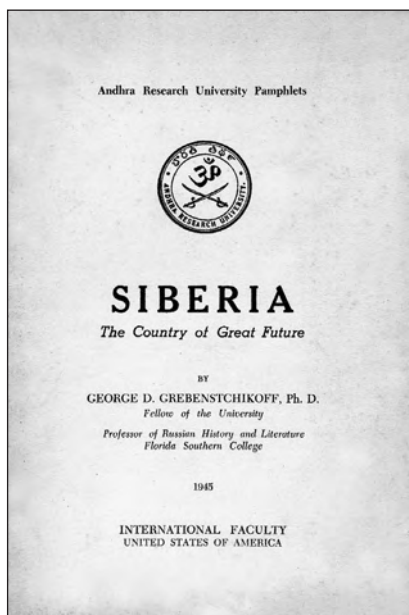
«Всё же одиночество всё больше ощущается, и распутье – вернее, остановка на путях – не то припечатывать себя к Америке, не то ползком стремиться на Родину – становится трагедией. Не знаю, чем кончится: могилой и крестом у подножия часовни в Чураевке или... последним вздохом на родном кургане в предгорьях белоглавого Алтая» [там же].

Вскоре положение несколько выправилось, душевное настроение переменилось. Весной 1945-го Гребенщиков получил степень доктора философии и профессорскую должность в колледже. Этому содействовали почетные звания, полученные из-за границы. В декабре 1944 года пришло извещение о том, что еще двумя годами ранее писателя избрали почетным доктором университета Андхры в Британской Индии. Этой чести он удостоился за статью «Зов Азии» в монографии

«Гималаи» (о художественном творчестве Николая Рериха). Диплом был послан из Калифорнии профессором Саидом Хусейном, который работал в то время на международном факультете Калифорнийского университета. Чтобы подтвердить высокое звание, по поручению индийской коллегии профессоров Хусейн издал брошюру Георгия Гребенщикова «Сибирь: Страна великого будущего» (1945) на английском языке.

Л. М. Спайви поздравляет Г. Д. Гребенщикова с докторской степенью. 1945 г. FSCA

Обложка брошюры Георгия Гребенщикова
«Сибирь: Страна великого будущего»

Георгий Дмитриевич отмечен и другими заслугами – он стал почетным членом двух Академий науки и искусства, в Мексике и Бразилии, также награжден крестом «Тернового венца» от древнего католического ордена Франции, основанного святым Луи в 1089 году. Награды были вручены за литературные труды, «Былину» и «Гонца».

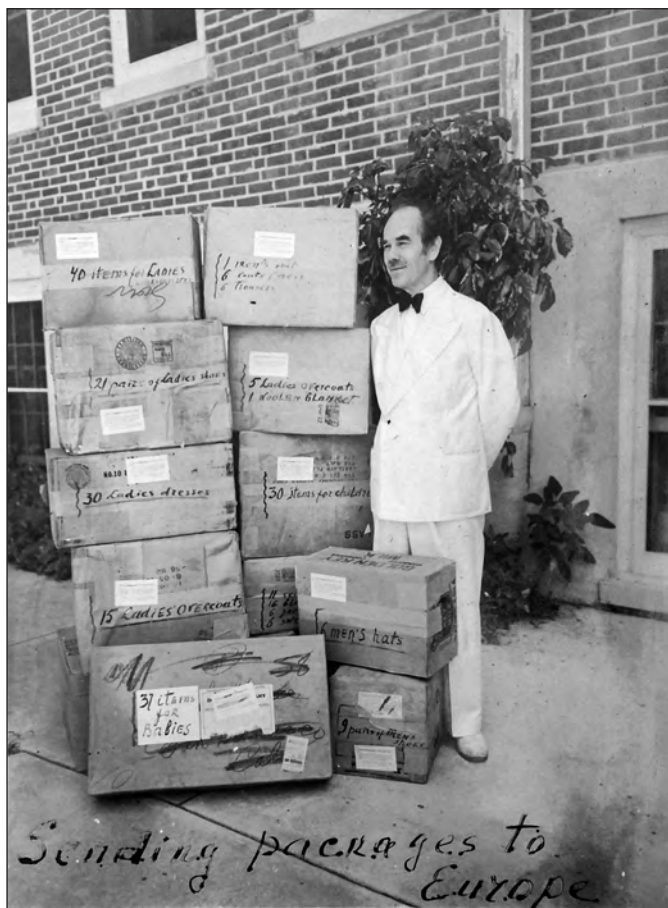
В душе Гребенщикова все-таки происходит постоянная борьба. Писатель-творец соперничает с христианином и педагогом, выполняющим долг по отношению к своему ближнему. У молодежи он многому научился, но пять лет профессорства

забрали много физических сил. Георгий Дмитриевич сетует, что за эти годы сильно постарел и пал духом: «Отдаю молодежи всё время и весь энтузиазм, а пользы не вижу. Не русская это молодежь, и войны, и нужды они не знают...» [там же].

Крепкие цепи материальной зависимости не позволяют сдвинуться с места, приходится снова преподавать в колледже, пока не будут выплачены старые долги по книгопечатанию. Большие надежды иллюзорны, жизнь берет свое. Возникают новые долги и новые заботы, ждут поддержки братья-писатели в голодной послевоенной Франции. Туда Гребенщиковы собирают десятки посылок от себя лично и от имени американского Литературного фонда, посылают денежные переводы. Помощь получают все без исключения – писатели первого и второго плана, журналисты и просто знакомые и незнакомые русские эмигранты. Посылки для Ивана Бунина, Бориса Зайцева, Ивана Шмелёва, Ильи Савченко, Сергея Потресова (Яблоновского), многолетней матери Мирры Бальмонт, дочери поэта, А. А. Швецово́й из Прованса.

Что же в этих посылках? О щедрых дарах можно судить благодаря сохранившимся описям. Вот одна из них: сухое молоко (500 грамм), кофе (500), какао (250), чай (250), мясной экстракт (71 грамм), 2 пакета супа, 2 куска мыла, 1 полотенце, 3 носовых платка. На первый взгляд, не так уж и много, но на самом деле вовремя полученная помощь была спасительной. Каждый голодный день мог стоить кому-то жизни.

Голодающим писателям такого изобилия хватало ненадолго. В месяц отправлялись десятки посылок с едой и вещами, тратились сотни и тысячи

Георгий Гребенчиков
отправляет дюжину посылок в Европу.
Лейкленд, 1940-е гг. IHRCA

долларов. Помогали коллеги из колледжа и даже соседи-американцы, жившие в домах по соседству, например, супруги Ланиер и Фрэнсис Апшоу. Весь гонорар – 32 тысячи франков, полученный от бельгийского издания «Былины» (1947), Гребенщиков пожертвовал на помощь соотечественникам. Писательница княгиня Ольга Бебутова получила 1500 франков на покупку радиатора, друг Илья Савченко – 5000 франков на модную нейлоновую рубашку. Однажды к писателю обратилась за книгой русская немка из Германии, переводчица Илзе Мария Таурит, которая обожала его роман о «Микуле». На иждивении женщины было двое сыновей-близнецов, студенты в Париже. Георгий Дмитриевич решил их «подкормить» и послал каждому по 1500 франков. Обожаемой им актрисе Е. Н. Рощиной-Инсаровой вручили от его имени огромный букет роз. Трудно себе представить – благоухающие цветы в полуголодной Франции!

СНОВА ЧУРАЕВКА

Весной 1947 года Гребенщиков решил уходить в отставку. Однако вырваться из колледжа так и не удалось. В Америку нахлынула волна ди-пи. Писатель получает из Европы сотни писем с мольбами о помощи. На попечении супругов Гребенщиковых находится 17 девушек и юношей, бывших русских военнопленных и беженцев. Их нужно кормить, одевать (обшивала Татьяна Денисовна) и некоторым оплачивать учебу. Кого-то даже усыновили и удочерили.

Особая симпатия возникла к Николаю Митину, ставшему названным сыном. Юноша, от роду 19-ти лет, подавал большие надежды как начинающий писатель. Он находился в Италии и неожиданно из-за давления Советов попал в итальянскую тюрьму на Сицилии. Его сняли с корабля, отплывающего в Рио-де-Жанейро. Георгий Дмитриевич подключил свои связи в политических кругах, русскоязычную прессу, чтобы выволить его из застенков. Митин томился в заточении более четырех лет. В апреле 1950-го в тюрьме началась голодная забастовка, в ней приняли участие около ста русских заключенных. В сентябре практически все ди-пи были освобождены. Николай оказался во Флориде.

Маленькая деталь, говорящая о многом. Ожидая приемного сына, Гребенщиковы даже купили для него подержанный автомобиль (о новом речь не шла, стоил дорого). Ведь родной сын писателя Анатолий погиб в ленинградском ополчении в начале Отечественной войны. Хотелось как-то восполнить потерю родного человека. По приезде сын Николай учился в Южном колледже, помогал Татьяне Денисовне в типографии. Вскоре нашел себе спутницу жизни из русских эмигрантов, 19-летнюю Наташу Раштанову, по словам Георгия Дмитриевича, прехорошенькую, с очаровательной улыбкой. Самому жениху исполнилось к этому времени уже 25 лет. Венчание состоялось 11 мая 1952-го в чуряевской часовне Сергея Радонежского, а свадьба – в доме Гребенщиковых.

Итоги своей благотворительной, подвижнической деятельности по спасению советской молодежи из немецких и итальянских концлагерей

Николай и Наталья Митины.
Венчание в часовне преподобного Сергия.
Фото из газеты «The Newtown Bee»

Георгий Гребенщиков сообщал в письмах близким друзьям:

«Если мы помогли ди-пи и затратили на них за шесть лет свыше 3000 долларов, то это просто потому, что сами часто живем на сэндвичах, кофе с колбасой, а жена писателя сама бесконечно чинит и переделывает себе и мужу одежду» (05.06.1951) [3, л. 1].

Такой образ жизни, то есть постоянные самоограничения в еде, нервные переживания и тяжелый «рабский труд», неминуемо привел к утрате здоровья. Весной 1947-го, когда появились мысли об отставке и переезде в Чураевку, у писателя катастрофически стало падать зрение. Сказались последствия травмы, полученной в Голливуде из-за наезда автомобиля. К осени один глаз практически не видел, в нескольких шагах никого нельзя было различить. Через год трагедия стала очевидной. Татьяна Денисовна водила мужа в колледж, читала ему книги и писала письма под его диктовку. Вот одна из диктовок: «Уже не пишу, а диктую. Совсем ослеп. Кое-как еще сам хожу, но писать и читать – не способен» (03.11.1948) [3, л. 1].

Предстояла сложнейшая операция, благоприятный исход которой врачи не гарантировали. Ее назначили на вторую половину декабря 1948-го, перед католическим Рождеством. Волнение было напрасным, всё прошло удачно, и 28 декабря доктор снял повязку с глаз. Писатель вновь увидел свет! Несколько лет прошло во тьме. Два с половиной месяца после операции Георгий Дмитриевич еще переживал «медовый месяц своего прозрения». Эмоции переливались через край:

«Этого нельзя понять тем, кто не был слепым, кто не знает, что значит, при всей бодрости и оптимизме, потерять надежду видеть свои книги, свои рукописи... Но вот увидел я впервые город, когда вышел от врача в новых очках: всё шевелилось странно и качалось, и было большим, высоким и ярко праздничным. Я зашатался, как во время качки на пароходе, и должен был опереться на стену и снять очки. Было волнение неопишваемым» (15.03.1949) [3, л. 1].

Здоровье Гребенщикова постепенно выправлялось. Но продлилось такое благоденствие недолго. Через полгода взбунтовались почки «вместе с печенкой и селезенкой». Почтенный профессор продолжает аккуратно ездить в колледж, ведет себя там как ни в чем не бывало, а по приезде домой ложится и кричит «белугой», иногда всю ночь. В этих ночных метаниях его благословляет преподобный Сергей. Писатель снова мечтает вернуться в лесной скит на Помпераге.

По окончании войны культурная жизнь в Чураевке стала восстанавливаться. Традиционный праздник в День американской независимости 4 июля уже давно не проводился. Гребенщиков, вернувшись из Флориды на каникулы, сокрушался: «Часовню без нас никто даже не открывал, она вся в паутинах» (17.07.1948) [3, л. 1об.]. Такое положение дел оказалось вполне закономерным.

Русская колония сильно изменилась – многие из первых поселенцев умерли, другие состарились, третьи просто отошли от культуры, отягощенные послевоенной жизнью. Продолжение письма: «Какие-то новые люди, ничего с нашей идеей общего не имеющие... Нужны героические меры воссоздания» [там же]. Но для возрождения обители должно быть постоянное присутствие Гребенщиковых, масса денег и, как выразился писатель, «лошадиная выносливость». Ничего этого не было, но зато оставался героический энтузиазм и надежды на лучшее будущее.

Георгий Гребенщиков решил летом 1948-го устроить особый праздник, посвященный знаменитому композитору Русского зарубежья Александру Тихоновичу Гречанинову (ему было 84 года).

Сбор гостей назначен на 21 августа. В торжестве приняли участие больше ста человек. Приехали знаменитости – историк-евразиец Г. В. Вернадский из Йельского университета и философ Г. П. Федотов из Нью-Йорка. Как обычно, всё началось с молебна в часовне, который совершили три священника, протоиереи Яков Григорьев из Ансо-нии, Стефан Антонюк из Стратфорда и Николай Васильев из Хартфорда. Звучали величания и пожелания многолетия в честь композитора и всех предстоящих. Духовенство, местные жители и гости собрались на обед в доме Гребенчиковых, столы были установлены на открытом воздухе под раскидистыми деревьями.

Праздник вылился в дружное чествование Гречанинова. Георгий Дмитриевич произнес краткую речь о значении нашей самобытной культуры в Америке, назвав виновника торжества одним из «действенных вестников русского эпоса» [7]. В ответном слове композитор авторитетно рассказал о своем церковном и светском музыкальном творчестве, при этом всё, о чем говорил, неподражаемо иллюстрировал на пианино, подпевая самому себе. Он был полон сил – двумя неделями ранее вернулся из американского Танглвуда, где исполнялся отрывок из оперы «Женитьба» по Гоголю, написанной им в 82 года (постановка осуществлена только в 1950-м в Париже).

Лекция Александра Тихоновича закончилась выступлением отца Николая (Васильева), исполнившего под аккомпанемент композитора арию из его оперы «Добрыня Никитич». Ко всеобщему ликованию выяснилось, что исполнителем арии оказался тот самый Коля Васильев, который,

Завершение праздника в Чураевке.
Г. Д. Гребенщиков и А. Т. Гречанинов (в кресле).
21 августа 1948 г. ИНРСА

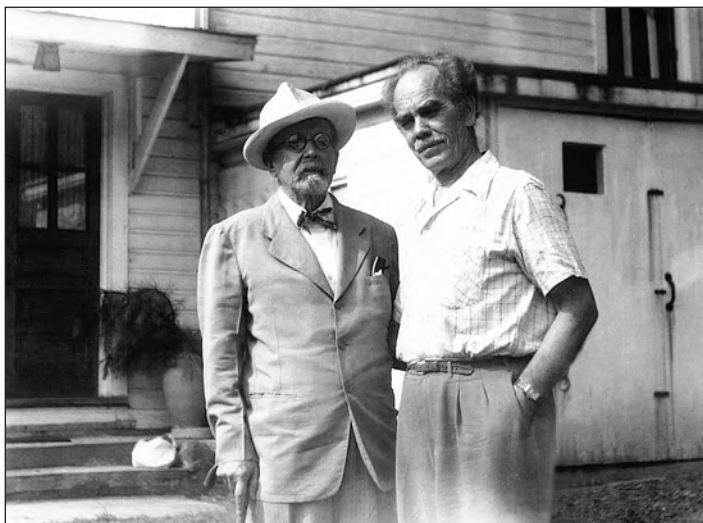
будучи еще мальчиком 15-ти лет, пел в Москве альтовое соло гречаниновского «Верую» во время его первого исполнения! Гречанинов подвел черту: «Такая встреча могла произойти только в Чураевке!» [там же].

Спустя месяц Александр Тихонович писал во Флориду Гребенщикову о памятном для него празднике и о книге «Радонега», в которой описана история строительства часовни святого Сергия. В тот момент он как раз перечитывал давно подаренный ему сборник чураевской летописи.

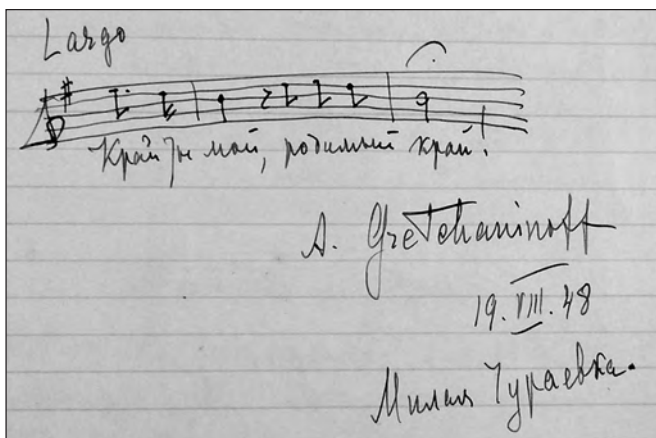
«Прошлое лето мне есть чем вспомнить... Сколько поэтических и сколько содержательных дней и вечеров, и в особенности день 21 августа! Я всегда буду

его вспоминать с благодарностью, как один из лучших, незабываемых моих дней. Сейчас я перечитываю Вашу “Радонегу”. Не могу выразить Вам, какое глубокое настроение и какую духовную радость она во мне вызывает. Большое, большое Вам спасибо за нее. После подобных книг чувствуешь себя лучше и более чистым духовно» (25.09.1948) [8, л. 1].

За Гречаниновым давно закрепилось имя Добрыни Никитича, что связано с его знаменитой оперой и, конечно же, с огромным талантом. Личность богатыря в музыке всем импонировала. Особенно привлекательным такое имя выглядело рядом с «былинным» Микулой, то есть Гребенщиковым, имеется в виду роман «Былина о Микуле Буяновиче». Образовался дружеский и, в какой-то

Г. Д. Гребенщиков и А. Т. Гречанинов.
Чураевка, 19 августа 1948 г. ГМИЛИКА

Музыкальный автограф А. Т. Гречанинова
на память Г. Д. Гребенщикову. 1948 г. ИНРСА

мере, творческий и деятельный союз. Гребенщиков сначала предложил композитору свои стихи для написания гимна, затем – издать в «Алатасе» его мемуары «Моя жизнь». Переговоры об издании книги шли в конце 1950 года, уже были приготовлены и обсуждены сметы. Однако в январе 1951-го нашлось более простое решение. Мемуары вышли в приложении к «Новому журналу». По выражению Бунина, «хозяйкой журнала» была Мария Самойловна Цетлина, вдова основателя и редактора «НЖ». Она уже давно взяла шефство над почти 90-летним Гречаниновым, повсюду сопровождала композитора, вела его музыкальные дела. Благодаря ей удалось выгодно пристроить книгу.

После возобновления праздников в русской деревне с 1947 года они снова стали проводиться

ежегодно. В апреле 1950-го исполнилось четверть века обители преподобного Сергия Радонежского. Серебряный юбилей Гребенщиковы решили отпраздновать широко. Праздник прошел 4 сентября 1950 года при большом стечении народа. В этот день в Чураевку снова съехалось более ста человек гостей. И снова – известные деятели эмиграции, среди которых пять священников, Г. В. Вернадский, М. С. Цетлина, И. И. Сикорский, И. Ф. Замотин, проф. М. Т. Зарочинцев.

Приветствия прислали знаменитые соотечественники – директор музея русской культуры из Сан-Франциско агроном П. Ф. Константинов, писатель С. И. Гусев-Оренбургский, доктор И. Н. Коварский, педагог и писательница О. В. Кайданова-Берви, композитор В. В. Завадский и многие другие. Всех литераторов, профессоров, художников, князей и даже пчеловодов невозможно перечесать. Как не упомянуть, например, алтайского земляка Георгия Дмитриевича, пчеловода и учителя В. К. Сохарева (он обосновался в Канаде). Каждое из имен достойно отдельного сюжета во взаимоотношениях с Гребенщиковым.

Праздник проводился по установленному для Чураевки сценарию и включал молебен, обед, выступления гостей и музыкальную часть. Кстати, на скрипке играл Николай Сикорский, сын авиаконструктора. В программу вошло и чтение приветствий, обращенных лично к Гребенщиковым. Одно из таких посланий прислал сын покойного проф. А. Л. Фовицкого, часто посещавшего Чураевку, молодой писатель А. А. Оболенский. Он объединил австрийских почитателей таланта Георгия Дмитриевича, восхищенных «Гонцом». Несмотря

Георгий Гребенщиков у часовни св. Сергия.
Чураевка, 1940-е гг. IHRCA

на то что с момента издания книги прошло больше двадцати лет, она не утратила популярности. В 1935-м эта книга вышла даже на итальянском языке, и издатель преподнес специальный экземпляр на роскошной бумаге диктатору Муссолини. Письмо из Австрии:

«Слава Вам, находящему в себе силы и мужество в наше всё сметающее время – поддерживать в светильниках огни перед алтарем Создателя. Придет время – созревшие для широкого применения трезвой мысли, спохватившиеся потомки вознесут и Ваш скромный ныне, но многоцветный скит – во храм.

“Гонец” – замечательная, полная светлой, независимой правды, книга. Она воспламеняет лучшие человеческие чувства и заставляет думать, думать и думать. Хотелось бы видеть “Гонца” в качестве настольной книги у каждого мыслящего человека. Очень хотелось бы также, чтобы автор лучезарных писем с Помперга нашел возможность еще громче, еще сильнее протрубить воистину великий лозунг – Мыслящие всех стран, объединяйтесь!» [9].

Большим сюрпризом к празднику стало послание Л. Я. Нелидовой-Фивейской. С ней и её мужем, композитором М. М. Фивейским, писателя связывала давняя дружба. Они вместе принимали участие в деятельности Пушкинского общества в Америке. В «Алатасе» вышел сборник стихов Нелидовой-Фивейской «С чужих берегов» (1939). Поэтесса неоднократно бывала в Чураевке и на юбилей прислала специальной почтой пакет с нарочным. В пакете лежало стихотворение «Г. Д. Гребенчикову. По случаю 25-летия Чураевки» [10, с. 51–52]. Удивительно, написано оно с пушкинской интонацией. И всего за пару дней до начала торжеств: помечено сентябрем 1950 года. Здесь приводятся только фрагменты, само поэтическое произведение довольно длинное и больше похоже на оду, воспевающую создателя Чураевки.

Укрытый чащею лесною
Я вижу домик с грудой книг...
Часовню... Речку под горою...

И четверть века предо мною
Проносится, как будто миг!
Я помню дружеские встречи...
Чураевские вечера...
И Ваши пламенные речи
О силе правды и добра.
Вы нас будили, окрыляли
И вдохновляли для труда!
И только лилии дремали
На глади сонного пруда.

Литературный помню вечер:
Вы говорили про Алтай.
На кафедре мерцали свечи.
За окнами струился май.
Рахманинов, Шаляпин в зале...
Зилоти, Фокин... Их уж нет...
Но всё, о чем Вы рассказали,
Живет в душе, как тихий свет...

Там есть живой воды родник.
Там Сергия святого лик
Глядит со стен, поросших мохом.
Чураевка была эпохой
Весны, надежд... Ах, где они,
Весны моей златые дни?..
Лишь эхо отвечает вздохом...

Там что ни терем, что ни дом –
То Вашим создано трудом,
Георгий Дмитрич и Татьяна!
И струны звонкие баяна
Расскажут правнукам о том!

Нью-Йорк. Сентябрь, 1950
(Фрагменты стихотворения).

В рамках юбилея открылась выставка картин Евгения Агафонова, его работы были размещены на стенах часовни. В России художник входил в число знаменитостей, дружил с Бурлюком и Ларионовым, состоял членом объединения «Бубновый валет» (1913).

Обитель святого Сергия притягивала не только русских эмигрантов, но и творческую элиту американского общества. Гребенщиков организовал, как упоминалось выше, Общество художников и писателей штата Коннектикут, открыл в Чураевке кафе, где встречались творческие люди, читали собственные произведения и вели беседы об искусстве. У него часто бывали скульптор Пауло Аббат и видная художница Харриет Блэкстоун, которая

Харриет Блэкстоун демонстрирует портрет Георгия Гребенщикова. Чураевка, 1930-е гг. IHRCA

Перл Бак за работой. Филадельфия, 1967 г. ИР

написала несколько портретов Георгия Дмитриевича. В 1930-е годы они экспонировались на выставке в Бруклинском музее в Нью-Йорке.

За десять дней до праздника, 25 августа 1950 года, в русскую деревню приехала известная американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе Перл Бак, вместе со своим мужем, издателем Ричардом Уолшем, и четырьмя детьми. Местные газеты вышли с заголовками: «Перл Бак открыла юбилейные торжества в деревне Чураевка» [11].

Гости оказались в центре внимания неожиданно для себя. Они, возвращаясь в Нью-Йорк после летнего отдыха, прибыли обсудить с Гребенщиковым его участие в комитете по организации 80-летнего юбилея И. А. Бунина, который литературная общественность намечала на осень. Перл

Бак возглавила этот комитет и пригласила в его состав войти не только Георгия Дмитриевича, но и Игоря Сикорского. Авиаконструктор вместе с женой и тремя сыновьями тоже приехал на встречу. Представители прессы сочли такое собрание знаменитостей неординарным событием.

ВЕСТЬ РУССКОМУ СЕРДЦУ

Неожиданно для себя Георгий Гребенщиков стал заметной фигурой на американском политическом олимпе. Он приобрел почитателя своего литературного таланта и покровителя в Вашингтоне. Им оказался сенатор от штата Флорида Спессард Холланд, который благодаря жене, певице, обучавшейся пению у русского профессора, познакомился с «Былиной о Микуле Буяновиче». Тем более что с автором романа он уже давно мельком был знаком. В 1943 году Холланд как губернатор Флориды посетил Южный колледж, где присутствовал на церемонии присвоения И. И. Сикорскому степени почетного доктора.

В первые месяцы 1951 года произошло событие, кардинально изменившее привычное течение жизни рядового профессора колледжа. К этому времени Гребенщиков относит начало своего «политического выступления». 25 февраля он опубликовал в местной газете статью под названием «Духовные силы русского народа – залог его грядущего освобождения и воскресения». Через два дня, 27 февраля, Холланд доложил содержание статьи в Сенате и инициировал рассмотрение «русского вопроса». Он сказал в своем выступлении:

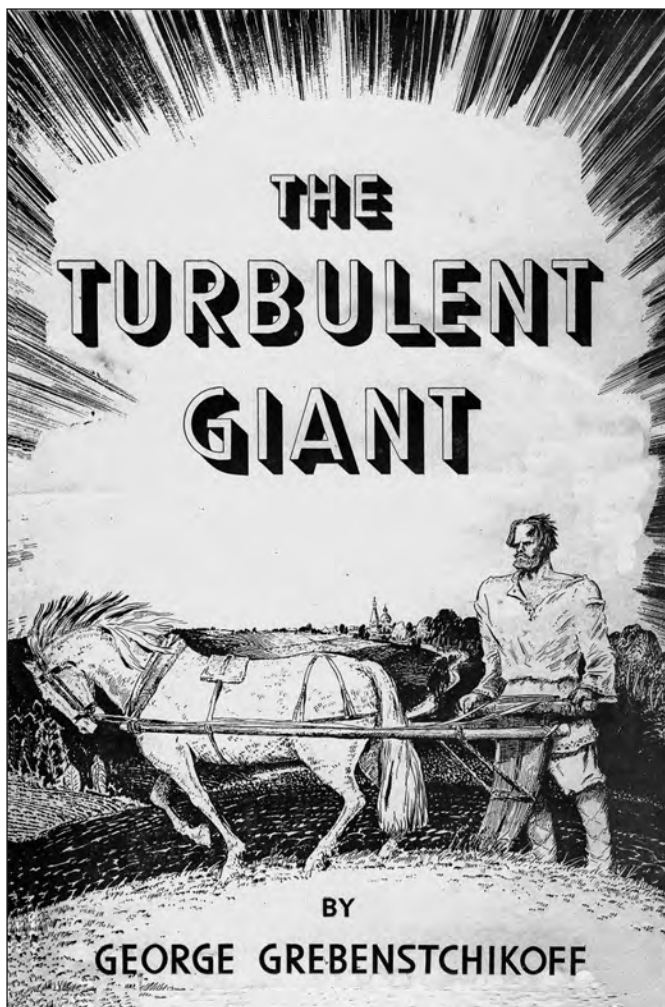
«Георгий Гребенщиков сумел, как никто до него, проблему русско-американских отношений поднять на должную высоту. Кремль – этот чудовищный аппарат мирового масштаба для организованного удушения всех свободных проявлений человеческой личности и социального достойного существования, и русский народ, жертву этого организованного угнетения, отныне никто не смеет смешивать, как не смешиваем мы обычно воедино палача и его жертву. И если мы едины, когда убежденно говорим о необходимости положить конец преступному и бесчеловечному Кремлю, так же едины должны мы быть и в нашей решимости всеми силами помочь русскому народу освободиться от оков коммунистического рабства.

Вопрос, так, как его ставит Георгий Гребенщиков, выходит за рамки того, что принято называть политикой. Это вопрос нашего нравственного императива. Или, если угодно, в отношении русского народа допустима только политика, озаренная светом нравственных велений» [12].

Читая выступление сенатора Холланда, невольно задаешься вопросом: в чем источник такого неожиданного признания правоты писателя, что называется, признания на всю Америку? Докладчик сам объясняет причину в конце произнесенной им речи, обращенной к Сенату. Он сказал про роман «Былина о Микуле Буяновиче»:

«Эта книга вышла еще до войны, в Америке, на английском языке, но она прошла как-то малозамеченной. Мне лично удалось прочесть ее только несколько дней тому назад. Это необыкновенная книга. Всякий, кто хочет задуматься над судьбой русского народа и над русской проблемой вообще, должен непременно прочесть и перечесть “Былину” Гребенщикова.

Книга насыщена тонкими наблюдениями над характером русского народа. Кто хочет понять духовную

Суперобложка книги Георгия Гребенщикова
«Былина о Микуле Буяновиче» (1940)

суть этого народа, его душу – то бездонно темную в своем беспощадном бунте, то озаренную пленительным Христовым светом и всё покоряющим смирением, тот должен прочесть книгу, ключ к пониманию духовной природы русского народа... Сейчас, больше чем когда-либо, такая книга нужна Америке» [12].

Вскоре статья Георгия Гребенщикова появилась в сборнике докладов «Сенатские ведомости», официальном органе Конгресса США. Она превратилась в некое послание нации, была отпечатана в виде отдельной листовки и разослана во многие правительственные учреждения. Предложение о тиражировании статьи Сенат принял единогласно. Также единогласно принято и другое предложение – пригласить русского писателя на радио, сделав его рупором идей дружбы между народами. Конечно же, подкладка подобных выступлений должна иметь мировоззренческий характер. Как сообщала газета «Новое русское слово», Гребенщиков обличает в своей статье «коммунистических вождей СССР и указывает на необходимость делать строгое различие между правительством СССР и русским народом» [13].

Что же произошло в американской политике на самом деле? Очевидно, в условиях разгоравшейся холодной войны прогрессивные сенаторы решили использовать «Былину» как мостик для установления дружбы между американским и русским народами. Идея состояла в том, чтобы пробить «железный занавес». Георгий Дмитриевич получил официальное предложение стать штатным сотрудником радиостанции «Голос Америки». С этой целью 1 апреля 1951 года из Вашингтона в г. Лейкленд прилетел специальный корреспон-

дент, чтобы уговорить профессора сотрудничать в вещании на Советский Союз.

Что касается перспективы новой деятельности, а она неминуемо приобретала политическую окраску, возникали сомнения, хотя самолюбивый характер писателя требовал удовлетворения собственных амбиций. Он писал после визита столичного гостя:

«Боюсь я политики и зависимости от правительства. Тогда не смогу судить и рядить свободно и их глупости. Они сами подкармливают наших врагов. Это всё сложнее, нежели со стороны кажется» (15.04.1951) [3, л. 1].

Несмотря на здравый подход, потребовался еще не один месяц размышлений, чтобы принять окончательное решение. Чаша весов постоянно колебалась из стороны в сторону – то в нем просыпался сибирский воевода, душу которого обжигала народная боль, то побеждал практичный ум. Здравомыслие не позволяло оказаться игрушкой в чужих руках. Наступил момент, когда решение о сотрудничестве с «Голосом Америки» им было принято, Гребенщиков сообщил об этом публично в статье, направленной в «Русскую мысль», издававшуюся в Париже. Однако вскоре он попросил сотрудника газеты Илью Савченко внести некоторые коррективы:

«Конец статьи нуждается в сокращении, не знаю, вероятно, уже поздно. Но если нет, то надо изъять строку о том, что я принимаю вызов. Я всё еще колеблюсь переходить на роль политического чиновника, хотя и с правом говорить и писать, что пожелаю. Они сами тут во всем запутались, где уж нам распутывать их тень. По характеру своему я могу что-либо брякнуть

не в бровь, а в глаз, и это погубит мою новую карьеру... после посещения лично вашингтонских сфер решу, стоит ли связывать себя брачными узами с официальным Вашингтоном» (14.05.1951) [3, л. 1].

В начале июля 1951-го Гребенщиков был приглашен от имени правительства на три дня в Вашингтон. В Белом доме его вместе с супругой Татьяной Денисовной принял президент США Гарри Трумэн. Выдался случай лично представить «Былину» президенту и вручить ему экземпляр книги в особом кожаном переплете. Под впечатлением встречи писатель решил выполнить свой «гражданский долг» и организовать специальное «собрание» в Чураевке. Это собрание, назначенное на 18 августа, было задумано как манифеста-

Георгий и Татьяна Гребенщиковы.
Интервью для прессы. Вашингтон, 1951 г. INHCA

Г. Д. Гребенщиков и митрополит Леонтий (в центре).
Праздник в Чураевке. 1951 г. ИНРСА

ция дружбы по отношению к русскому народу. Оно должно носить и религиозный, и общественный характер одновременно. Возглавить чураевское торжество согласился глава Русской православной церкви в Америке и Канаде митрополит Леонтий (Туркевич).

Организовать такое мероприятие было нелегко, требовались усилия под стать большой организации, но Гребенщиконы с честью справились, причем материальные траты произвели за свой счет, без каких-либо пожертвований. Целый месяц ушел на подготовку, и стоило это «массу денег, труда и нервов» (16.09.1951) [3, л. 1]. Зато и радость от праздника оказалась великой. Он прошел почти как обычно, с архипастырским богослужением, речами и угощением, но особо торжественно. Собрались представители прессы, специальное

задание от правительства получили корреспондент и фотограф известного журнала «Life», сделана запись праздника для «Голоса Америки». Программа впоследствии повторялась на Россию и на Дальний Восток 12 раз. Манифестация дружбы действительно имела большой резонанс по обе стороны «железного занавеса».

Помощник госсекретаря Эдвард Баррет направил Георгию Дмитриевичу благодарственное письмо и выразил восхищение тем, как русский писатель со своими друзьями исполнил «гражданский долг» в отношении миссии укрепления дружбы между народами. Большую помощь в организации праздника оказало Общество писателей, художников и музыкантов штата Коннектикут, все 18 его членов самоотверженно работали. Но настоящий героизм проявила Татьяна Денисовна: «Расходы наши были чрезмерны, и Татьяна так наготовила и накупила, что еще перед самым торжеством накормили 200 человек, а на самом торжестве напоили и накормили более 400. Вот она и свалилась почти без сознания на четыре дня» (06.10.1951) [3, л. 1]. Следует добавить, что еще неделю супруги мыли посуду и наводили порядок после гостей.

Помимо письма Баррета, из Государственного департамента США Гребенщикову поступило предложение выступить с Рождественским приветствием русскому народу 24 декабря, в канун нового 1952 года. Работать на радиостанции «Голос Америки» в качестве постоянного обозревателя писатель все-таки отказался, однако согласился продолжить свою миссию миротворца. Он установил личный контакт с видными политиками

и, что немаловажно для самоощущения писателя, с американским президентом Гарри Трумэном. Встречался даже с дочерью президента Маргарет во время ее музыкального выступления, прошедшего под патронажем Южного колледжа в декабре 1951 года. (Концерт получил отклик на страницах газеты «Lakeland Ledger».) Ей тоже Георгий Дмитриевич подарил «Былину» с тем что, если президент не успел еще дочитать роман, тогда дочь прочтет и «сможет пересказать ему финал» [14], как он выразился в письме к самому Трумэну. Достаточно деликатное, но вполне твердое напоминание президенту о своей книге.

Рождественское обращение к русскому народу Гребенщиков записал на местном радио, и эта запись была отправлена на радиостанцию «Голос Америки» в Вашингтон. Передача пошла в эфир накануне западного Рождества 24 декабря. Она длилась всего пять минут. Произошло выдающееся событие – писатель публично обратился к русскому народу, впервые после того как он покинул Родину, более чем через 30 лет изгнания.

«Я очень тронут тем, что “Голос Америки” предоставил мне возможность передать в пределы Советского Союза приветствие Русскому народу по случаю праздника Рождества Христова. Думаю, что это приветствие будет согрето теплотой души и сердца множества американцев. Я уже давно избрал Америку своей новой родиной, но видения старой родины все еще преследуют меня <...>. Но что наша тоска в сравнении с вашей? О вас болит душа все эти долгие годы. И так хотелось бы сказать Вам о мире на земле и в человеках благоволения, да как-то не согревают теперь эти слова. А хотелось бы согреть вас именно вестью о мире, отпугнуть от вас страх войны <...>».

Знаете ли Вы, что дружеское отношение Америки к Русскому народу в этом году приняло широкие размеры и Конгресс еще в марте единогласно вынес резолюцию о дружбе к вам, а президент Трумэн передал ее в Кремль? Знаете ли вы, что народ Америки молится о вас? Это не политический маневр, а подлинная теплота сердца американского народа. Я думаю, что эта весть лучше всего согреет ваш духовный холод.

А так как есть еще центры Христианского мира на земле, то и великий русский народ, пройдя пустоту безбожия, лишений и заточений, выйдет для устроения новой жизни гигантом мудрости и совместно с другим гигантом, Америкой, поведет весь мир к счастью и миру, о котором так истосковалось грешное человечество. Да озарит Христос весь мир Светом Разума!» [15, с. 412–413].

В своем выступлении Гребенщиков упомянул о «резолюции дружбы», вынесенной на утверждение Конгресса. После рассмотрения русской проблемы по инициативе сенатора Спессарда Холланда действительно 26 июня 1951 года была официально принята резолюция Конгресса США о советско-американских отношениях.

В соответствии с решением Конгресса через десять дней, 7 июля, президент Гарри Трумэн направил резолюцию председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику с просьбой ознакомить с документом народы Советского Союза. Ровно через месяц, 7 августа 1951 года, текст резолюции вместе с сопроводительным письмом Трумэна был опубликован в советских газетах и зачитан по радио. Послание из Америки, в котором заключена частица души писателя, достигло отечества. Из-за железного занавеса Георгий Гребенщиков послал весть русскому сердцу.

ПОСТРОЕНИЕ ХРАМА

Глава одиннадцатая

ПОЭМА «ЗЛАТОГЛАВ»

К началу 1930-х годов победа большевиков стала очевидной для всего мира. Международный статус Советской России признали Соединенные Штаты Америки и некоторые европейские державы. Возвращение русских эмигрантов на Родину превратилось в призрачную мечту, и, как следствие, пессимистические нотки зазвучали в зарубежной литературе. Иван Шмелёв своими романами «Богомолье» и «Лето Господне» прощался с патриархальной Москвой. Дмитрий Мережковский передал апокалиптическое настроение Старого Света в книге «Атлантида – Европа». В это же время Георгий Голохвастов приступил к созданию грандиозной поэмы «Гибель Атлантиды». Поэт погружается в гибельное прошлое человечества и строит мост в будущее, отвергая бессмысленную жертву во имя ложной любви.

И, наконец, за большую поэтическую форму берется Георгий Гребенщиков, начиная работу над фантастической поэмой «Златоглав». Автор назвал ее «Эпической сказкой XX века». Поэма посвящена царевичу Алексею, сыну последнего самодержавного российского государя. Эпоха Романовых завершилась в 1918 году, царь Николай II был варварски убит вместе с семьей. Трагические события в доме Ипатьевых повлияли на судьбу народа, вызвали реакцию в писательской среде

за рубежом. Гребенщиков не остался в стороне, тяжело переживая то, что произошло на Родине. Первоначально его поэма-сказка называлась иначе, не «Златоглав», а «Царевич».

Главный герой – наследник императора Николая Александровича – чудесным образом спасся от убийц в Екатеринбурге и отправился странствовать по земле, дабы искупить грешную Русь. Литературная классика не знает примеров, как может произойти такое «спасение», кроме одного случая, известного всем из романа Марка Твена, – принц и нищий обменялись одеждой. Здесь тот же феноменальный случай: товарищ по играм, простой солдатский мальчик, нарядил государева наследника в нищенский кафтан и невольно принял на себя великую жертву. Бродяжка, бездомный царевич ушел в леса и дальние скиты.

Сюжет поэмы, как и бывает в сказках, построен на противостоянии добрых и злых сил. Доброе начало, имеющее божественную природу, борется с кровожадными чудовищами тьмы в человеческом обличье. Царь – это помазанник божий. Он сталкивается с хаосом и террором новой власти. Однако со временем автор постепенно пересматривает свои взгляды, замешанные на эмоциональном отношении к большевизму. Жесткие политические конструкции, которые присутствуют в первом варианте рукописи, уступают место былинному настроению. Отступая от первоначального решения, Гребенщиков дает книге название «Царевна Русь», но во время набора на линолите снова меняет его – на чарующее «Златоглав».

Незаурядные писатели, как большие волноводы, чутко улавливали чаяния русской эмиграции.

Обложка поэмы-сказки
Георгия Гребенщикова «Златоглав» (1939).
Художник В. Ф. Ульянов

Идея воскрешения царского рода властвует над умами. Еще до Октябрьской революции были известны обращения Рылеева, Пушкина, Мерещковского к теме убийства царевича Алексея, сына Петра Первого. Легенды неизбежно становятся плотью и кровью литературы. В чикагской газете «Русское обозрение» (12.08.1930) вышла статья публициста Михаила Спасовского «Богдадский незнакомец», которая описывает случай с появлением молодого человека, называвшего себя цесаревичем Алексеем Романовым. Эта статья основана на реальных событиях. В декабре 1929 года некий Александр Мордвинов объявился в Персии под видом царского наследника, его многие видели в Тавризе и Багдаде.

Подобные факты будоражили русских изгнанников, не оставляли их безучастными. Художник Всеволод Фёдорович Ульянов из Лос-Анджелеса написал балладу «Царевич» и познакомил с ней писателя Гребенщикова, когда тот путешествовал по Калифорнии с туром лекций в начале 1933 года. Осознавая недостаток своего поэтического мастерства, Ульянов подарил тему новому другу, предложив проиллюстрировать будущее произведение. Воплощению замысла поэмы способствовали некоторые трагические обстоятельства. Георгий Гребенщиков 19 февраля в центре Голливуда попал под автомобиль и сильно покалечился. Пролежав на больничной койке несколько весенних месяцев, он создал собственного «Царевича». Поэтическое произведение – объемом 23 главы, более двух с половиной тысяч строк.

Эпическая сказка имеет несколько главных сюжетных линий. Красной нитью проходит сюжет

Илл. В. Ф. Ульянова к поэме «Златоглав».

*«Вся белая, как свет от полнолуныя,
К нему спустилась дивная колдунья...»*

о юной Царевне, которая, узнав о гибели Белого царя и спасении царственного наследника, идет по земле под видом странствующей поморки. Это – аллегорический образ. Царевна Русь ищет своего Царевича. Поморка оказывается в разбойничьем

зимовье и слышит в кабацком окрике глумление: «Долой Россию!..» [1, с. 26]. Она берет у бывшего солдата-охранника георгиевский крест, снятый им с мундира убитого Государя. Награда продавалась за сивуху, но никто не пожелал взять себе чужой крест. Поморка прикладывает святыню к груди, прячет ее и уходит странствовать в далекую Сибирь. Там, где-то в потаенном скиту, живет царский наследник. Георгиевский крест – символ русской жертвы, ее принимает на себя сама Богородица.

Другая линия связана с сюжетом о святом Георгии, спасающем Царевича из лап Змея. Гребенщиков привносит в свое произведение образ раннехристианского мученика, яро сражающегося за дело Христа. Поэма пресыщена аллегориями. Традиционный для русских сказок Змей Горыныч олицетворяет собой революцию. Еще один кровавый персонаж – Осьминог, посланник и доверенное лицо Змея. Злыдни заливают мир огнем пожара. Русская держава оказалась в плену у «Красной гидры». Автор задается риторическим, но бесспорно важным вопросом:

Всюду кровь и стоны, голод – царь лютой...
Что же происходит на Руси Святой? [1, с. 28].

В такой смутный час из небытия является Царевич. Он принимает от царевны-поморки отцовский георгиевский крест, но отвергает ее заботу, богатые дворцы и почести, видя в них искушения. Сверкая очами, наследник грозно восклицает: «Мой царь-отец послал меня к народу, чтоб я познал всю скорбь его без меры» [1, с. 35]. И далее добавляет слова о православной вере, и этим как бы перебрашивает мостик к Отцу Небесному, который сво-

Илл. В. Ф. Ульянова к поэме «Златоглав».
*«Георгий поднял отрока в седло,
Чтоб чудище его похитить не смогло...»*

ей верховной властью посылает Сына на подвиг. Царевич – последователь Христа, не богочеловек, а посланник из народа. Он служит Богу в самом человеке. Здесь впервые пробивается авторский замысел о народном вожде. На ум приходят имена

героев из самых низов, как, например, Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири.

Волшебная Царевна сама телесно преображается и несет Царевичу «одежду серебряную, белую, как снег». Ведь он является вестником мира, и у него важная миссия – пресечь братоубийственную смуту. За спиной Царевича в ряд стоят мученики и русские богатыри: святой Георгий, Всеслав и Святополк. Происходит даже явление святого равноапостольного князя Владимира, крестителя Руси. Благие защитники призывают ратников отовсюду, чтобы принять бой с Кашеем Бессмертным. Возникает новый персонаж – «Кашей сего изысканного века», олицетворяющий алчность в человеке. Гребенщиков с большим юмором говорит о людях подобного свойства. Известно, уже тогда, в революционную пору, показал хищный оскал дракон наживы. Хлесткое слово автора точно характеризует и нынешнее время:

Оставьте ваши царские палаты.

Притом они совсем не так богаты...

Теперь какой-нибудь торговец пивом

Владеет замком более красивым [1, с. 61].

Георгий Гребенщиков устами своих героев подтверждает, что решающее сражение за грядущую Новую Россию еще впереди. Русская мечта только зарождается и робко летит по миру. Войско Всеслава и Святополка гибнет на Урале, опутанном властью Красного Дракона. Речь идет о поражении Белой армии в противостоянии с большевиками. В поэме прямым текстом упомянут знаменитый «Ледяной поход» и дальнейший исход добровольческих отрядов от Урала на Байкал.

Это – не точная историческая канва с привязкой к екатеринбургским событиям 1918 года, но некий символический контекст.

В эпической поэме имеется много других сюжетных ответвлений. Бесспорно, самым значительным из них является сказ о Златоглаве, новом сибирском Китеже. Автор возвещает читателю радость о светлом граде:

Царевич Русский жив и будет здрав.
Воздвигнем ему – Город Златоглав!.. [1, с. 39].

Былинный город создается для вдохновенного труда, это будет мировая столица. Вся Русь станет священным Китежем. Но где же вознесется такой славный град? Идея не нова. Николай Рерих мечтал о Звенигороде в горах Алтая, недалеко от горы Белухи, об этом шла речь в одной из предыдущих глав. Художник даже написал картину «Звенигород» (1933). На холсте – изображение святых мужей, они держат в руках макет будущего Храма. У Рериха были и другие картины: «Странник светлого Града» (1933), «Ранние звоны» (1934). Писатель Гребенщиков, как и его Учитель, славит свою сибирскую родину. Говорит убедительно, со знанием дела:

Возникнет Град Святой и небывалый,
Столица мира – плод бессмертных слав,
Где белоснежно-сине-ярко-алый
Священный стяг возглавит Златоглав.
Но Златоглав возникнет на Востоке,
Где чист простор и ныне свято тих,
Где счастья нового бьют чистые истоки,
Где благодостный Царевну ждет жених [1, с. 105].

Н. К. Рерих. Звенигород. 1933 г. NRM

Нельзя обойти молчанием вопрос о монархии. Возможно, он и есть самый главный в поэме. Кем же является автор, убежденным монархистом или просто сочувствующим гибели царя подданным бывшей Империи?

В предисловии к первому варианту рукописи Гребенщиков пишет, что его всегда глубоко волновала судьба Николая II. Даже на шмуцтитуле имеется посвящение: «Светлой памяти Наследника-Цесаревича Алексея Николаевича, убитого в 1918 году на Урале», и на обороте вклеена фотография отрока. В изданной книге такого посвящения нет. Однако в самой поэме Георгий Дмитриевич открыто причисляет себя к монархистам, сокрушаясь о том, что «монархия теперь, хотя бы и волшебная, – не в моде» [1, с. 59].

Один из положительных персонажей, мудрый отшельник Фёдор Кузьмич (по преданию, импе-

ратор Александр I), ведет диалог с Осьминогом. В разговоре сквозит резкая позиция автора как противника большевиков: «Союз с убийцами?.. Прочь, дерзкий зверь!» [2, с. 51]. Эта фраза отсутствует в окончательном тексте. Зато обложку книги

Илл. В. Ф. Ульянова к поэме «Златоголав».
Св. Георгий посещает Фёдора Кузьмича и Царевича.
*«Он видит за столом, против божницы,
Георгия святого облик мрачный»*

украшает шапка Мономаха с ангелами, символ монаршей власти.

Следует непременно упомянуть о пролетарском вожде В. И. Ленине. В черновом варианте рукописи он – важное действующее лицо. Ряд описываемых событий разворачивается в московском Кремле. Туда вползает Кашей Бессмертный и, «как свой, приходит к Ильичу» [2, с. 54] в сопровождении Змея Горыныча. Ведет себя именно по-свойски, будто общается с домочадцами. Кашей держит речь перед руководством Совнаркома, говорит о хитроумных способах истребления «белых», предлагая столкнуть их лоб в лоб с врагами Советской России. Такое предложение было принято на ура. Владимир Ильич, прищурившись, ответил: «Вот это дело!..» [там же]. В сказке отмечен даже характерный ленинский прищур. Однако в изданной книге сюжет значительно сокращен, а имя «Ильич» заменено на «Кумач». Персонаж трудно узнаваем. Георгий Дмитриевич постарался обойти идеологически «острые углы».

Задолго до выхода поэмы в свет политическая окраска «Царевича» стала предметом заочной дискуссии Гребенщикова с его литературным оппонентом, русским эмигрантом Евгением Александровичем Московым. Дискуссия началась после публичного чтения сказки 30 сентября 1933 года в Русском клубе Нью-Йорка (51 East & 121 Street), который располагался рядом с православным храмом Христа Спасителя. Вечер прошел успешно и дал соотечественникам моральное удовлетворение. При этом не всё оказалось так гладко. Георгий Гребенщиков сообщал в письме художнику Ульянову:

«После вечера была вечеринка, на которой обсуждали Сказку такие настоящие поэты, как Голохвастов, Нелидова, Иванов, Москов, Ван Розен и др. И многое из этих суждений я должен использовать... По совести говоря, в ней самая слабая часть – это политика, внесенная картинками “Красная гидра” и проч., как могу я представить, в общий эпос. Вот в чем моя задача. Надо, чтобы сказка имела длительный, а не временный характер, и чтобы она прошла в публику самую широкую, тогда как пока она только как бы антибольшевистская пропаганда» (02.10.1933) [3, л. 1].

В течение трех месяцев Е. А. Москов слал Гребенщикову длинные письма. Они заполнены размышлениями о сути царизма и концептуальным подходом в изложении сложных жизненных вопросов. По его мнению, автор поэмы превратил ее в политический памфлет. Антибольшевистские настроения в сказке проступают довольно отчетливо, и произведение в целом направлено против «красных». Святой Георгий поражает Змея, и Осминог получает отпор.

Гребенщикову и Ульянову такая воинственность нравилась. Их оппонент Евгений Москов был другого мнения: «Поэзия и обвинение с доказательствами несовместимы... Очень много морали не сквозящей, как это обычно в сказках, но нападающей прямо» (08.11.1933) [4, л. 1]. Он высказался против огульного обвинения русского народа. За обличением как бы ускользает понимание причин революции и, как следствие, убийства царя. Можно ли найти в поэме ответы, почему восстали рабочие и почему произошли погромы булочных на Выборгской стороне в Петрограде?.. Вряд ли... Революция 1917 года была «хулиганством солдат в шинелях нараспашку», – пишет

Москов, и в то же время – великим историческим переломом. Причины скрыты очень глубоко. Противопоставлять даже виновный народ замученному Государю – неверно. Народ всегда выше любой власти и царя. Именно потому Николай II сознательно пошел на смерть.

Илл. В. Ф. Ульянова к поэме «Златоглав».
*«Как в страхе рабском, разуметь не смея,
Народ российский поклонялся Змею»*

Спор уткнулся в Ф. М. Достоевского: Гребенщиков упустил в поэме «Златоглав» важную евангельскую мысль, так доходчиво изложенную в «Легенде о Великом инквизиторе» (роман «Братья Карамазовы»). Москов поправил автора, и позже это оказало благотворное влияние при создании 8-го тома «Чураевых». Суть размышлений сводится к следующему: Христос служил человеку, а не земным владыкам, и пошел на Голгофу, чтобы взять на себя грехи мира. Его учениками были простые рыбаки из народа, и на кресте Он висел среди разбойников. Гребенщиков вынужден был реагировать на критику, и требовался выбор – кто важнее, царь или народ? Даже хотел отказаться от поэмы и спрятать рукопись, как говорится, подальше в стол. Однако Москов взывал к таланту писателя, завершая дискуссию. Последнее из его писем:

«Ни бросать, ни прятать Вашего “Царевича” не следует. <...> Вся политику – вон до конца, митинговое – забыть, мораль – не для поэзии, осуждение – не вяжется с молитвой, ошибки и бессилие несчастного царя не превратить в никому не видимую гениальность. Несчастный царь несчастливой России, несчастный наследник неудачных путей. Увлечшись гневом, <...> Вы упустили христианскую идею. Даже если Вы называли ее словами, она ушла из поэмы. Христос – Бог и идеал Человека, не осуждал и не проклинал, но отвечал любовью на казнь, на которую Он шел и которую предвидел.

И в Вашем приподымании некрупной фигуры царя Вы упустили, или затеряли в прочем, то великое в простом, что было в Николае II. Его царственность и его государственность... чистая фантазия, далекая от истории трагического периода. Но жертва

самодержавного царя, преемника трехсотлетия своей династии и тысячелетия России, ставшего самым незащитным последним гражданином, не нашедшего силы защиты ни в каких монархистах и во всех прочих классах и слоях, жертва не только собою, но еще более дорогим ему, чем своя жизнь, – своей семьей, его покорность, а не уступка обстоятельствам, – над такой жертвой можно задуматься...

Вы противопоставляете замученному царю виновный народ. Николай II так не думал. С большой вероятностью идея – народ выше царя и власти, идея, которую Вы отвергаете вашей поэмой, была для Николая II решающей в его решении отречься и всё время потом. Вспомните Христа, соединившего возвышение личности человека с идеей народа» (27.12.1933) [там же, л. 1–2].

Суждения о «Царевиче» можно дополнить авторитетными мнениями деятелей Русского зарубежья. Автор разослал свою рукопись на прочтение знакомым поэтам, военачальникам, литераторам и дипломатам. Рецензией, например, откликнулся видный донской генерал и беллетрист Пётр Николаевич Краснов. У Гребенщикова завязалась с ним дружеская переписка, длившаяся около года.

Известно, генерал Краснов писал исторические романы о царских особах, у него есть книга «Екатерина Великая». В Париже незадолго до переписки издана повесть «С Ермаком на Сибирь» (1929), а еще раньше – фантастический роман «За чертополохом» (1922). Последнее из упомянутых произведений повествует о русском царе-освободителе и Новой стране. Будущий царь, точнее царевич, неожиданно появляется из глубин Центральной Азии и спасает Россию.

Илл. В. Ф. Ульянова к поэме «Златоглав».
*«И будет Русь нам Китежем Священным,
А не Голгофой для народа и царей»*

Генерал П. Н. Краснов положительно оценил «Царевича», отметив особо пролог и послесловие. Эти части произведения, по его мнению, удались по «форме стиха, необыкновенно певучего и красивого». Поэтический стиль поэмы-сказки Краснов назвал «пушкинским» (так же точно, как

и генерал А. С. Лукомский). Он описал автору свои впечатления в письме:

«Временами мне казалось, что я не читаю, но мне снится некий дивный, волшебный сон – этому, конечно, способствовали немало дивные рисунки В. Ф. Ульянова – в коих усмотрел нечто от древней русской иконописи и от школы несравненного Рериха» (26.03.1934) [5, с. 39].

В продолжение сказанного приведем несколько реплик генерала Краснова по сути самой поэмы. Маститый военачальник обращает внимание автора на исторические победы киевских и московских князей и причину нынешней трагедии: «Прекрасно движение русских полков всех времен. Мне очень понравилась Ваша мысль о том, что русский народ страдает от большевиков не напрасно, но за свою тяжелую неискупимую вину убийства Царской семьи и Царевича» [там же]. И еще, в другом письме Георгию Дмитриевичу, от 2 мая 1935 г., звучит совершенно неожиданный вывод о возможной сценической судьбе поэмы. П. Н. Краснов уверен: «Хорошая из нее могла бы выйти опера» [там же, с. 42].

Более пяти лет рукопись поэмы отлеживалась, прежде чем автор решился напечатать свой труд. Принять окончательное решение помог близкий друг авиаконструктор Сикорский. Одобрив замысел, он настоял на издании книги, даже частично оплатил расходы (покупка бумаги и прочее). Творческий вечер Гребенщикова по случаю выхода «Златоглава» состоялся в Нью-Йорке 17 февраля 1939 года. Заседание вел поэт Георгий Голохвастов, ради вечера он пожертвовал участием в ежегодном бале

Пажеского корпуса, назначенном на то же самое время. Почетным гостем и основным оратором был Сикорский. Эпическая сказка имела неожиданно большой успех среди эмигрантов и через несколько месяцев вышла дополнительным тиражом. Обложку первого издания оформлял художник Иван Замотин, второго – Всеволод Ульянов, но его иллюстрации в книгу не вошли.

Георгий Гребенщиков отступил от первоначального замысла – поквитаться с большевиками, хотя в поэме все-таки сохранилась патина былых чувств. Ее не трудно заметить. Главный цензор Публичной библиотеки в Ленинграде, куда книга попала по библиотечной рассылке, дал критическую оценку творчеству писателя-эмигранта. В карточке поступлений записано: «Сплошной контрреволюционный бред под личиной сказания о “граде Златоглаве”. – Спецхран, подпись» (16.08.1940) [6]. На протяжении долгого времени, практически пяти лет, в душе писателя шла сложная, противоречивая борьба. Чаша весов постоянно клонилась то к монархии, то к народу.

Ярым поборником царизма Гребенщиков стал уже в 1930-х, когда начал погружаться в православие. Он устраивал молебны и лекции для эмигрантов в приходах Русской зарубежной церкви по всей Америке, издавал книги священников. Общественная деятельность подтолкнула его принять главенствующую в церкви монархическую доктрину. Жизненное кредо писатель сформулировал в письме к Ивану Якушеву, видному идеологу Сибирского зарубежья: «Назад, назад, под благоверных Царей!» (14.01.1932) [7]. Дальнейшие события в Голливуде – автомобильная травма,

Да, дорогой Иван Александрович, 25 лет жизни своей жизни
 являлся мне к свободности жизни Космополит Тростин. Се
 к. и. наша жизнь еще не была то кастомизму ни религиозной, ни
 конфессийной, то мой очередной возмущ: являю ктом фарт
 двои мари Свояк Ваври, я изступилко Криву: Назад! Поле-
 Таркса кончатся мари на 500 мр и потерь уфои, как сва
 вост Вирова а всемирно мее? Всеи во те посли дакие

14 Янв. 1932.

каким PROVIDED
 и епидемию, а
 фруу сочувств
 ка дна всемирно
 бакфонский, ро
 мур во вдуом
 мур кокар сво
 истарто са взов
 Социализм? Все
 он ке истин
 ка и худоба
 аффели амека
 рекаиз, ро он

Часовня Имени Св. Сергия, въ скиту Радонега,
 въ Чураевкѣ, Сѣв. Америка.
 Chapel of St. Sergius, Radonega, in Churaevka,
 Southbury, Conn., U. S. A.

Съ наброска худ. Вл. Иванова

Только а говел
 был для дора
 чтобы восмер
 болельщик. Пиде
 со во потискавал.

Всеи Социализм ке зрест, тмо Вская дане декларав
 ресент, ети мурка политическая мара денту, то та
 кой Социализм пресупирае забиренит. И ково мур
 мурасево тмо Криву. Зполонат, тмо тмо гаври
 одил суд Криву, котавил Воша Кармил Лорана
 обеландисевокар! Мюде, кокар Тиде всемирно Чакл!

Письмо И. А. Якушеву. 1932 г. ЧАР.
 Илл. В. С. Иванов. Часовня св. Сергия в Чураевке.
 Автограф Г. Д. Гребенщикова.
 «Назад, назад, под благоверных Царей!»

болезнь и создание «Златоглава» – без сомнения повлияли на умонастроения Гребенщикова, изменив взгляды на историческую роль царизма. Николай II из Государя и помазанника божия становится выразителем народной воли, единственной надеждой на будущее. В финале поэтической сказки звучат совершенно не сказочные слова о великом всечеловеческом Братстве.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ЦАРЮ, ИЛИ ОЖИДАНИЕ ВОЖДЯ

Вторая мировая война неизбежно оказала влияние на русскую литературу в Зарубежье. Постепенно литературный процесс стал замирать. Писатели старшего поколения естественным образом завершали свой жизненный путь, среди них большинство – это коллеги и друзья Гребенщикова. В оккупированном Париже в нищете умерли Константин Бальмонт и Дмитрий Мережковский, вскоре, в послевоенное лихолетье, – Зинаида Гиппиус, Иван Шмелёв. В Москве публично повешен Пётр Краснов как враг советской власти и коллаборационист (был выдан англичанами). К половине 1950-х годов уже не стало Ивана Бунина, Надежды Тэффи, а вскоре и Алексея Ремизова, Ильи Сургучёва, Марка Алданова.

Тем не менее и в Нью-Йорке, и в Париже издаются литературные журналы: «Новоселье», «Новый журнал», «Возрождение». В них печатаются произведения писателей второй волны русской эмиграции, тех, кто вырвался из концлагерей Европы. Летом 1949 года редактор «Возрождения»,

известный русский историк и политический деятель (в прошлом – кадет) С. П. Мельгунов обратился к Гребенщикову с предложением принять участие в работе журнала и просил «что-нибудь... дать» (22.07.1949) [8, л. 1]. Георгий Дмитриевич живо откликается, но затем теряет всякий интерес к публикации своих произведений. На первый взгляд – это общее состояние депрессии, обусловленное войной и болезнью глаз. Но причина, конечно же, более глубокая. Она вызвана кризисом зарубежной русской литературы. Писатель откровенно признавался:

«У меня годами лежат незаконченные тома эпопеи “Чураевы”, однако так и не дождутся своей судьбы. Писать не для кого, читать некому, издавать – тем более. Эмиграция вырождается, современники просто вымирают – падает дух и вера в нужность таких писаний, как мои, и потому думаю только о том, чтобы как-то для себя, для своей совести закончить то, что возможно» (11.12.1949) [8, л. 1].

Гребенщиков делает это признание в письме Мельгунову пять месяцев спустя после начала их переписки. Со временем здравый смысл берет верх. Смерть двух великих классиков – Шмелёва и Бунина – все-таки подвигает писателя взяться за перо. Осенью 1952 года выходит «Лобзание Змия», 7-й том эпопеи, а еще через два года – второе издание «Радонеги». В планах стоит книга очерков «В просторах Америки». В это же время Георгий Дмитриевич завершает работу над автобиографической повестью «Егоркина жизнь», ставшей «лебединой песней» автора. Однако неожиданная творческая активность – всего лишь небольшой всплеск в житейском море.

Кризис литературы Гребенщиков связывает, в том числе, с развитием современной цивилизации. Освоение атома – изобретение атомной бомбы и испытание ее на живых людях – навевает мрачную перспективу, лишает надежды на будущее. Душа писателя сокрушена. А это, в свою очередь, влияет на его литературные планы. В отчаянии он пишет письмо священнику Иннокентию Серышеву, эмигрировавшему с Алтая в Японию, потом перебравшемуся в Австралию. Отец Иннокентий – наполовину земляк, он служил в церкви недалеко от Горно-Алтайска, ему можно было доверить свои сокровенные чувства.

«Человечество идет в подземелье и первобытность. Цивилизация (читай: сифилилазия) пожирает духовную культуру, и Змию мудрости, вернее хитрости, преклоняется всё цивилизованное человечество. Душу подавило брюхо, и велик диктатор, который накормит досыта своих рабов» (12.08.1946) [9, л. 1].

Апокалиптические настроения вполне объяснимы. Писатель говорит об Антихристе (то есть диктаторе) как таковом и обо всем мире, которым завладел падший ангел. Международная обстановка резко осложняется. Начало «холодной войны» в 1949 году и появление «железного занавеса» надолго скрыло Россию от народов планеты. У Гребенщикова нет читателя ни в Советском Союзе, ни в Зарубежье. Литература в целом превращается в поле битвы, где сталкиваются Восток и Запад. Это столкновение порождено мировой войной. Граница цивилизаций проходит не вдоль Берлинской стены, а находится среди азиатских племен. Пробуждается «красный гигант», то есть коммунистический Китай, в котором безраздельно

господствует великий кормчий Мао Цзэдун. Будучи по крови сам азиатом, Гребенщиков чувствует угрозу, которая скрыта во времени. Мера времени – понятие относительное. Еще одно грозное письмо отцу Иннокентию:

«Процесс падения – объединенный, солидарный. Никогда еще не было столь явным опустошение душ и сердец. Любовь убита, Господь предоставил нам свободу выбора, мы выбрали гибель. Но есть подвижники неизвестные, для них кое-кто спасется и кое-что сохранится. Восток и Азия – идут. Это грозно и это великое знамение. Запад обречен, Восток явит новую, неведомую нам эру. Азия будет на своих рынках продавать белых рабов дешево. Роль России – самая страшная: удержит ли натиск Азии?» (15.02.1950) [9, л. 1].

В душе писателя нарастают противоречия. С начала 1950-х годов он всё больше отождествляет себя с отечеством, именно с простым народом, являющимся неиссякаемым источником духовной жизни. События Великой Отечественной войны выявили всё лучшее, героическое, что было в обычных людях.

В декабре 1951 года Гребенщиков обратился с Рождественским приветствием к русскому народу по «голосу Америки», напомнив о религиозном чувстве как основе жизни. Вера в Бога неотъемлема от понятия монархии – таков основной тезис послания далеким соотечественникам. Царизм связан с прошлым теми корнями, которыми «питаются плоды настоящей культуры». Конечно же, для Георгия Дмитриевича царизм – не институт власти в современном понимании, а иерархия духовной власти, определяющая приоритет жизненных ценностей. Вопрос сводится к ожиданию во-

Эскиз обложки 8 тома эпопеи «Чураевы».
Художник И. Ф. Замотин. 1950-е гг. ГМИЛИКА

жда. Он явится из гущи народной, о чем так ясно заявлено в произведениях «Былина о Микуле Буяновиче» и «Златоглав». Та же самая идея заключена и в романе «Чураевы».

Спустя несколько лет после выхода 7-го тома эпопеи наступил очередной творческий кризис. Тема следующего тома – отречение Государя Николая II и уничтожение царской семьи. Работа над романом переросла для писателя в личную драму. Необходимо было осмыслить революцию, сгорать в ее пламени вместе с героями. Название 8-го тома символическое: «Пляска во пламени». На первый

план в романе выходит историческая правда и общечеловеческая мораль. Гребенщиков ощущает сопричастность к произошедшей трагедии. Утонченная натура художника, погружаясь в прошлое, переживает невероятные страдания. Том наполовину набран на линоTYPE, но гранки снова переделаны, переписаны главы эпопеи, редактируется текст. Автор намерен дать оценку «сатанинскому злодеянию» большевиков. В письме Игорю Сикорскому он делился своей болью:

«Для меня вся эта история настолько тяжела, что я всё еще не могу спать и всё время сомневаюсь, что я смогу поднять ее как полный сюжет. Нужна великая духовная сила и знание среды, чтобы смочь свое суждение иметь в этой страшной трагедии не только Государя и его семьи, но и всего русского народа, который и в верхах, и в низах оказался в массе преподлейшим. Из-за этой “Исповеди” я задержу восьмой том до бесконечности, пока не почую, что у меня есть какое-то право и обязанность сказать по-своему слово об этом нашем всеобщем падении в пропасть.

Но самое страшное, что и это наше преступление ничему нас не научило и настоящей исповеди не вызвало в наших мохнатых сердцах. Есть единицы, но их никто не слушает, и все они уже побиты камнями. Даже не могу тебе сказать, каким несчастным и беспомощным я себя считаю – не за себя, а за всё и за всех. Прости меня великодушно. Я глубоко страдаю от одного прикосновения мыслью к этой Чаше, которую испили Государь и Государыня и их невинные дети» (16.12.1953) [10, с. 182].

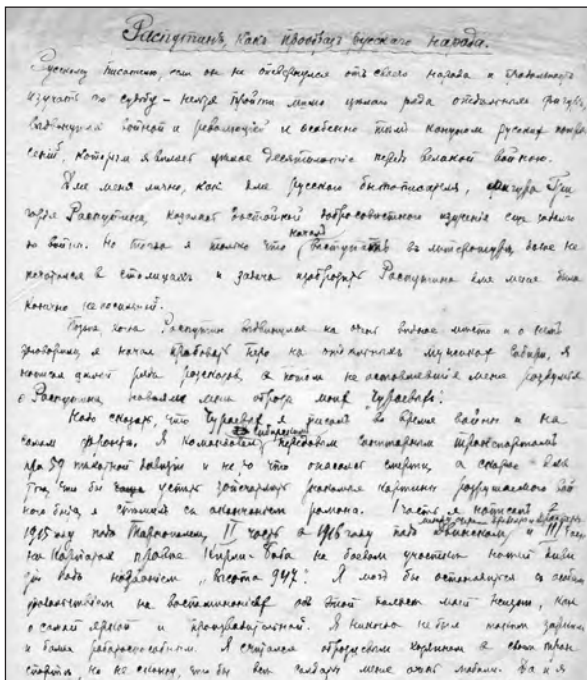
Таких писем было немало. Гребенщиков приостановил работу над романом, цеплялся за всякие мелочи, лишь бы не касаться «жуткой» правды, которую он воссоздавал на бумаге. Примерно тогда же, в конце 1953 года, друзья начали обсуждать

между собой книгу «Исповедь бывшего царя» (1918), давно вышедшую в Нью-Йорке. Мемуары казались им искусной подделкой. Стиль Николая Романова выглядел весьма сомнительным. Сикорский провел разбор текста на 25-ти страницах письма (автограф) и пришел к выводу: цель книги состоит в том, чтобы «дискредитировать царское правительство, царскую семью, в значительной степени самого Государя и полностью оправдать революцию» (26.11.1953) [11, л. 24].

Том про русского царя оказался нелегким для писателя также из-за фигуры Григория Распутина, одного из персонажей романа. Главу «Накануне событий» Гребенщиков назвал «рискованной».

Император Николай II с семьей. 1913 г. ИР

Страница рукописи Г. Д. Гребенщикова
«Распутин как прообраз русского народа». ГМИЛИКА

Распутин представлялся ему явившимся из далекой Сибири мужицким послом. Перед троном Государя звучал как бы «голос народа». Будучи сам из крестьян, Георгий Дмитриевич взял на себя трудную задачу реабилитации человека, отвергнутого аристократами. Известно, в царский дворец Распутин попал как целитель и молитвенник, способный излечить царевича Алексея от гемофилии или хотя бы облегчить страдания наследника престола. И неожиданно для себя сибирский ста-

рец становится в центре всевозможных семейных и политических интриг при дворе. Был ли он злой силой, погубившей российский трон, или святым? Вопрос остается спорным на протяжении более чем ста лет (в том числе и для церкви).

Писатель вступил в этот непростой спор с идейной и художественной позиций, оправдывая Распутина устами своего героя Василия Чураева. Сюжет построен на документальной основе. Из газет становится известно об убийстве «Гришки», и далее следует незамедлительная реакция автора: «Не узнать ли доуки мужицкие царь впустил Распутина во дворец?» [12, л. 16]. Распутину посвящен значительный эпизод, который вылился в разработку народной темы.

Георгий Гребенщиков задумал изложить свои соображения в отдельной заметке «Распутин как прообраз русского народа», но дальше первых двух страниц дело не пошло. Автор быстро перекинулся на историю с созданием «Чураевых», поскольку именно Григорий Распутин повлиял на появление романа. Личность «царского друга» казалась достойной внимания еще задолго до Первой мировой войны. Но тогда писатель только-только вступал в литературу, даже не печатался в столицах, и большая художественная задача (а она действительно большая!) была ему непосильной. Гребенщиков писал:

«Позже, когда <Григорий> Распутин выдвинулся на видное место и о нем заговорили, я начал пробовать перо на отдельных мужиках Сибири. Я написал целый ряд рассказов, а потом не оставлявшие меня раздумья о Распутине навеяли мне образы моих Чураевых» [13, л. 1].

Сюжет с Григорием Распутиным крайне важный. Это, пожалуй, узловая точка романа, ибо решение Николая II после отречения от престола – быть со своим народом до конца и, как результат, принести себя и свою семью в жертву – основано на его отношении к народу. Царь мог свободно покинуть страну после Февральской революции. Писатель чутким сердцем уловил движение государственной души и попытался выявить мотивы решения, повлиявшего на судьбу рода Романовых. Гребенщиков посвящает Распутину немалую часть главы «Снова на фронте».

Автор повествует о событиях, произошедших перед отправкой на фронт Василия Чураева летом 1916 года. После тяжелого ранения в голову он выжил благодаря заботе сестры милосердия Августы Серковой. Она долго ухаживала за своим подопечным после операции и не отходила от него ни на шаг. Покидая госпиталь, Чураев получил, по рекомендации старшего врача Михайлова, назначение в Карпаты – заведовать Сибирским передовым санитарным транспортом.

Накануне отбытия, во время стрижки волос, Августа говорит, что Чураев похож на царя Николая II, а сам Василий здесь же намекает на свою схожесть с Распутиным. Эти слова вызвали взрыв эмоций у графини Буккеринг и других сестер милосердия, они были готовы растоптать «зверя», который и так уже несколько месяцев как мертв. В ответ Чураев рассказал историю о хождении алтайского пчеловода Блинова на поклон к Государю, заключив повествование словами: «Царь лицом к лицу встречается с простым народом. Царь принимает простых мужиков. Царь прощупывает

народное сердце...» [14, л. 3]. Реакция предсказуема, интеллигенция пылала ненавистью к собственному народу. Графиня выносит приговор, она уверена, что Распутин не олицетворяет собой русский народ и не имеет человеческого сердца [там же]. Далее, в развитие сцены, следуют длинные монологи Василия Чураева в разговоре наедине с врачом Михайловым. Вот отрывок из неопубликованного тома:

«Как сын своей среды, я иногда воображал, что кое-что знаю обо всем народе. Я думал, что именно среди простого народа, еще не порвавшего с деревней и землю, сохранилась некая житейская мудрость, то есть соединение духа и разума. В моей родной семье, и даже в целом нашем племени, это хранилось под видом древнего благочестия, почиталось законом мудрости. Однако я первый внес в эту среду ложный свет европейской цивилизации и тем самым разверз пропасть между собой и моим отцом и изверг себя из лона веры и правды своих предков. Но не подумайте, что я искал или ищу личного счастья, карьеры или материальных благ. Я искал и продолжаю искать той Правды Божией, которую на заре нашей истории Ярослав Мудрый столь величественно воплотил в Храм Софии, Премудрости Божией. <...>

Вместо Правды Божией, которую в свои первые законы вложил Ярослав Мудрый как основу Святой Руси и которую Владимир Мономах должен был защищать уже мечом, я пока что обнаружил преступную ложь и непроходимое невежество по отношению к России со стороны блистательной европейской цивилизации... мне стало страшно и за судьбу России.

Если я хотел бы справедливо подойти к проблеме о Распутине и к факту его убийства аристократами, то, очевидно, и во мне самом есть нечто от Распутина. Я слишком хорошо знаю мой род и мое племя, чтобы отгораживаться от темных сторон русской души.

Но тут есть нечто и от русской правды. Тут есть и какая-то светлая подробность, до конца не ясная» [там же, л. 5–6].

Писатель соединяет воедино судьбы Распутина и царя Николая Романова вместе с его венценосной семьей. Грязь, брошенная в Распутина, а значит и в Государя, попадает прямиком в народ, умаляя достоинство человека и лишая Россию будущего, – такова логика автора эпопеи. Только монархия, которая утверждает в себе власть духа, даст возрождение русской нации. Из народных недр поднимется на гребне истории светлый вождь, или истинный заповеданный царь.

НА ГОЛГОФЕ

Душевные терзания тяжело отразились на здоровье писателя. Время от времени Георгий Гребенщиков возвращается к своей неоконченной эпопее. Восьмой том грозил задержаться «до бесконечности», по его выражению. На то были серьезные причины: ответственность за убийство царя он возлагает на себя лично, а не только на русский народ. Продолжая многолетний диалог, весной 1957-го Гребенщиков снова писал Игорю Сикорскому:

«При разработке этой темы для эпопеи нервы мои так напрягаются, что я боюсь за свои психические возможности достойно закончить свою работу» (09.03.1957) [11, л. 1].

Эти слова оказались провидческими. Через несколько недель Георгия Дмитриевича разбил

паралич. История русского царя осталась им не описанной. И девятый, и все последующие тома начаты вразброс и, к сожалению, не завершены.

Неоконченный роман «Чураевы» всегда будет притягивать читателя грандиозным замыслом. Каков финал эпопеи? По мнению автора, эта вещь настолько широка, что он решает потягаться с самим Львом Толстым. Речь идет, конечно, об эпохальном романе «Война и мир». Гражданская братоубийственная война, вспыхнувшая после революции 1917-го, не уступает по историческому значению Отечественной войне 1812 года.

Перед своей роковой болезнью в апреле 1957-го Гребенщиков, предчувствуя неизбежный уход, хочет уложить оставшийся материал эпопеи в один том, 9-й по счету. Он даже придумал ему название: «Война и бунт», отступив от первоначального намерения завершить роман «построением Храма». Однако обращение к Толстому лишь условный писательский прием: необходимо было подчеркнуть масштаб истории. Действующие лица у Гребенщикова не имеют ничего общего с высшим сословием, мастерски выписанным в «Войне и мире». Его народ не похож на толстовский, выразителем которого является Платон Каратаев. Кстати, Толстой возник не случайно, а после просмотра одноименного фильма режиссера Кинга Видора.

Первоначальную логику построения эпопеи следует раскрыть, иначе будет какая-то несправедливость по отношению и к потомкам, и к русской литературе в целом. Остается невыясненным, какова главная линия в заключительном романе «Построение Храма». Писатель так и не приступил к его написанию, вероятно, вынашивал

сюжет в голове и не оставил готовых глав. А после паралича голос его умолк, Георгий Дмитриевич не смог держать в руке перьевую ручку. В архивах имеется лишь несколько заметок, и в сложившейся ситуации они приобретают великую ценность, потому что дают читателю хотя бы приблизительное направление авторской мысли.

Настоящий художник слова черпает материал для своих писаний из повседневности. То же было и у Георгия Гребенщикова, поэтому эпопея затянулась, стала историей длиной в жизнь. Имея общий замысел на двенадцать томов, писатель прорабатывал отдельные картины. Они проходили перед ним будто в художественном калейдоскопе. Статьи из финальной части публиковались, начиная с 1930-х годов. Вначале возник зрительный образ самого Храма. Прямой ассоциацией послужила газетная публикация о пирамиде Хеопса. Идею подала Татьяна Денисовна: «Надо “Чураевых” построить как свою литературную Русскую Пирамиду» [15, л. 1].

Мимолетная мысль супруги принесла всходы, и Георгий Дмитриевич ухватился за нее, полагая, что строительство Храма станет реальным эпизодом в романе. В голове появился план, как должно выглядеть сооружение. Недаром уже после Второй мировой войны, когда в оккупированной Франции погибла масса книг, особенно на русском языке, он разыскивает уникальный альбом княгини Марии Тенишевой «Эмаль и инкрустация» (Прага, 1930). Просит о помощи друга Илью Савченко. Вот дневниковая запись, сделанная, как говорится, по горячему следу, после прочтения статьи о пирамиде Хеопса:

«Это дало мне толчок, наряду с эпопеей, создать нечто из камня и мозаики. Нечто в виде храма с мозаичным полом и плафоном, на <них> должна быть выложена та диаграмма, которая была мною начертана в начале эпопеи. Ряд сцен увековечить в красках и мозаике, покрытых герметически толстым стеклом, отлитым на заводе специально в виде отдельных плит. Стены должны составлять весь план эпопеи и всё символическое значение. Это должно быть разработано в томе “Построение Храма”» [там же].

В описании нет архитектурного задания, подробностей, связанных с убранством храма или росписью стен. Одно ясно – авторский замысел вращается вокруг фигуры Христа. Подтверждение этому можно найти в другой записи, сделанной Гребенщиковым в июле 1944 года. Несмотря на то что открыт второй фронт союзников и мировая война нацелила свой вектор на победу, писатель предчувствует грядущую катастрофу, провидчески говорит, что союз народов в Советской России будет разрушен. Намекает на то, как американцы, друзья по коалиции, станут врагами в новом мировом столкновении.

Конечно, там есть и фигура Сталина, но это временное допущение. Не так важно, в чьих устах, какого именно советского вождя звучит «соблазн Сатаны». Правители приходят и уходят, но роман писался в условиях войны. Упомянут и «правый» друг, возможно, сам автор в третьем лице.

Тогда же, напомним, Георгий Дмитриевич написал очерк о встрече в Чураевке с советским адмиралом и его супругой. Конкретные имена героев не названы, он – просто NN, а она – его жена. Семейная пара прибыла из далекой России, а события, похоже, происходят в той самой чураевской

Святой источник у Чураевской часовни.
1993. Фото В. А. Росова

часовне, которая и является прообразом будущего Храма где-то в горах Алтая. Дневниковая запись похожа на разработку плана главы, она содержит также эпизод, построенный на диалоге героев.

«Вавилонская башня – союз народов – рухнула. После ряда конфликтов NN – представитель СССР, потерпел душевную катастрофу страшных разочарований во всех пунктах его культурной и политической работы. Он видел, что новая война, более страшная, против их теперешних друзей – неминуема. И после глубокой дискуссии у С<талины> на тему о соблазнах Сатаны случайно очутился вместе с женой у своего

«правого» друга. Как раз должна была быть служба в часовне, в глухом лесу...

И вот, когда в тишине лесной зелени, как в древности, зазвучали ектении “Благословенно царство всегда ныне и присно и во веки веков”, что-то случилось с его женой. Она дернула его за рукав и шепнула: “Я ухожу...” – “Не нужно. Будь тактична”. – Перекошенными губами она произнесла сквозь придушенные спазмы: “Я не могу”. – И ушла... в лес, к роднику. Он незаметно скользнул за нею. От часовни неслось дивное хоровое “Аминь! Господи, помилуй”. Жена его рыдала над родником. Он взял ее за руку... Она отдернула ее. “Оставь

Часовня св. Сергия Радонежского.
Чураевка. 1990. Фото Даниэля Энтина

меня одну”. – “Да что с тобою?” – Она не ответила, подавляя в себе рыдания, явно прислушиваясь к пению. Храм был для них явен – нерушимо вечен» [16, л. 1].

Из текста виден внутренний конфликт, происходящий в душе героев. Они находятся в духовном поиске. Последняя авторская фраза говорит как раз об этом. Построение храма для них явлено в жизни и остается нерушимо вечной истиной. Это и есть главная идея романа.

Замысел оформился неожиданно, буквально в один день, 18 марта 1951 года, хотя размышления Гребенщикова не прекращались с того момента, когда вышел в свет первый том «Чураевых». Накануне вечером, 17-го марта, он читал полученную из Парижа от Бельянинова рукопись поэмы «Голгофа», которую эмигрантский автор предлагал издать в «Алатасе». На следующее утро пришлось очищать в умывальнике протоку, через которую утекает вода. (Там накопилась грязь.) Занимаясь бытовой работой, Георгий Дмитриевич делает вывод о том, что надо «прочистить наши мысли, души и сердца, чтобы чистая простая вода жизни омывала нас» [17, л. 1]. Но причем здесь Голгофа, то есть Христос, и чистка умывальника? На первый взгляд, оба события никак не связаны друг с другом. И все-таки, соединенные вместе, они позволили понять что-то очень важное. Предоставим слово самому писателю:

«В романе “Построение Храма”, путями скорбных итогов всему происшедшему – привести читателя к Голгофе, вокруг которой накопилось в течение столетий столько искусства и столько противоречивых философий, что человечество погрязло в конфликтах и грязи войн, революций и невежества. А Христа – Творца ве-

Н. К. Рерих. Ранние звоны. 1934 г. ГМВ

личайшей жизненной Поэмы – загромоздили криво-толкованием и вымыслами, которые должны сгореть в огне истины и простоты этой величайшей жертвы» [там же].

Идея для финала эпопеи записана скупой, несколько сумбурно, однако в строках сквозит мысль о величии русской веры, побеждающей мир смирением и самопожертвованием. Через веру в Иисуса Христа, невзирая на всё убожество окружающей жизни, приходит радость духа. Гребенщиков подбирается к главному, ради чего люди живут, испытывают боль на земле, – обрести чувство любви и сострадания. Такое всеохватное чувство только и может спасти человечество от гибели. Вот еще одна важная запись, которая относится к заключительному, 12 тому романа:

«Сыны будущего мира – бледнорожая мразь будет худосочна и щекотлива ко всякой внешней боли, но внутренней, душевной боли знать не будет. Нет, ничего нельзя создать, когда счастлив... Надо, чтобы тоска смертельно ранила и рана ныла бы и день и ночь. И только когда сердце замирает перед бездонной пропастью отчаяния – может вырваться вздох жалости, жалости к себе и себе подобным – так несчастно человечество в своем извечном грехопадении. И тогда хочется сказать кому-то новыми и незабываемыми словами доброе, проникновенное слово любви и утешения» [18, л. 1].

Георгий Гребенщиков достигает высоты внутреннего преобразования. На этой высоте сияет чувство любви, оттуда любовь изливается на весь мир. Человеку предстоит создать в душе нерукотворный храм, в него однажды войдет сам Господь. И лишь после обновленное человечество выстроит зримый храм из гранита и яшмы, единый для всех земных племен.

Роман «Чураевы» так и остался незавершенным. Финал эпопеи, ясно выраженный в названии последнего тома «Построение Храма», писатель оставил как завещание потомкам. И кто знает, быть может, строить Златоглав или Звенигород будет тот самый чудесный Царевич, который по завету Белого царя когда-нибудь явится своему народу...

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Глава двенадцатая

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Завершающий период жизни Георгия Гребенщикова – печальное время неосуществленных надежд. Многолетняя нервная нагрузка, вечная борьба за существование в тяжелых условиях эмиграции опрокинули богатырское здоровье писателя. К началу 1950-х годов Георгий Дмитриевич ослеп. Зрение удалось частично восстановить после операции, но вскоре слепота стала опять возвращаться. Обрезая ветки деревьев в саду своего дома во Флориде, он упал с лестницы и раздробил кости стопы. Это произошло в январе 1953-го. Затем ослабло сердце, случилось два сердечных приступа. Пришлось окончательно оставить преподавательскую работу и выйти на пенсию. Однако самое тяжкое для него испытание выпало на литературной ниве.

Писатель оказался в эмигрантском вакууме. Будучи закованным в гипс на полгода из-за перелома ноги, он смог завершить работу над автобиографической повестью «Егоркина жизнь». Рукопись отправил в американское Издательство имени Чехова. На тот момент это – самое крупное издательство в Русском зарубежье, за четыре года своего существования (1952–1956) оно опубликовало 178 книг известных писателей-эмигрантов, таких как Алданов, Бунин, Зайцев, Набоков, Ремизов, Цветаева, Терапиано, Тэффи и др. авторов.

Цвет русской литературы! Осенью 1953-го Гребенщиков обратился к главному редактору Чеховского издательства Вере Александровне Александровой с издательским предложением. Ей повесть «понравилась», как она сообщила в письме от 17 февраля 1954 года [1], но решение было отложено до ознакомления с «Егоркиной жизнью» других членов редакционной коллегии. Прошло полтора года. Судьба рукописи так и не была устроена вплоть до закрытия издательства. Чтобы ускорить решение, Георгий Дмитриевич предлагал даже собственных 500 долларов на издание книги.

Причина проволочек осталась невыясненной. То ли финансовые проблемы, то ли очередные интриги в эмигрантских кругах. Отношение к произведениям Гребенщикова среди литературных критиков всегда было противоречивым.

В том же Чеховском издательстве вышла монография Г. П. Струве «Русская литература в изгнании» (1956), где он подверг критическому анализу эпопею «Чураевы». Литературовед похвалил первый том и дал нелестную оценку последующим томам, обрушив свой гнев на автора за «сплошную безвкусицу» и еще за то, что до конца замысел романа не был реализован. Болезненную обиду Георгия Дмитриевича вызвал выпад Струве, назвавшего его «безграмотным, серым этнографом» (29.09.1956) [2, л. 1].

Позиция критика выражала всего лишь индивидуальное узкое мнение, невзирая на масштаб поднятой темы. В то же время В. Ф. Зеелер, известный журналист, секретарь Союза писателей и журналистов в Париже, прочитав 7-й том эпопеи, признавался, что плакал над книгой. Сужде-

ние, совершенно противоположное тому, что высказал Глеб Струве:

«На многих страницах следы моих слез. Да, слез. И я не стесняюсь в этом признаться. Гребенщиков силой своего изумительного таланта разбередил старые раны до слез. Это ли не свидетельство писательской силы Гребенщикова? Я не помню книги, над которой я лил бы слезы. А всех книг я прочел на моем веку тысячи. Гребенщиков – талантище! <...> Не знать его просто стыдно человеку, претендующему на знакомство с русской литературой...» (05.08.1952) [3, с. 140].

Отдельные части «Егоркиной жизни» публиковались задолго до окончания работы. Книга была задумана еще в 1930-е годы и составлялась постепенно, но завершена во время болезни. Незадолго до того, в январе 1953-го, Гребенщиков опубликовал главу «Егоркин ангел», одну из лучших, по его мнению, в парижском журнале «Возрождение». Литературный бомонд Русского зарубежья, похоже, не принял откровенный натурализм деревенского быта. В целом позиция автора, изображающего крестьян, оказалась чуждой, невзирая на то, что некоторые главы являются настоящими шедеврами отечественной литературы. О своем очерке, помещенном в «Возрождении», Гребенщиков высказался ясно: «Это ключ ко всему началу моей духовной и литературной жизни» (07.02.1957) [2].

Описывая тяжелую болезнь Егорки, автор следует за взглядом ребенка, скользящим по старым бороздам побелки на стене избы, и доходит до щели в бревне, из которой торчат усы таракана. Мальчик не может удержаться от эмоционального возгласа: «Ух, какой матерый!..» [4, с. 178]. Здесь же

Георгий и Татьяна Гребенчиковы
у своего дома в Лейкленде. 1944 г. IHRCA

дано и описание проделок невоспитанных детей – они не прочь полизать палочку с «муравьиным квасом». Конечно же, подобная литература шла вразрез со знаменитой «Атлантидой» Мережковского или «Темными аллеями» Бунина. Но она близка тем, кто и по сей день сохраняет идеалы простой и безыскусной жизни.

Затянувшийся роман с Чеховским издательством писатель перенес тяжело. По его собственной оценке, два произведения являлись лучшими

из всего им написанного, это – «Былина о Микуле Буяновиче» и «Егоркина жизнь». Если первая вещь появилась в расцвете его творческого таланта, то последняя – при завершении писательской карьеры. И в одном и во втором случае главным героем является сам автор. Соединяя оба произведения вместе, читатель может проследить жизненный путь Гребенщикова, эволюцию его души – нравственные подъемы и борения за правду. Егорка вырос из народных недр, со своим неповторимым характером и человеческим достоинством. Микула – тип крестьянина-богатыря, собирателя силы русского народа. Из письма Георгия Дмитриевича редактору В. А. Александровой:

«Егорка, как и Микула, сын Буяна, – подлинные человеческие документы, свидетельствуемые одним из выходцев из такого народа, о котором так много пишется и говорится в русской литературе. А вот когда заговорил о нем один из его полнокровных сыновей, он встречается с глухой и холодной стеною невнимания.

Мне в особенности тяжело переносить эту несправедливость на склоне лет, когда приходится подводить итог пройденного тяжелого пути и лицом к лицу столкнуться с тьмой не только невнимания, но и пренебрежения. Только пренебрежением к себе, как неугодному Вашей дирекции лицу, я объясняю свою неудачу у Вас с моим “Егоркой”. Признаться, я устал стоять у подъезда Чеховского издательства и ждать, и бесконечно унижать себя тревогой: впустят меня... или не впустят» (07.02.1956) [1].

Георгий Гребенщиков принимает решение печатать повесть самостоятельно, в собственной типографии. К тому моменту, когда писатель и его супруга оставили преподавание в Южном колледже

Флориды и вышли в отставку, у них появилась своя типография. Из-за финансовых проблем в ноябре 1950 года руководство колледжа объявило о продаже типографского оборудования, и Татьяна Денисовна, взяв кредит в банке, смогла выкупить машины вместе с мебелью и запасом бумаги. Частная типография «Dixie Press» переехала в новое здание неподалеку и получала заказы от того же колледжа. Вот тогда и были напечатаны последние книги – 7-й том «Чураевых» и второе издание «Радонеги».

Летом 1955-го типография переехала в Чураевку, где Гребенщиковы намеревались окончательно обосноваться. Там была начата подготовка «Егоркиной жизни» к выпуску, сделан набор на линоTYPE двух третей всей рукописи. Издание планировалось к Рождеству 1957 года. В Нью-Йорке Георгий Дмитриевич даже снял в аренду зал для творческого вечера и презентации новой книги.

Одновременно был завершен набор 8-го тома эпопеи, «Пляска во пламени», и еще – намечено издание книги «Три искупления» за авторством самобытного и совершенно неизвестного парижского писателя-таксиста Н. А. Мусина. Из его поэм составлено несколько книг: «Ставрог», «Сказ о Рожаничах», «Забытые боги». Произведения посвящены прославлению язычества дохристианской Руси.

Как издатель Гребенщиков связывал большие планы с Николаем Мусиным, хотел зажечь новую поэтическую звезду на литературном небосклоне зарубежья, но ни одного сборника выпустить так и не удалось из-за постигшей его внезапной и тяжелой болезни. Даже готовая к печати собственная повесть «Егоркина жизнь» вышла уже после

Татяна Гребенщикова за линотипом.
Лейкленд, 1940-е гг. FSC

смерти писателя. Она издана «Славянской типографией» в Чураевке. Издательские труды супругов Гребенщиковых завершил диакон Дмитрий Александров (епископ Даниил Ирийский), поселившийся рядом с часовней преподобного Сергия Радонежского.

Работа издательства была бы вообще невозможна без Татьяны Денисовны, спутницы писателя, разделившей с ним все тяготы эмиграции. Благодаря своим техническим дарованиям она овладела печатным делом, могла одна управляться с лино-типом и прессами не только как наборщик и печатник, но и как опытный механик. В линолите более двух тысяч деталей, ей приходилось его разбирать, чинить и снова собирать! Ряд местных газет, таких как «The Southern», «Lakeland Ledger» и др., не обошли стороной феноменальную женщину-печатника и периодически посвящали ей статьи.

Описан курьезный случай с починкой лино-типа. После поломки машины начальство вызвало квалифицированного специалиста из города Тампи. Тот возился целый день и вынужден был сдаться, а после отъезда мастера Татьяна Денисовна сама починила линотип за два часа.

Георгий Гребенщиков всегда восхищался женой, нежно называя ее Ладой. Быть может, потому что со всеми она ладилась и управлялась с любой работой. Всё делала ладно! Как-то писатель горделиво сообщил И. Г. Савченко: «Татьяна же – героиня почище меня... Богатырица, храни ее Бог! Единственная женщина на всю Америку» (17.11.1950) [5, л. 1]. Слова вполне справедливые.

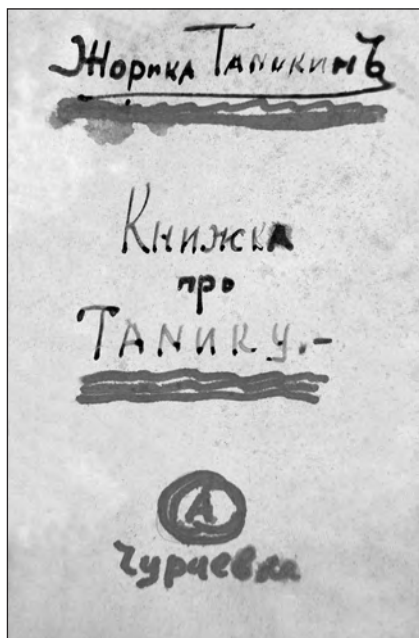
Ей посвящено немало вдохновенных строк, Георгий Дмитриевич радостно выражал свои чув-

ства, особенно в поэзии. Стихи возникали сами собой в Татьянин день, 25 января, или в ее день рождения, или находился какой-нибудь неожиданный повод: однажды забил родник на склоне холма в Чураевке.

Среди прочего создан маленький рукописный шедевр с названием «Книжка про Танику» (1948). На обложке указан псевдоним – Жорик Таникинъ и знак издательства «Алатас». С легким юмором, но с великой любовью, автор описал жизнь своей супруги.

«Часть первая. Жила-была на свете Таника, славная такая девочка. Жила она в лесу дремучем, в горах да холмах, на берегу речки Помпераг. И жила она, бедная, без всяких таких девичьих радостей: не было у нее ни светёлочки просторной, ни теремка высокого, ни даже ключика студеного. А жила она в трудах да хлопотах тяжелых и печатала разные книжки да программки, да карточки всяким людям... И только был у нее один дружок верный, но бестолковый, бесталанный Жоржик, который всё только мешал ей в работе и болтался зря под ногами...

Часть вторая. Прошли годы и годы – много воды утекло в реках и много горя и крови, и слез прибавилось в мире, а Таника, слава Богу, всё еще жива, и хоть не всегда здорова, но работает и бегаёт шибко и печатает уже не только русские, но и английские книжки... Она стала профессоршей, выучила молодых помощников, стала директоршей печатного дела в колледже, во Флориде, и все ее уважают и любят и называют Mrs. Gee!.. (Госпожа Джи; gee, англ. – вот здорово! – В. Р.) А живет она всё еще в хижине, хотя и могла бы жить во дворце... Ну, тут уж всех причин не расскажешь, а только Бог дал ей терпение и талант, и живет она на радость своему глупому Жорикку, который всё еще болтается на свете и мешает Танике по-хорошему, по-настоящему жить...

Книжка про Танику. Обложка. ИНРСА

И еще стала Таника в 1948 г. сама править автомобилем и возить с собой своего полуслеплого муженька, и то, слава Богу! Ну, это длинная история – много о Танике написано в книжках и в газетах, и даже сам Сергей Жаров со своими казаками пел ей “Чарочку” в Лейкленде... Вот какая она замечательная наша Таника. – *Конец*» [6].

Историю жизни Т. Д. Гребенщиковой автор назвал «эпопеей». Издана она в одном экземпляре и с шуточной припиской, мол, книжка «лично для Таники, и больше никто не имеет права ее читать» [там же]. Если отвлечься от домашнего жанра про-

изведения (а это своего рода тоже произведение), то становится очевидным, что труды Татьяны Денисовны – неотъемлемая часть литературной судьбы писателя. На ее плечах была не только типография, но и устройство русских праздников. Скромная хозяйка не могла укрыться от внимательных глаз гостей.

Художник И. Ф. Замотин, побывавший в Чураевке, нарисовал дружеский шарж на героиню торжества. На переднем плане изображена Татьяна Гребенщикова. Согнувшись под тяжестью ноши, она тащит на спине огромный мешок, больше ее самой. Мешок набит пирогами. На вершине холма высится часовня. Женская фигура взбирается вверх. Символично!

И. Ф. Замотин. Рисунок-шарж на Татьяну Гребенщикову. 1934 г. ЧАР

Самый большой подвиг выпал на долю Татьяны Денисовны во время тяжелой болезни писателя. Инсульт и частичный паралич обездвижили Гребенщикова с конца весны 1957 года. Было несколько трудных операций. Шесть с половиной лет, вплоть до ухода из жизни, он пребывал в темноте, ничего не видел, практически не слышал и едва говорил. Жена находилась «на посту почти все 24 часа в сутки» (29.10.1957) [2]. Позже писатель немного окреп, мог сидеть в кресле и даже путешествовал к друзьям в Нью-Йорк и домой в Коннектикут. Однако вскоре болезнь отыграла обратно. Причем не избежала печальной участи и сама Татьяна Денисовна.

Поздней осенью 1959-го в Чураевке она сломала шейку бедра. Страдала от операций, дважды падала, практикуясь ходить на костылях. Состояние угнетающее, Гребенщиконы – оба полные инвалиды. Невзирая на телесную немощь, Татьяна Денисовна продолжала разбирать архив мужа, устраивала его литературные дела, вела переписку с библиотеками, советскими литературоведами А. В. Храбровицким и Н. Н. Яновским, куратором Бахметьевского архива при Колумбийском университете А. Ф. Магеровским.

Из-за болезни пришлось зимовать несколько лет в русской деревне в нелегких условиях (нужно было топить печь, ездить за продуктами, прочее). Супруги надеялись упокоиться рядом с часовней святого Сергия. Но судьба распорядилась иначе. Георгий Гребенщикова умер 11 января 1964 года в своем доме в Лейкленде и похоронен на городском кладбище «Оук Хилл». Всего через двадцать дней, 31 января, на операционном столе сконча-

лась от аппендицита и Татьяна Денисовна. Не выдержало сердце...

Смерть примиряет больных и здоровых, правых и неправых. Для Гребенщиковых последние годы жизни наполнились постоянным дружеским участием со стороны многочисленных корреспондентов и близких знакомых. Их одаривали вниманием, помимо родных с Алтая, семьи Сикорских, Савченко, Мусиных, Коварских и, конечно же, приемные дети: Николай Митин, Степан Бескид, Нина Соболева. Любимый «Стёпушка» (Бескид) иногда приезжал из Нью-Йорка в отпуск и дежурил у постели больного. Тогда он работал библиотекарем в Русской духовной семинарии. Его личные отношения с Гребенщиковыми – отдельная трогательная история.

Ссоры и недоразумения, тянувшиеся из прошлого, таяли от теплоты чувств старых друзей. Непримируемая Зинаида Фосдик (Лихтман), директор нового Музея Рериха на 107-й улице Манхэттена (существует с 1949 г.), написала Татьяне Денисовне и болящему Георгию Дмитриевичу сердечное письмо, забыв про свои давние обиды. Когда-то она отвергла духовных брата и сестру за то, что они заняли нейтральную позицию по отношению к разрушителям музея Рериха. Это тот самый конфликт 1938 года, когда музейные сотрудники собирали подписи против своего президента Луиса Хорша для очередного суда. Теперь всё переменялось:

«Дорогая моя Танечка, радовалась и скорбела, получив Ваше письмо от 18 июня из Чураевки. Вот уж истинно тяжкие удары нанесла Вам и Тарухану судьба! Бедные мои друзья! Ваше всегдашнее мужество и терпение Вам помогут в конечном результате – истинно, душа

Георгий и Татьяна Гребенщиковы.
Последняя фотография. 1960-е гг. ГМИЛИКА

Ваша *не угасла*. Устремляйтесь к Иерархии Светлых Сил ежечасно. Конечно, хотелось бы очень Вас повидать... Есть многое рассказать и о многом побеседовать по душе. Поездка моя в Индию, а затем в Россию прошла замечательно! <...> Обнимаю и целую Вас, думаю сердцем о бедном Тарухане. – Ваша Зина» (25.06.1963) [7].

Подводя итоги жизни незадолго до болезни, писатель Гребенщиков дал субъективную оценку своей работе в Америке. Когда читаешь его откровенные письма, остается чувство горечи. А горечь от того, что писательский труд не оценен им самим по достоинству. Годы потрачены во имя какого-то идеала, на мелкие дела, которые показались ничтожными или вовсе не нужными. Следует повто-

риться: это именно его собственная оценка. Книжки русским эмигрантам будто бы не интересны. Профессорство в колледже – нелепость, «сплошная комедия», по его выражению, среди студентов лишь единицы понимают суть лекций. Докторские степени и титулы – фальшивые. В общем, Россия остается далекой американцам, но душа скорбит о Родине.

Неизбежен вопрос: почему так? Писатель сам отвечает на этот вопрос в письме к друзьям Томилиным: «Искусство наше трудное, потому что ждет героя» (03.02.1955) [8, л. 1]. И как быть с литературным героем, где же он?.. Эпопея «Чураевы» ширится том за томом, конец близок. Но русский царь пока не оправдал надежд. Василий Чураев – уже не герой, он человек интеллигентный. А интеллигент в России, как известно, «порядочная дрянь». Георгий Дмитриевич повторяет слово в слово мысль об интеллигенции за русскими классиками. Другой положительный персонаж эпопеи, непримиримый борец за правду Андрей Колобов, тоже опозорен, у него сорваны георгиевские кресты с груди. Приходится учиться писательскому искусству и фантазировать, «возвышенно обманывать» читателя.

Из этой туманной скорби иногда пробивается свет истины. Истина – это сама жизнь, нескончаемое строительство вокруг, то, что сделано «руками и ногами человеческими». Гребенщиков неоднократно говорил: «Чураевка – мое самое удачное, или лучше сказать, самое мучительное литературное произведение» [9]. Русская деревня строилась для будущего. Там была возведена часовня святого Сергия. Проложено 4 мили тропинок и дорог,

высажено свыше 16 тысяч сосен и ёлок. Чураевка является чистой идеей, из нее вырастет Храм. Далеко, где-то в горах Алтая, у самой Белухи.

Недаром до сего дня часовня так и стоит в американских лесах. Стоит она как символ несломимого русского духа! Когда писатель лежал слепой и не мог открыть даже глаз, маковка на Сергиевой часовне засияла золотыми лучами. Газеты писали о том, что 3 сентября 1961 года в Чураевке состоялось поднятие нового купола, покрытого червонным золотом. Чин освящения креста на куполе совершил архимандрит Иннокентий (Быстров), настоятель Ново-Коренной пустыни в Магопаке. Он же отслужил молебен с акафистом преподобному Сергию Радонежскому.

Скорбь со временем сменяется радостью. Эмигранты первой волны навеки растворились в потоках чужой жизни. Но русским людям остается богатое культурное наследие наших соотечественников, в том числе и сибирского классика Георгия Гребенщикова. Оно пришло на Алтай, на родину писателя. Пока не всё, не полностью, где-то еще бьется пульс неумеряемого сердца сына Белухи.

Однажды Морис Лихтман, размышляя о судьбах Родины, написал Гребенщикову: «Если Россия могла создать таких гигантов мысли, как тебя, Георгий, Россия никогда не погибнет» (18.01.1944) [10]. Слова эти сказаны в дни ожесточенных сражений на фронтах Великой войны. Они напрямую связаны с личностью писателя. Истинная победа куется не только на поле брани, ее приближают духовные идеалы нашей культуры.

ИСТОЧНИКИ, СОКРАЩЕНИЯ, УКАЗАТЕЛИ

ИСТОЧНИКИ, АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Глава I. Под святым Георгием

1. Гребенщиков Г. Егоркина жизнь: автобиогр. повесть // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 6. С. 9–298.

2. Гребенщиков Г. Автобиогр. письмо Л.Н. Клейнборту 02.12.1915 // Там же. Т. 1. С. 559–568.

3. Гребенщиков Г. Пушкин / Пер. с англ. яз. Ольги Кудзоевой // Алтай. Барнаул, 2017. № 3. С. 162–171.

4. Гребенщиков Г.Д. Сын народа: драм. поэма в пяти актах. СПб.: Лит. т-ва Екатеринбург. печ. дело, 1910. 60 с.

5. Гребенщиков Г. На склоне дней его: из воспоминаний о Григории Николаевиче Потанине // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 3. С. 449–464.

6. Гребенщиков Г. В полях // Там же. Т. 1. С. 375–396.

7. Г.Д. Гребенщиков [Рукопись] / Клейнборт Л.Н. Очерки народной литературы (1880–1923) // ЧАР. 4 л.

8. Гребенщиков Г. Ханство Батырбека // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 2. С. 145–193.

9. Б. Н–въ. Гребенщиков Георгий. В просторах Сибири. Рассказы // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». СПб., 1914. Том 1. (Март). С. 519.

10. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 1 / Под общ. ред. М.К. Азадовского [и др.]. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. С. 741.

11. Гребенщиков Г. О русских на Украине: письмо из Киева // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 2. С. 455–458.

12. Гребенщиков Г.Д. Письма Т.Д. Давыдовой-Гребенщиковой, 1917–1918 гг. // IHRCA, GTGP. В. 8. Ф. 5 & 8.

13. И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка / публ. и прим. В.А. Росова // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 220–276.

Глава II. Царьград, начало эмиграции

1. Гребенщиков Г.Д. Письмо Л.Н. и А.Г. Гребенщиковым 23.03.1919 // ОР РНБ. Ф. 431. Ед. хр. 444. Л. 1–2.
2. Мемуары Георгия Гребенщикова [Рукопись], 1918–1924 гг. // ГМИЛИКА. ОФ 64792.
3. Гребенщиков Г.Д. Письмо П.Б. Струве 14/27.08.1920 // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 259.
4. Гребенщиков Г. Письма из Царьграда. «Русский Маяк» // Общее дело. Париж, 1920. 16 дек. (№ 154).
5. Алексей (Дехтерёв), архимандрит. Юный Гребенщиков // Новая заря. Сан-Франциско, 1947. 4 июля.
6. Гребенщиков Г. Не смотря ни на что!.. (Письмо из Константинополя) // Общее дело. Париж, 1920. 20 дек. (№ 158).
7. Гребенщиков Г. Письма из Царьграда. Под негритами // Там же. 1920. 14 дек. (№ 152).
8. Гребенщиков Г. Письма из Царьграда. На улицах Константинополя // Там же. 1920. 15 дек. (№ 153).
9. Гребенщиков Г. Мостик через пропасть [Рукопись], 21 нояб. 1920 г. // ЧАР. 4 л.
10. Гребенщиков Г. Русско-турецкие письма. О взаимном понимании [Рукопись], <ноябрь, 1920 г.> // Там же. 3–3об. л.

Глава III. Франция: год тяжелый, но добрый

1. Гребенщиков Г. Дневник [Рукопись], 1921 г. // INRCA, GTGP. В. 5. F. 9.
2. Гребенщиков Г.Д. Прованс / публ. А.А. Санниковой // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: АГУ, 2008. Вып. 4. С. 185–194.
3. Георгий Гребенщиков: Письма из Ла Фавьера / публ. и прим. В.А. Росова // Там же. С. 169–185.
4. Гребенщиков Г. Чураевы: роман. Париж: Русская печать, 1922. 238 с.
5. Письма Г.Д. Гребенщикова М. Горькому (1911–1928) // Горький в зеркале эпохи (неизданная переписка). М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 307–390.
6. Гребенщиков Г. История рукописи романа «Чураевы» // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 3. С. 435–436.

Глава IV. Бунин, Бальмонт и другие

1. Гребенщиков Г. Перед Рождеством в Ялте. (Из выцветшего дневника.) [Рукопись], <1955 г.> // ЧАР. 3 л.
2. Гребенщиков Г. В просторах Америки // Новая заря. Сан-Франциско, 1937. 18 сент.
3. Гребенщиков Г. Лист дневника [Рукопись], 17 июля 1918 г. // ЧАР. 1 л.
4. Гребенщиков Г.Д. Письмо И.С. Шмёлеву 17.06.1923 // Парижский архив И.С. Шмелева (в настоящее время – ДРЗ; Фонд И.С. Шмелёва). 1–1об. л.
5. Гребенщиков Г.Д. Письмо И.С. Шмелёву 17.05.1923 // Там же. 1–1об. л.
6. Переписка М.А. Алданова и Г.Д. Гребенщикова // Новый журнал. Нью-Йорк, 2013. Кн. 273. С. 207–233.
7. Гребенщиков Г.Д. Письма И.Г. Савченко, 1921–1951 гг. // VAR. Savchenko Coll. В. 1.
8. И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 220–276.
9. Гребенщиков Г.Д. [Заметки о русской литературе] [Рукопись, фрагмент], <1950 г.> // ЧАР. 5 л.
10. Гребенщиков Г. Дневник, 1921 г. // IHRCA, GTGP. В. 5. F. 9.
11. Гребенщиков Г. Бальмонт, <1921 г.> // Алтай. Барнаул, 2017. № 3. С. 172–181.
12. «Мы встретимся в солнечном луче»: письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской, 1920–1926. М.: Русский путь, 2014. 624 с.
13. Бальмонт К.Д. Голубая подкова: стихи о Сибири. Southbury: Alatas, 1935. 48 с.
14. Бальмонт К. Письмо Г.Д. Гребенщикову 02.01.1934 // IHRCA, GTGP. В. 11. F. 3.
15. Гребенщиков Г. Чураевы: роман. Т. V: Сто племен с единым. Southbury: Alatas, 1932. 208 с.
16. Бальмонт К.Д. Письмо Г.Д. Гребенщикову 12.05.1934: из переписки К.Д. Бальмонта и Г.Д. Гребенщикова // Алтай. Барнаул, 2017. № 3. С. 185–201.

Глава V. Издатель русской книги

1. Гребенщиков Г. Белый камень // Рассвет. Чикаго, 1929. 17 окт.; Также: Алатас (Белый камень) [Рукопись, черновик], <1929 г.> // ЧАР. Л. 4–5.

2. Гребенщиков Г.Д. Письма сотрудникам Музея Рериха в Нью-Йорке, 1923–1938 гг. // NRM. Вох: «Г.Д. Гребенщиков».

3. Гребенщиков Г.Д. Звенигород Окликанный // Рериховский вестник. СПб.; Извара, 1992. Вып. 4. С. 65–67.

4. Н.К. Рерих. Письма в Америку, 1923–1947. М.: Сфера, 1998. 736 с.

5. Гребенщиков Г.Д. Письма Н.К. и Е.И. Рерихам, 1923–1938 // NRM. Вох: «Г.Д. Гребенщиков».

6. Рерих Н.К. Письмо Г.Д. Гребенщикоу 29.09.1923 // INRCA, GTGP. В. 35. F. 2.

7. «На Гималаи первая весть»: письма Г.Д. Гребенщикова Н.К. и Е.И. Рерихам (1923–1924) / публ. и прим. В.А. Росова // Дельфис. М., 2001. № 1 (25). С. 30–37.

8. Чудеса Сибири. Названия и краткое содержание лекций Георгия Гребенщикова // ЧАР. 4 л.

9. Гребенщиков Г. Дарственная надпись на книге «Чураевы»: роман. Париж: Русская печать, 1922 // Библиотека Музея Николая Рериха в Наггаре (дистрикт Куллу, шт. Химачал Прадеш, Индия); Также // ГМВ. [Копия. 1 л.].

10. Гребенщиков Г.Д. Летопись для Них, великих Друзей моих, 1923–1924 гг. // NRM. Вох: «Г.Д. Гребенщиков». 1–3об. л.

11. Рерих Н.К. Письмо Г.Д. Гребенщикоу [Открытка], 25.12.1923 // INRCA, GTGP. В. 35. F. 2.

12. Рерих Н.К. Письмо Г.Д. Гребенщикоу 03.01.1924 // NRM. Вох: «Г.Д. Гребенщиков». [Копия. 1 л.]. Заверено подписью Г.Д. Гребенщикова: «Тарухан».

13. Гребенщиков Г. Чудесное воспоминание // Гребенщиков Г. Былина о Микуле Буяновиче: роман в 3 ч. М.: Ариаварта Пресс, 2003. С. 363–366.

14. Булин В. Былина о Микуле Буяновиче: размышления о кн. Г. Гребенщикова [Рукопись], <19 февр. 1955 г.> // ГМИЛИКА. ОФ 18115. 14 л.

15. Гребенщиков Г. Былина о Микуле Буяновиче: в трех сказаниях. Париж; Нью-Йорк: Алатас, 1924. 354 с.

16. Гребенщиков Г.Д. Письмо В.П. Булину 07.03.1955 // ГМИЛИКА. ОФ 18116. 1–1об. л.

17. Гребенщиков Г.Д. Финал Микулы: [разрозненные заметки], <1924 г.> // Там же. ОФ 56739/203. 1 л.

18. Гребенщиков Г.Д. Письмо И.И. Новгород-Северскому и Ю.А. Кутыриной 29.05.1956 // Там же. КП 67348/001. 1 л.

Глава VI. Театральные надежды

1. Гребенщиков Г. По Рейну (Из дневника) [Рукопись], <1922 г.> // ГМИЛИКА. ОФ 56739/31. 3 л.

2. Гребенщиков Г. Дневник [Рукопись], 4–21 февраля 1922 г. // Там же. 7 л.

3. Гребенщиков Г. «Синяя птица»: посвящая Московскому Художественному театру // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 2. С. 306–314.

4. Гребенщиков Г. Дунюшка-Овдотья: из трилогии «Микула Буянович» (4 акт 1-й части «Из песни слово») [Рукопись], <1922 г.> // ГМИЛИКА. ОФ. 18110. 14 л.

5. Гребенщиков Г.Д. Письмо Е.Н. Рощиной-Инсаровой 24.09.1922 // VAR. Roshchina-Insarova Coll. В. 1.

6. Гребенщиков Г.Д. Письмо К.С. Станиславскому 01.12.1922 // INRCA, GTGP. В. 39. Ф. 9.

7. Гребенщиков Г. Былина о Микуле Буяновиче: в трех сказаниях. Париж; Нью-Йорк: Алатаз, 1924. 354 с.

8. Гребенщиков Г.Д. Письмо М. Горькому 31.07.1922 // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 3. С. 481–483.

9. Гребенщиков Г. Рассыпанное ожерелье: поэма в четырех картинах [Рукопись], <б. д.> // ЧАР. 26 л.

10. Гребенщиков Г. Чудо (Miracle) [Рукопись], октябрь, 1924 г. // ГМИЛИКА. ОФ 56739/270. 6 л.

11. Всезнайка. Открытие Экспериментального театра при музее Рериха // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1925. 28 марта.

12. Гребенщиков Г. Русский жемчуг // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 4. С. 412–415.

13. Гребенщиков Г.Д. Письма И.Г. Савченко, 1921–1957 гг. // VAR. Savchenko Coll. В. 1.

14. Гребенщиков Г. Прерванный Псалом: драм. этюд в 3 д. [Рукопись], <1927 г.> // ГМИЛИКА. ОФ 15533/005. 83 л.

15. Гребенщиков Г. Редуют ряды славных: памяти И.В. Лазарева // Рассвет. Чикаго, 1929. 4 нояб. // ГМИЛИКА. ОФ 15542/146. [Вырезка из газеты].

16. С.Р. «Прерванный Псалом». Первая постановка пьесы Г.Д. Гребенщикова в Голливуде // Новая заря. Сан-Франциско, 1933. 27 мая.

17. Гребенщиков Г.Д. Еще тема для пьесы [Рукопись], <1940-е гг.> // ГМИЛИКА. ОФ 56739/126. 1 л.

Глава VII. Певец Алтая

1. Гребенщиков Г.Д. Письма Н.К. и Е.И. Рерихам, 1923–1938 гг. // NRM. Вох: «Г.Д. Гребенщиков».

2. «На Гималаи первая весть»: письма Г.Д. Гребенщикова Н.К. и Е.И. Рерихам (1923–1924) // Дельфис. М., 2001. № 1. С. 30–37.

3. Гребенщиков Г. Летопись Тарухана [Рукопись], 1 мая – 16 июня 1924 г. // NRM. Вох: «Г.Д. Гребенщиков». 38 л.

4. Письма Г.Д. и Т.Д. Гребенщиконых Кругу в Америке // Росов В.А. Николай Рерих: вестник Звенигорода. СПб.; М., 2002. 272 с.

5. Программы лекций и спектаклей Г.Д. Гребенщикова (1923–1925) // ГМИЛИКА. ОФ 663/043. [Программа лекции «Сибирь – Америка». 1 л.].

6. Гребенщиков Г. Новый период: (из «Летописи Тарухана»). [Рукопись], 13 июня – 12 июля 1924 г. // IHRCA, GTGP. В. 35. Ф. 2. 17 л.

7. Гребенщиков Г. Новая глава «Летописи» [Рукопись], 14 авг. – 15 сент. 1924 г. // Там же. В. 35. Ф. 2. 15 л.

8. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник [Рукопись], 1924–1925 гг. // NRM. Вох: «З.Г. Фосдик». Тетр. 2. 301 л.

9. Рерих Н.К. Письма Е.И. Рерих, 1924 г. // Там же. Вох: «Н.К. Рерих. Письма».

10. Гребенщиков Г. Дневник [Рукопись], 1925 г. // IHRCA, GTGP. В. 5. Ф. 9.

11. Рерих Елена Ивановна. Письма: в 9 т. Т. I: 1919–1933. М.: МЦР, 1999. 432 с.

12. Письма Г.Д. Гребенщикова к Н.К. Рериху в Рукописном отделе ИРЛИ (1925 г.) / публ. А.А. Санниковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 975–992.

13. Махатма М. Письмо Г.Д. Гребенщикову 26.04.1925. [Рукопись Е.И. Рерих] // ЧАР. 1 л.; Оpubл. // Елена Рерих. Листы дневника. Т. II: 1924–1925. М.: ГМВ, 2011. С. 295–296.

14. Цит. по: Елена Рерих. Листы дневника. Т. II: 1924–1925. М.: ГМВ, 2011. С. 307.

15. Гребенщиков Г. Д. Моя Сибирь. Барнаул, 2002. 214 с.

16. Гребенщиков Г. Хан-Алтай: сказка в семи главах. СПб.; Барнаул, 1995. 48 с.

17. Гребенщиков Г.Д. Страна великого будущего: к 350-летию со дня покорения Сибири // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 5. С. 341–356.

18. Сибирская группа друзей Музея Рериха // Москва. Чикаго, 1929. Окт.

19. Рерих Елена, Николай, Юрий, Святослав. Телеграмма Г.Д. Гребенщикову <20.11.1931> // NRM. Вох: «Г.Д. Гребенщиков». [Копия. 1 л.].

20. Лихтман З.Г. Адрес Г.Д. Гребенщикову по случаю чествования 25-летия его литературной деятельности, 21 ноября 1931 // Там же. Вох: «З.Г. Фосдик». [Черновик. 3 л.].

21. Гребенщиков Г.Д. Схема работы над романом «Всегда, ныне и присно» [Рукопись], 1930-е гг. // Росов В.А. Николай Рерих: вестник Звенигорода. СПб.; М., 2002. С. 104.

22. Даоинь. Что ожидает Сибирь? // Возрождение. Париж, 1933. 6 дек. (№ 3109).

23. Гребенщиков Г. О Новом Ковчеге // Дельфис. М., 2001. № 1. С. 37–39.

Глава VIII. Американская Русь

1. Гребенщиков Г. В Ясной Поляне // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 1. С. 433.

2. Переписка И.Л. Толстого и Г.Д. Гребенщикова // IHRCA, GTGP. В. 41. F. 7.

3. Гребенщиков Г. Из жизни Ильи Львовича Толстого // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1933. 19 дек.; Цит. по рукописи: Гребенщиков Георгий. Из жизни Ильи Львовича Толстого. 3 с.; Толстой Илья. Падучая звезда: стихотворение // ЧАР. [Автограф – Г.Д. Гребенщиков, подпись – И.Л. Толстой. 1 л.].

4. Гребенщиков Г. Дневник [Рукопись], 1925 г. // IHRCA, GTGP. В. 5. F. 9.

5. Гребенщиков Г. Гонец. Письма с Помперага // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 4. – С. 295–392.

6. Гребенщиков Г. Призыв к людям Культуры [Рукопись], <15 марта 1927 г.> // ЧАР. Л. 1–3, 7.

7. Гребенщиков Г. Проект делового плана [Рукопись], <1927 г.> // Там же. Л. 1.

8. Гребенщиков Г. Что такое Чураевка? [Рукопись], <б. д.> // Там же. Л. 1.

9. Гребенщиков Г. Письмо госпоже Лу Гувер 07.11.1928 // Там же. [Копия, русск. яз. 1 л.; Черновик, англ. яз. 1 л.].

10. Гребенщиков Г. Почему это лучше? [Рукопись], 7 нояб. 1928 г. // Там же. Л. 7.

11. Гребенщиков Г. Дневник [Рукопись], 1929 г. // ИНРСА, GTGP. В. 5. Ф. 9.

12. Георгий Г. Дневник [Рукопись], 1930 г. // Там же.

13. Гостевая книга Чураевки [Рукопись], 1925–1952 гг. // Там же. В. 4. Ф. 1.

14. Гребенщиков Г. Письмо И. Сикорскому 05.08.1933 // ГМИЛИКА. КП 67558.

Глава IX. Во имя святого Сергия

1. Гребенщиков Г. Дневник [Рукопись], 1929 г. // ИНРСА, GTGP. В. 5. Ф. 9.

2. Тихон Оный [Гребенщиков Г.Д.]. Рерих в Чураевке: (от нашего собственного корреспондента) // Новая заря. Сан-Франциско, 1929. 14 сент.

3. Декроа Н. [Кордашевский Н.В.]. Русский гонец: (об одной настольной книге) // Москва. Чикаго, 1929. Март.

4. Грамота Сибирского отдела «Общества друзей Музея Рериха» на построение часовни преподобного Сергия Радонежского в Чураевке // ЧАР. [Постер, автограф. 1 л.].

5. Рерих Ю.Н. Письмо Г.Д. Гребенщикову 21.07.1930 // ИНРСА, GTGP. В. 35. Ф. 1. 1–1об. л.

6. Гостевая книга Чураевки [Рукопись], <б. д.> // Там же. В. 4. Ф. 1.

7. Рерих Н.К. Письмо Г.Д. Гребенщикову 30.06.1930 // Там же. В. 27. Ф. 6. 1–1об. л.

8. Тульпа Л.В. Письма Г.Д. Гребенщикову, 1925 г. // Там же. В. 3. Ф. 7. 22 л.

9. Тульпа Л.В. Счастье [Рукопись], 31 июля 1926 г. // Там же. В. 42. Ф. 1. 1 л.

10. Переписка Л.В. Тульпы и Г.Д. Гребенщикова, 1926–1936 гг. // Там же.

11. Тульпа Л. Откровение: стихотворение, 30.08.1930 / Гостевая книга Чураевки // Там же. В. 4. Ф. 1.

12. Гребенщиков Г. Так что же нам делать? [Рукопись], <б. д.> // ЧАР. 1 л.

13. Рерих Е.И. Письмо Г.Д. и Т.Д. Гребенщиковым 28.08.1930 // Там же. 1 л.

14. Гребенщиков Г. Дневник [Рукопись], 1930 г. // IHRCA, GTGP. В. 5. Ф. 9.

15. Тульпа Л.В. Письмо Г.Д. Гребенщикову 11.09.1930 // ЧАР. 2 л.

16. Из слова академика Н.К. Рериха на освящение часовни св. преподобного Сергия, сооруженной Сибирским отделом Общества друзей Музея Рериха в Радонеге, Чураевка, шт. Коннектикут // Знамя преподобного Сергия Радонежского. Рига: изд-во «Алтайрь», 1934. С. 27–30.

17. Рерих Н.К. Поздравительная телеграмма Г.Д. Гребенщикову 06.09.1930 // ЧАР. 1 л.

18. Гребенщиков Г. Юный инок // Новая заря. Сан-Франциско, 1930. 29 апр.

19. Гребенщиков Г. Письмо М.Н. Германовой 24.09.1930 // ЧАР. [Копия. 1–1об. л.].

20. Ольга Александровна, Вел. кн. Письмо Г.Д. Гребенщикову 19.03.1935 // Там же. 1–1об. л.

21. Гребенщиков Г. Русские дни в Чураевке // Русские поля. Сизэтл, шт. Вашингтон, 1935. 7/20 июля. (№ 22).

Глава X. В просторах Америки

1. Гребенщиков Г.Д. Письмо Л.В. Тульпе 07.03.1941 // IHRCA, GTGP. В. 42. Ф. 2. 1–1об. л.

2. Гребенщиков Г. Пестрота подорожная // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 6. С. 301–306.

3. Гребенщиков Г.Д. Письма И.Г. Савченко, 1921–1957 гг. // VAR. Savchenko Coll. В. 1.

4. Гребенщиков Г. Философия – это обиход жизни [Рукопись], 1940-е гг. // ЧАР. 9 л.

5. Гребенщиков Г.Д. Письма митрополиту Леонтию (Туркевичу), 1936–1957 гг. // АОСА. Leontiy Turkevich Coll. Folder: «Grebentstchikoff».

6. Гребенщиков Г. Лицом к лицу с Новой Россией // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 6. С. 310–317.

7. Один из Чураевцев. Праздник в Чураевке // Новая заря. Сан-Франциско, 1948. Б. д.; Газетная вырезка // ЧАР.

8. Переписка А.Т. Гречанинова и Г.Д. Гребенщикова, 1948–1954 // IHRCА, GTGP. В. 20. F. 5.

9. М. С. [Цетлина М.С.]. Чураевка – в день 25-летия // Новая заря. Сан-Франциско, 1950. 19 сент.

10. Нелидова-Фивейская Л. Запечатленные мгновенья: третий сборник стихотворений. Нью-Йорк, 1952. 88 с.

11. Perl Buck Opens Churaevka Village Anniversary Events // Town Times. Water-town, Conn., 1950. Vol. III. September 1 (№ 144). P. 1.

12. И. С. [Илья Савченко]. Американский Сенат о русской проблеме // Русская мысль. Париж, 1951. 28 марта (№ 331).

13. Статья Г. Д. Гребенщикова оглашена в Сенате // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1951. 20 марта.

14. Гребенщиков Г.Д. Письмо Гарри Трумэну 11.12.1951 // ЧАР. [Копия. 1 л.]

15. Гребенщиков Г. Рождественское обращение к русскому народу из Америки // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 6. С. 412–413.

Глава XI. Построение Храма

1. Гребенщиков Г. Златоглав: эпическая сказка XX века. Southbury: Alatas, 1939. 108 с.

2. Гребенщиков Г. Царевич: эпическая русская сказка XX века [Рукопись], 1933–1938 гг. // ГМИЛИКА. ОФ 68913. 84 с.

3. Переписка В.Ф. Ульянова и Г.Д. Гребенщикова, 1933–1939 гг. // VAR. Grebentstchikov Coll. В. 1. 43об. л.

4. Москов Е.А. Письма Г.Д. Гребенщикову, 1933 г. // Там же. В. 7. 9об. л.

5. Переписка П.Н. Краснова и Г.Д. Гребенщикова. 1934–1935 // Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957). Барнаул: ГМИЛИКА, 2008. С. 39–62.

6. Г. Гребенщиков. Златоглав [Библиотечная карточка], 16.08.1940 // ЧАР. 1 л.
7. Гребенщиков Г.Д. Письмо И.А. Якушеву 14.01.1932 // Там же. 1 л.
8. Переписка С.П. Мельгунова и Г.Д. Гребенщикова, 1949 г. // Там же. 3 л.
9. Гребенщиков Г.Д. Письма Иннокентию Серышеву, 1946, 1950 гг. // ВАР. Seryshev Coll. В. 1. 1об. л. + 4 л.
10. Из переписки Г.Д. Гребенщикова и И.И. Сикорского / публ. и прим. В.А. Росова // Алтай. Барнаул, 2018. № 4. С. 159–183.
11. Переписка И.И. Сикорского и Г.Д. Гребенщикова, 1953, 1957 гг. // ГМИЛИКА. ОФ 68308, ОФ 68309. 25 л. + 2об. л.
12. Гребенщиков Г. Пляска во пламени. Глава 8-го тома эпопеи «Чураевы» [Рукопись], <б. д.> // Там же. ОФ 56739/047. 27 л.
13. Гребенщиков Г. Распутин как прообраз русского народа [Рукопись], <б. д.> // Там же. ОФ 406/77. 2 л.
14. Гребенщиков Г. Снова на фронте. Глава 8 тома эпопеи «Чураевы» [Рукопись], <б. д.> // Там же. ОФ 56739/049. 11 л.
15. Гребенщиков Г. К Чураевым (к 12 тому!) [Черновая заметка], 1 октября 1936 г. // Там же. ОФ 406/053. 1 л.
16. Гребенщиков Г. К построению Храма [Рукопись], 2 июля 1944 г. // ЧАР. 2 л.
17. Гребенщиков Г. Основная цель жизни [Рукопись], 1951 г. // ГМИЛИКА. ОФ 406/054. 2 л.
18. Гребенщиков Г. «Сыны будущего мира...» [Рукопись], <б. д.> // ЧАР. 1 л.

Глава XII. Последние годы

1. Письма В.А. Александровой, Г.Д. Гребенщикова, Н.Н. Мартыанова, 1953–1956 гг.: переписка об издании повести «Егоркина жизнь» // ЧАР. 8 л.
2. Гребенщиков Г.Д. Письма Н.А. Мусину, 1955–1960 гг. // АВРТ. 12об. л.
3. Переписка И.Г. Савченко и Г.Д. Гребенщикова, 1952–1957 гг. // Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957). Барнаул, 2008. С. 133–167.

4. Гребенщиков Г. Егоркина жизнь: автобиограф. повесть // Собр. соч.: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 6. С. 9–298.

5. Гребенщиков Г.Д. Письма И.Г. Савченко, 1921–1951 гг. // VAR. Savchenko Coll. В. 1.

6. Гребенщиков Г. (Жорик Таникинъ). Книжка про Танику [Рукопись], <1948 г.> // IHRCA, GTGP. В. 6. Ф. 1. 14 с.

7. Фосдик З.Г. Письмо Т.Д. Гребенщиковой 25.06.1963 // Там же. В. 27. Ф. 5. Л. 1–1об.

8. Гребенщиков Г.Д. Письма К.А. и Е.В. Томилиным, 1953–1955 гг. // VAR. Tomilin Coll. В. 1: Correspondence.

9. Гребенщиков Г.Д. Письмо С.В. Потресову (Яблоновскому) 31.05.1950 // Там же. Potresov Coll. В. 1: Correspondence. Л. 1–1об; Также: Гребенщиков Г.Д. Письмо М.О. Цетлину 17.02.1948 // VAR. Zenzinov Coll. В. 1: Correspondence. Л. 1. (Цит.: «Построение часовни я считаю лучшим своим литературным произведением».)

10. Лихтман Морис. Письмо Георгию Гребенщикову 18.01.1944 // IHRCA, GTGP. В. 27. Ф. 7. 1 л.

СОКРАЩЕНИЯ

Архивы, музеи, библиотеки

АОЛМ – Архив Одесского литературного музея (Одесса, Украина)

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва, РФ)

ГМВ – Государственный музей Востока (Москва, РФ)

ГМИЛИКА – Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (Барнаул, РФ)

ГРМ – Государственный Русский музей (Санкт-Петербург, РФ)

ДРЗ – Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва, РФ)

ИР – Интернет-ресурс

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, РФ)

ЧАР – Частный архив В. А. Росова (Москва, РФ)

АВРТ – Association Bibliotheque Russe Tourguenev, Paris. Ассоциация Русской Тургеневской библиотеки (Париж, Франция)

АОСА – Archives Orthodox Church in America (Syosset, USA), Turkevich Coll. Архивы Православной церкви в Америке (Сайоссет, США). Коллекция митрополита Леонтия (Туркевича)

ASLHC – Albuquerque Speech Language Hearing Center (USA). Vinokourov Collection. Центр разговорного языка и слухового восприятия в Альбукерке (США)

BAR – Columbia University Libraries, Bakhtmeteff Archive (New York, USA). Бахметьевский архив Колумбийского университета (Нью-Йорк, США)

FSCA – Florida Southern College Archives (Lakeland, USA). Архив Южного колледжа Флориды (Лейкленд, США)

HIWRP – Hoover Institution on War, Revolution and Peace (Stanford University, USA). Гуверовский Институт войны, революции и мира (Поло Алто, США)

IHRCA – Immigration History Research Center Archives, University of Minnesota (Minneapolis, USA); George and Tatiana Grebenstchikoff Papers (GTGP). Архивы Центра по изучению истории иммиграции при университете Миннесоты (Миннеаполис, США)

NRM – Nicholas Roerich Museum (New York, USA). Музей Николая Рериха (Нью-Йорк, США)

СОКРАЩЕНИЯ В СЛОВАРЕ ИМЕН

ВМВ – Вторая мировая война

ВОВ – Великая Отечественная война

ГДГ – Георгий Дмитриевич Гребенщиков

ИАХ – Императорская Академия художеств, СПб

МНР – Музей Николая Рериха, Нью-Йорк

МХТ – Московский художественный театр

ПМВ – Первая мировая война

РЗ – Русское зарубежье

РПЦЗ – Русская православная церковь заграницей

СЛОВАРЬ ИМЕН*

АББАТ Пауло Сальваторе (Abbate Paolo Salvatore) (1884–1973) – американский скульптор итальянского происхождения, работал с бронзой и мрамором. Переехал в США, проповедовал христианство от имени Американской миссионерской организации в Массачусетсе. Учредил в шт. Коннектикут Ассоциацию «Sul Monte Art», устраивал выставки местных художников. Его студия стала местом сбора любителей искусства. Состоял членом «Общества художников и писателей штата Коннектикут», основанного ГДГ в 1939.

АГАФОНОВ Евгений Андреевич (1879–1955) – русский художник. Учился в ИАХ. Писал портреты, картины и панно в декоративной манере с использованием украинских народных мотивов. Оформил ряд театральных постановок, в т. ч. «Незнакомку» Блока. Учредил авангардистское объединение «Кольцо» (1911–1914). Член «Бубнового валета» (1913). Эмигрировал в США, где занимался станковой живописью, графикой и торговой рекламой. Участник выставок в нью-йоркских галереях: «French», «Caz-Delbo» (обе – 1931) и в Публ. библиотеке г. Дерби (1943). Похоронен в Ансонии, шт. Коннектикут.

АЛДАНОВ Марк Александрович (1886–1957) – писатель, автор исторических романов. После вступления в партию народных социалистов (ТНСП) в 1919 был направлен в командировку в Париж. Невозвращенец. Первая изданная в эмиграции книга – об эпохе Наполеона – «Святая Елена, маленький остров» (1921). Во время ВМВ жил в США, после – вернулся во Францию. Один из основателей «Нового журнала» (Нью-Йорк). Участвовал в работе издательства им. Чехова. Неоднократно номинировался на Нобелевскую премию. Состоял в переписке с ГДГ, письма затрагивали острые вопросы литературоведения РЗ.

АЛЕКСАНДРОВА Вера Александровна (1895–1966) – публицист, литературный критик, социолог. Гл. редактор издательства им. Чехова (1951–1956). Автор книги «История советской литературы, 1917–1962» (1963). По политическим убеждениям – социал-демократ меньшевистского толка. Состояла в переписке с ГДГ по вопросу издания повести «Егоркина жизнь».

* Словарь имен включает персоналии, имеющие отношение прежде всего к Русскому зарубежью. Это наши соотечественники из близкого круга общения писателя Г. Д. Гребенщикова. Известные прозаики, поэты, актеры, театральные деятели, такие, например, как Куприн, Мережковский, Шаляпин, Тенишева, Качалов и др., не вошли в словарь из-за недостатка места. Благодаря широкой популярности краткие сведения об их жизни можно легко отыскать в интернете и справочниках.

АЛЕКСИЙ, архиепископ (Дехтерёв Александр Петрович) (1889–1959) – писатель, педагог, церковный деятель. В 1917 сотрудничал с газетами «Приазовский край», «Воронежский телеграф», редактор журнала «Лучи солнца». С 1920 в Константинополе, преподаватель русской школы на о. Халки. С 1923 работал с детьми эмигрантов в Болгарии, издал рассказы «Смерть Игрушки» (1929), «Моя маленькая Россия» (1931), «Розовый дом» (1932). В Софии устроил «Чураевку» по образцу американской. В 1935 принял монашеский постриг, в 1938 – иеромонах. Служил в Ужгороде, Белграде, Александрии. Принял советское гражданство (1947). С 1955 – еп. Виленский и Литовский. Познакомился с ГДГ в Константинополе (1920), поддерживал обширную переписку. Написал очерк «Юный Гребенщиков» (Новая заря. 1947. 4 июля).

АЛЬТШУЛЛЕР Исаак Наумович (1870–1943) – земский врач, лечивший Чехова и Льва Толстого. Начал врачебную практику в Торжке, затем – на южном берегу Крыма (1898). Открыл туберкулезный санаторий «Ливадия» (Ялта); борьбе с туберкулезом посвятил более 20 лет жизни; один из основателей Международной лиги для борьбы с туберкулезом. Участвовал в работе ялтинского Литературного общества им. Чехова. Летом 1920 эмигрировал в Константинополь. В Турции оказывал содействие ГДГ. Жил в Берлине и Праге, обосновался в Нью-Йорке. В парижском журнале «Современные записки» (1930, № 41) опубликовал воспоминания «О Чехове».

БАК Перл (Buck Pearl Sydenstricker) (1892–1973) – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе. Дочь миссионера, провела детство и юность в Китае. Произведения посвящены описанию жизни китайских крестьян. ГДГ состоял с Перл Бак в дружеской переписке, писательница посещала русскую деревню Чураевка.

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич (1867–1942) – русский поэт-символист, литератор, переводчик; представитель Серебряного века. Приветствовал Февральскую революцию 1917, но отверг Октябрьский переворот и власть большевиков. В эмиграции жил во Франции (с 1920). Опубликовал 35 поэтических сборников и 20 книг прозы. Переводил с европейских и восточных языков знаменитых писателей и эпос народов мира. Был номинирован на Нобелевскую премию по литературе (1923). Состоял в тесных дружеских отношениях с ГДГ, посвятил ему стихи в сборнике «Голубая подкова» (1935), выпущенном книгоиздательством «Алатас». Сибирский писатель в свою очередь посвятил Бальмонту ряд очерков и рецензий на его сборники: «Одна из тайн», «Бальмонт», «Марево» (размышление над поэмой «Змей»), др.

БАРРЕТ Эдвард (Barrett Edward Ware) (1910–1989) – американский журналист, помощник госсекретаря США по связям с общественностью (1950–1952). Декан Высшей школы журналистики при Колумбийском университете в Нью-Йорке (1956–1968). Опубликовал мемуары о Второй мировой войне «Правда – наше оружие» (1953).

БЕЙЕР Анатолий Аполлонович (1875–1938) – профессиональный военный, генерал-майор. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1894) и академию (1901). Воювал в Добровольческой армии на юге России, занимался снабжением. Эмигрировал в Болгарию. Директор русской Шуменской гимназии. Позже переехал в Аргентину (1937). В Буэнос-Айресе служил в газовой компании. Вел культурную работу среди русских эмигрантов, основал кружок «Наука и техника».

БЕККАРЕВИЧ Борис Николаевич (1895–1971) – поэт Русского зарубежья. В эмиграции – в США. Автор двух поэтических сборников: «Былое и думы» (Чикаго, 1954) и «Листопад» (Париж, 1962). Захоронен на русском православном кладбище святого Николая г. Флинт, шт. Мичиган. Жена – Беккар Александра Васильевна (1898–1972), сестра милосердия. В эмиграции была в Югославии, служила в Русском корпусе. После 1945 – в США. Супруги неоднократно посещали русскую деревню Чураевку, состояли в дружеских отношениях с ГДГ.

БЕСКИД Степан Осипович (Beskid Stephen) (1921–2009) – военный переводчик, библиотекарь, приемный сын ГДГ. Учился в Южном колледже Флориды (Lakeland, USA) в начале 1940-х. Участник Второй мировой войны, воевал в составе американских войск, расквартированных в Полтаве, на Украине. В 1953 окончил Свято-Владимирскую православную семинарию (Yonkers, NY). С 1964 более 20 лет проработал библиотекарем в семинарии. Похоронен в г. Уоррен, шт. Огайо.

БЛЭКСТОУН Харриет (Blackstone Harriet) (1864–1939) – американская художница, портретист. Писала портреты бизнесменов и представительниц артистической среды. Училась живописи в Институте Пратта (Нью-Йорк) и Академии Жульена (Париж). Выставлялась в Парижском салоне в 1907. Годы ПМВ провела в Нью-Мексико, рисовала графические портреты коренного населения Америки. С 1920 – проживала в Нью-Йорке. Написала портреты русской певицы Надежды Плевицкой и несколько портретов ГДГ, которые экспонировались на выставке в Бруклинском музее (Нью-Йорк). Посещала Чураевку.

БОРОДИН Дмитрий Николаевич (1889–1957) – ученый, общественный деятель; специалист в области сельского хозяйства. После окончания Петербургского университета работал на Полтавской опытной станции, где организовал энтомологическое бюро (1914). С 1918 – был командирован в США. Открыл (совместно с Н. И. Вавиловым) и возглавил в Нью-Йорке Бюро отделения прикладной ботаники и селекции при Государственном институте опытной агрономии (1921–1927). В 1930 Бюро преобразовано в сельскохозяйственное агентство Наркомата земледелия РСФСР. Невозвращенец. Сотрудничал с МНР. Помогал Н. К. Рериху в организации американского общества «Белуха» и продвижении дел для получения от советского правительства горнодобывающих концессий на Алтае. На протяжении нескольких лет поддерживал контакты с ГДГ.

БУАЙЕ Поль (Boyer Paul) (1864–1949) – французский славист, профессор русского языка в Парижской Школе восточных языков. Встречался с Л. Н. Толстым. Занимался вопросами русской литературы, в том числе произведениями писателей-эмигрантов. Причислял романы и повести ГДГ к русской классике, написал ряд рецензий о его творчестве. В Париже поддерживал с ним личные отношения.

БУЛИН Виктор Павлович (1904–1983) – поэт и литератор РЭ. Жил в США, последние годы – в Кливленде (шт. Огайо). Автор поэтических сборников, повестей, мемуаров. Среди них: «На огонек. Стихи» (1952), «В лесах заснеженных. Стихи» (1954), «Ганина яма. Стихи и поэмы» (1967), «Дни и люди: Повесть» (1967), др. В 1950-е активно переписывался с ГДГ по поводу его литературных произведений, в частности, рецензировал «Былину о Микуле Буяновиче».

БУНИН Иван Алексеевич (1870–1953) – русский писатель, переводчик, почетный академик РАН. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1933), формально за рассказ «Господин из Сан-Франциско». Эмигрировал из Одессы в 1920, жил во Франции. Оказал дружескую поддержку ГДГ, познакомился с сибирским беллетристом в Киеве, на протяжении 20 лет состоял с ним в переписке.

БУНИНА Вера Николаевна (1881–1961) – жена писателя И. А. Бунина; происходила из московской профессорской семьи. Переводчица произведений мужа на французский язык, автор мемуаров.

БУРЦЕВ Владимир Львович (1862–1942) – публицист и издатель, редактор парижской газеты «Общее дело». Учился в Петербургском университете, был исключен за участие в студенческих беспорядках и сослан в Сибирь (1886), откуда бежал в Швейцарию. Неоднократно возвращался в Россию (1905 и 1914). Летом 1917 выступил против большевиков. С 1918 – окончательная эмиграция во Францию. Возобновил начатую до ПМВ газету «Общее дело», где печатал беженские очерки ГДГ (1920–1921).

ВЕРНАДСКИЙ Георгий Владимирович (1887–1973) – русский и американский историк, университетский проф. Сын известного ученого-естествоиспытателя В. И. Вернадского. Придерживался евразийских позиций, изложенных в фундаментальном труде «Монголы и Русь» (1953). Специалист по истории Московского царства. Неоднократно посещал Чураевку, состоял в переписке с ГДГ.

ВОЛКОВА Маргарита Артуровна (Аругюновна) – литератор. Проживала в Париже со своим родным братом Георгием Дюваль, который был женат на француженке мадам Дюваль-Гантье (Duval-Gantier) и находился с ней в разводе. По приезде во Францию в 1921 Гребенщикова на первых порах жили в доме Волковой в районе Монпарнаса.

ВОЛОШИН Александр Александрович (1886–1960) – актер, журналист, писатель. Эмигрировал из России в США (1920). Жил в Сан-Франциско. Выпустил книгу стихов и рассказов «На путях и перепутьях» (1953), предисловие ГДГ.

ГЕРМАНОВА Мария Николаевна (1883–1940) – русская актриса. Играла в труппе МХТ (1902–1919). Эмигрировала через Константинополь, играла в театрах Праги, Белграда и Парижа. Сотрудничала с МНР и его французским отделом. Состояла в дружеской переписке с ГДГ.

ГОЛОХВASTОВ Георгий Владимирович (1882–1963) – русский поэт, один из самых значительных представителей поэзии первой волны эмиграции в США; переводчик. Профессиональный военный, участник ПМВ, полковник. В январе 1917 выехал в командировку в США по заданию Русского Заготовительного комитета. Невозвращенец. Дебютировал как поэт в коллективном сборнике «Из Америки» (1924). Главное произведение – эпическая поэма «Гибель Атлантиды» (1938). В Нью-Йорке общался с ГДГ на литературной почве.

ГОРЬКИЙ Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936) – русский и советский писатель, драматург, издатель. Основоположник литературы соцреализма. Инициатор создания Союза писателей СССР, первый его председатель. В начале творчества проявил себя как автор романтических новелл и произведений в революционном духе. Основной пафос литературных работ – мечта о новых свободных людях. Оппозиционер царской власти, поддержал большевиков. Находился в вынужденной эмиграции в Италии 15 лет, в том числе при советской власти. Получил признание как пролетарский писатель – пьеса «Дети солнца» (1905), роман «Мать» (1906), повесть «В людях» (1916). Оказал влияние на становление ГДГ как писателя, высоко оценив его повесть «В полях» и роман «Чураевы» («Братья»).

ГРАНТ Фрэнсис Рут (Grant, Frances Ruth) (1896–1993) – журналист, лектор, писатель, общественный деятель; американская сотрудница Н. К. Рериха. Начиная с 1920-х освещала в прессе события музыкальной и культурной жизни Америки. Вице-президент МНР, возглавляла «Новый Синдикат» («New Syndicate»), обеспечивавший информационную поддержку созданных Рерихом культурных учреждений; директор издательства «Roerich Museum Press». Преподавала журналистику в Мастер Институте объединенных искусств. Член совета директоров акционерного общества «Белуха». Организатор движения Пакта Рериха и Знамени Мира в Южной Америке. Лидер Женского движения на латиноамериканском континенте. Автор книги «Восточная философия» (1936) и сб. стихов «Паломничество духа» (1997).

ГРЕБЕНЩИКОВ Анатолий Георгиевич (1905–1941) – инженер-строитель. Сын писателя ГДГ от первого брака (мать – Людмила Николаевна Гребенщикова). С 1920 жил в Ленинграде в семье писателя В. Я. Шишкова. Погиб в ополчении во время ВОВ.

ГРЕБЕНЩИКОВ Георгий Дмитриевич (1882/84–1964) – русский сибирский писатель, издатель, лектор, проф. Южного колледжа Флориды (США). Участник ПМВ. Эмигрировал в Константинополь, жил во Франции (1921). В Париже познакомился с Н. К. Рерихом, организовал книгоиздательство «Алатас» и стал его директором. Весной 1924 переехал в Америку, где вместе с женой Т. Д. Гребенщиковой вошел в число сотрудников МНР. Через год основал русское поселение Чураевка (шт. Коннектикут). Возглавил ряд общественных организаций, в том числе Общество сибиряков при МНР. С большим успехом путешествовал по Америке с циклом лекций о Сибири. Принимал участие в Вашингтонской конференции (1933) по продвижению идей Пакта Рериха. В 1941 переселился в Лейкленд (шт. Флорида), преподавал в колледже русский язык, историю и литературу. Основными трудами писателя в эмиграции являются многотомная эпопея «Чураевы» (1922–1952), роман «Былина о Микуле Буяновиче» (1924), философская публицистика «Гонец» (1928), автобиографическая повесть «Егоркина жизнь» (1966).

ГРЕБЕНЩИКОВ Дмитрий Лукич (1844–1920) – горнорабочий, отец писателя ГДГ.

ГРЕБЕНЩИКОВА Елена Петровна (1852–1920) – казачка, народная врачевательница, мать писателя ГДГ.

ГРЕБЕНЩИКОВА (ур. Степанова) Людмила Николаевна (1885–1942) – учительница. Первая жена писателя ГДГ. С 1922 проживала в Ленинграде, работала бухгалтером. Умерла во время блокады.

ГРЕБЕНЩИКОВА Татьяна Денисовна (ур. Стадник, по первому мужу Давыдова) (25 дек. 1892 ст. ст. / 6 янв. н. ст. 1893 – 1964) – вторая жена писателя ГДГ (1917). Родилась в Тифлисе в семье военного. Получила образование в частной гимназии в Харбине. До начала Первой мировой войны работала в компании «Зингер» в Хабаровске. Во время войны состояла на службе в Управлении уполномоченного Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам при XI армии в качестве помощницы делопроизводителя и машинистки (1917–1918). В 1920 вместе с мужем эмигрировала в Константинополь, в 1921 – в Париж, в 1924 – в Нью-Йорк. Сотрудничала с МНР. Помогала мужу вести дела книгоиздательства «Алатас». В 1940-х и 1950-х преподавала в Южном колледже Флориды (Lakeland) основы типографского дела и возглавляла типографию «Dixie Press».

ГРЕЧАНИНОВ Александр Тихонович (1864–1956) – русский композитор; известен хоровыми религиозными произведениями и обработкой народных песен. Эмигрировал в 1925, жил в Париже и Нью-Йорке. Сочинитель симфоний, камерной музыки, а также опер: «Добрыня Никитич», «Сестра Беатриса», «Женитьба». Значительное место в творчестве уделено духовной музыке, последнее сочинение – «Месса Святого Духа» (1943). Автор мемуаров «Моя жизнь». Поддерживал дружеские связи с ГДГ.

ГУРКИН Григорий Иванович (1870–1937) – российский художник, ученик И. И. Шишкина. Мастер алтайского пейзажа: «Ледоход» (1909), «Корона Катунь» (1910), «Озеро горных духов» (1910), «Хан-Алтай» (1912), др. Состоял в дружеских отношениях с ГДГ. Оформил «Алтайский сборник» (1914). ГДГ оставил о нем воспоминания «Великий художник Алтая».

ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ Сергей Иванович (1867–1963) – русский писатель. Родился в казачьей семье в Оренбурге. Окончил духовную семинарию, позже отказался от сана священника. Посвятил жизнь художественной литературе. Как писатель стал широко известен в дореволюционной России. Эмигрировал в Харбин (1921), переселился в США (1923). Проживал в Нью-Йорке, возобновил давние дружеские связи с ГДГ, бывал в русской деревне Чураевке. В Америке продолжил литературную работу: опубликовал сборник рассказов «Горящая тьма» (1926), роман «Страна детей» (1928), эмигрантские рассказы «Святая Русь» (1957).

ДАНИИЛ, епископ Ирийский (Александров Дмитрий Борисович) (1930–2010) – священнослужитель РПЦЗ, иконописец, церковный архитектор; автор литературных произведений, переводчик. Знаток древнерусского знаменного пения. Ученик иконописца Пимена Софронова. Эмигрант «второй волны». В 1944 выехал из Одессы в Румынию, попал в Швейцарию (лагерь для перемещенных лиц в Женеве). Обосновался в США (1949). Владел 30 языками, в том числе восточными. Жил в Чураевке, обустроил часовню св. Сергия Радонежского (позолотил купол, обновил иконы). Издал повесть ГДГ «Егоркина жизнь» (1966).

ДУКЕЛЬСКИЙ Владимир Александрович (Duke Vernon) (1903–1969) – русский и американский композитор, поэт и литератор. В 1930-е писал популярные песни на англ. языке, ставшие джазовыми стандартами на Бродвее, также – музыку к балетам. Был близок с Прокофьевым, Гершвином. Написал Скрипичный (1941) и Виолончельный (1942) концерты, оперу «Барышня-крестьянка» по одноименной повести Пушкина, поставлена в 1958. В 1955 вышла в свет книга его мемуаров «Парижский паспорт» (Passport to Paris), в 1960-е четыре сборника стихов. С ГДГ познакомился в начале эмиграции, в Константинополе (1920).

ЕЛПАТЬЕВСКИЙ Сергей Яковлевич (1854–1933) – русский, советский писатель; врач, лечил Чехова и Льва Толстого. Участвовал в движении народников (1870-е), отбывал ссылку в Восточной Сибири. Литературный успех – после выхода в свет книги «Очерки Сибири» (1893). С 1890-х поселился в Крыму. Автор книг «Египет» (1911), «Крымские очерки» (1913), «Рассказы» (1918). В Ялте возглавил Литературное общество им. Чехова. В 1929 вышли «Воспоминания» о встречах с известными русскими писателями. Сотрудничал с ГДГ в Литературном обществе.

ЖЕКУЛИНА Аделаида Владимировна (1866–1950) – учительница, окончила Высшие Бестужевские курсы в СПб (1883). Занималась педагогической деятельностью. Основательница,

директор частной женской гимназии в Киеве (1901), затем – Высших женских вечерних курсов. Председатель комиссии по народному образованию Киевской городской думы (1918). В сентябре 1920 на одном корабле с ГДГ эмигрировала в Константинополь. Открыла там русскую гимназию, которую затем перевела в Прагу вместе с детьми. Сотрудничала с журналами «Русская школа за рубежом», «Русская школа», «Вестник педагогического бюро». Инициатор и организатор летних лагерей для русских детей (1935).

ЗАВАДСКИЙ Василий Васильевич (1891–1954) – композитор РЗ, пианист, художник. Последователь романтического и духовного направления в музыке. Эмигрировал в Париж (1919), затем в США (1924). Основные произведения: «Праздничный псалом», «Да воскреснет Бог», сюита «Цветы Мории» (для голоса и оркестра); оркестровое произведение «Легенда о семи часах». Значительное влияние на музыку оказало творчество Н. К. Рериха. Один из ближайших друзей ГДГ. Жена – Завадская Мария Александровна (1884–1974), пианистка, музыкальный педагог.

ЗАЙЦЕВ Борис Константинович (1881–1972) – русский писатель и переводчик; один из последних представителей Серебряного века РЗ. Эмигрировал сначала в Германию и Италию (1922–1923), затем – во Францию (1923). Работал в журналах «Современные записки», «Перезвоны» и парижских газетах «Возрождение», «Русская мысль». Состоял председателем Союза русских писателей во Франции. За годы эмиграции опубликовал около 30 книг: беллетризованное житие «Преподобный Сергей Радонежский», романы «Золотой узор» и «Дом в Пасси», путевые очерки «Афон», биографии «Жизнь Тургенева», «Чехов», др. Состоял в дружеской переписке с ГДГ.

ЗАМОТИН Иван Филиппович (1883–1964) – художник, график. Эмигрировал в США, проживал в Нью-Йорке. Оформлял обложки книг, выпускаемых издательством ГДГ «Алатас». Написал образы Христа и Богородицы на хоругви для часовни св. Сергия Радонежского в Чураевке.

ЗЕЕЛЕР Владимир Феофилович (1874–1954) – юрист, политический и общественный деятель в России. Находился при командовании Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России, в 1920 эмигрировал в Париж. Секретарь Союза русских писателей и журналистов во Франции. Входил в редколлегию еженедельника «Русская мысль» (с 1947). Дал высокую оценку литературному творчеству ГДГ.

ЗЕЛЮК Орест Григорьевич (1888–1951) – журналист, редактор, издатель. Сотрудник газет и журналов: «Одесские новости», «Биржевые ведомости», «Киевская мысль», др. Эмигрировал в Константинополь (1919), коммерческий директор газеты «Вечерняя пресса». Один из основателей русского издательского дела во Франции – владелец типографии «Франко-русская печать» (1921). В его типографии напечатан ряд книг известных авторов: Алданова, Бальмонта, Святополк-Мирского; также «Ли-

сты сада Морие» (1924), из серии Учения «Живая Этика». С ГДГ сближился в Константинополе.

ИЛЬЯШЕНКО Владимир Степанович (1887–1970) – поэт РЗ, переводчик, литературовед. Выпускник императорского Александровского лицея. Издал книгу об А. А. Фете (Пг., 1915). В эмиграции жил в Нью-Йорке. Участвовал в деятельности Пушкинского общества. Оказал большое влияние на поэтическое творчество Г. В. Голохвастова (поэма «Гибель Атлантиды»). Приверженец полусонета в поэзии. Состоял в общении с ГДГ.

ИМШЕНЕЦКИЙ Александр Захарьевич (1887–1971) – ученый-ботаник, педагог, писатель. Эвакуировался с императорским флотом в Тунис (1920), лагерь в Бизерте. Преподавал естествознание и географию в Морском корпусе. В 1923 эмиграция во Францию, определен в Безансон. Встречался в Париже с Н. К. Рерихом, участвовал в его культурных проектах. Автор романа «Гвардия Красоты», предполагавшегося к изданию у ГДГ в «Алатасе».

ИННОКЕНТИЙ (Серышев Иннокентий Николаевич) (1883–1976) – священник, издатель, востоковед. Учился в Томском университете, после учебы был рукоположен в дьяконы (1906). Служил в Томске и Барнауле, последний приход – в д. Терешкина, Косихинская волость, Барнаульский уезд (1917–1918). С 1919 – на гражданской службе в Горном Алтае, секретарь Внешкольного отдела народного образования в Каракорум-Алтайском уездном земстве. Жил в с. Чемал, затем – в Улале (Горно-Алтайске). Эмигрировал в Японию, служил в церкви при русском посольстве в Токио. С 1922 – в Харбине, с 1925 – в Сиднее. Будучи в Австралии, открыл издательство и типографию «Oriente», издавал журналы: «Азия», «Австралиазия», «Путь эмигранта», «La Pacifico», др. Состоял в переписке с ГДГ.

КАРПОВ Евтихий Павлович (1857–1926) – русский писатель, драматург, режиссер, театральный деятель. Занимал должность режиссера «Невского общества устройства народных развлечений» в СПб, организовывал спектакли и народные гуляния для рабочих. Автор драм: «Тяжелая доля», «На земской ниве», «Чары любви», «Рабочая слободка», «Жрицы искусства», «Рай земной», др. Похоронен на кладбище Александро-Невской лавры (Некрополь мастеров искусств). Содействовал изданию в СПб драматической поэмы ГДГ «Сын народа» (1910).

КИРИЛОВ Иван Акимович (1886–1967) – издатель, общественный деятель. Сибиряк. Участник ПМВ и Ледяного похода, капитан Русской армии. Сослуживец ГДГ. В эмиграции во Франции. Редактор парижской газеты «Россия за рубежом». Председатель Общества сибиряков и дальневосточников в Париже. Поддерживал деловые отношения с ГДГ. Сотрудничал с МНР, составитель «Сибирского сборника».

КОВАРСКАЯ Лидия Антоновна (1874–1965) – педагог, писатель и критик; супруга врача И. Н. Коварского. Окончив Бестужевские курсы в Петербурге, влилась в ряды революционной

интеллигенции, член партии социалистов-революционеров. В 1917 была избрана членом Московской городской управы, занималась культурно-просветительской работой с детьми. Несмотря на революционное прошлое оказалась в эмиграции. В 1919 семья Коварских эвакуировалась из Одессы в Турцию, позже перебрались во Францию, стали организаторами знаменитых детских литературных утренников, которые проводила редакция сборников «Дети – детям» (1921–1922). В утренниках, наряду с другими русскими писателями, принимал участие ГДГ. После переезда в США продолжила работу на поприще литературы – выпустила книгу для юношества «Русские писатели» (1955), где представлены 25 биографий знаменитостей – от Ломоносова до Чехова.

КОВАРСКИЙ Илья Николаевич (1880–1962) – известный в РЗ врач и общественный деятель, секретарь Общества русских врачей им. Мечникова во Франции; редактор ряда эмигрантских периодических изданий. Получил известность в литературных кругах Парижа. Состоял управляющим делами издательства «Я. Поволоцкий и Ко», где в начале 1920-х вышло собрание сочинений ГДГ. Основал в Париже собственное книжное дело «Родник» (издательство, магазин, библиотека). В 1940 переехал в США, где продолжил врачебную практику. Вошел в корпорацию «Нового журнала». Деловое сотрудничество с ГДГ основывалось на почве книготорговли. Каталог «Родника» в конце 1920-х и нач. 1930-х рекламировал книги «Змей Горыныч», «Былина о Микуде Буяновиче», «Волчья сказка», тома эпоса «Чураевы».

КОНЁНКОВ Сергей Тимофеевич (1874–1971) – русский, советский скульптор, художник-график; академик ИАХ (1916). Народный художник СССР (1958). С 1923 по 1945 жил и работал в Нью-Йорке. Создал бюсты выдающихся соотечественников: Горького, Шалапина, Ив. Павлова, также – физика Альберта Эйнштейна. Как художник завершил в Америке серию рисунков на тему Апокалипсиса, изобразив Христа и апостолов, сделал эскизы к «космогониям». Состоял в дружеских отношениях с ГДГ, изваял его скульптурный портрет. Посещал вместе с супругой русскую деревню Чураевку. После Второй мировой войны вернулся на Родину.

КРАСНОВ Пётр Николаевич (1869–1947) – военный и политический деятель, писатель, публицист. Генерал-майор Русской императорской армии, видный деятель Белого движения. Создал Всевеликое войско Донское, придав ему статус самостоятельного государственного образования (1918). Эмигрировал в 1920, жил в Германии, с 1923 – во Франции. Автор более 20 исторических романов и повестей. Во время ВМВ взят в плен англичанами, выдан СССР и казнен. Состоял в переписке с ГДГ.

ЛАЗАРЕВ (Захаров) Иван Васильевич (1876–1929) – актер студии МХТ, театральный режиссер. Актер, сценарист и режиссер немого кино. Сыграл роли в девяти фильмах, среди них: «За дверями гостиной» (1913, художник Ахтырин), «Белые голу-

би» (1917, пророк Кондратий Селиванов), «Духовные очи» (1918, ученый-химик), «И огонь сошел с небес» (1918, лакей Грицко), др. Написал сценарии к фильмам «Любовь среди декораций» (1913), «И огонь сошел с небес», выступил режиссером: «За дверями гостиной», «Человеческие бездны» (1916). Гастролировал с МХТ по Европе и США, после 1922 – невозвращенец. Основал собственную театральную студию в Нью-Йорке и экспериментальный театр при МНР (1924), где ставил пьесы ГДГ.

ЛЕОНТИЙ, митрополит (Туркевич Леонтий Иеронимович) (1876–1965) – первоиерарх Православной церкви в Америке и Канаде (Северо-Американская митрополия) (1950–1965). Духовник ГДГ. Посещал праздники в русской деревне Чураевке.

ЛИХТМАН Морис Моисеевич (1885–1948) – пианист, композитор, автор статей. Родился в г. Каменец-Подольском, эмигрировал в США (1912). Первый муж З. Г. Фосдик. Открыл с женой в Нью-Йорке фортепианную школу. С 1921 по 1935 – активный сотрудник созданных Н. К. Рерихом в Америке культурных учреждений: вице-президент МНР, вице-президент и декан музыкального отделения Мастер Института объединённых искусств, вице-президент Международного центра искусств «Корона Мунди». Член совета директоров и вице-президент акционерного общества «Белуха». С 1939 жил в Санта-Фе, где принимал участие в создании и деятельности художественной галереи и школы искусств «Арсуна». До конца жизни поддерживал дружеские отношения с ГДГ.

ЛИХТМАН Эстер (1892–1990) – журналист, лектор. Родилась в г. Каменец-Подольском, сестра Мориса Лихтмана. Эмигрировала из России в 1913. До 1935 – близкая сотрудница Рерихов. Автор книги «Рерих» (1932), изданной под псевдонимом Жан Дювернуа (J. Duvernois) на рус. и англ. яз. Преподаватель Мастер Института объединённых искусств, сотрудник Международного центра искусств «Корона Мунди», вице-президент Общества друзей МНР, президент Женского союза при обществе.

ЛУКОМСКИЙ Александр Сергеевич (1867–1939) – русский военачальник, генерал-лейтенант. Участник ПМВ. Видный деятель Белого движения. Один из организаторов Добровольческой армии, начальник штаба (1917–1918). Представитель главнокомандующего Русской армией генерала барона Врангеля при союзном командовании в Константинополе (1920). В эмиграции – помощник Вел. кн. Николаевича, выполнял его секретные поручения, жил в Ницце. В Константинополе познакомился с ГДГ, который стал личным секретарем генерала, оказал содействие Гребенчиковым в получении визы во Францию.

МАГЕРОВСКИЙ Лев Флорианович (1896–1986) – русский офицер, архивист. Участник ПМВ. Покинул Россию с войсками Добровольческой армии из Одессы (1920). В эмиграции в Чехословакии и США. Один из основателей Русского Заграничного исторического архива (Прага), создатель Бахметьевского архива

Колумбийского университета (Нью-Йорк), его бессменный куратор (1951–1977), собиравший наследие русских эмигрантов. Состоял в переписке с Т. Д. Гребенщиковой.

МАЗУРОВА Александра Николаевна – прозаик, написала воспоминания об Александре Блоке (Новоселье, 1946). Окончила Бестужевские курсы в СПб. После Октябрьской революции жила в Латвии, потом – в США, в Калифорнии. Автор романа «Земля» (1929), предисловие ГДГ.

МАНСВЕТОВ Фёдор Северьянович (1887–1967) – издатель, публицист, библиограф; политический и общественный деятель, эсер. Участник Белого движения на Дальнем Востоке. Эвакуировался из Владивостока 23 окт. 1922 с эскадрой адмирала Г. К. Старка. В том же году прибыл в Прагу. Член правления Общества сибиряков в Чехословакии. В 1920-е коммерческий директор издательства «Пламя», гл. редактор журнала «Колонист» (1931). Как представитель сбербанка «Славянская взаимность» направлен в 1931 в командировку в США в связи с реализацией проекта по переселению русских эмигрантов в Канаду и Северную Мексику. Обосновался в Нью-Йорке, создал «Американо-Славянский трест» (при сотрудничестве с Беккеревичем и Терещенко, см.), заключил соглашение с ГДГ о покупке земли в Чураевке и проведении акций в поддержку соотечественников. После ВМВ перебрался в Вашингтон, преподавал русский язык в Пентагоне.

МЕЛГУНОВ Сергей Петрович (25 дек. 1879 ст. ст. / 6 янв. н. ст. 1880 – 1956) – русский историк и политический деятель, участник антибольшевистской борьбы. Исторические исследования посвящены Октябрьской революции и Гражданской войне. В 1922 выслан советским правительством за рубеж, жил во Франции (с 1926). Принимал участие в издании еженедельника «Борьба за Россию». Автор книг: «Красный террор в России» (1923), «Трагедия адмирала Колчака» (Белград, 1930–1931). С 1948 – председатель политической организации «Союз борьбы за свободу России». Гл. редактор журнала «Возрождение» (1950–1954).

МЕТЕРЛИНК Морис (Maurice Maeterlinck) (1862–1949) – бельг. писатель, драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1911). Автор философской пьесы-притчи «Синяя птица», посвященной вечному поиску человеком любви и совершенства.

МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859–1943) – историк и публицист; политический деятель, лидер партии кадетов, министр иностранных дел Временного правительства (1917). В эмиграции в Англии (1918), во Франции (1920). Редактор самой известной эмигрантской газеты на русском языке «Последние новости» (1921–1940). Опубликовал историческое исследование «История второй русской революции» и труды: «Россия на переломе», «Эмиграция на перепутье». Поддержал ГДГ на начальном этапе эмиграции.

МОНГО Анри (Mongault Henry) (1888–1941) – французский славист, переводчик русской литературы. Переводил на французский язык русскую классику дореволюционной России, произведе-

дения писателей-эмигрантов (Куприна, Мережковского, Шмелёва). В 1921 познакомился с ГДГ, перевел его роман «Чураевы» (1922), повести «Ханство Батырбека» и «Любава».

МОСКОВ Евгений Александрович (1869–1950) – юрист, журналист, общественный деятель. Родом из Сибири. До революции 1917-го редактор газеты «Южный край» (Харьков). В эмиграции – в Югославии, затем в США. Редактор газеты «Русский вестник» (Нью-Йорк). Сотрудничал с МНР, инициатор и директор Русского института при музее. Опубликовал ряд статей о Рерихе. Состоял в дружеских отношениях с ГДГ с сер. 1920-х, переписка – до 1950. Жена – Ольга Москова (род. 1872, даты смерти нет).

МУСИН Николай Александрович (1898–1981) – поэт РЭ. Родился в Севастополе в семье профессора консерватории. Курсанта морского училища (1917). Воевал в рядах Добровольческой армии на Кавказе и в Крыму. С 1920 – эмиграция в Константинополь, три года прожил в Греции и Венгрии. Перебрался в Тунис и Алжир (1923–1928), где работал кладовщиком, бухгалтером, механиком. С июня 1928 обосновался в Париже, женившись на Евдокии Владимировне Коломийцевой (1895–1981). Шофер такси до 1972. Автор поэм на тему Древней Руси: «Три искупления», «Коловрат», «Ставрог», «Сказ о Рожаницах», «Забытые боги». Состоял в переписке с ГДГ, планировал издание сборника поэтических произведений в издательстве «Алатас».

НЕЛИДОВА-ФИВЕЙСКАЯ Лидия Яковлевна (1894–1978) – балерина, поэтесса, литератор. Жена дирижера М. М. Фивейского (1880–1956). До Октябрьской революции выступала в провинциальных театрах. С 1921 в эмиграции в США. Сборники стихов: «Подснежники» (1927), «С чужих берегов» (1939), «Запечатленные мгновенья» (1952). Двумя изданиями вышла поэма о Пушкине «Невольник чести» (1929, 1936). Опубликован единственный роман «Право на жизнь» (1943). В 1956 вернулась в СССР. Жила в Иркутске, Харькове, Москве. Автор воспоминаний о выдающихся музыкантах «На струнах памяти». Сборник стихов «С чужих берегов» вышел у ГДГ в издательстве «Алатас».

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ Иван Иванович (1893–1969) – русский поэт, литератор, издатель. Учился в Омске. Участник ПМВ, штабс-капитан. После революции в Добровольческой армии. Эвакуировался в Константинополь, жил в Болгарии. С 1926 обосновался в Париже, женился на Ю. А. Кутыриной, племяннице Ив. Шмелёва. В поэзии христианская тематика сочетается с мистическими мотивами сибирского фольклора. Среди книг: «Заполярье» (1939), «Сказки сибирские» (1960), «Моя Сибирь» (1973), др.

НОЛЬДЕ Лео фон, барон (Нольде Л. А.) (1887–1962) – русский писатель. В эмиграции – в США. Приобрел у ГДГ три акра земли, один из первых поселенцев в деревне Чураевка (Southbury).

ОЛЬГА Александровна (Романова), Вел. кн. (1882–1960) – дочь российского императора Александра III; художница, иконописец. Оставила более 2-х тысяч картин. Эмигрировала с мужем

из Константинополя в Данию (1920). С 1948 – в Канаде, опасаясь преследований Сталина. На момент смерти оставалась последней Великой княгиней Дома Романовых. Автор мемуаров «25 глав моей жизни» (2017, на русск. яз.). Написала икону св. Сергия Радонежского для часовни в Чураевке.

ОРЛОВ Николай Афанасьевич (1888–1926) – революционер, журналист, беллетрист. Участник ПМВ, служил во фронтовых санитарных организациях Союза городов; сослуживец ГДГ. С 1918 работал в Комиссариате продовольствия. Редактор журнала «Известия Наркомпрода». Один из разработчиков документов НЭПа. Сотрудник Народного Комиссариата внешней торговли, командирован на работу в Берлин (1921). Невозвращенец. Автор фантастического романа «Диктатор», высоко оцененного Максимом Горьким.

ПИЛКИН Владимир Константинович (1869–1950) – русский военачальник, контр-адмирал, участник Белого движения. С 1919 по 1920 – Морской министр Северо-Западного правительства России под командованием Н. Н. Юденича. Эмигрировал во Францию (1920). Жил и умер в Ницце.

ПИНЕГИН Николай Васильевич (1883–1940) – русский художник, писатель, фотограф; исследователь Севера, участник экспедиции Г. Я. Седова на судне «Св. Фока» к Северному полюсу (1912). Снял первый документальный фильм об Арктике. Окончил ИАХ (1916). Познакомился с ГДГ в Крыму, вместе с ним в 1920 эмигрировал в Константинополь, затем – в Прагу и Берлин, где встретился с писателями Максимом Горьким и Соколовым-Микитовым. Его книга об арктической экспедиции «В ледяных просторах» (Берлин, 1922) в 1950-х неоднократно переиздавалась в СССР под другими названиями. В 1923 вернулся из-за границы в Советскую Россию. Один из создателей музея Арктики в Ленинграде (соврем. Российский государственный музей Арктики и Антарктики). Провел ряд персональных выставок. Будучи в Крыму написал портрет ГДГ (1919).

ПЛАТОН, митрополит (Рождественский Порфирий Фёдорович) (1866–1934) – русский священнослужитель, управляющий Северо-Американской епархией. Состоял в тесных отношениях с Н. К. Рерихом и ГДГ. Посещал МНР, освещал часовню св. Сергия Радонежского в Чураевке.

ПЛЕЩЕЕВ Прокопий Фёдорович (1872–1936) – купец 1-й гильдии, меценат. Владелец винокуренного завода, золотопромышленных приисков и каменноугольных копий на Алтае. Гласный Городской думы (1897–1906), Городской голова Семипалатинска (1906–1917). Вошел в книгу «Деловая элита России». Умер в Москве, захоронение в Новодевичьем некрополе (секция 7, место 9–4). Выделил благотворительную сумму на издание первой книги ГДГ «Отголоски сибирских окраин» (1906).

ПОВОЛОЦКИЙ Яков Евгеньевич (1881–1945) – издатель, общественный деятель, меценат; масон. Член Общества друзей рус-

ской книги. Эмигрировал в Париж (1918). Владелец крупного зарубежного издательства «Я. Поволоцкий и Ко» и книжного магазина. В 1920-е издательство напечатало собрание сочинений ГДГ.

ПОТАНИН Григорий Николаевич (1835–1920) – русский географ, этнограф, фольклорист, публицист и общественный деятель. Один из основателей и идеологов Сибирского областничества – общественно-политического течения, распространившегося в Сибири, впоследствии – в некоторых центрах русской эмиграции (Харбин, Прага, Париж). Получил военное образование, окончил Омский кадетский корпус. Служил хорунжим в Сибирском казачьем войске, расквартированном в Семипалатинске. Участвовал в военных экспедициях. От имени Географического общества провел пять самостоятельных научных экспедиций в Монголию, Туву, Китай, Тибет (1876–1899). Собрал ценные материалы по культуре, быту, истории эпоса народов Сибири и Центральной Азии. Поддерживал молодых сибирских литераторов, в том числе ГДГ, который посвятил своему наставнику ряд статей – «Большой сибирский дедушка», «На склоне дней его», др.

ПОТОЦКИЙ Дмитрий Николаевич (1880–1949) – профессиональный военный, генерал-майор, герой ПМВ, участник Белого движения. Выехал из России в 1918, уполномоченный Общества Красного Креста в Германии. Организовал общество «Техпомощь», помогавшее русским эмигрантам перебраться во Францию. В 1920-х поселился в Париже, выполнял поручения парижского отдела МНР. После ВМВ переехал в США. Участвовал в культурной работе, инициированной Н. К. Рерихом и ГДГ.

ПОТРЕСОВ Сергей Викторович (1870–1953) – журналист, поэт, литературный и театральный критик, широко известный в дореволюц. России под псевдонимом «Сергей Яблоновский». Начал журналистскую карьеру в газете «Приазовский край» (Ростов-на-Дону), продолжил в «Южном крае» (Харьков), вплоть до Октябрьской революции состоял редактором газеты «Русское слово» (Москва). Опубликовал книгу «О театре» (1910). Подвергся преследованию ВЧК за усилия по освобождению царской семьи, находившейся под арестом в Екатеринбурге, и вынужден был покинуть Россию. В эмиграции обосновался в Париже, сотрудничал с газетами «Общее дело» и «Возрождение». Статьи посвящены эмиграции, социально-политич. устройству России, императорской и советской. Был знаком с ГДГ по журналистской работе в Москве.

РАСПУТИН Григорий Ефимович (1869–1916) – крестьянин с. Покровского Тобольской губернии. Приобрел известность как друг семьи российского Императора Николая II. Лечил наследника престола царевича Алексея от гемофилии народными средствами и молитвой. Оказывал влияние на государственную политику. Является одним из героев романа ГДГ «Чураевы».

РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (1877–1957) – русский писатель, художник, каллиграф. Один из наиболее ярких стилистов

в русской литературе. В 1921 выехал из России на лечение в Германию, с 1923 обосновался в Париже. Одна из значительных книг в эмигрантском творчестве – автобиографическая эпопея «Взвихренная Русь» (1927). Состоял в дружеских отношениях с ГДГ. В издательстве «Алатас» вышла его книга «Звенигород Окликаный» (1924).

РЕРИХ Елена Ивановна (1879–1955) – писатель, переводчик, путешественница; жена художника Н. К. Рериха. Родилась в СПб в семье архитектора И. И. Шапошникова и кн. Е. В. Голешищевой-Кугузовой. Получила музыкальное образование. Принимала участие в экспедиции по Центральной Азии (1925–1928). Автор исследований, посвященных истории религии и восточным легендам. Перевела на рус. яз. двухтомный труд Е. П. Блаватской «Тайная доктрина» (1936), избранные письма Махатм А. П. Синнету (1925). Имя Елены Рерих связано с созданием философско-этического учения «Живая Этика», или «Агни-йога». С 1928 постоянно проживала в Индии.

РЕРИХ Николай Константинович (1874–1947) – русский художник, мыслитель, путешественник, общественный деятель международного масштаба. Родился в СПб. Директор Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств (1906–1917). С 1920 жил в США, где учредил ряд культурных организаций, в том числе музей своего имени в Нью-Йорке. Автор «Пакта Рериха» (1935), международного документа в защиту памятников культуры и художественных ценностей в период войн и вооруженных конфликтов. Предпринял две экспедиции в Центральную Азию (1925–1928 и 1934–1935); помимо научных исследований в сферу интересов входили геополитические задачи. Посетил Москву в 1926 для встречи с советским правительством. Вел переговоры как почетный председатель американского Общества «Белуха» о получении горнодобывающих концессий на Алтае. С 1935 постоянно проживал в Индии.

РЕРИХ Святослав Николаевич (1904–1993) – художник, общественный деятель, коллекционер восточного искусства. Младший сын Н. К. и Е. И. Рерихов. Родился в СПб. Образование получил в Колумбийском и Гарвардском университетах США (1921–1925). Исполнительный директор Международного центра искусств «Корона Мунди» (1925–1931). В 1931-м переехал в Индию. Занимал активную позицию в укреплении советско-индийских культурных связей. Создатель художественной академии «Карнатака Читракала Паришад» в Бангалоре (1970-е). С 1960 неоднократно приезжал в СССР, принимал участие в художественных выставках. Почетный член Российской Академии художеств (1978). Картины хранятся в музеях России и Индии. Передал наследие родителей в Россию.

РЕРИХ Юрий Николаевич (1902–1960) – востоковед, специалист в области буддийской мысли, коллекционер. Старший сын Н. К. и Е. И. Рерихов. Родился в селе Окуловка Новгородской губ.

Образование получил в Англии, США и Франции. Принимал участие в двух экспедициях Н. К. Рериха – в Центральную Азию (1925–1928) и на Дальний Восток (1934–1935). С 1929 жил с родителями в Индии. Директор Института Гималайских исследований «Урусвати» (1928–1942). В 1957 вернулся в СССР из эмиграции, заведовал сектором истории философии и религии Индии ИВ АН СССР (Москва). Привез в родину часть художественного наследия своего отца и организовал ряд выставок живописи Н. К. Рериха в Москве, Риге, Ленинграде, Киеве, др.

РОДЗЯНКО Татьяна Николаевна (1892–1933) – художница, занималась вышивкой иконных образов (по шелку и бархату). Дочь княгини Н. Г. Яшвилль. Проживала в эмиграции в Праге. По заказу Н. К. Рериха выполнила золотое шитье хоругви с изображениями преп. Сергия Радонежского и явления Богоматери св. Сергию (1930).

РОЦИНА-ИНСАРОВА Екатерина Николаевна (1883–1970) – русская драматическая актриса. С 1919 – в эмиграции, в Константинополе и Риме. Играла в Театре русской драмы (Рига). Более 20 лет жила в Париже. Поставила пьесу ГДГ и исполнила в ней главную роль, состояла с писателем в переписке.

САБЛИНА-ДОЛЬСКАЯ Мария Алексеевна (1867–1942) – русская и советская актриса. Играла преимущественно в провинциальных театрах России (Казань, Воронеж, Вильно, Одесса, Нижний Новгород, Самара). После Октябрьской революции работала в Ростове-на-Дону (до 1926). Умерла во время блокады в Ленинграде (захоронение на Пискаревском кладбище). Поставила пьесу ГДГ «Тьма» (1909) в Общественном собрании г. Омска.

САВИЦКАЯ Людмила Ивановна (1881–1957) – переводчица, литератор, лектор. Жила в эмиграции в Париже вместе с мужем. Переводила на французский язык русскую и английскую литературу. Близкая сотрудница поэта Константина Бальмонта, переводчица его стихов. ГДГ познакомился с ней у Бальмонта. Выступила с лекцией о творческом пути ГДГ и его произведениях перед французскими литераторами в кафе «Хамелеон» (12 нояб. 1923), где председательствовал К. Д. Бальмонт.

САВЧЕНКО Илья Григорьевич (1889–1961) – журналист, писатель. Сибиряк. Учился в Томском университете, состоял секретарем газеты «Сибирская Жизнь» (Томск). В ПМВ воевал офицером в составе 21-го Сибирского стрелкового Государыни Императрицы Александры Федоровны полка. На Юго-Западном фронте при штабе корпуса издавал солдатскую газету «Окопные думы» (с 1917). Эвакуировался с армией ген. Врангеля в Галлиполи (1920), перебрался в Болгарию (1921). Окончил Юридический факультет в Праге, проф. на университетской кафедре (с 1923). Переехал во Францию, в 1930-е журналист в газете «Последние новости». Опубликовал очерки о Гражданской войне «В красном стане» («Русская мысль», 1924; сб. «Белый архив», 1928), книгу «Зеленая Кубань» (1929, на фр. яз.). Рукописи: «В стане зеленых. Записки офицера» (1920), «Листки из галлиполийского дневника»

(1921) – не изданы. Научные труды: «Средневековый проект Лиги Наций: проект чешского короля Георгия Подебрада», «История развития идеи Лиги Наций». Близкий друг ГДГ со времени учебы в Томском университете. Внес вклад по продвижению имени ГДГ в зарубежную литературу, очерк опубликован в сб. «Вольная Сибирь» (1929, VI том).

СВАТИКОВ Сергей Григорьевич (1880–1942) – русский историк, журналист, общественный деятель; проф. СПб университета. После Февральской революции занимал крупные посты: комиссар Временного правительства за границей по ликвидации тайной полиции, товарищ управляющего Вооруженными силами на юге России, сотрудник отдела пропаганды Добровольческой армии (1919). Эмигрировал в Париж (1920). Сотрудничал в зарубежных изданиях: газ. «Общее дело», ж. «Пути казачества» и «Казачий журнал». Автор книг по социальной истории. В эмиграции вышли труды: «Россия и Дон» (1924), «Россия и Сибирь. К истории сибирского областничества в XIX в.» (1930). В Париже установились близкие, доверительные отношения с ГДГ.

СЕЛИВАНОВА Нина Николаевна (1886–1953) – писатель, лектор, переводчица. Жила в эмиграции в США, в 60 милях от Нью-Йорка (Cold Spring). Родилась в СПб. Отец занимал высокое положение в окружении царя. Училась в Италии и Швейцарии. После ПМВ уехала во Владивосток, где работала переводчицей в «United States Committee on Public Information». Эмигрировала в США (через Японию). Получила американское гражданство. Сотрудничала с МНР. В 1920-е путешествовала по западу Америки с лекциями о России. Автор трех книг: «The World of Roerich» (1922), «Russia's Women», «Dining and Wining in Old Russia». Переводчица произведений ГДГ на англ. яз.

СИКОРСКАЯ Елизавета Алексеевна (1903–1995) – жена авиаконструктора И. И. Сикорского. Эмигрировала в США после Октябрьской революции из Благовещенска, где работала медсестрой в американском полевом госпитале. Познакомилась с будущим супругом на его лекции в русской школе в Нью-Йорке (была учительницей). Домохозяйка, занималась воспитанием детей. В браке родилось четверо сыновей: Сергей (р. 1925), Николай (1926–2021), Игорь (р. 1929) и Георгий (1931 – погиб в подростковом возрасте). Семья Сикорских поддерживала дружеские отношения с Гребенщиковыми на протяжении всей жизни.

СИКОРСКИЙ Иван Алексеевич (1842–1919) – психиатр, проф. Киевского университета, почетный член Киевской духовной академии. Основатель Института детской психопатологии. Отец авиаконструктора И. И. Сикорского. В своем издательстве ГДГ напечатал труд ИАС «Книга жизни: Психологическая христоматия для школы и жизни» (Alatas, 1931).

СИКОРСКИЙ Игорь Иванович (1889–1972) – русский и американский авиаконструктор, религиозный мыслитель. Изобретатель вертолета, создатель крупнейших в мире самолетов-ги-

гантов «Русский витязь», «Илья Муромец», др. В эмиграции – с 1918, приехал в США весной 1919. Создатель авиастроительной компании «Sikorsky Aero Corporation» (1923). Автор богословских трудов. Меценат, оказывал помощь эмигрантским организациям. Имел летний дом в Чураевке. Профинансировал покупку типографии для книгоиздательства «Алатас», один из ближайших друзей ГДГ.

СОМОВ Евгений Иванович (1881–1962) – инженер; племянник художника К. А. Сомова. Покинул Россию после революции 1905. Сын известной в Москве владелицы типографии Ольги Лавровны Сомовой (1857–1931), которая после Октябрьской революции тоже эмигрировала в США. С 1922 по 1939 – секретарь композитора С. В. Рахманинова. Оказывал гуманитарную помощь русским художникам и актерам в эмиграции. Работал с театральным режиссером М. А. Чеховым. Помогал в организации художественной выставки русского искусства в Америке (1924), устроенной властями Сов. России. Жил в русской деревне Чураевка. Супруга – Елена Константиновна Сомова.

СПАЙВИ Лудд (Spivey Ludd Myrl) (1886–1962) – президент Южного колледжа Флориды (Florida Southern College, USA) в течение 32-х лет, с 1925 по 1957. Вместе с восточным архитектором Фрэнком Райтом начал проектирование и строительство новых зданий Южного колледжа, ставшего одним из крупнейших образовательных центров в мире по количеству построенных объектов инфраструктуры. Пригласил ГДГ преподавать в Южный колледж Флориды.

СПАСОВСКИЙ Михаил Михайлович (1890–1971) – публицист, общественный деятель. Псевдоним – Михаил Гротт. Родился в дворянской семье в СПб. Посещал СПб университет (1915), издавал студенческий журнал «Вешние воды» (вместе с В. В. Розановым). Окончил Академию художеств по классу архитектуры (1924). Невозвращенец (с 1926). В Персии состоял первым архитектором архитектором шаха Реза Пахлеви. Жил в Индии и Китае, в Шанхае издавал газету «Наш путь» (с 1941). С 1949 проживал на Тайване, с 1955 – в Австралии. Издал книгу «В. В. Розанов в последние годы своей жизни» (1939). Сотрудничал с национал-патристическими изданиями: «Двуглавый орел», «Сигнал», «Фашист», «Часовой», др. Автор книг: «Возврат на землю» (1941) и «Государственная кооперация. Задачи грядущей России» (1941). Состоял в переписке с ГДГ. Жена – Надежда Александровна Спасовская (ум. 1968), художница.

СТРЕЛЬСКАЯ-АНДЕРСОН Катерина (Strelsky-Anderson Katharina) (1896–1993) – американская писательница, издатель, переводчица. Посвятила себя изучению русской литературы, трудов Достоевского и Льва Толстого, перевела на англ. яз. роман Достоевского «Идиот». Автор книги «Толстой и русские писатели» (1981). Подготовила переводы: повесть ГДГ «Ханство Батырбека» и фрагменты древнеиндийского эпоса «Махабхарата» («Наль и Дамаянги», др.). Муж – участник Белого движения, агроном

Никандр Иосифович Стрельский (1892–1946); вместе с ним приобрела землю в Чураевке. Состояла в дружеских отношениях с Рерихом и ГДГ, интересовалась учением «Живая Этика», сотрудничала с МНР (читала лекции). Преподавала в ряде университетов. Умерла в г. Миддлсекс (шт. Нью-Джерси). Архив находится в Гарварде, Массачусетс, и содержит эмигрантские материалы, в том числе о муже Н. И. Стрельском и его окружении.

СТРУВЕ Глеб Петрович (1898–1985) – поэт РЗ, литературовед, переводчик. Сын историка П. Б. Струве. В 1918 вступил в Добровольческую армию генерала Алексеева. Эмигрировал с отцом в Лондон (1919). Преподавал в Лондонском и Калифорнийском университетах. Издал сборник стихов «Утлое жильё» (1965). Автор книги «Русская литература в изгнании» (1956), где подверг критике литературное творчество ГДГ.

СТРУВЕ Пётр Бернгардович (1870–1944) – историк, экономист, политический деятель, публицист. Редактор журнала «Русская мысль» (Прага) и газеты «Возрождение» (Париж). Высоко оценил литературные достоинства романа ГДГ «Чураевы» (1922), настаивал на публикации романа в своем пражском журнале.

СУРГУЧЁВ Илья Дмитриевич (1881–1956) – русский прозаик, драматург, литературный критик. Эмигрировал в Константинополь (1920), затем – в Прагу и Париж (1921). В 1940 – председатель двух секций Объединения русских деятелей культуры и искусства (т. н. Сургучёвский союз писателей). В период оккупации Франции – организатор и руководитель «Театра без занавеса» (1942–1944), дававшего спектакли на сцене парижской консерватории. Пьеса «Осенние скрипки» (1915) с успехом шла на сцене МХТ. За рубежом написаны: пьеса «Реки Вавилонские» (1922), «Эмигрантские рассказы» (1927), повесть «Ротонда» (1928). Рецензировал пьесы ГДГ.

ТАГОР Рабиндранат (1861–1941) – индийский поэт, композитор, выдающийся просветитель. Получил Нобелевскую премию по литературе (1913) за поэтический сборник «Гитанджали». Писатель ГДГ, так же как и художник Н. К. Рерих, состоял в переписке с Тагором.

ТАЧАЛОВ Иван Иванович (1879–1929) – русский поэт, беллетрист. Уроженец Барнаула. В 1910-е получил известность в Сибири как автор «Казачьей марсельезы» и сатирической поэмы «Егорка». За публичное чтение поэмы был выслан за пределы Сибири. Зарабатывал на жизнь торговлей газетами и торговой мелочью. Жил в Томске (1907–1911), где познакомился с ГДГ. Печатался у него в газете «Жизнь Алтая» (1912–1913). Автор сб. стихов «Аккорды мысли» (СПб, 1910). После 1917 – зав. клубом, библиотекой, детским домом. Жил в Москве. Посмертно опубликована «Мрачная повесть» с предисловием Максима Горького.

ТЕРЕЩЕНКО Валерий Иванович (1901–1994) – крупный ученый, один из первых в СССР специалистов по менеджменту,

автор книг по организации управления. По материнской линии происходил из казацкого рода на Кубани. Во время Гражданской войны мобилизован в военное училище, участник Добровольческого движения. Эмигрировал в Константинополь (1920), около десяти лет прожил в Праге. В 1930 переехал в США, окончил Колумбийский университет. Старший экономист в Департаменте сельского хозяйства США. В 1960 вернулся на Родину, работал в НИИ экономики Минсельхоза Украины. Преподавал в Киевском университете. Автор мемуаров «Америка, в которой я жил» (Киев, 1963). Состоял в дружеских отношениях с ГДГ. Сотрудничал с МНР.

ТОЛСТОЙ Илья Львович, граф (1866–1933) – писатель, журналист, лектор. Сын русского классика Льва Толстого. Основал газету «Новая Россия» (1915). Во время ПМВ покинул Россию (1916) для чтения лекций в США. Поселился в Нью-Йорке, затем в 1923 переехал в Southbury (шт. Коннектикут), где вместе с ГДГ основал русскую деревню Чураевку (1925). Принимал участие в культурной жизни эмиграции. Добился экранизации романа отца «Воскресение» в Голливуде.

ТОМИЛИНЫ, проф. Константин Аркадьевич и его жена Елена Владимировна. Сибиряки. Проживали в эмиграции в Австрии (Зальцбург). Состояли в дружеских отношениях с ГДГ.

ТРУМЭН Гарри (Truman Harry) (1884–1972) – американский государственный деятель, 33-й президент США от Демократической партии (1945–1953). С его именем связано продолжение социально-экономических реформ президента Рузвельта и начало холодной войны с СССР. Выступил за жесткое противостояние коммунистическим силам в мире и утверждение единоличного лидерства США на международной арене. Обменивался письмами с ГДГ.

ТУКАЛЕВСКИЙ Владимир Николаевич (1881–1936) – российский-чешский историк, библиограф. Родился в Полтаве, работал журналистом в Киеве (до 1905). Окончил историко-филологический факультет СПб университета (1911). Служил в Гос. банке России (1917). После ареста в 1918 эмигрировал в Финляндию, руководил русской школой в Териоки, агентством «Политические известия». В 1923 переехал в Прагу, где возглавил библиотеку объединения российских земских и городских деятелей «Земгор». Основал знаменитую Славянскую библиотеку (при содействии Эдуарда Бенеша, министра иностранных дел Чехословакии). Руководил в библиотеке русским отделом вплоть до смерти. Будучи в Финляндии, оказывал содействие соотечественникам в оформлении эмигрантских виз в страны Европы.

ТУЛЬПА Леонид Васильевич (1893–1972) – педагог, поэт, писатель, скульптор, иконописец. Родился в Ачинске Енисейской губернии в семье педагогов. Учился в Московском университете. С 1919 – глава представительства Сибирской Ассоциации маслоделов в Бостоне (США). Невозвращенец. Проявил себя в Америке на nive образования. Преподавал общественные и естественные

науки в разных учебных заведениях, среди них: Русско-Американский институт в Кембридже, Школа религиозного образования и социального обеспечения при Бостонском университете, общеобразовательная школа «Derby Academy» (шт. Массачусетс), летний лагерь для детей «Mishe Mokwa» (шт. Нью-Гемпшир). Организовал несколько частных школ, занимая в них пост директора и педагога одновременно. Основал Общество распространения полезных знаний среди эмигрантов (1926), прочитал 400 лекций. Последние годы своей жизни работал в Подготовительной школе Беркли, в г. Тампе (шт. Флорида). Публиковался в русскоязычных журналах и газетах. Автор книги «Religious Education as Character Training» (New York, 1935). Ближайший друг ГДГ.

УЛЬЯНОВ Всеволод Фёдорович (1880–1940) – русский художник (живопись, графика, монументальное искусство) и педагог. Преподавал рисунок, черчение, стилизацию в Екатеринбургской художественно-промышленной школе. В эмиграции – после 1918, жил в Лос-Анджелесе (с 1920), где имел собственную студию. Занимался росписью интерьеров общественных зданий. Сотрудничал с ГДГ по оформлению книг, выпускаемых книгоиздательством «Алатас». Сделал цветные иллюстрации к поэме ГДГ «Златолав», но опубликовать их не удалось из-за дороговизны издания. Также создал иллюстрации к сказке ГДГ «Хан-Алтай» (местонахождение неизвестно).

УМОВ Иван Павлович (1883–1961) – дипломат, пианист, поэт РЗ. Российский вице-консул в Александрии (1913). В совершенстве владел десятью европейскими и восточными языками. В 1936 окончил Лондонскую консерваторию по классу фортепиано, концертировал, преподавал. Стихи писал на многих языках. Единственный поэтический сборник «Незримый гость» (1949) опубликован издательством «Алатас». Имел обширную переписку с ГДГ.

УШАКОВ Иван Иванович (1870–1962) – народный учитель, общественный и политический деятель Российской империи; член II Государственной думы от области Войска Донского (1907). Занимался предпринимательством (Общество взаимного кредита, угольные и нефтяные промыслы, судоходное дело на Дону). В 1920 эмигрировал в Константинополь, затем – в США. Жена – Е. А. Ушакова, организовала в Нью-Йорке швейную мастерскую. Супруги приобрели у ГДГ участок земли, построили дом и поселились в русской деревне Чураевке. Похоронены оба на кладбище в Саутбери (Southbury).

ФЁДОРОВ Александр Митрофанович (1868–1949) – русский прозаик и поэт, драматург, переводчик. В начале XX в. заявил о себе как поэт, выпустил несколько сборников, один из них, «Сонеты» (1907), отмечен влиянием И. А. Бунина. Автор романов и сб. рассказов. Эмигрировал в Софию (1920). Председатель Союза русских писателей и журналистов в Болгарии (1930). Написал просоветскую поэму «Неопалимая купина» (1942), получил па-

спорт СССР по окончании ВОВ. В 1918 на его одесской даче, район Большого Фонтана, жили писатели, в том числе ГДГ с супругой.

ФОВИЦКИЙ Алексей Леонидович (1876/81–1931) – педагог, журналист. Родился в Орле. Сын философа Л. Е. Оболенского, преподавателя Московского университета. Директор гимназии в Екатеринославле. В эмиграции – с 1921. Редактор газеты «Новое русское слово». Член правления Общества изучения русской эмиграции в Америке (1924), преподаватель Русского народного университета в Нью-Йорке. Умер 2 авг. 1931 в Рокавей Пойнте, шт. Нью-Йорк. Жена – Иванова-Фовицкая Евгения Ивановна. Супруги Фовицкие часто посещали Чураевку, состояли в дружеских отношениях с ГДГ.

ФОКИН Михаил Михайлович (1880–1942) – русский, американский артист балета, хореограф. Работал с Анной Павловой и Сергеем Дягилевым. Жена – Фокина Вера Петровна (1886–1958), известная балерина. Весной 1918 Фокины уехали на гастроли в Швецию, через год переселились в США. Открыли в Нью-Йорке балетную школу (1921). Сотрудничали с МНР, преподавали. Поддерживали дружеские отношения и переписку с ГДГ.

ФОНДАМИНСКИЙ Илья Исидорович (1880–1942) – участник революционных событий 1905, политический и религиозный деятель; публицист, издатель. Жил в эмиграции в Париже (с 1919). Один из редакторов журнала «Современные записки», где в 1921–1922 состоялась первая публикация романа ГДГ «Чураевы» («Братья»).

ФОСДИК Зинаида Григорьевна (по первому браку – Лихтман, с 1939 – Фосдик) (1889–1983) – пианистка; ближайшая сотрудница Рерихов. Родилась в Одессе, музыкальное образование получила в Лейпциге, затем в Берлине и Вене у Леопольда Годовского. В 1912 вместе с мужем М. М. Лихтманом эмигрировала в Америку, где супруги открыли фортепианную школу. В 1921 фортепианная школа Лихтманов волилась в Школу объединенных искусств (Master School of United Arts), основанную совместно с Н. К. Рерихом в Нью-Йорке. Состояла директором Школы (преобразованной в Мастер Институт объединенных искусств), вице-президентом МНР и вице-президентом Института Гималайских исследований «Урусвати»; член совета директоров акционерного общества «Белуха». После закрытия МНР (1936) продолжила культурную деятельность, начатую Рерихами, при ее участии основана Американско-Русская культурная ассоциация (АРКА), которая сыграла большую роль по сближению народов США и СССР во время ВМВ. В 1949 воссоздала и возглавила новый музей Николая Рериха в Нью-Йорке.

ХОЛЛАНД Спессард (Holland Spessard Lindsey) (1892–1971) – американский адвокат и политик. Губернатор Флориды (1941–1945), сенатор от шт. Флорида в Конгрессе США (1946–1971), демократ, представитель консервативной фракции в Конгрессе. Поддерживал ГДГ в его деятельности по укреплению дружбы

между народами США и СССР, в этой связи выступил в Конгрессе с рядом инициатив.

ХОРШ Луис Леви (Horch Louis Levy) (1888–1979) – американский бизнесмен, президент МНР (1923–1936). Член совета директоров акционерного общества «Белуха». В 1920-е и до середины 1930-х финансировал деятельность МНР и других культурных учреждений, созданных Н. К. Рерихом в США, в том числе его первую экспедицию в Центральную Азию (1925–1928). Автор статей о художественной деятельности Рериха. После ликвидации МНР открыл в том же здании «Риверсайд музей» и стал его бессменным директором (1936–1976). С 1938 являлся советником министра земледелия Г. Уоллеса в правительстве США, менеджер Совета по экономике во время войны (с 1942), директор Департамента торговли при правительстве Нью-Йорка (с 1945).

ХОРШ Нетти (Horch Nettie) (1896–1991) – жена и соратница Луиса Хорша. Президент американского Общества друзей МНР, организатор ряда крупных культурных акций от имени музея. Член совета директоров акционерного общества «Белуха». Вице-президент Риверсайд музея (с 1936).

ХРАБРОВИЦКИЙ Александр Вениаминович (1912–1989) – советский литературовед, писатель и краевед; известен своими исследованиями творчества В. Г. Короленко и ГДГ. Состоял в переписке с Т. Д. Гребенщиковой.

ЦВИЛИНСКИЙ Петр Евстафьевич – мировой судья. У него ГДГ служил письмоводителем в селе Шемонаиха на Западном Алтае.

ЧЁРНЫЙ Саша (Гликберг Александр Михайлович) (1880–1932) – русский поэт, прозаик, журналист. Автор популярных сатирических стихотворных фельетонов. Участник ПМВ. В 1920 эмигрировал, жил в Литве, Германии, Италии; в 1924 переехал в Париж. В 1929 поселился в русской колонии на Лазурном берегу, в деревне Фавьер. Был дружен с ГДГ, состоял с ним в переписке (письма утеряны в дни немецкой оккупации).

ШАРОВ Пётр Фёдорович (1886–1969) – актер Московского художественного театра, театральный режиссер, педагог. В составе Качаловской труппы МХТ выехал за границу через Константинополь. Гастролировал по Европе, несколько лет работал в Пражской группе М. Н. Германовой (1923–1927). Будучи в Берлине, поддерживал дружеские и творческие отношения с ГДГ (участвовал в литературных вечерах писателя и постановке его пьес). В 1929 переехал в Италию, осуществлял постановки в разных театрах. Организовал в Риме театр «Eliseo» (1938), основал Свободную театральную академию (1945). Возглавил Национальный театр Амстердама в Голландии (1949), на протяжении двадцати лет ставил русскую классику (пьесы Гоголя, Чехова, Островского, Горького). Создал свою школу, воплощая идею театра как «идеальной семьи».

ШАФРАН Софья Михайловна (1871–1954) – входила в круг ближайших сотрудников Н. К. Рериха в Америке. Мать З. Г. Фосдик (Лихтман). Проявляла большой интерес к эзотерическим знаниям. Пользовалась популярностью среди учащихся и преподавателей Мастер Института объединенных искусств. Отвечала за прием гостей и чайную комнату в нью-йоркском Музее Рериха, в работе ей оказывала помощь Т. Д. Гребенщикова (1924–1925).

ШВЕЦОВ Борис Алексеевич (1873–1939) – происходит из династии купцов Кяхты (на границе с Монголией), занимавшихся торговлей чаем. Унаследовал дело отца, создавшего торговый дом «А. В. Швецов и сыновья». Сферу интересов, помимо розничной продажи чая, составляли экспорт сибирской пушнины, мануфактура, хлопковые плантации, сахарный завод и недвижимость в Москве (46 домов). Годовой доход на 1914 – 7 млн золотых руб. После революции большая семья Швецовых обосновалась в Крыму, в 1919 выехали на Кавказ, откуда во Францию. Поселились на Лазурном берегу, в Ницце. ГДГ познакомился со Швецовыми в Ялте, на одном из литературных вечеров. Снова встретился с ними в Ницце, договорился о строительстве для них дачного дома на Лазурном берегу, в окрестностях Лаванду (дер. Фавьер).

ШВЕЦОВА Аполлинурия Алексеевна (1877–1960) – супруга Б. А. Швецова. Состояла в дружеской переписке с ГДГ начиная с 1920-х, более 30-ти лет.

ШИРЯЕВ Евгений Николаевич (1887–1945) – живописец, график, сценограф. Учился в Высшем художественном училище при ИАХ (1910–1912); не окончив курса, уехал в Париж (1913). На раннем этапе испытывал влияние творчества С. Ю. Судейкина. Участвовал в парижских выставках.

ШИШКОВ Вячеслав Яковлевич (1873–1945) – писатель, инженер. Публиковал повести и рассказы о Сибири. Близкий по духу и литературным темам товарищ ГДГ, принимал деятельное участие в судьбе его сына Анатолия. Последние годы жизни работал над исторической эпопеей «Емельян Пугачёв».

ШКЛЯВЕР Георгий Гаврилович (1897–1970) – юрист, профессор международного права Парижского университета; приемный сын петербургского банкира и присяжного поверенного Г. Г. Шклявера. Обучался в СПб университете и в Сорбонне. Участник ПМВ. В эмиграции в Париже (1919). Секретарь Французского Общества друзей МНР, генеральный секретарь Комитета Пакта Рериха в Париже. Как юрист принимал участие в разработке документов Пакта Рериха (международного документа об охране памятников искусства и науки во время войн и вооруженных конфликтов). Автор статей о Пакте. Во время ВМВ лейтенант французской армии при английском штабе. В 1945 член ЦК и юриконсульт Союза советских патриотов. Выполнял поручения по книготорговому вопросам издательства «Алатас».

ШМЕЛЁВ Иван Сергеевич (1873–1950) – русский писатель. Принял Февральскую революцию, но отверг Октябрьскую, уехал

в Крым (1918). Жил в Алуште, где познакомился с ГДГ. Будучи свидетелем страшного голода и террора, описал всё пережитое в повести «Солнце мертвых» (1923). Сильное потрясение получил после смерти единственного сына, белого офицера, расстрелянного большевиками в Крыму (воевал в Добровольческой армии Деникина). В 1922 был выдворен из Советской России. В эмиграции окончательно поселился в Париже. Плодотворно работал, большую известность принесли романы «Богомолье», «Лето Господне», «Няня из Москвы», др. Издал переработанную версию автобиографического очерка «Старый Валаам» (1935). ГДГ оставил о нем воспоминания.

ШТЕРН Сергей Фёдорович (1886–1947) – адвокат, журналист и литератор; сотрудник редакции парижской газеты «Общее дело». Член совета «Земгор».

ЯДРИНЦЕВ Николай Михайлович (1842–1894) – русский ученый, исследователь Сибири и Центральной Азии, публицист, общественный деятель. Один из основателей Сибирского областничества (вместе с Г. Н. Потаниным). Был арестован по делу «Общества независимости Сибири», отбывал заключение в тюрьме Омска. В научном плане является первооткрывателем азиатских древностей: столицы Чингисхана Каракорума и столицы Уйгурского каганата в Монголии (Орду-Балык), также древнетюркских памятников на реке Орхон. Как член Географического общества совершил первую комплексную экспедицию на Алтай (1878) и следующую – на Телецкое озеро и реку Чую (1880) для составления географических карт и в дальнейшем посетил почти все районы Горного Алтая. Г. Н. Потанин считал ГДГ продолжателем дела Ядринцева.

ЯКУШЕВ Иван Александрович (1882/1884–1935) – политический и общественный деятель. Активный член движения сибиряков-областников. В эмиграции в Праге. Издатель и редактор журнала «Вольная Сибирь» (1927–1930) и сб. «Сибирский архив» (1929–1935). Состоял в переписке с ГДГ. Инициатор создания Общества сибиряков в Америке (председатель – ГДГ) и во Франции (председатель – И. А. Кирилов).

ЯНОВСКИЙ Николай Николаевич (1914–1990) – историк литературы, критик, автор книг о писателях Сибири. С 1950 – сотрудник журнала «Сибирские огни» (Новосибирск), а с 1964 – заместитель главного редактора (по 1972). Пионер среди исследователей творчества ГДГ, опубликовал роман «Чураевы» («Братья»), повести «В полях», «Ханство Батырбека», «Любава» (1969–1984), биографию сибирского периода жизни писателя. Состоял в переписке с Т. Д. Гребенщиковой.

ЯШВИЛЬ Наталья Григорьевна, княгиня (1861–1939) – русская художница, иконописец, меценат; церковный и культурный деятель РЗ. Председатель Общества взаимопомощи русских женщин в Праге. Стояла у истоков научного семинария им. Н. П. Кондакова. По заказу Н. К. Рериха написала икону св. Иосафа, царевича Индийского, для часовни в Гималаях.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббат Пауло 393, 423, 511
Абрамов Ф. А. 9
Авксентьев Н. Д. 107
Агафонов Е. А. 423, 511
Алданов М. А. 146-147, 457, 479, 511
Александр II Романов 100
Александрова В. А. 480, 483, 511
Алексеев Н. А. 293
Алексей Николаевич (Романов),
цесаревич 437-438, 446, 464
Алексий (Дехтерёв), архиеп. 74,
75, 89, 512
Альтшуллер И. Н. 72, 512
Амфитеатров А. В. 59
Амфитеатров-Кадашев В. А. 59
Апшоу Ланиер 410
Апшоу Фрэнсис 410
Ачаир А. А. 290, 298, 330
Бабош-Королёвы 31
Бак Перл 335, 424-425, 512
Бальмонт К. Д. 98, 114, 146, 150-162,
175, 188, 256, 339, 361, 369, 457, 512
Бальмонт М. К. 361, 408
Баррет Эдвард 432, 512
Бассет Генри 391
Бахметьев В. М. 45
Бебутова Ольга, кн. 410
Бейер А. А. 78, 513
Беккаревич Б. Н. 341, 513
Белоблодская М. 247
Белослюдов А. Н. 40
Белоусов Е. Я. 104
Бельянинов, поэт 474
Бенуа А. Н. 117
Березовский Е. П. 298
Бескид С. О. 11, 393, 491, 513
Билибин И. Я. 116, 287, 289
Блэкстоун Харриет 335, 423, 513
Болеславский Р. В. 234
Больм Адольф 234
Боровский А. К. 104
Бородин Д. Н. 278, 513
Боссар Э. 108, 119, 140
Брешко-Брешковская Е. К. 135,
136
Бродская Н. М. 330, 331
Бродский Э. С. 174, 326, 328-329
Бромберг А. Г. 326
Буайе Поль 140, 194, 514
Булгаков Л. Н. 234, 235
Булгакова В. П. 234
Булин В. П. 202, 208-209, 514
Бунин И. А. 52, 57-58, 65, 81, 83,
85, 98, 102-103, 105, 111, 119, 131-136,
138-149, 151-152, 162, 210, 339, 361,
408, 418, 424, 457-458, 479, 482, 514
Булгина В. Н. 133, 254, 514
Бурлюк Д. Д. 423
Бурцев В. Л. 98, 514
Вавилов Н. И. 278
Ван Розен 449
Варжинский В. П. 244
Васильев Н. В. 328, 348
Васильева Т. И. 327, 330
Вениамин (Казанский), свящ. 200
Вениамин (Кедровский), свящ. 176
Вернадский В. И. 183, 338
Вернадский Г. В. 306, 339, 415, 419,
514
Видор Кинг 469

- Вильямс Ф. С. 174
 Вишняк М. В. 107
 Волков Б. Н. 290
 Волкова М. А. 98, 196, 199, 514
 Волошин А. А. 383, 515
 Волошин М. А. 166
 Врангель Л. С. 116
 Врангель Н. А. 116
 Врангель П. Н. 80, 91-92
 Вяткин Г. А. 40
 Газданов Г. И. 118
 Германова М. Н. 216, 219, 224, 357-358, 378-379, 515
 Гест Морис 235, 236
 Гиппиус З. Н. 83, 98, 119, 139-140, 254, 457
 Глазунов А. К. 179
 Голохвастов Г. В. 437, 449, 454, 515
 Гончарова Н. С. 117
 Горький А. М. 27, 40, 81, 124, 131, 133, 172, 215, 227, 515
 Грант Ф. Р. 259, 272, 275, 377, 515
 Гребенщиков А. Г. 28-29, 55-56, 64, 89, 100, 200, 214-215, 217, 411, 515
 Гребенщиков Д. Л. 20-22, 24, 27, 55, 516
 Гребенщикова Е. П. 20-26, 55, 516
 Гребенщикова (Степанова) Л. Н. 28-29, 55-56, 64, 100, 214-215, 516
 Гребенщикова Т. Д. (Нару) 10, 56, 58-60, 64, 69, 78, 83, 89, 97, 100, 113, 128, 133, 151, 169, 178, 181, 188-189, 194-197, 201, 213-214, 239, 254-255, 259, 262, 263, 265, 267, 273-275, 306, 308, 327, 330, 333, 341-342, 352-353, 373-374, 380, 389, 391, 397, 400, 402, 410-411, 413, 422, 430, 432, 470, 482, 484-492, 516
 Гречанинов А. Т. 117, 414-418, 516
 Грызлов А. Г. 298
 Гувер Герберт 335, 337-338, 348
 Гувер Лу 335-337
 Гуковский А. И. 103
 Гуркин Г. И. 40, 45, 517
 Гусев Н. Н. 310
 Гусев-Оренбургский С. И. 419, 517
 Даниил (Александров), еп. Ирийский 11, 178, 486, 517
 Дерюжинский Г. В. 266, 267
 Довгелло-Ремизова С. П. 254
 Дон-Аминадо (Шполянский) 117
 Донской С. 244
 Достоевский Ф. М. 74, 77, 266, 451
 Дукельский В. А. (Вернон Дюк) 75, 517
 Дунаев Л. А. 315, 326, 351
 Дункель Е. Б. 237
 Елин Борис 314, 315
 Елина Ариадна 314, 315
 Елпатьевский С. Я. 57, 66, 82, 517
 Ермак Тимофеевич 282, 349, 358, 360, 404, 444
 Жаров С. А. 488
 Жекулина А. В. 81, 82, 517
 Завадская М. А. 251, 267, 518
 Завадский В. В. 12, 179, 180, 183, 185, 188, 201, 251-252, 254, 259, 267, 270, 306, 361, 419, 518
 Зайцев Б. К. 146, 151, 408, 479, 518
 Залшупин С. А. 171, 198
 Замотин И. Ф. 383, 394, 419, 455, 461, 489, 518
 Зарочинцев М. Т. 419
 Зеелер В. Ф. 480, 481, 518
 Зелинский Г. Т. 47
 Зелюк О. Г. 83, 93-94, 169, 197, 518
 Зилоти А. И. 422
 Иванов В. С. 306, 383, 449, 456
 Иванова-Фовицкая Е. И. 290, 313
 Игнатъев А. Д. 244
 Иконников А. Е. 102, 106
 Ильяшенко В. С. 318, 321, 519
 Имшенецкий А. З. 358, 519
 Иннокентий (Быстров), свящ. 494
 Иннокентий (Серышев), свящ. 177, 290, 459, 460, 519
 Иоанн (Крашкевич), свящ. 386

- Исаков С. И. 45
Кайданова-Берви О. В. 419
Казанский П. А. 39, 40, 45
Калитинский А. П. 358, 379
Каменский В. Н. 82
Карпов Е. П. 30, 39, 519
Качалов В. И. 76-77, 216-217, 219
Кент Рокуэлл 266
Кибальчич В. Ф. 314
Кин П. В. 326
Кирилов И. А. 112, 519
Клейнборт Л. Н. 20
Книппер-Чехова О. Л. 76-77, 217, 256
Коварская Л. А. 108-109, 112, 127, 491, 519
Коварский И. Н. 94, 108-109, 112, 127, 361, 419, 491, 520
Козлов Ф. М. 234
Колокольникова М. Н. 290
Колчак А. В. 102
Кондаков Н. П. 134
Конёнков С. Т. 306, 383, 520
Константин Константинович, Романов, Вел. кн. 134
Константинов П. Ф. 419
Короленко В. Г. 109
Кошиц Н. П. 267
Красин Л. Б. 277-279, 315
Краснов П. Н. 11, 108, 452-454, 457, 520
Крейн Джон 194
Крейн Чарльз 194
Крестинский Н. Н. 277
Крыжановская М. А. 217, 256
Куприн А. И. 81, 83, 98, 108, 111, 117, 119, 139, 141, 145, 151, 156, 188
Куренко М. М. 290, 377
Кэруи Эдвин 309, 316-317
Ладыженский В. Н. 59
Лазарев И. В. 234-235, 237-239, 243, 280, 520
Лазарева М. Н. 243
Ларионов М. Ф. 117, 423
Лауб Тамара 244
Ленин В. И. 448
Леонтий (Туркевич), митр. 385, 404, 431, 521
Лесс Карл 393
Литвинов М. М. 297
Лихтман З. Г., см. Фосдик
Лихтман М. М. 259, 275, 278, 373, 494, 521
Лихтман Эстер 259, 272, 275, 521
Лукаш И. С. 66
Лукин Я. С. 290
Лукомский А. С. 80, 82-83, 97, 111, 454, 521
Лунд Харри 394
Лядов А. К. 200
Магеровский А. Ф. 490, 521
Мазурова А. Н. 209, 522
Маклаков В. А. 68
Мансветов Ф. С. 293, 341, 522
Мансветова С. А. 341
Мао Цзэдун 460
Мария Павловна, кн. (мл.) 383
Массалитинов Н. О. 76-77, 216, 221, 224-225, 256
Мельгунов С. П. 458, 522
Мережковский Д. С. 83, 98, 108, 119, 139-140, 142-143, 210, 437, 440, 457, 482
Метальников С. И. 116
Метерлинк Морис 220, 235, 522
Мечникова О. Н. 116
Миловзоров Василий 327, 330
Милюков П. Н. 107-108, 116, 522
Митин Николай 411-412, 491
Михайлова О. М. 252
Монго Анри 108, 119, 128, 140, 522
Мордкин М. М. 267
Москвин И. М. 189
Москов Е. А. 290, 341, 374, 448-451, 523
Мунди Тальбот 373
Мусин Н. А. 484, 491, 523
Набоков В. В. 98, 479

- Наживин И. Ф. 108
Нелидова-Фивейская Л. Я. 176, 290, 306, 421, 449, 523
Немирович-Данченко В. И. 238, 239
Николай (Васильев), свящ. 415
Николай II Романов 134, 200, 386, 437-438, 446, 450-452, 457, 461-464, 466, 468
Николай (Успенский), свящ. 318
Новгород-Северский И. И. 209, 523
Нольде Л. А., граф 326, 523
Оболенский А. А. 419
Оболенский В. А. 115
Ольга Александровна (Романова), Вел. кн. 385, 386, 523
Орлов Н. А. 108, 524
Остоя Владимир 315
Павел (Адамантов), свящ. 201
Павлова А. П. 234
Панцерный Павел 403
Пепеляев А. Н. 102
Петров А. С. 341
Пилкин В. К. 102, 524
Пинегин Н. В. 66-67, 69, 78, 370, 524
Пиотровский А. С. 45
Платон (Рождественский), митр. 371, 383, 524
Плевицкая Н. В. 239, 306
Плещеев П. Ф. 27, 524
Поволоцкий Я. Е. 138-139, 213, 524
Потанин Г. Н. 34-37, 186, 525
Потоцкая С. П. 358
Потоцкий Д. Н. 358, 377, 525
Потресов С. В. (Яблоновский) 98, 112, 114, 126, 152, 209, 408, 525
Пушкин А. С. 25-26, 391, 440
Райт Фрэнк 392
Рамбова Наташа 373
Распутин В. Г. 9
Распутин Г. Е. 463-468, 525
Рахманинов С. В. 145, 239, 306, 315, 422
Раштанова Наташа 411, 412, 491
Рейнгардт Макс 235, 237
Ремизов А. М. 146, 151, 156, 170-171, 188, 197, 234, 252-253, 339, 457, 479, 525
Рерих Е. И. 189-190, 280-281, 294, 299-302, 358, 373-374, 526
Рерих Н. К. 10, 94, 140, 156-157, 165-172, 175, 179-198, 203, 209, 234-235, 237, 251-254, 257, 259-261, 265-266, 274-279, 281, 285, 290-300, 306, 315, 332, 340, 347-358, 361, 371-373, 377, 379, 382-383, 406, 445-446, 454, 475, 526
Рерих С. Н. 10, 75, 187, 195, 198, 275, 280, 294, 356, 373, 377, 526
Рерих Ю. Н. 294, 347-348, 351, 353-356, 358, 373, 526
Родзянко Т. Н. 357, 359, 383, 527
Рощина-Инсарова Е. Н. 223-224, 410, 527
Рублёв Андрей 383
Рузвельт Ф. Д. 297
Рылеев К. Ф. 440
Саблина-Дольская М. А. 30, 527
Савицкая Л. И. 256, 527
Савченко И. Г. 142, 195, 239, 290, 405, 408, 410, 429, 470, 486, 491, 527
Сватиков С. Г. 112, 528
Селиванова Н. Н. 274, 528
Семёнов А. С. 45
Сергеев-Ценский С. Н. 59, 66, 134
Сергиевский Б. В. 340
Сергий Радонежский, св. 145, 266, 293, 319, 343, 354-355, 359, 361, 371-374, 379, 382, 384, 414
Серебренников Е. А. 385
Сикорская Е. А. 11, 340-341, 373, 425, 491, 528
Сикорский И. А. 176, 340, 343, 528
Сикорский Иг. Ив. 11, 145, 248, 293, 306, 339-341, 343, 361, 371, 373, 377, 393, 405, 419, 425, 454-455, 462, 468, 491, 528

- Сикорский Иг. Иг. 11, 425
Сикорский Н. Иг. 11, 373, 419, 425
Сикорский С. Иг. 373, 425
Сковилл Эдвард 308
Скоропадский П. П. 53
Смит Альфред 338
Соболева Нина 491
Соколов-Микитов И. С. 66
Сомов Е. И. 315, 326, 529
Сомов К. А. 315
Сорока Мария 314
Сохарев В. К. 419
Спайви Лудд 390, 393-394, 406, 529
Спасовский М. М. 440, 529
Сталин И. В. 403, 471, 472
Станиславский К. С. 224, 225
Старосельская В. Н. 59, 60
Стахий (Боричевский), свящ. 383
Стефан (Антонюк), свящ. 415
Столица Л. Н. 59
Страховая В. И. 76
Стрельская-Андерсон К. 174, 335, 342, 529
Струве Г. П. 480, 481, 530
Струве П. Б. 66-68, 103, 138, 530
Сургучев И. Д. 66, 224, 457, 530
Тагор Рабиндранат 262, 530
Тарасова А. К. 256
Таурит И. М. 410
Тачалов И. И. 40, 45, 530
Тенишева М. К. 179, 190, 470
Терапиано Ю. К. 479
Терещенко В. И. 341, 530
Терещенко Е. С. 341
Термен Л. С. 306
Тобук-Черкасс М. П. 252-254
Толстой А. Н. 108
Толстой И. Л. 174, 265, 280, 305-320, 322, 329, 351, 364, 531
Толстой Л. Н. 22, 34, 72, 109, 118, 127, 152, 194, 265-266, 308, 310-311, 318, 324-325, 360, 469
Томилины К. А. и Е. В. 493, 531
Томсен В. А. 326
Торчина Нина 244, 245
Тренёв К. А. 59, 66, 256
Трумэн Гарри 430, 433-434, 531
Трумэн Маргарет 433
Тукалевский В. Н. 214, 215, 531
Тульпа Л. В. 290, 306, 360-370, 374-377, 380, 531
Тургенев И. С. 28, 109
Тэффи Н. А. 83, 117, 140, 457, 479
Ульянов В. Ф. 158-160, 287, 439-441, 443, 447-450, 453-455, 532
Умов И. П. 176, 177, 532
Успенская Варвара 383
Успенская М. А. 234
Ушаков И. И. 325, 351, 532
Федотов Г. П. 415
Фёдоров А. М. 57, 63, 132, 134-136, 532
Фивейский М. М. 290, 306, 421
Филипенко И. П. 394
Фишер Фредерик 390
Фовицкий А. Л. 239, 265, 313, 327, 419, 533
Фокин М. М. 234, 239, 267, 377, 422, 533
Фокина В. П. 239, 377, 533
Фондаминский И. И. 104, 533
Фосдик З. Г. 259, 269, 275, 295-296, 373, 377, 491-492, 533
Фроман М. П. 77
Хмара Г. М. 234
Холланд Спессард 425-426, 434, 533
Хорш Луис (Логван) 181, 258-259, 262-263, 275, 278, 280, 335, 377, 491, 534
Хорш Нетти 259, 275, 534
Храбровицкий А. В. 490, 534
Хусейн Саид 406
Цветаева М. И. 117, 479
Цветковская Е. К. 159, 161
Цвилинский П. Е. 28, 534
Цетлина М. С. 418, 419

Чайка Г. А. 394
Черепнин Н. Н. 117
Чёрный Саша 115, 116, 534
Чехов А. П. 72
Чехов М. А. 145, 306
Чириков Е. Н. 66
Шаляпин Ф. И. 11-12, 133, 239, 306, 422
Шаров П. Ф. 76, 218, 256, 534
Шафран С. М. 259, 272, 275, 535
Шверник Н. М. 434
Швецов Б. А. 14, 110-112, 116, 139, 535
Швецова А. А. 110-112, 116, 408, 535
Шебеко В. Н. 134
Шестов Л. И. 108
Ширяев Е. Н. 199, 535
Шишков В. Я. 40, 45, 535
Шклявер Г. Г. 358, 535
Шмелёв И. С. 59, 66, 101, 105, 139, 146, 256, 408, 437, 457-458, 535
Штерн С. Ф. 98, 536
Шукшин В. М. 9, 10
Шуматова Е. Н. 383
Щербаков 28
Эйшишкин М. И. 133
Юшкевич С. С. 59
Яблоновский, см. Потресов
Ядринцев Н. М. 35, 37, 536
Яков (Григорьев), свящ. 415
Якушев И. А. 290, 455, 456, 536
Янковский 257
Яновский Н. Н. 9, 490, 536
Ярославский Б. 244
Яшвиль Н. Г. 357, 536

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Всё начиналось на Алтае	9
Глава I. Под святым Георгием	17
Глава II. Царьград, начало эмиграции	63
Глава III. Франция: год тяжелый, но добрый	97
Глава IV. Бунин, Бальмонт и другие	131
Глава V. Издатель русской книги	165
Глава VI. Театральные надежды	213
Глава VII. Певец Алтая	251
Глава VIII. Американская Русь	305
Глава IX. Во имя святого Сергия	347
Глава X. В просторах Америки	389
Глава XI. Построение Храма	437
Глава XII. Последние годы	479
Источники, архивные документы	497
Сокращения	509
Словарь имен	511
Именной указатель	527

Историко-биографическая серия

Росов Владимир Андреевич

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВ:
Сын Белухи

Редактор — Е. В. Алексеева
Дизайнер — Ю. В. Раменская
Корректор — Н. В. Каркавина
Верстка — В. С. Дмитриев

Подписано в печать 12.04.2021 г.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 2500 экз. Заказ №88

Отпечатано в типографии
ООО "Экселент"
г. Новосибирск
+7 953 887 07 69

